

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микроэлектроника*
Агрохимия	Мировая экономика и международные отношения
Азия и Африка сегодня	Молекулярная биология*
Акустический журнал*	Наука в России
Алгебра и анализ	Научное приборостроение
Астрономический вестник*	Нейрохимия*
Астрономический журнал*	Неорганические материалы*
Биологические мембраны*	Нефтехимия*
Биология внутренних вод*	Новая и новейшая история
Биология моря*	Общественные науки и современность
Биоорганическая химия*	Общество и экономика
Биофизика*	Океанология*
Биохимия*	Онтогенез*
Ботанический журнал	Оптика и спектроскопия*
Вестник РАН*	Палеонтологический журнал*
Вестник древней истории	Паразитология
Вестник ЮНЦ	Петрология*
Водные ресурсы*	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы философии	Поверхность*
Вопросы языкознания	Почвоведение*
Восток	Приборы и техника эксперимента*
Вулканология и сейсмология*	Прикладная биохимия и микробиология*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная математика и механика
Генетика*	Природа
Геология рудных месторождений*	Проблемы Дальнего Востока
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геоморфология	Проблемы передачи информации*
Геотектоника*	Программирование*
Геохимия*	Психологический журнал
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Радиационная биология. Радиоэкология
Государство и право	Радиотехника и электроника*
Дефектоскопия*	Радиохимия*
Дискретная математика	Расплавы
Дифференциальные уравнения*	Растительные ресурсы
Доклады Академии наук*	Российская археология
Журнал аналитической химии*	Российская история
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российский иммунологический журнал
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал неорганической химии*	Русская литература
Журнал общей биологии	Русская речь
Журнал общей химии*	Сенсорные системы
Журнал органической химии*	Славяноведение
Журнал прикладной химии*	Социологические исследования
Журнал технической физики*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал физической химии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	Теоретическая и математическая физика
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретические основы химической технологии*
Записки Российского минералогического общества	Теория вероятностей и ее применение
Земля и Вселенная	Теплофизика высоких температур*
Зоологический журнал	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Успехи математических наук
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия географическая	Физика Земли*
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика плазмы*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика твердого тела*
Известия РАН. Энергетика	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Известия русского географического общества	Физиология растений*
Исследование Земли из космоса	Физиология человека*
Кинетика и катализ*	Функциональный анализ и его применение
Коллоидный журнал*	Химическая физика*
Координационная химия*	Химия высоких энергий*
Космические исследования*	Химия твердого топлива*
Кристаллография*	Цитология*
Латинская Америка	Человек
Лесоведение	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
Микробиология*	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

Номер 2

ISSN 0869-6063

Апрель - Май - Июнь
2010

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2010, № 2



РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 2 • 2010

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ



<http://www.naukaran.ru>



“Н А У К А”



Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2010

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

© Российская академия наук, 2010 г.
© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2010 г.



СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2010

Образ птицы в искусстве неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы <i>Жульников А.М., Кашина Е.А.</i>	5
Топоры из фатьяновских могильников у д. Новинки (Калининский р-н, Тверская обл.) <i>Волкова Е.В.</i>	18
Раннекатакомбные курьельницы степного Предкавказья <i>Панасюк Н.В.</i>	25
“Темные века” эпохи бронзы Южного Зауралья <i>Епимахов А.В.</i>	39
Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане <i>Гуцалов С.Ю.</i>	51
Новые данные об антропологическом типе сарматов <i>Балабанова М.А.</i>	67
Фрагменты молотилок из Усть-Альминского позднескифского некрополя в Крыму <i>Зайцев Ю.П., Хелльштрём К., Хохмут М.</i>	78
Города Поволжья как центры торговых связей Булгарии <i>Валеев Р.М.</i>	89
Минареты Золотой Орды <i>Зиливинская Э.Д.</i>	98
Зооморфный декор в керамике Самосдельского городища <i>Попов П.В.</i>	112

Публикации

Новые верхнепалеолитические памятники у хутора Дивногорье на Среднем Дону <i>Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н.</i>	125
Раннеэнеолитическая стоянка Альба 8 в верховьях Клязьмы <i>Цветкова Н.А.</i>	135
Позднеэнеолитическое ритуальное захоронение на Ставрополье <i>Савенко С.Н.</i>	147
Надгробия игуменьи Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре <i>Беляев Л.А., Романов Н.С., Шлионская Л.И.</i>	156

История науки

Сергей Александрович Теплоухов <i>Китова Л.Ю.</i>	166
--	-----

Критика и библиография

John F. Hoffecker, Scott A. Elias. HUMAN ECOLOGY OF BERINGIA. N.Y., 2007 <i>Кузьмин Я.В.</i>	174
---	-----

Цетлин Ю.Б. Неолит Центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008	
<i>Ошибкина С.В.</i>	176
О ранних памятниках буддийского искусства на Великом шелковом пути	
<i>Кошеленко Г.А.</i>	179

Хроника

Международный коллоквиум “Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jhs. n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)” (Франкфурт-на-Майне, 2009)	
<i>Родинкова В.Е., Радюш О.А.</i>	182
Геро фон Мергарт в истории российской и немецкой археологии (Международный симпозиум “Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири в 1914–1921 гг.” Марбург, 2009)	
<i>Детлова Е.В., Добиат К., Кузьминых С.В.</i>	186
К юбилею А.А. Медынцевой	
<i>Рождественская Т.В.</i>	189
Памяти академика Богуслава Хроповского	192

Сдано в набор 15.01.2010 г.	Подписано в печать 17.03.2010 г.	Формат бумаги 60 × 88 ¹ / ₈
Цифровая печать	Усл. печ.л. 24.0	Усл.кр.-отг. 15.2 тыс.
	Тираж 619 экз.	Уч.-изд.л. 25.5
	Зак. 158	Бум.л. 12.0

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

No. 2, 2010

The bird image in Neolithic – Eneolithic art of the forest zone of Eastern Europe <i>Zhulnikov A.M., Kashina Ye.A.</i>	5
Axes from Fat'yanovo cemeteries near Novinki village (Kalininsky region, Tver oblast') <i>Volkova He.V.</i>	18
Early Catacomb censers of the Ciscaucasia <i>Panasyuk N.V.</i>	25
The “Dark Ages” of the Bronze Age in the South Trans-Urals <i>Epimakhov A.V.</i>	39
Burial structures of Kyryk-Oba II cemetery in Western Kazakhstan <i>Gutsalov S.Yu.</i>	51
New data on the anthropological type of the Sarmatians <i>Balabanova M.A.</i>	67
Fragments of threshing sledges from the Late Scythian necropolis of Ust'-Al'ma in the Crimea <i>Zaitsev Yu.P., Hellstrom K., Hochmut M.</i>	78
Towns of the Volga region in the center of trade relations of the Bulgar Middle Ages <i>Valeev R.M.</i>	89
Minarets of the Golden Horde <i>Zilivinskaya Ye.D.</i>	98
Golden Horde décor in the pottery of Samosdelka fortified settlement <i>Popov P.V.</i>	112

Publications

New Upper Paleolithic sites near Divnogorie on the Middle Don <i>Bessudnov A.A., Bessudnov A.N.</i>	125
The Early Neolithic site Al'ba 8 in the upper course of the Klyazma <i>Tsvetkova N.A.</i>	135
Late nomadic ritual burial in Stavropol region <i>Savenko S.N.</i>	147
Gravestones of hegumeness Elena Devochkina and nun Theophania in the Novodevichiy Convent <i>Beliaev L.A., Romanov N.S., Shlionskaya L.I.</i>	156

History of Science

Sergey Aleksandrowitch Teplouchov <i>Kitova L.Yu.</i>	166
--	-----

Critics and Bibliography

John F. Hoffecker, Scott A. Elias. HUMAN ECOLOGY OF BERINGIA. New York: Columbia University Press, 2007 <i>Kuzmin Ya.V.</i>	174
--	-----

Tsetlin Yu.B. The Neolithic of the Center of the Russian Plain. Pottery ornamentation and the methods for cultural periodization. Tula, 2008	
<i>Oshibkina S.V.</i>	176
Monuments of early Buddhist art on the Great Silk Route	
<i>Koshelenko G.A.</i>	179

Chronicle

International colloquium “Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jhs. n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)” (Frankfurt am Main, 2009)	
<i>Rodinkova V.Ye.</i>	182
Gero von Merhardt in the history of Russian and German archaeology: (the International symposium Gero von Merhardt. A German Archeologist in Siberia in 1914–1921. Marburg, 2009)	
<i>Detlova Ye.V., Dobiat K., Kuzminykh S.V.</i>	186
Towards the jubilee of A.A. Medyntseva	
<i>Rozhdestvenskaya T.V.</i>	189
In memory of Academician Bohuslav Chropovsky	192

ОБРАЗ ПТИЦЫ В ИСКУССТВЕ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2010 г. А.М. Жульников*, Е.А. Кашина**

* *Петрозаводский государственный университет*

** *Государственный Исторический музей, Москва*

Образ птицы занимает одно из ведущих мест во многих мифопоэтических традициях. Огромное разнообразие мифологических птичьих образов зарегистрировано в культурах охотников-собирателей-рыболовов Северной Евразии. Богатство духовных представлений, связанных с образом птицы, нашло свое отражение и в первобытном искусстве.

Важными источниками по изучению образа птицы в неолите–энеолите лесной зоны Восточной Европы являются наскальные изображения (петроглифы) Севера России и искусство малых форм (скульптурные изображения и изображения на керамике) Севера и Центра России и сопредельных западных территорий – Беларуси и Восточной Балтии. Петроглифы были распространены на гораздо более узкой территории, чем искусство малых форм, однако мы вправе сопоставлять их прежде всего исходя из их синхронности. Кроме того, судя по имеющимся данным, рассматриваемая территория (включая и Фенноскандию) составляла в эпоху неолита–энеолита единый в культурно-хозяйственном отношении мир со сходным жизненным укладом, орудийно-вещевым набором и, что самое важное, духовными представлениями (Wyszomirska, 1984; Тимофеев, 1999).

Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить региональные, хронологические и функционально-семантические особенности использования образа птицы в наскальном творчестве и искусстве малых форм неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы. При рассмотрении функции и семантики образа птицы в мобильном искусстве основное внимание уделено анализу археологического контекста, включающего не только информацию о месте обнаружения изделия на памятнике, но и о результатах пространственно-хронологического изучения данной традиции. Выявление значения образа птицы в наскальном искусстве опирается в первую очередь не на анализ одиночных изображений, а на анализ композиций.

Образ птицы представлен во всех крупных скоплениях наскальных изображений Северо-Запада России (рис. 1) и Северной Фенноскандии.

На Онежских и Беломорских петроглифах фигуры птиц многочисленны, а в остальных крупных группах наскальных изображений Северной Европы они, напротив, единичны или вовсе отсутствуют.

По высотным и иным данным большая часть групп Онежских и Беломорских петроглифов датируется IV–III тыс. до н.э. (Жульников, 2006а; б; 2007). На Беломорских петроглифах наиболее ранними являются Северная и Южная группы Бесовых Следков. Наиболее поздними – группы Новая и Старая Залавруга, Золотец I (Савватеев, 1970; Столяр, 1977; Жульников, 2007). На Онежском оз., судя по результатам изучения палимпсестов, скопления изображений на мысах в районе Бесова Носа являются более ранними очагами наскального творчества и функционируют дольше, нежели петроглифы около устья р. Водла (Poikalainen, 2004).

Подавляющая часть изображений птиц на скалах Северной Европы – профильные. Исключения – фигуры летящих птиц в проекции сверху (журавля) на петроглифах оз. Канозеро (Колпаков, 2007. С. 168), гуся (?) на петроглифах Альты (Helskog, 1988).

На Онежском оз. встречаются контурные, силуэтные, линейные изображения водоплавающих птиц, также существуют варианты смешения стиля. Многие лебеди изображены с непропорционально удлиненной шеей. Наряду с полными фигурами птиц имеются редуцированные изображения. Фигура лебедя на Лебедином Носу у устья р. Водла является самым крупным наскальным изображением Онежского озера – 4.1 м. Размеры остальных фигур – 1.9–0.05 м.

На Беломорских и Канозерских петроглифах имеются только силуэтные изображения птиц. Наиболее крупными размерами на Беломорских петроглифах обладают фигуры двух лебедей в группе Бесовы Следки – до 1 м. Размеры других фигур – 0.25–0.05 м.

На петроглифах Онежского озера среди 1339 изображений зафиксировано 580 фигур лебедей, гусей, уток, имеются единичные фигуры журавля и кулика-бекаса (Жульников, 2006б). Судя

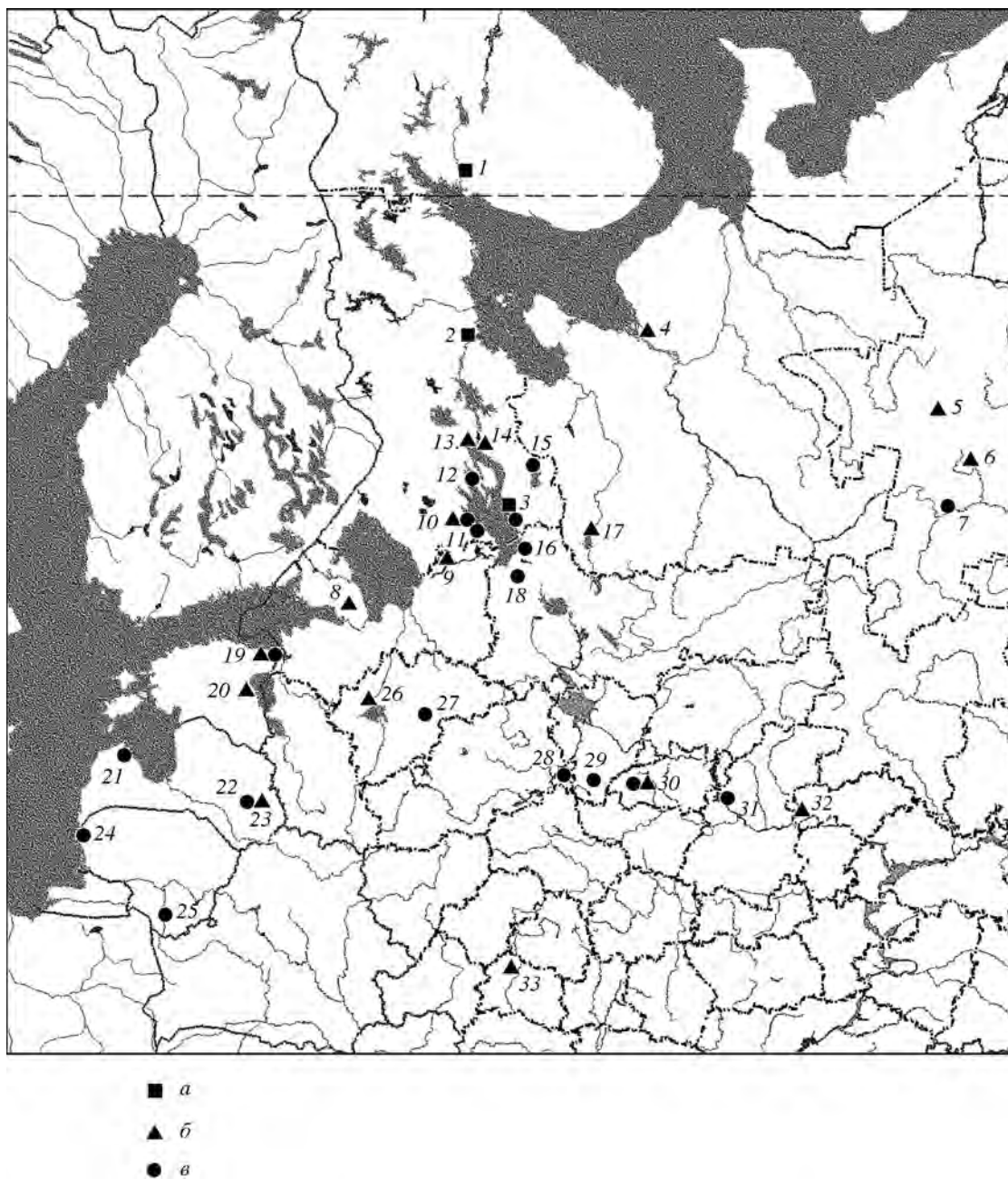


Рис. 1. Территория распространения изображений птиц на петроглифах (а), графических (на керамике) (б) и лепных (в). 1 – петроглифы оз. Канозеро; 2 – Беломорские петроглифы; 3 – Онежские петроглифы, Черная Речка III; 4 – Кузнечиха; 5 – Усть-Кедва; 6 – Вис I; 7 – Пезмогты III; 8 – Каукола Лавамяки; 9 – Негежма; 10 – Пески IVA; 11 – Вигайнаволоок I; 12 – Пегрема I; 13 – Войнаволоок IX; 14 – Черная Губа IX; 15 – Илекса I; 16 – Тудозеро V; 17 – Кубенино; 18 – Илекса; 19 – Ломми; 20 – Акали; 21 – Пурциемс; 22 – Звейсалас; 23 – Квапану II; 24 – Швентойи XXVI; 25 – Жямайтишке II; 26 – Коломцы; 27 – Усть-Валдайка I; 28 – Польцо; 29 – Ивановское VII; 30 – Сахтыш IIA; 31 – Умиление; 32 – Майданское; 33 – Лунево II.

по пропорциям шеи и туловища, около 70% птиц на Онежских петроглифах – лебеди. На Беломорских петроглифах (минимум 2212 изображений) зафиксировано 112 фигур птиц. В основном это изображения гусей, изредка встречаются фигуры лебедя, утки, журавля. В двух случаях, судя по сюжету, – птица на дереве, пораженная стрелой

(рис. 2, 12) – речь идет о боровой птице. На петроглифах оз. Канозеро (866 изображений) имеется девять фигур птиц (Колпаков, 2007), среди которых можно распознать гуся, журавля.

Группы петроглифов Севера Европы отличаются друг от друга не только количественными данными по составу изображений, но и сюжетами, в которых



Рис. 2. Мотивы изображений птиц на петроглифах. 1, 4, 7 – Пери Нос III; 2 – Устье р. Водла; 3 – Пери Нос VI; 5 – Западная группа Бесова Носа; 6, 9 – Северная группа Бесова Носа; 8 – Пери Нос II, 10–12 – Новая Залавруга.

используется образ птицы. В ходе рассмотрения вариантов размещения изображений птиц относительно друг друга и иных фигур было выделено 12 основных мотивов. Результаты сопоставления наиболее крупных групп наскальных изображений Северной Европы (таблица) свидетельствуют, что петроглифы Онежского озера и Белого моря характеризуются достаточно большим разнообразием мотивов, в которых использован образ птицы. Для остальных крупных скоплений наскальных изображений Северной Фенноскандии и Севера России характерно наличие всего одного-двух мотивов с использованием образа птицы. Наиболее широко распространенным, если не считать одиночных фигур птиц в составе многофигурных композиций, является мотив из пары лебедей или гусей.

По мнению большинства исследователей, скопления древних наскальных изображений представляли собой святилища или части святилищ, где происходили определенные общественные ритуалы. Любой ритуал, по определению В.Н. Топорова, предполагает демонстрацию единства всех способов выразительности, является своего рода “парадом знаковых систем” (1997. С. 483). Кроме того, особенность архаичного мировоззрения состоит в том, что в одних и тех же символах, определяемых как доминантные, отражается практически весь комплекс мифологических представлений; они приобретают почти универсальное значение и начинают выступать как представители целой совокупности явлений (Тэрнер, 1983). Говоря о се-

мантике образа птицы в первобытном наскальном творчестве, можно выдвинуть гипотезу о его многозначности и поливалентности, в зависимости от конкретного композиционного или изобразительного решения.

Фигуры водоплавающей птицы на скалах Онежского оз. устойчиво сочетаются с фигурами лося, который изображается без рогов. Такое сочетание, с учетом ряда других данных, позволяет видеть в этих образах прежде всего календарные символы, связанные с идеей цикличности. Кроме того, анализ сюжетов с использованием образов лося и гуся-лебеда на Онежских петроглифах позволяет предположить, что эти зооморфные образы в совокупности представляют собой универсальную космологическую схему, где образ лося маркирует вселенную в ее горизонтальной проекции (средний мир, земля), а образ лебеда соотносится со всей трехчленной структурой мироздания по вертикали, связывая воедино различные зоны Космоса. Это противопоставление нашло отражение в зооморфном оформлении лодки (движение по горизонтали символизирует землю – образ лося) и ритуального весла (рис. 2, 7) (вертикально ориентированный предмет с рукояткой в виде водоплавающей птицы является материальным аналогом оси мироздания). В образе лодки, по сути, соединились два символа, которые в данном контексте могут интерпретироваться как реплики единой парадигмы – вертикальной модели, мира (Жульников, 2006б).

Особо следует отметить наличие на Онежских петроглифах устойчивого образа двуглавой птицы (рис. 2, 5), имеющего многочисленные параллели и модификации в памятниках мобильного искусства (в том числе финно-угорских культурах). Образ водоплавающей птицы, являясь одним из доминантных символов для древних жителей Северной Европы, в данном случае был использован для конструирования знака, отразившего идею целостности противоположных космических начал мироздания (Жульников, 2006б. С. 56). Именно их слияние, согласно универсальным мифологическим представлениям, дает начало новой жизни, что во многом и определяет функциональную направленность использования данного образа, в том числе и в мобильном искусстве. Иногда фигуры лебедей, изображенных парами, выбиты по-разному: одна птица силуэтно, другая – контурно (рис. 2, 1), что, возможно, также связано с символикой полярности.

В.И. Равдоникасом было высказано предположение, что изображения лебедей с параллельными дугами (рис. 2, 9) на Онежских петроглифах связаны с представлениями о верхнем ярусе структуры ми-

Распределение мотивов изображений птиц по группам наскальных изображений

Мотивы	Бесовы Следки (Северная и Южная группы)	Новая Залавруга	Петроглифы р-на Бесова Носа	Петроглифы у устья р. Водла на м. Кочков-наволоок	Петроглифы оз. Кан-озеро	Писаницы южной части Финляндии	Немфорсен	Альта (группа Коофиорд)
Пара птиц	+	—	+	+	—	+	—	—
Пара птиц и птенец	—	—	+	+	—	—	—	—
Выводок	—	—	+	+	—	—	—	—
Цепочка из трех и более фигур птиц (примерно одинаковых размеров)	+	+	+	+	—	—	—	—
Двухголовая птица	+	—	+	+	—	—	—	—
Птица, соединенная с иным изображением (лось, антропоморфная фигура, символическое изображение и т.д.)	+	—	+	+	+	—	—	—
Синкретическое изображение (птица – белуха (?), птица – лось (?))	+	—	+	—	—	—	—	—
Изделие, украшенное головой птицы (весло, жезл (?))	—	—	+	—	—	—	+	—
Одинокая птица в составе многофигурной композиции	+	+	+	+	+	+	+	+
Обособленное изображение одной или более фигур птицы (в том числе в составе многофигурной композиции)	—	—	+	+	—	—	—	—
Птица, пораженная одной или несколькими стрелами	+	+	—	—	—	—	—	—
Птица, пораженная стрелой, сидящая на дереве	—	+	—	—	—	—	—	—
Две и более фигур птицы в сцене охоты	—	+	—	—	—	—	—	—
Количество изображений	538	1176	1000	339	866 (2005 г.)	442	около 2000	около 1200 (без учета следов животных)

роздания, и, возможно, являются символом неба или небесной радуги (1937. С. 20). В этой связи отметим, что изображение неба в виде дугообразного купола – небесного свода, известное на писаницах Урала (Чернецов, 1964), характерно и для традиционного искусства. Стилистический аналог образу лебедя с параллельными дугами имеется на энеолитическом фрагменте керамики со стоянки Кузнечиха (устье р. Северная Двина) (Смирнов, 1941). Сходные по стилю фигуры водоплавающих птиц на Онежских петроглифах и керамике, возможно, хронологически близки и генетически взаимосвязаны. Можно предположить, что в их основе – один и тот же мифологический образ и единый стилистический прототип.

Некоторые различия в видовом составе птиц в рассматриваемых сюжетах позволяют говорить о неоднородности образа водоплавающей птицы на

Онежских петроглифах. Так, солярная и календарная символика, идея цикличности отчетливо связаны с образом лебедя, а представления о плодородии в первую очередь соотносятся с образом утки, о чем свидетельствуют композиции на мысе Пери Нос III, изображающие утиные выводки (рис. 2, 4) по соседству со сценами соития-деторождения.

Изменение соотношения состава изображений между двумя основными регионами Онежских петроглифов иллюстрирует особенности функционирования данных святилищ. Так, изображение птиц в Бесовоносовском регионе составляет 45%, а в более позднем Водлинском – 80%. В Водлинском регионе нет “полосатых” лебедей (образ верхнего мира?), символических и синкретических изображений, единичны сдвоенные фигуры птиц. В этом районе, в пределах одного скопления фигуры птиц,

как правило, ориентированы в разном направлении как по отношению друг к другу, так и к берегу водоема (Poikalainen, Ernits, 1998), что свидетельствует об их разновременности. Создается впечатление, что в скоплениях петроглифов “второй волны” редуцируется не только состав изображений, но и символическое значение доминантного образа. Можно предложить следующий вариант трактовки подобных изменений: первый этап функционирования святилища (район Бесова Носа) – сакральная “приватизация” данной территории – был призван визуализировать основные мифопоэтические формулы. В дальнейшем же были актуальны лишь те символы, которые воплощали основную идею ритуала на петроглифическом святилище. Возможно, выбивки, многократно повторяющие известные образы, становились лишь традиционной частью ритуала. Вероятно, такой ритуал у создателей Онежских петроглифов был приурочен к весеннему празднику обновления природы, который в разных этнических традициях часто связан с прилетом водоплавающих птиц.

По составу сюжетов наблюдается достаточно высокая степень сходства между петроглифами района Бесова Носа на Онежском оз. и Северной и Южной группами Бесовых Следков на Белом море. Среди совпадающих мотивов выделяются сдвоенные фигуры птиц и синкретические изображения птицы – лося (рис. 2, 8). На Онежском озере сдвоенные и парные фигуры птиц есть во всех крупных группах петроглифов, что свидетельствует об устойчивости и длительности бытования представлений и ритуалов, связанных с этими образами. На Белом море эти мотивы единичны и зафиксированы только на Бесовых Следках. Более поздняя группа – Новая Залавруга – характеризуется уже совершенно иным набором композиций, с обилием сцен охоты на птиц. С учетом этих данных и анализа сюжетов с изображениями птиц, можно предположить, что распространение в эпоху неолита петроглифической традиции в юго-западной части побережья Белого моря было связано с культурным импульсом (миграцией группы населения?) с восточного побережья Онежского озера.

Среди сцен охоты на Новой Залавруге композиции из водоплавающих и боровых птиц, пораженных стрелами (рис. 2, 10–12), занимают по количеству третье место, уступая лишь сценам промысла морского зверя и лося. Как и в сценах охоты на млекопитающих, на Новой Залавруге изображены только активные способы добычи птицы. Отсутствие сцен промысла с различными ловушками можно объяснить тем, что при их использовании птица или зверь сами попадают в нее, тогда как создателям петроглифов, видимо, было важно

подчеркнуть меткость и удачливость охотника. Наряду со сценами охоты на Новой Залавруге имеются многочисленные композиции, изображающие одиночных животных или их corteжи. Имеющиеся аналогии в охотничьих ритуалах народов Севера и анализ сюжетов наскальных изображений Новой Залавруги позволяют предполагать, что основной целью создания сцен успешной охоты на Беломорских петроглифах являлось обретение охотничьей удачи на весь период промысла, обеспечение воспроизводства птицы и зверя.

Беломорское и Онежское святилища содержат примерно одинаковый состав изображений (водоплавающая птица, лось, медведь, белуха, змея, лодки, весла, антропоморфные и символические фигуры). Однако один и тот же образ на Беломорских петроглифах может трактоваться как иконический знак (водоплавающая птица – конкретное животное – объект охоты), а на Онежских – как символический образ, спектр смыслов которого достаточно широк (водоплавающая птица – календарный символ, птица – воплощение представлений о плодородии, птица – знак – индекс определенной космической зоны, птица – универсальный медиум и т.д.).

В искусстве малых форм неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы образ птицы является одним из самых распространенных. Наиболее широко представлены резные изображения, выполненные в большинстве своем из кости, а также рога, дерева, янтаря. В гораздо меньшем количестве известны лепные, ретушированные (кремневые) и графические изображения птиц, выполненные на стенках сосудов при помощи различных штампов.

Почти все эти материалы происходят из раскопок поселений, минимальная часть – из погребений или из числа случайных находок. Многие находки происходят с памятников многократного заселения, что затрудняет их датирование. Небольшое количество абсолютных дат существует для изображений, найденных в придонных слоях котлованов жилищ.

Лепные и графические изображения птиц относятся к кругу культур гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамики и известны в Восточной Балтии, на Севере России (есть и в Финляндии) и в Центральной части (Тверская и Ивановская обл.). Они датируются в рамках IV – первой половины III тыс. до н.э. Основная масса резных и ретушированных изображений относится к волосовской культурно-исторической общности Центральной России, а часть резных – к культуре гребенчато-ямочной керамики Восточной Балтии и датируется в основном III тыс. до н.э.

Таким образом, большая часть лепных и графических изображений относится к неолитической

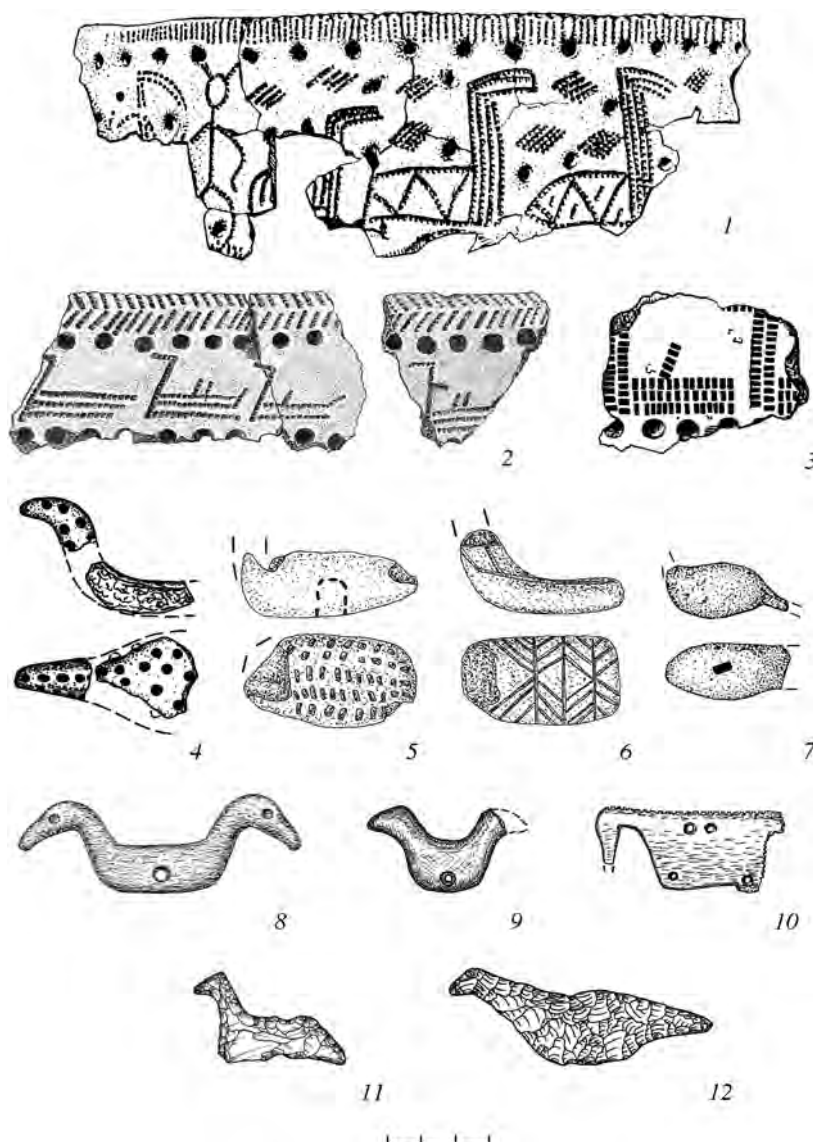


Рис. 3. Графические (на керамике), лепные, резные и ретушированные изображения птиц.

эпохе, а большая часть резных и все ретушированные – к неолитической.

В центре нашего внимания будут находиться наиболее статистически представительные группы изображений птиц: лепные (24 экз.), изображения на сосудах (20 экз.), резные подвески-нашивки (93 из 124 экз., из всех резных изображений птиц) и ретушированные изображения (16 экз.). При рассмотрении двух первых групп будут привлекаться финские аналоги.

Изображений птиц на сосудах (единичные фрагменты сосудов и склейки из нескольких фрагментов) известно 20 экз. Территория находок: Республики Коми, Карелия и Марий-Эл, Архангельская, Ленинградская, Новгородская, Ивановская, Брянская обл., Беларусь, Эстония, Латвия (рис. 1). В Финляндии известно 19 изображений

(Pesonen, 1996); все находки происходят из культурных отложений поселений. До сих пор не обнаружено ни одного целого сосуда, ни полного венчика, однако очевидно, что большая часть изображений птиц располагалась однорядным “фризом”, а в некоторых случаях – в шахматном порядке, по всей окружности сосуда.

Все изображения профильные и выполнены по необожженной поверхности сосуда в той же технике, что и абстрактно-геометрический орнамент на сосудах этой эпохи: гребенчатыми, лунчатыми, ямочными отпечатками штампа (рис. 3, 1–3). Фигуры расположены близко к венчику, но никогда не примыкают к нему вплотную. Голова, шея и туловище выполнены, как правило, отпечатками гребчатого штампа (одинарным, двойным или тройным). В редких случаях подпрямоугольное туловище заполнено ряда-

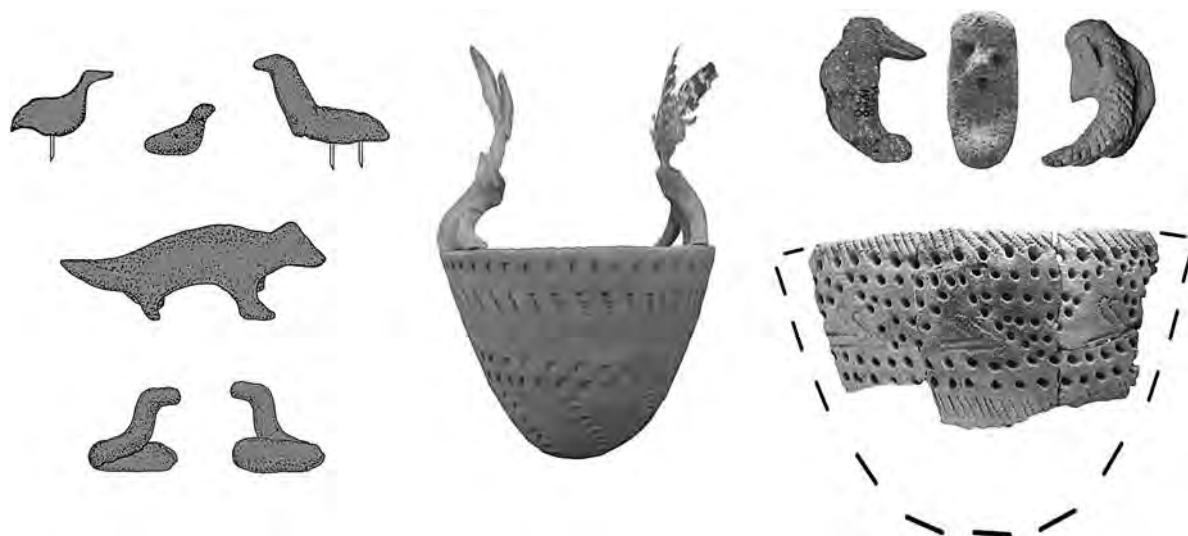


Рис. 4. Реконструкция набора лепных изображений.

ми вертикальных отпечатков, зигзагом, зигзагом с ямками. В пяти случаях гребенчатыми отпечатками показаны крылья, один раз – хвост. Энеолитические изображения выполнены в иной манере: контурное туловище (Майданское), расположение группой из трех фигур (Усть-Кедва), на внутренней поверхности сосуда (Кузнечиха), что может свидетельствовать об угасании традиции нанесения изображений птиц на сосудах.

Длина изображений (наибольшая диагональ) 3–6 см, большинство укладывается в интервал 4.5–6 см.

Исследователи однозначно относят все изображения к водоплавающим птицам: длинная шея указывает на то, что изображен гусь или лебедь (большинство), отсутствие ног – что птицы показаны плывущими. В 12 случаях птицы повернуты головой вправо, в четырех – влево. Среди финских материалов соотношение направления фигур сходное (Pesonen, 1996). Исследователи сходятся во мнении, что функциональное назначение подобных сосудов было особым и, скорее всего, ритуальным (Гурина, 1961; Ошибкина, 1992). Это подтверждается их небольшим количеством.

Данные о контексте находок чрезвычайно скупы. Есть сведения о двух находках в жилищах (Edgren, 1967; Витенкова, 2002), есть уникальное свидетельство о том, что сосуд был найден вкопанным в землю устьем вверх (Peredolski, 1905) (рис. 3, 1). На основании измерений крупных склеек трех сосудов из Архангельской обл., Финляндии и Карелии были сделаны выводы о том, что количество фигур птиц на целом сосуде могло составлять от 15 до 24, а диаметр венчика и высота сосудов – 25–30 см (Смирнов, 1941; Edgren, 1967; Витенкова, 2002). Это может свидетельствовать

о том, что изображения наносились только на сосуда определенной (близкой) величины, и соответственно объема, довольно крупные.

Лепные изображения птиц (24 экз.) обнаружены на территории Восточной Балтии, Республик Карелия и Коми, Вологодской, Новгородской, Тверской, Ивановской и Костромской обл. (рис. 1). В Финляндии известно семь экз. Все находки происходят из культурных отложений поселений. Материалом изготовления служила формовочная масса с примесью песка и дресвы, характерная для керамики этой эпохи. Каждый предмет сделан из единого куска массы и обожжен (рис. 3, 4–7). В нижней части туловища семи скульптур до обжига было сделано глубокое (или даже иногда сквозное) отверстие (у двух экз. – по два), вероятно, при помощи щепки или тростинки (в Финляндии известно три таких скульптуры). Большинство предметов (21 экз.) фрагментировано. Однако все они, вероятно, имели округлое или овальное поперечное сечение, а голова, шея и туловище смыкались между собой под углом 90–140°, образуя зигзаг. Голова утончается на конце, ноги не показаны. У четырех изображений присутствует хвост. Пять изображений украшены ямочным, гребенчатым, накольчатым или прочерченным орнаментом на голове, шее, спине, груди птицы. Во всех случаях его композиция уникальна. Длина изображений – 2–10 см и даже крупнее, судя по некоторым фрагментам. Большинство предметов имело длину 4–6 см.

Из-за схематизма скульптур трудно понять, какие виды птиц изображены. Ряд предметов с сохранившейся длинной шеей можно соотнести с водоплавающей птицей – гусем или лебедем. Исследователи не раз отмечали небрежную манеру их

изготовления, полагая, что их использование было кратковременным или, возможно, одноразовым (Журавлев, 1972; Pesonen, 2000). Из-за присутствия отверстий в туловище можно предположить, что они насаживались на щепки или тростинки, возможно, втыкаемые в землю.

Контекст некоторых находок позволяет сделать важный вывод о функциональном назначении этих фигурок: на карельских поселениях Пески IVa и Черная Речка III (рис. 3, 4–7) они были найдены совместно с другими лепными изображениями (млекопитающих, змей, антропоморфных) на ограниченном участке (25 м²), в первом случае – в придонной части жилища (Жульников, 2006б; Кашина, 2007). Из-за недостатка данных мы не можем со стопроцентной вероятностью причислять их всех к подобным наборам. Однако лепные скульптуры антропоморфа, млекопитающих и змей, а также сосуды с изображениями птиц и антропоморфными скульптурами, закрепленными на венчике, были распространены на территории Восточной Балтии, Юго-Восточной Финляндии, Севера и части Центра России в конце IV – первой половине III тыс. до н.э. и часто обнаруживаются на одних памятниках. Таким образом, лепные скульптуры могли составлять целые наборы, состоявшие из нескольких фигур птиц (двух и более, с отверстиями и без), змей (возможно, Двух), млекопитающего (возможно, только одного) и нескольких антропоморфов (рис. 4). Возможно, подобный набор сопровождался сосудом с изображениями птиц (судя по фрагменту сосуда из комплекта с поселения Пески IVa (рис. 3, 3) или сосудом с наклепными антропоморфными скульптурами на венчике (судя по фрагменту такой скульптуры с поселения Черная Речка III). В жилищах найдены еще два изображения птиц (Loze, 1995; Карманов, 2006).

Кто мог изготавливать сосуды с изображениями птиц и наборы лепных скульптур, в которых, как представляется, преобладали их фигуры? Исследователи полагают, что распространение традиций в керамическом производстве в неолите–энеолите Северной Европы совпадало с направлениями брачных связей, и что в эту эпоху именно женщины изготавливали глиняную посуду (Жульников, 1999. С. 23; Цетлин, 1998. С. 61). Это позволяет предполагать, что и сосуды с изображениями птиц, и лепные скульптуры тоже делали они.

Сходство средних размеров птиц на керамике и в лепной скульптуре представляется неслучайным. Изучение склеек сосудов из Коломцов и Кубенино (рис. 3, 1, 2) показывает, что некоторые фигуры птиц детализированы в различной манере, что находит аналоги и в лепной скульптуре. Изображения птиц из двух относительно достоверных наборов изготовлены из одинаковой формовочной массы, но

различаются в деталях и размерах (Кашина, 2007). Поэтому, возможно, в создании набора могло участвовать несколько человек. Кроме того, различия в размерах у скульптур одного набора и в количестве экземпляров разного вида (одинарность, парность, тройственность) могли иметь особую смысловую нагрузку.

На сосудах из Коломцов и Литвина I рядом с птицей изображена фигура человека. Это также находит параллель с наборами скульптур, где присутствовала антропоморфная скульптура.

Подвески и нашивки (93 экз.), сделанные из кости (есть предметы из кости крупных пород рыб, кабаньего и медвежьего клыка), рога и янтаря, происходят из Ивановской Ярославской, Тверской, Московской, Рязанской, Владимирской областей, Мордовской Республики, Латвии, Эстонии, Беларуси (рис. 5). Основная масса изображений найдена на поселениях, 9 экз. – в погребениях.

Морфологически все предметы подразделяются на полнофигурные и парциальные. Полнофигурные изображения (35 экз.) – профильные; (длина 5–6 см); основной акцент сделан на проработку силуэтной линии. Выделение деталей на голове не характерно. Крепление выполнено в виде круглой сверлины; их может быть от 1 до 4. У двух скульптур вместо хвоста имеется зеркально симметричная вторая голова (рис. 3, 8, 9). Фрагментированных фигур известно 17 экз.

Парциальные изображения (58 экз.) передают голову птицы и шею, переходящую в стержень с креплением на конце. Большинство из них детализировано: глаза (и иногда ноздри) показаны ямками-сверлинами, рот – прорезной линией. Крепления представлены сквозным сверленным отверстием, кольцевой канавкой, парными нарезками-зарубками. У шести экз. отмечены следы починки крепления – новое отверстие или канавка. Основная масса изображений имеет длину 5.5 ± 0.5 см, и лишь несколько предметов отличаются более крупными (до 13.5 см) размерами. Фрагментированных предметов (обычно повержен или утрачен стержень, в редких случаях – клюв) насчитывается 27 экз. На поверхности трех изображений отмечена красная охра: Шагара II (2 экз.) – в сверлинах глаз, Великодворье I – в канавке клюва (Кашина, Емельянов, 2003).

Любопытно территориальное распространение подвесок-нашивок: полнофигурные известны на всей территории, парциальные – только в Волго-Окском бассейне Центральной России.

Подвески-нашивки представляют разные виды птиц¹ (рис. 6). У ряда недостаточно детализирован-

¹ Авторы выражают благодарность за определения в.н.с. Государственного Дарвиновского музея И.В. Фадееву.

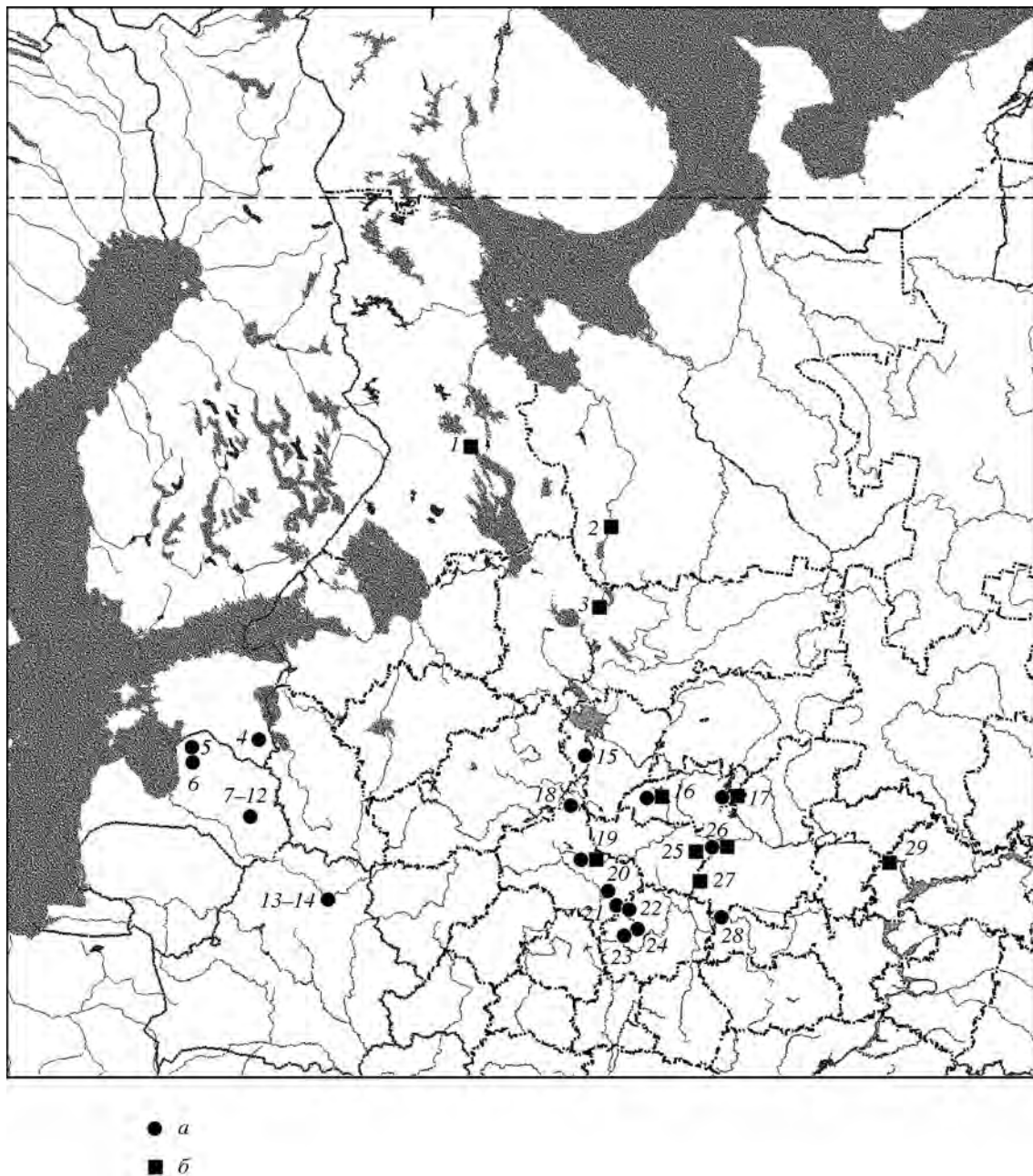


Рис. 5. Территория распространения резных и ретушированных изображений птиц. 1 – Войнаволок XXV; 2 – Наволок; 3 – Модлона; 4 – Тамула I; 5 – Звейниeki; 6 – Риннюкалнс; 7 – Дзедзиекте; 8 – Эйни; 9 – Звидзе; 10 – Найниексте; 11 – Сулька; 12 – Ича; 13 – Кривина I; 14 – Асавец VII; 15 – Языково; 16 – Сахтыш I; II; ПА; 17 – Стрелка; 18 – Николо-Перевоз; 19 – Маслово Болото; Маслово Болото ГУ; 20 – Вешняк; 21 – Великодворье I; 22 – оз. Шагара; Шагара I; II; 23 – Черная Гора; 24 – Владычино; 25 – Дмитриева Слобода II; 26 – Волосово; 27 – Щербинине; 28 – Имерка VIII; 29 – Тенишево; а – резные изображения; б – ретушированные.

ных скульптур (особенно среди полнофигурных) невозможно определить вид. Изображения глухаря (30 экз.) преобладают среди парциальных изображений Волго-Окского бассейна.

Находки в Центральной России серий изображений обоих видов на одних и тех же памятниках (Сахтыш I, II, Николо-Перевоз, Маслово Болото IV, Великодворье I, Шагара I, II, Черная Гора) указы-

вают на синхронность их бытования, а также на массовый характер их использования древним населением.

В слое заполнения жилищ было найдено 12 предметов. В придонной части четырех жилищ поселения Великодворье I найдено шесть подвесок-нашивок обоих видов. В придонной части двух жилищ поселения Шагара II найдено шесть

парциальных подвесок-нашивок. Во всех случаях изображены разные виды птиц (Кашина, Емельянов, 2003). Подобная концентрация находок может свидетельствовать о том, что буквально каждый житель поселения повседневно носил эти предметы. Особенностью трех скульптур (Кривина I, Асавец VII, Сахтыш I) (рис. 3, 10) является зубчатое оформление края изделия, полное или частичное, что позволяет рассматривать их как возможные штампы для орнаментации керамики.

Ряд подвесок-нашивок происходит из погребений (рис. 7). Исходя из контекста находок, можно предполагать, что изображения птиц составляли часть набора украшений в сочетании с просверленными зубами млекопитающих и, в ряде случаев, с антропоморфными подвесками-нашивками, и могли располагаться в районе затылка, шеи и, возможно, пояса.

Ретушированные изображения птиц (16 экз.) происходят с территории Архангельской, Вологодской, Ивановской, Владимирской, Московской, Нижегородской областей, Республик Карелия и Татарстан (рис. 5). Все изображения профильные и выполнены на кремневых отщепах; длина 3–8 см. У некоторых имеются лишь незначительные повреждения. Показана голова, шея и туловище, у четырех экз. небольшим выступом в нижней задней части туловища ноги. Еще у четырех экз. имеются выемки на верхнем и нижнем крае туловища, в средней его части (рис. 3, 11, 12)².

Морфологическое сходство ретушированных изображений с полнофигурными подвесками-нашивками несомненно, как в размерах, так и в силуэтной линии. Приблизительно определить некоторые виды птиц можно по аналогии с костяными изображениями: среди ретушированных встречается как водоплавающая птица, так и лесная (глухарь).

О контексте находок данных очень мало. Одно изображение найдено в слое пола полужемляного жилища (Жульников, 1999). Одна скульптура происходит из энеолитического погребения могильника Тенишево (Татарстан) и лежала у головы (затылка) погребенного (Габяшев, Беговатов, 1985) (рис. 3, 12; 7). Она имеет выемки на туловище, охарактеризованные выше. Ее контекст (совпадающий с контекстом погр. X. Тамула, Эстония), морфологическое сходство с подвесками-нашивками, а также находки скульптур с выемками позволяют предполагать, что ретушированные скульптуры птиц имели ту же функцию, что и резные: нашивание на одежду или подвешивание.

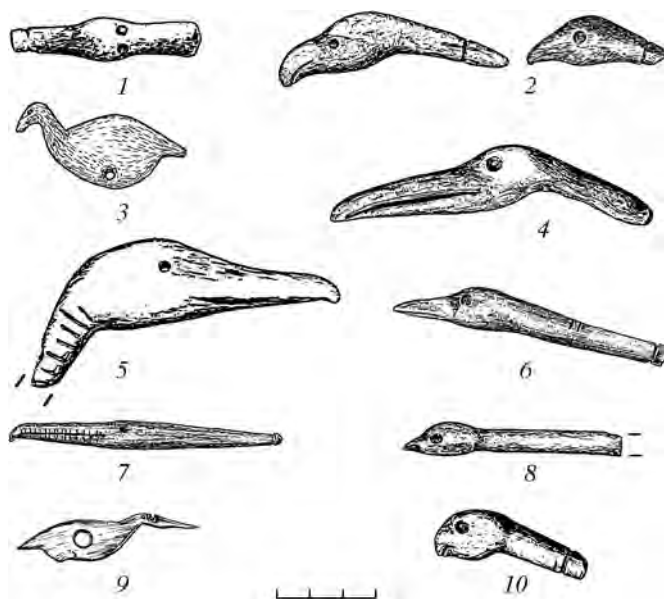


Рис. 6. Виды птиц в резных подвесках-нашивках. 1 – утка (8 экз.); 2 – глухарь (30 экз.); 3 – гусь (6 экз.); 4 – цапля (3 экз.); 5 – лебедь (5 экз.); 6 – журавль (1 экз.); 7 – крохаль (4 экз.); 8 – рябчик (1 экз.); 9 – гагара (2 экз.); 10 – куропатка (1 экз.).

Отмечены существенные различия в территориальном распространении резных и ретушированных скульптур: первые известны на огромной территории, включающей Восточную Балтию, Беларусь и Центральную Россию, вторые – в Центральной и Северной России. Это совпадает с основным направлением обменных связей той эпохи по янтарию – из Восточной Балтии в Центральную Россию. Единственное янтарное изображение птицы за пределами Восточной Балтии происходит из Языкове Тверской обл. (рис. 3, 9). Ретушированные изображения, “копировавшие” полнофигурные костяные подвески-нашивки, и парциальные изображения птиц были явлением, характерным только для Волго-Окского бассейна (и, отчасти, Севера России, где известны пока только ретушированные), и традиция их изготовления не была перенесена на западные территории.

Примечателен контекст находок подвесок-нашивок в погребениях, причем не только изображающих птиц, но и бобра, медведя, антропоморфа, змею. Во всех случаях, где удалось определить пол и возраст погребенного (11 погребений, 12 костяков, из них птицы – при четырех), у мужчин имеются парные изображения, а у женщин, подростков и детей – единичные (рис. 7). Предметы располагались на затылке или на шее (груди). Несмотря на скудость данных, все же можно предположить, что скульптурные подвески-нашивки могли являться половозрастными маркерами. Видовое разнообразие птиц в скульптурных подвесках-нашивках заставляет задуматься об их дополнительном

² Авторы выражают благодарность О.В. Зеленцовой (ИА РАН) за предоставленное неопубликованное изображение с поселения Дмитриева Слобода II.

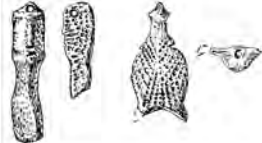
Погребения с изображениями птиц, пол/возраст погребенного определен				
Памятник	Тамула I, погр. VII	Тамула I, погр. X	Тамула I, погр. XIX	Звейниeki, погр. 228
погребенный	ребенок	женщина	мужчина	мужчина
комментарий	на плече	под черепом	на шее	на шее
подвеска-нашивка				
Погребения с иными изображениями, пол/возраст погребенного определен				
Памятник	Валма	Валма	Тамула I, погр. XIV	Тамула I, погр. XII
погребенный	мужчина	женщина	ребенок (юноша?)	ребенок
комментарий	под черепом	под черепом	на груди	под черепом
подвеска-нашивка				
Погребения с иными изображениями, пол/возраст погребенного определен				
Памятник	Тамула I, погр. VIII	Абора I, погр. 18	Сахтыш II, погр. 15 (колл.)	Сахтыш ПА, погр. 58
погребенный	женщина	ребенок	женщина	женщина
комментарий	на бедрах	-	на черепе	на шее
подвеска-нашивка				
Погребения с изображениями птиц, пол/возраст погребенного не определен				
Памятник	Сахтыш I, погр. 10	Шагара I, погр. 18 (колл.)	Тенишево, погр. 8	
погребенный	-	-	-	
комментарий	у кисти руки	в ямке между костяками	под черепом	
подвеска-нашивка				

Рис. 7. Находки резных и ретушированных изображений в погребениях (по: Габяшев, Беговатов, 1985; Каверзнева, 1992; Крайнов; и др., 1994; Jaanits, 1957; 1961; Loze, 1970; устное сообщение Е.Л. Костылевой от 4.03.2008).

значении. Изображенные виды птиц являлись распространенными объектами охоты, т.е. были полезными человеку. Возможно, представления о разной степени “полезности” влияли на семантику тех или иных подвесок-нашивок. Можно предполагать, что они отражали и некий социальный статус владельца, маркированный тем или иным видом. Антропоморфные подвески-нашивки, встреченные дважды в погребениях совместно с птицами, также каким-то образом могли быть включены в эту знаковую систему. Не исключено, что значение всех скульптурных подвесок-нашивок могло несколько варьироваться в зависимости от территории и времени бытования.

Подводя итоги рассмотрения образа птицы в искусстве малых форм, следует отметить, что на всем протяжении неолита–энеолита существующая знаковая система, основанная на зооморфных и антропоморфных символах, оставалась, видимо, неизменной. В ней постоянно, как и в наскальном искусстве Севера России, присутствовали такие зооморфные образы, как птица, лось, медведь,

выдра, бобр, змея. Вероятно, то *основное*, что отображалось посредством этой системы, являлось трехуровневой схемой мироустройства и, возможно, именно в эту эпоху она сложилась в том виде, в каком она нам известна по этнографическим данным. Кроме того, исходя из имеющегося контекста, очевидно, что в ритуальной практике (раннего и позднего этапов) образ птицы выполнял не одинаковые функции.

В рамках обществ с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой птица появляется в наборах лепных скульптур, по-видимому, относящихся к сугубо домашним ритуалам. Вполне вероятно, что во всех известных случаях изображена именно водоплавающая птица. Возможно, набор символизировал в миниатюре картину мира, воссоздаваемую в рамках дома, и должен был способствовать благополучию и воспроизводству конкретного коллектива, проживавшего в нем. Сосуды с вереницей водоплавающих птиц, дополнявшие эти наборы, демонстрируют идею приумножения самим количеством изображенных особей. Это значение образа

перекликается и с наборами, где птиц тоже было несколько, причем, возможно, больше, чем остальных персонажей. Комплексы этих предметов являются редкими находками на поселениях, что может указывать на особенности их ритуального значения: изготовление для особых случаев.

Для искусства малых форм культур поздней гребенчато-ямочной и пористой керамики (волоховская и др.) характерен уже иной видовой набор образов птицы: наряду с водоплавающей птицей появляются изображения болотной и особенно боровой птицы – глухаря. Массовое распространение подвесок-нашивок самых разных форм, размеров и материалов является характерным элементом этого времени. Функциональное включение в этот “процесс” резной и, возможно, ретушированной скульптуры отражено в многочисленных находках скульптурных подвесок с *абсолютно тем же* набором образов, что и в предшествующий период. В разных регионах существовали свои особенности: в Восточной Балтии и Северной Беларуси создавались только полнофигурные изображения, в Центральной России больше были распространены парциальные, особенно глухаря. Слабая степень сохранности органических материалов на Севере России и в Финляндии – вероятная причина того, что там практически не обнаружено резных изображений. Скульптуры из кремня бытовали только в Центральной и Северной России.

В конце эпохи неолита, видимо, коренным образом изменилась знаковая функция скульптур и, очевидно, проявление символа птицы в ритуале: это образ птицы – непосредственного, спутника каждого человека при жизни и (некоторых?) после смерти. Существование традиции ношения небольших наборов, а не только единичных скульптур, демонстрирует всю сложность смысловой нагрузки образа птицы, взаимосвязанного в данном случае с остальными, и тем самым сложность всей знаковой системы.

В целом, выявленные различия в функции образа в монументальном и мобильном искусстве обусловлены во многом тем, что петроглифы, в первую очередь, отражают коллективную, групповую прагматику (функцию) образа, а предметы искусства малых форм – узкосемейную и личную. Иконография образа птицы на петроглифах и в искусстве малых форм свидетельствует о наличии ряда определенных, лишь изредка перекликающихся, канонов изображений. Как в наскальном, так и в искусстве малых форм особую роль играл образ водоплавающей птицы, который характеризуется чрезвычайной многозначностью и центральным положением в конкретном ритуальном исполне-

нии. Следует также отметить преимущественно надкультурный характер образа птицы в монументальном и мобильном искусстве неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда. Проект № 09-01-00084а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
- Габяшев Р.С., Беговатов Е.Л. Тенишевский (Сорокин Бугор) энеолитический могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985 (АЭМК; № 18).
- Гурина Н.Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР // МИА. 1961. № 87.
- Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999.
- Жульников А.М. К вопросу о датировке Беломорских петроглифов // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006а.
- Жульников А.М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006б.
- Жульников А.М. Памятники с керамикой типа Залавруга I в Прибеломорье и некоторые вопросы изучения Беломорских петроглифов // Кольский сборник. СПб., 2007.
- Журавлев А.П. Скульптуры и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволок I // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
- Каверзнева Е.Д. Шагарский могильник конца III – начала II тыс. до н.э. в Центральной Мещере // РА. 1992. № 3.
- Карманов В.Н. Мелкая пластика европейского Северо-Востока // Уч. зап. Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2006.
- Кашина Е.А. Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите–энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007.
- Кашина Е.А., Емельянов А.В. Костяные изображения птиц финала каменного века Мещерской низменности // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003.
- Колпаков Е.М. Петроглифы Канозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.) // Кольский сборник. СПб., 2007.
- Косарев М.Ф. Особенности языческого миропонимания. М., 2003.

- Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш ПА // РА. 1994. № 3.
- Ошибкина С.В.* Север Восточной Европы // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992.
- Равдоникас В.И.* Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // СА. 1937. № 4.
- Савватеев Ю.А.* Залавруга. Ч. 1: Петроглифы. Л., 1970.
- Смирнов В.И.* Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе // СА. 1940. Т. VI.
- Смирнов В.И.* Орнаментальный фриз на сосуде на стоянке Кубенино // КСИИМК. 1941. Вып. X.
- Столяр А.Д.* Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья // СА. 1977. № 3.
- Тимофеев В.И.* О сходных и различных элементах в материальной и духовной культуре мезолита и неолита лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии // Локальные различия в каменном веке. СПб., 1999.
- Топоров В.Н.* Изобразительное искусство и мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1997.
- Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.
- Цетлин Ю.Б.* Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // ТАС. 1998. Вып. 3.
- Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. 1964. Вып. 4-12.
- Edgren T.* Einige neue Funde von kammkeramischen Vogelbildern und Tierskulpturen aus Ton, Suomen Museo 1966. Helsinki, 1967.
- Helskog K.* Helleristningene I Alta: spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie. Alta, 1988.
- Jaanimäe L.* Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland // Finska Fornminnesforeningens Tidskrift. 58. Helsingfors, 1957.
- Jaanimäe L.* Jooni-kiviaja uskumustest // Religiooni ja ateismi ajaloo Eestis. II. Tallinn, 1961.
- Loze I.* Seno ticējumu un tradīciju atspoguļojums akmens laikmeta mākslā austrumbaltijā // Archeoloģija un Etnogrāfija. IX. Rīga, 1970.
- Loze I.* Clay figural art in the forest belt of Neolithic Eastern Europe // Archaeologia Baltica. Vilnius, 1995.
- Peredolski W.W.* Eine bildliche Darstellung des Menschen auf einen neolithischen Tongefäß // Archiv für Anthropologie. V. III, 4. Braunschweig, 1905.
- Pesonen P.* Rääkkylän joutsenet ja muita kampakeraamiikan linnunkuvia // Kentältä poimittua 3. Kirjoitelmia arkeologian alalta. Museoviraston arkeologian osaston julkaisuja. № 6. Helsinki, 1996.
- Pesonen P.* Zoomorphic clay figurines from two Stone Age sites in Rääkkylä, North Karelia // Muinasaja teadus de temporibus antiquissimus ad honorem Lembit Jaanits. Tallinn, 2000.
- Poikalainen V.* Rock art of Lake Onega. Tartu, 2004.
- Poikalainen V., Ernits E.* Rock Carvings of Lake Onega: The Vodla Region. Tartu, 1998.
- Wyszomirska B.* Figurplastik och gravskick hos hord-och Nordösteuropas neolitiska fångstkulturer. Bonn; Lund, 1984.
- Zagorskij F.* Zveiniekū akmens laikmeta kapulauks. Rīga, 1987.

The bird image in Neolithic–Eneolithic art of the forest zone of Eastern Europe

A. M. Zhulnikov, Ye. A. Kashina

Summary

The article is devoted to regional, chronological and functional and semantic features of the bird image in rock art and the minor arts of the Neolithic–Eneolithic within the forest zone of Eastern Europe. The differences between the functions of the image in monumental and mobile art are related to the fact that petroglyphs reflect collective and group function of the image, whereas minor art forms correlate with the familial and personal. The iconography of the bird image in petroglyphs and the minor art forms testifies to the existence of a series of canonic images which seldom echo each other. The image of waterfowl played a special role in both rock and mobile art. The bird image in mobile Eneolithic art was also connected with sex-age and, possibly, social factors.

ТОПОРЫ ИЗ ФАТЬЯНОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ У Д. НОВИНКИ (Калининский р-н, Тверская обл.)

© 2010 г. Е.В. Волкова

Институт археологии РАН, Москва

Статья посвящена систематизации кремневых топоров-клиньев и каменных топоров-молотов из Новинковских могильников фатьяновской культуры. Четыре могильные группы, обнаруженные у д. Новинки Калининского р-на Тверской обл., раскапывались в течение семи лет экспедицией Тверского государственного объединенного музея. Они расположены недалеко друг от друга на узкой полосе, тянувшейся между грунтовой дорогой и рыбообразными прудами. Исследования Ю.А. Лаврушина показали, что в древности эти могильные группы располагались на плоской возвышенности, представляющей собой берег озера (2001. С. 45–50). К моменту раскопок это был низкий, подтапливаемый берег прудов с сильно раздернованной поверхностью и частично нарушенный карьерами.

В 2000 г. работы на могильниках были завершены: очерчены границы всех четырех могильных групп и проверены участки с возможным нахождением фатьяновских погребений. Исследование материалов Новинковских могильников велось с самого начала раскопок. Помимо решения общих вопросов (Черных и др., 1994; Волкова, 2000а; б; Черных, 2004) изучался каменный и кремневый инвентарь (Мирецкий, 2001. С. 41–44), тщательно анализу подвергся весь керамический комплекс (Волкова, 1994; 1996; 2002; 2007). Подводя итоги всех исследований, сегодня можно с уверенностью говорить о существовании на данной территории четырех могильников, оставленных фатьяновским населением в разное время (предположительно, с конца XIX до конца XVIII в. до н.э.).

Могильники различаются количеством погребений, плотностью расположения могильных ям и их ориентацией, некоторыми деталями внутренних погребальных конструкций и наличием или отсутствием внешних (надмогильных) сооружений, а также набором погребального инвентаря.

Всесторонний анализ керамического комплекса (121 сосуд) четырех Новинковских могильников позволил сделать следующие выводы:

1. Могильники были оставлены разновременным фатьяновским населением. Наиболее ранними можно считать первый и третий могильники, затем был оставлен второй могильник и, наконец, четвер-

тый. Второй могильник на позднем этапе сосуществовал с четвертым.

2. По всем параметрам Новинковские могильники более близки к Московской, чем Калининской локальной группе фатьяновской культуры. Можно предположить, что в состав населения, оставившего третий могильник, входили носители среднеднепровских культурных традиций. А у населения, хоронившего умерших на первом могильнике, был близкий контакт с населением Восточной Прибалтики, которое делало керамику так называемого лубанского типа. Население, оставившее второй и четвертый могильники, – результат смешения этих более ранних групп.

Таким образом сегодня мы располагаем относительной хронологией памятников и данными о преимущественных культурных связях населения, их оставившего.

Перейдем к анализу топоров. В новинковской коллекции 21 кремневый топор-клин и 12 каменных сверленных топоров-молотов. Топоры-молоты сделаны из диорита и габбро-диорита, причем доминируют полностью шлифованные орудия (83%). Топоры-клинья изготовлены из местного кремня, среди них преобладают частично шлифованные (57%). Большинство и тех и других топоров по результатам предварительного анализа имеет следы работы. Топоры-молоты встречаются только в мужских погребениях, а топоры-клинья – в мужских, женских и детских, причем топоры со следами работы имеются во всех половозрастных группах погребенных.

В ходе изучения этих двух категорий вещей решались следующие исследовательские задачи: во-первых, определение первоначального функционального назначения данных топоров, во-вторых, выяснение их особенностей в разных могильниках и, в-третьих, реконструкция тенденций их развития во времени.

Совместное рассмотрение топоров-молотов и топоров-клиньев обусловлено тем, что все они по своим первоначальным функциям являлись инструментами для работы по дереву. Существует несколько точек зрения о сферах применения каменных сверленных топоров, однако многие исследователи считают их боевыми. Д.А. Крайнов к

боевым (или ритуальным) топорам относил только тщательно сделанные топоры-молоты, а остальные считал рабочими инструментами (1972. С. 38). Поскольку большинство новинковских топоров-молотов (67%) имеет следы от работы как на лезвии, так и на обухе, мы вправе видеть в них именно орудия труда достаточно длительного использования.

В категории “топоров-клиньев” могут быть выделены топоры, тесла, клинья, долота и стамески. Вероятно, возможно выделение различных орудий и в категории “топоров-молотов”. Попробуем оценить принципиальные различия всех этих инструментов, используя определения, приведенные в толковом словаре Вл. Даля (1978).

По его определениям, *топор* – орудие для тески и рубки, в котором есть лопасть с лезвием и обух с проухом для насадки топорича. Лезвие топора идет вдоль топорича. У топора широкая тонкая лопасть, часто толстый обух. Топором в основном работают поперек волокон древесины.

Тесло – плотничье орудие, у которого лезвие поставлено не вдоль топорича, как у топора, а поперек. Им работают вдоль волокон. Лопасть широкая, тонкая.

Клин – короткий прямоугольный брусок, сужающийся к одному концу. Это инструмент с достаточно узким лезвием, широким обухом, прямоугольный в плане и треугольный в продольном сечении.

Долото – плотничье орудие для долбления. Это прямоугольный инструмент с узким поперечным лезвием.

Стамеска – плоское, тонкое долото.

Большинство фатьяновских каменных топоров-молотов с просверленным отверстием для рукоятки полностью соответствует классическому определению топора. Под это определение не попадает часть сверленных топоров, имеющих толстое лезвие. Возможно, при их последующем анализе удастся определить, для чего служили данные орудия.

Фатьяновские, в том числе и новинковские, кремневые топоры-клинья разнообразны по своим размерам и формам, что скорее всего свидетельствует об их разном функциональном применении. Существующие типологии топоров-клиньев (Городцов, 1916; Крайнов, 1972; Гадзяцкая, 1976; Артеменко, 1967) не были нацелены на выделение функционально разных орудий труда. Поэтому в данном случае передо мной стояла задача предложить такую систематизацию топоров-клиньев, которая основывалась бы на признаках, характеризующих различные инструменты для работы по дереву.

Какие же признаки определяют первоначальную функцию данных орудий? Во-первых, форма орудия в плане. Топоры и тесла имеют трапецевид-

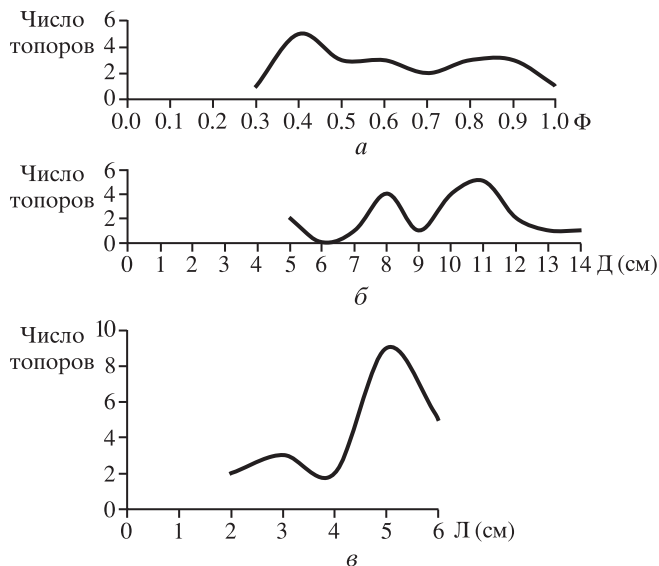


Рис. 1. Распределение новинковских топоров-клиньев: а – по форме в плане (Ф); б – по длине орудий (Д); в – по ширине лезвия (Л).

ную форму, а клинья, долота и стамески – прямоугольную. Во-вторых, размер, в частности длина орудия. Топоры, тесла и клинья больше в длину, чем долота и стамески. В-третьих, ширина лезвия. Самое широкое лезвие у тесла. У топора лезвие могло быть чуть уже, а у долота и стамески – самое узкое. В-четвертых, поперечное сечение, которое в сочетании с длиной орудия свидетельствует о его массивности. Наименее массивным инструментом, естественно, является стамеска.

Опираясь на эти признаки, проведем систематизацию новинковских топоров-клиньев. Все размерные границы групп выбраны исключительно по исследуемой совокупности орудий (рис. 1).

Первый этап. Деление орудий по форме в плане на трапецевидные (А) и прямоугольные (Б). Для этого используем простую формулу:

Φ (форма) = O (ширина обуха) деленная на L (ширина лезвия).

Орудия, у которых $\Phi \leq 0.6$, отнесены к трапецевидным, а у которых $\Phi \geq 0.7$, отнесены к прямоугольным (рис. 1, а).

Второй этап. Деление по длине орудий (Д). Распределение орудий по их длине дало четыре стандарта (рис. 1, б):

I – очень большие, где $D \geq 12$ см,

II – большие, где $9 \text{ см} < D < 12$ см,

III – средние, где $7 \text{ см} < D \leq 9$ см и

IV – малые, где $D \leq 7$ см.

Третий этап. Деление по ширине лезвия (Л). Распределение орудий по ширине их лезвия позволило выделить три группы (рис. 1, в):

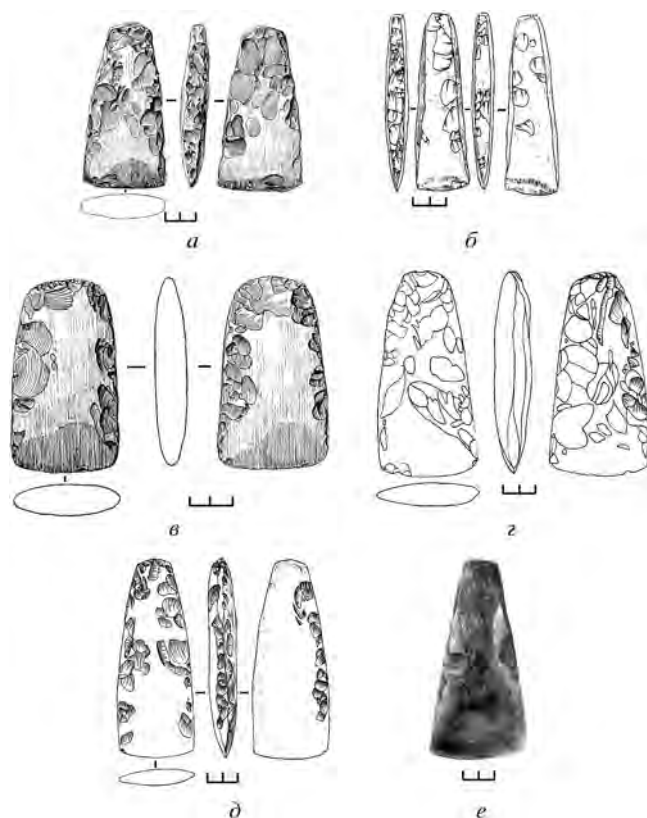


Рис. 2. Топоры-клинья из Новинковских могильников: *а* – тесло-топор из погр. 1 первого могильника; *б* – стамеска из погр. 26 второго могильника; *в* – долото (?) из погр. 8 второго могильника; *г*, *д* – тесла-топоры из погр. 3 третьего могильника; *е* – тесло-топор из погр. 2 четвертого могильника.

- 1 – широкое, где $L > 4$ см,
- 2 – среднее, где $2 \text{ см} < L \leq 4$ см,
- 3 – узкое, где $L \leq 2$ см.

Четвертый этап. Деление орудий по поперечному сечению на две группы: *а* – овальное или линзовидное, *б* – прямоугольное.

Таким образом, каждый топор-клин, согласно систематизированной информации, получает свой код. Кроме того, появляется возможность сравнивать орудия между собой на любом системном уровне. При последующем анализе топоров-клиньев выявились некоторые их закономерности. Во-первых, для трапецевидных орудий (А) характерны очень большие и большие размеры (I, II), а для прямоугольных (Б) – средние размеры (III). Во-вторых, почти у всех трапецевидных орудий широкое лезвие (1), а у прямоугольных – среднее и узкое (2 и 3). В-третьих, почти все прямоугольные орудия имеют овальное или линзовидное поперечное сечение (*а*), а прямоугольное сечение (*б*) зафиксировано в основном у очень больших и больших трапецевидных орудий.

Таким образом, можно предположить, что в группе А (орудия трапецевидной формы) сосре-

доточены тесла и топоры, а в группе Б (орудия прямоугольной формы) – долота и стамески. Среди новинковских топоров-клиньев не встречено орудий прямоугольных в плане и треугольных в продольном сечении, т.е. среди них нет клиньев. У фатьяновских топоров-клиньев отсутствуют отверстия для топорниц или специальные пазы для их крепления. Судя по этнографическим данным, существовало множество вариантов крепления подобных инструментов к рукояткам (с помощью веревок, воска, смолы и т.п.), также было возможно использование данных инструментов и без рукояток (Кабо, 1962. С. 20, 21). К сожалению, из-за отсутствия каких-либо следов крепления рукояток вопрос об их наличии или отсутствии остается открытым. По этой причине трудно отделать топор от тесла, поэтому они представляют собой пока единый вид орудия – тесло-топор.

Итак, в этой категории вещей нам удалось выделить тесла-топоры, долота и стамески.

Рассмотрим теперь, как эти орудия распределяются по четырем Новинковским могильникам. В *первом* зафиксированы четыре экземпляра – все трапецевидные, большие или очень большие с широким лезвием и большинство с прямоугольным поперечным сечением. Это массивные инструменты: тесла-топоры (рис. 2, *а*). Во *втором* могильнике найдены 12 экземпляров. Здесь в равной степени представлены и трапецевидные, и прямоугольные формы орудий, традиционно называемые топорами-клиньями, но нет очень больших, и только три орудия имеют прямоугольное поперечное сечение. В данном могильнике представлены почти все виды инструментов для работы по дереву, но тесла-топоры здесь не такие массивные, как в первом могильнике (рис. 2, *б*, *в*). В *третьем* могильнике найдены 4 экземпляра, среди которых также есть и трапецевидные, и прямоугольные орудия (рис. 2, *г*, *д*), но преобладают очень большие инструменты с широким лезвием (тесла-топоры). У всех орудий овальное или линзовидное поперечное сечение. В *четвертом* могильнике найдено только одно орудие трапецевидной формы, очень большое, с широким лезвием, которое может быть квалифицировано как тесло-топор (рис. 2, *е*).

Итак, могильники различаются по видам инструментов для работы по дереву. Но для такой категории вещей, как топоры-клинья, важен также показатель их степени встречаемости на памятнике, который является результатом деления количества топоров-клиньев на количество погребений в могильнике. По этому показателю могильники также отличаются друг от друга. В частности, в *первом* и *третьем* Новинковских могильниках этот показатель равен единице, т.е. число орудий аналогично числу по-

гребений, а во *втором* и *четвертом* могильниках он равен соответственно 0.46, и 0.5, т.е. такие орудия встречаются только в половине погребений. Для сравнения приведу Волосово-Даниловский могильник, расположенный в Ярославской обл. и отнесенный Д.А. Крайновым и О.С. Гадзяцкой к III этапу (XVII–XVI вв. до н.э.) развития фатьяновской культуры (1987. С. 38–40). Степень встречаемости топоров-клиньев здесь равна 0.26.

Опираясь на полученные мною раньше по результатам анализа керамики выводы о периодизации могильников (сначала оставлены первый и третий могильники, затем – второй и четвертый; см.: Волкова, 2007. С. 30–40), а также на результаты анализа новинковских топоров-клиньев, допустимо высказать следующие предположения о тенденциях их развития.

1. Со временем происходит уменьшение размеров тесел-топоров, которые постепенно становятся менее массивными.

2. Прямоугольные орудия (долота и стамески) появляются только у населения, оставившего третий могильник, и шире распространяются в последующее время.

3. В целом с течением времени так называемых топоров-клиньев в погребальном инвентаре Новинковских могильников становится меньше.

Таким образом, проведенная систематизация топоров-клиньев позволила выявить различия их по могильникам, а намеченная тенденция их развития соответствует предложенной в свое время Д.А. Крайновым и О.С. Гадзяцкой общей схеме развития таких орудий. Это, во-первых, уменьшение их размеров, во-вторых, постепенное исчезновение топоров с прямоугольным поперечным сечением и распространение топоров с овальным и линзовидным сечением и, в-третьих, вообще уменьшение числа топоров-клиньев в погребальном инвентаре (Крайнов, 1972. С. 67; Крайнов, Гадзяцкая, 1987. С. 31).

Перейдем к рассмотрению *топоров-молотов*. Как мы уже выяснили, большая часть этих орудий являлась по своей первоначальной функции именно топорами. Но среди фатьяновских сверленных топоров-молотов есть орудия с толстым лезвием, функционально не подходящим для рубки древесины. Попробуем провести их систематизацию и определить их функции.

Все существующие типологии сверленных топоров (Городцов, 1916; Брюсов, Зиминая, 1966; Артеменко, 1967; Крайнов, 1972; Гадзяцкая, 1976) характеризуются одним общим недостатком – в них отсутствует единый критерий для выделения типов. Это заставляет еще раз обратиться к решению данной задачи на более строгих основаниях. Предлагаемая мною систематизация орудий состоит из шести этапов.

Все размерные границы групп выбраны только по исследуемой совокупности орудий (рис. 3).

Первый этап. Деление топоров по их длине (Д) на три группы (рис. 3, а):

- I – большие, где $D > 16$ см,
- II – средние, где $10 \text{ см} < D \leq 16$ см,
- III – малые, где $D \leq 10$ см.

Второй этап. Деление орудий по характеру их лопасти на две группы: без лопасти и с длинной лопастью (больше 1 см).

Третий этап. Деление орудий по толщине лезвия (Л) на две группы (рис. 3, б): А – с тонким лезвием, где $L < 1.0$ и Б – с толстым лезвием, где $L \geq 1.0$. В данном случае величина “Л” равна отношению максимальной ширины топора к расстоянию от этой максимальной ширины до края лезвия.

Четвертый этап. Деление орудий по характеру обуха на четыре группы: а – обух не выражен, б – выражен удлинением, в – имеет выемку на пятке и г – имеет утолщение на пятке.

Пятый этап. Деление орудий по расположению отверстия (О) для рукояти на четыре группы (рис. 3, в):

- 1 – с сильным смещением к обуху ($O < 0.4$),
- 2 – со средним смещением к обуху ($0.4 \leq O \leq 0.6$),

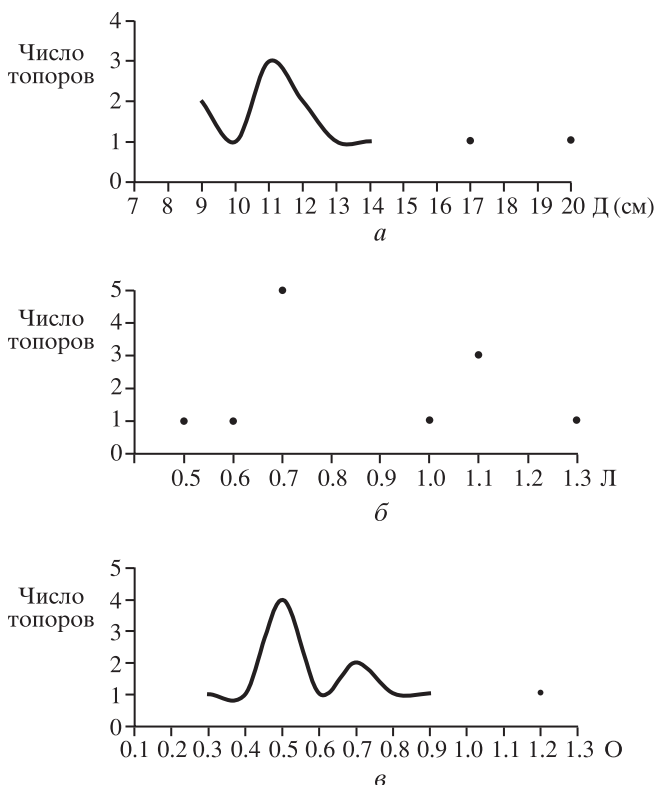


Рис. 3. Распределение новинковских сверленных топоров-молотов: а – по длине орудий (Д); б – по толщине лезвия (Л); в – по расположению отверстия для рукояти (О).

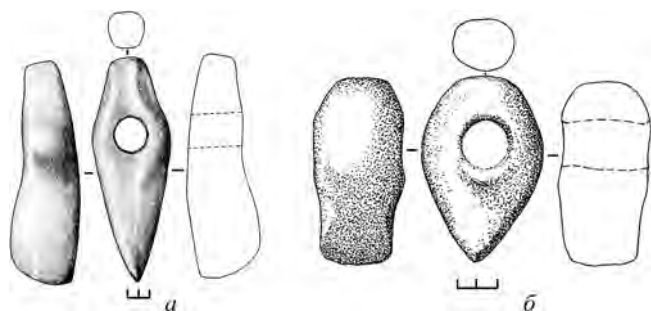


Рис. 4. Новинковские сверленные топоры-молоты двух групп: *а* – первой группы, с узким лезвием (могильник 4, погр. 2); *б* – второй группы, с широким лезвием (могильник 2, погр. 9).

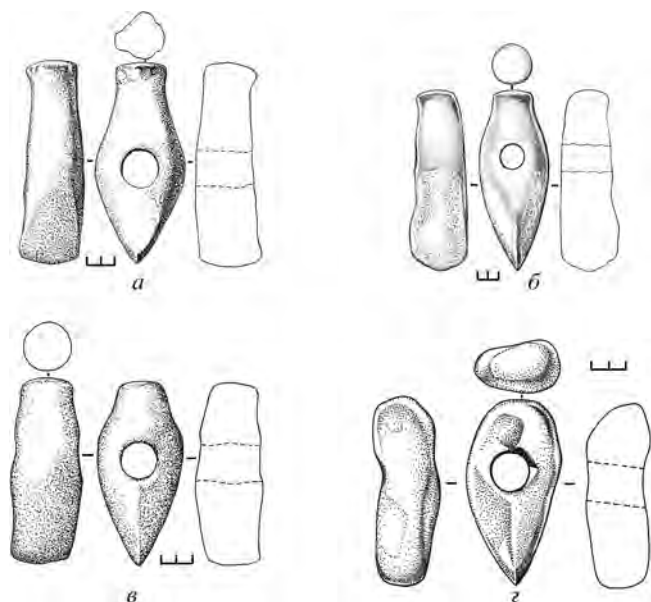


Рис. 5. Сверленные топоры-молоты из Новинковских могильников: *а* – могильник 1, погр. 3; *б* – могильник 2, погр. 17; *в* – могильник 2, погр. 6; *г* – могильник 3, погр. 3.

3 – с близким к центральному положению ($0.7 \leq O \leq 0.9$) и

4 – со смещением к лезвию ($O \geq 1.2$).

Показатель “О” вычисляется как отношение расстояния от пятки до отверстия к расстоянию от края лезвия до отверстия.

Шестой этап. Деление орудий по форме пятки обуха в плане на три группы: *о* – округлая, *к* – квадратная и *н* – неправильной формы.

В Новинковской коллекции имеются два больших топора-молота, семь средних и три малых.

Оба больших топора имеют длинную лопасть, удлинённый обух, тонкое лезвие и отверстие со средним смещением к обуху. Они различаются между собой только тем, что у одного округлая пятка обуха, у другого – квадратная (рис. 4, *а*).

В группе средних топоров доминируют безлопастные (86%) топоры с тонким лезвием (57%).

Среди топоров с тонким лезвием (4 экз.) преобладают безлопастные (75%) топоры с удлинённым обухом (75%), отверстием для рукоятки со средним смещением к обуху (75%) и округлой пяткой (75%). Среди топоров с толстым лезвием (3 экз.) нет длиннолопастных. У двух из них обух не выражен (67%), у третьего выражен удлинением и утолщением на пятке. Кроме того, у этого топора, в отличие от всех прочих, отверстие для рукоятки смещено к лезвию (рис. 5, *а*). У остальных двух топоров отверстие близко к центральному положению. Пятка у двух топоров имеет неправильную форму (67%), а у одного – округлую.

Все три малых топора безлопастные. Два из них имеют толстое лезвие, а один – тонкое. У двух топоров с толстым лезвием обух никак не выражен, а отверстие либо занимает центральное положение, либо слегка смещено к обуху, пятка округлая. У топора с тонким лезвием фиксируется выемка на пятке и отверстие для рукоятки сильно смещено к обуху. Нет никаких сомнений, что этот топор (рис. 6) либо был переделан из сломанного готового топора средних размеров, либо сделан из неудачной заготовки для среднего по размеру топора. Если исключить этот нетипичный случай, то можно предполагать, что для малых топоров характерны толстое лезвие и невыраженный обух с пяткой округлой формы.

В результате проведенной систематизации топоров-молотов выделились две группы инструментов: *первая* – собственно топоры (7 экз. – 58%) и *вторая* – орудия с толстым лезвием (5 – 42%). В первую группу входят инструменты больших и средних размеров с тонким лезвием, с лопастью или без нее, удлинённым обухом и средним смещением отверстия для рукоятки к обуху (рис. 4, *а*). Во второй группе сосредоточены инструменты средних и малых размеров с толстым лезвием, безлопастные, с невыраженным обухом и отверстием, расположенным, преимущественно близко к центру. Возможно, именно эти инструменты использовались в качестве орудий-клиньев (рис. 4, *б*). Судя по размерам и форме обухов, орудия обеих групп могли служить также и молотами. Это позволяет предположительно назвать орудия первой группы топорами-молотами, а орудия второй группы – клиньями-молотами.

Кроме того, в ходе проведенной систематизации удалось выявить ряд закономерностей. Для орудий первой группы они состоят в следующем: с увеличением их общего размера возрастает количество топоров, во-первых, с длинными лопастями, во-вторых, с удлинёнными обухами, в-третьих, с отверстиями со средним смещением к обуху. Для орудий второй группы выявляются несколько иные закономерности: с уменьшением их общего размера возрастает количество топоров, во-первых, с невыраженным обухом и, во-вторых, с отверстием

для рукояти, размещенным либо в центре орудия, либо с небольшим смещением к обуху.

По четырем Новинковским могильникам так называемые топоры-молоты распределяются следующим образом. В *первом могильнике* из трех имеющихся сверленных орудий два среднего размера и один малый, но переделанный скорее всего из орудия среднего размера, больших нет. Все орудия безлопастные, с пяткой неправильной формы. Оба средних орудия относятся ко второй группе, т.е. имеют толстое лезвие. Третий, малый, топор имеет тонкое лезвие. У одного из орудий второй группы обух не выражен, у другого выражен удлинением и утолщением на пятке (рис. 5, а). У первого отверстие для рукояти расположено близко к центру, у второго – смещено к лезвию. У малого топора, относящегося к первой группе, обух не выражен, на пятке имеется выемка от отверстия старого топора, а новое отверстие сильно смещено к обуху (рис. 6).

Во *втором могильнике* (6 экз.) преобладают топоры среднего размера, имеются два малых и один большой. Четыре из шести топоров снабжены тонким лезвием (относятся к первой группе) и два – толстым лезвием (принадлежат ко второй группе). В первой группе преобладают топоры средних размеров, имеется один большой и нет малых. Два топора в этой группе характеризуются длинной лопастью (рис. 5, б), два других – безлопастные (рис. 5, в). У всех удлинен обух. Оба орудия второй группы относятся к малым, их обухи по форме никак не выражены, а лезвия не имеют длинных лопастей. У всех шести орудий округлая форма пятки обуха и отверстие для рукояти имеет среднее смещение к обуху (рис. 5, б).

В *третьем могильнике* только один сверленный топор (рис. 5, г). Он относится к первой группе орудий, т.е. имеет тонкое лезвие. Это топор среднего размера, безлопастной, с невыраженным обухом и пяткой неправильной формы. Отверстие для рукояти имеет среднее смещение к обуху.

В *четвертом могильнике* также один топор, относящийся к первой группе орудий, имеет большой размер, длинную лопасть, удлиненный обух и подквадратную пятку. Отверстие для рукояти расположено со средним смещением к обуху (рис. 4, а).

Базируясь на относительной хронологии могильников, можно наметить следующие тенденции в развитии так называемых топоров-молотов. В частности, со временем у позднего новинковского населения (второй и четвертый могильники) форма сверленных орудий становится функционально более стандартизированной. Орудия первой группы немного увеличиваются в размерах, в основном за счет удлинения обуха, начинают появляться топоры с длинной лопастью, отверстие для рукояти постоянно размещается с небольшим смещением к обуху,

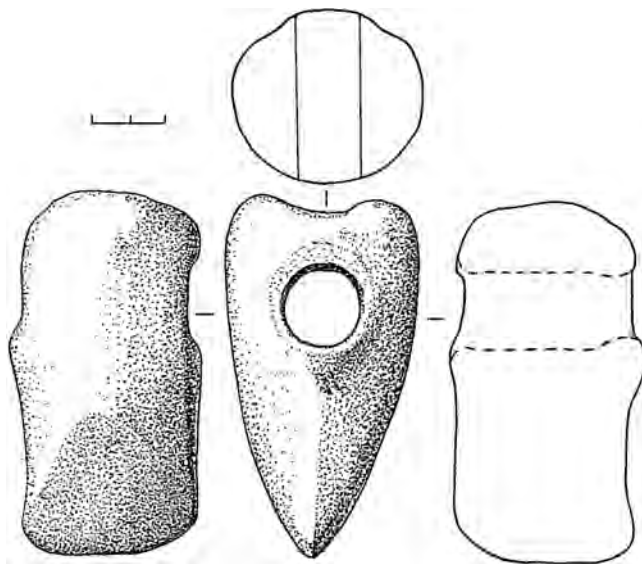


Рис. 6. Каменный сверленный топор-молот из первого Новинковского могильника (подъемный материал).

пятка обуха принимает правильную округлую, реже подквадратную, форму. Можно предположить, что все эти изменения объективно приводили к постоянной выработке оптимальной по своей функции форме топора как инструмента для рубки и тески дерева. Сверленные орудия второй группы, наоборот, постепенно уменьшаются, у них никак не выражен обух, а лезвие никогда не имеет длинной лопасти. Отверстие для рукояти либо расположено в центре, либо слегка смещено к обуху. Пятки у всех округлые. По этим признакам орудия данной группы становятся более близкими именно клинью-молотам.

В результате сравнения тенденций развития так называемых топоров-клиньев и топоров-молотов мы приходим к следующим выводам.

1. Материалы четырех Новинковских могильников дают возможность выявить происходящий у новинковского населения процесс стандартизации производства каменных сверленных топоров и кремневых топоров-клиньев. Среди первых начинают выделяться две категории инструментов – топоры-молоты и клинья-молоты, – имеющие свои собственные стандарты. Среди кремневых топоров-клиньев более четко начинают выделяться тесла, долота и стамески.

2. Все это можно объяснить происходящим у изучаемого населения процессом развития более узкой специализации каменных и кремневых орудий для работы по дереву, когда каждое орудие труда приближается к своей функционально оптимальной форме.

Кроме того, хотелось бы остановиться еще на одном вопросе. Наличие каменных топоров для рубки и тески деревьев у исследуемого населения

позволяет предположить, что группа кремневых орудий, названная нами тесла-топоры, содержит, в основном, именно тесла. Таким образом, можно говорить о том, что позднее новинковское население, оставившее второй и четвертый могильники, располагало набором основных плотницких инструментов: каменными топорами-молотами и клиньюми-молотами, а также кремневыми теслами, долотами и стамесками.

В заключение хочу обратить внимание на то, что хотя обе систематизации орудий сделаны на относительно небольшом материале Новинковских могильников, их можно использовать и для анализа соответствующих орудий из других фатьяновских могильников. Это было предпринято мною на материалах из Тургиновского и Волосово-Даниловского могильников. Кроме того, систематизации позволяют работать как на отдельно взятых уровнях, так и вносить в них, если потребуется, дополнительные признаки (уровни).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемченко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967.
- Брюсов А.Я., Зимица М.П. Каменные сверленные боевые топоры на территории европейской части СССР. М., 1966 (САИ; Вып. В4-4).
- Волкова Е.В. Керамика могильника Новинки 1 (по материалам раскопок 1990–1992 гг.) // ТАС. 1994.
- Волкова Е.В. Культурные традиции в гончарстве фатьяновского населения (по материалам могильников Новинки 1, 2) // ТАС. 1996. Вып. 2.
- Волкова Е.В. Погребальные комплексы фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 // ТАС. 2000а. Вып. 4. Т. 1.
- Волкова Е.В. Опыт реконструкции пола и возраста погребенных в фатьяновских могильниках Новинки 1 и 2 // ТАС. 2000б. Вып. 4. Т. 1.
- Волкова Е.В. Могильники фатьяновской культуры Новинки 1 и 2 (по результатам археологических исследований в 1999 и 2000 гг.) // ТАС. 2002. Вып. 5.
- Волкова Е.В. О методах изучения сходства фатьяновских керамических комплексов // РА. 2007. № 3.
- Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. М., 1976 (САИ; Вып. В1-21).
- Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916.
- Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
- Кабо В.Р. Каменные орудия австралийцев // Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов. М.; Л., 1962 (Тр. ИЭ. Нов. сер.; Т. LXXX).
- Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э. М., 1972.
- Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // М., 1987 (САИ; Вып. В1-22).
- Лаврушин Ю.А. Геолого-геоморфологическая ситуация местонахождения археологических памятников в окрестностях д. Новинки Завидовского заповедника Тверской области // Волкова Е.В. Отчет о раскопках могильников Новинки 1 и 2 в Калининском районе Тверской области в 2000 г. Т. 1. М.; Тверь, 2001 // Архив ИА РАН.
- Мирецкий А.В. Заключение по результатам анализа коллекции кремневых изделий из раскопок могильника Новинки 1 в Калининском районе Тверской области // Волкова Е.В. Отчет о раскопках могильников Новинки 1 и 2 в Калининском районе Тверской области в 2000 г. Т. 1. М.; Тверь, 2001 // Архив ИА РАН.
- Черных И.Н. Древнейшее прошлое территории национального парка “Завидово” по археологическим памятникам // Национальный парк “Завидово”, 75 лет. М., 2004.
- Черных И.Н., Волкова Е.В. Раскопки фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 на р. Шоше в Тверской области // АО-1994. 1995.
- Черных И.Н., Ланцев А.П., Волкова Е.В. Могильник фатьяновской культуры Новинки 1 на р. Шоше в Тверской области (по материалам исследований 1990–1992 гг.) // ТАС. 1994.

Axes from Fat'yanovo cemeteries near Novinki village (Kalininsky region, Tver oblast')

He.V. Volkova

Summary

The article is devoted to elaborating an overall systematics for the stone axes and other woodworking tools from the excavations at four Novinki cemeteries of the Bronze Age Fat'yanovo culture. The article lists the typical sizes and proportions of the different types of tools and suggests the criteria for reconstructing their most probable function. The author uses the relative chronology of the Novinki cemeteries as established in the course of pottery studies to outline some of the trends of the tools' evolution in time. The herein presented systematics has been successfully applied to materials from a series of other Fat'yanovo cemeteries.

РАННЕКАТАКОМБНЫЕ КУРИЛЬНИЦЫ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

© 2010 г. Н.В. Панасюк

Институт археологии РАН, Москва

На территории Ергенинской и Ставропольской возвышенностей выделен пласт погребений, характеризующийся сооружением катакомб с вытянутыми костяками, с богатым и своеобразным набором погребального инвентаря, включающим костяные или бронзовые булавки, украшения, ножи. Подобные погребения связываются с раннекатакомбным периодом или культурой (Кияшко, 2002; Шишлина, 2007). В данном случае раннекатакомбный период понимается в довольно широком смысле – как этап, предшествующий развитым катакомбным культурам; как время, когда формируются основные характеристики погребального обряда, складываются определенные наборы диагностирующих вещей. К этому же периоду следует относить, на наш взгляд, и захоронения степной северокавказской культуры (Шишлина, 2007.

С. 146–148), сосуществование которой с раннекатакомбными памятниками подтверждается стратиграфическими данными и типологическим сходством инвентаря.

Погребения, относящиеся к раннекатакомбному периоду, в некоторых случаях содержат курильницы, представляющие совершенно особый тип ритуальных чаш, привлекавший внимание исследователей, когда их находки были еще единичны (Державин, 1991. С. 37). На сегодняшний день можно говорить уже о целой серии подобных курильниц, обнаруженных на территории степного Предкавказья (рис. 1). Типологический анализ находок и сопоставление данных погребального обряда позволяют выявить тенденции появления и развития курильниц как специфической формы керамики, использовавшейся в погребальном обряде. Общеизвестно, что данная

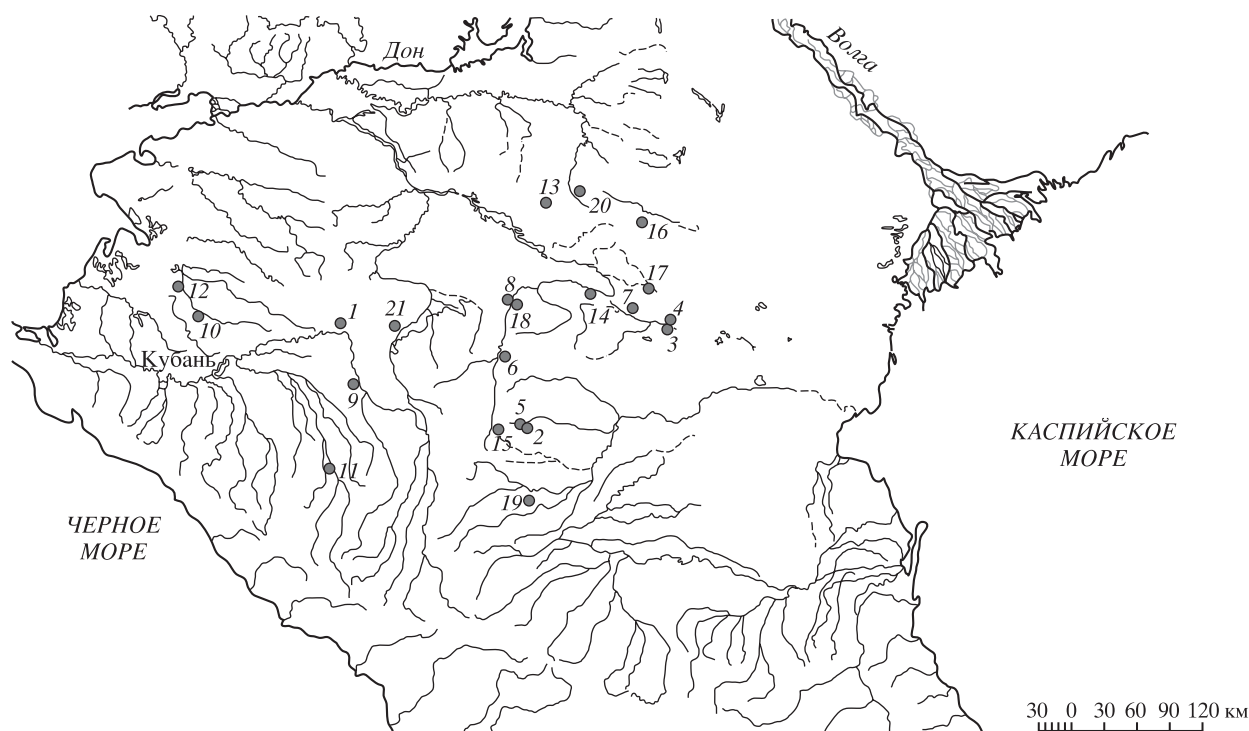


Рис. 1. Распространение ранних типов курильниц. 1 – Расшеватский I; 2 – Веселая Роща II, III; 3 – Восточный Маныч (правый берег); 4 – Восточный Маныч (левый берег) III (66); 5 – Китаевка; 6 – Светлоград; 7 – Зунда-Толга-6; 8 – Ипатово 3; 9 – Новокубанский; 10 – Пролетарский; 11 – Ипподромный; 12 – Брюховецкий; 13 – Лысянский II; 14 – Шарахалсун 2; 15 – Красное Знамя II; 16 – Три Брата I; 17 – Чограйский V; 18 – Барханчак 2; 19 – Конзавод; 20 – Термта III; 21 – Птичье I.

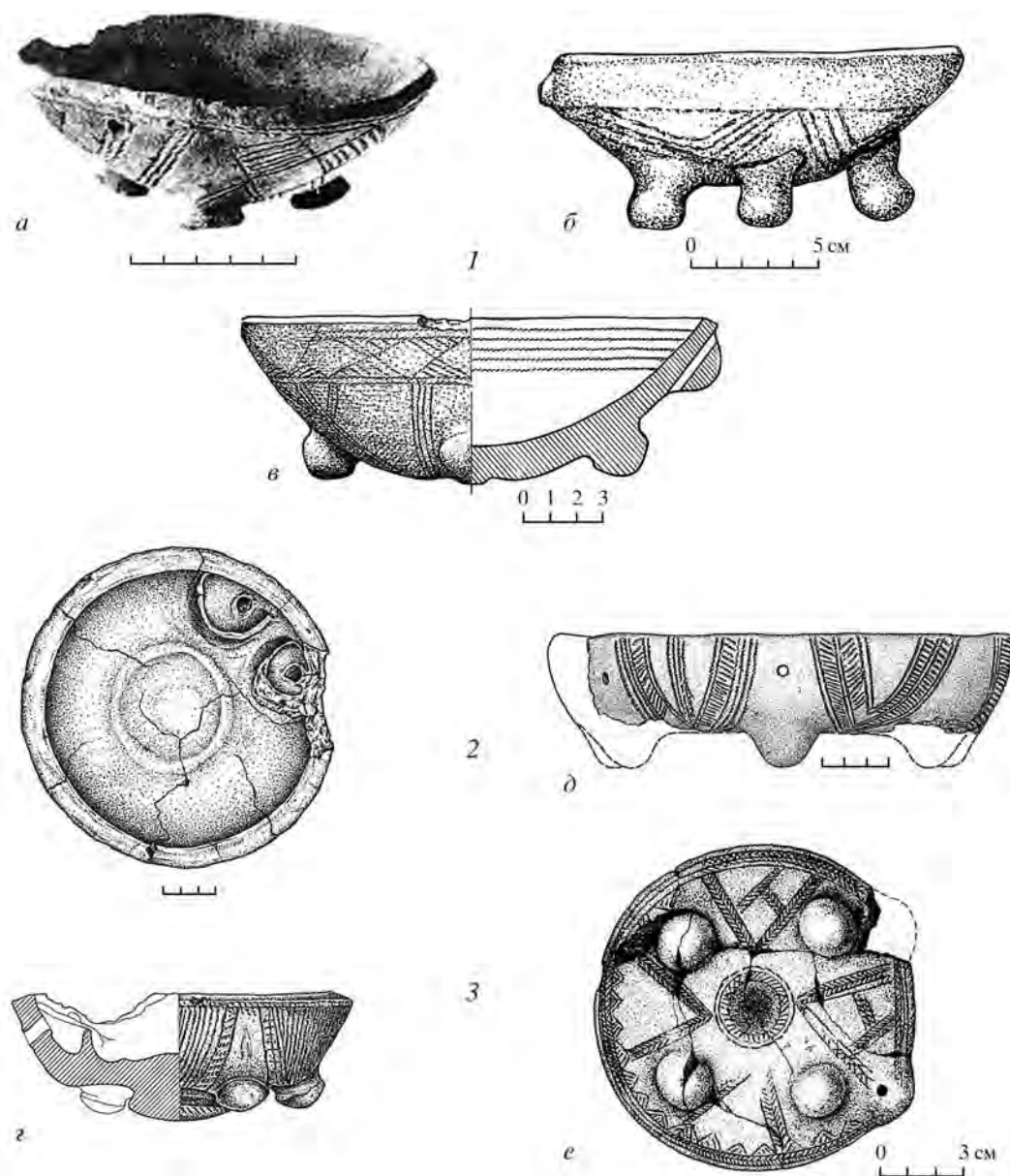


Рис. 2. Морфологические особенности курильниц I типа (по: Егоров, 1970). 1 – форма ножек; 2 – виды отделений/отверстий; 3 – углубления в дне чаши; а – Веселая Роща III 1/4 (по: Державин, 1991); б – Расшеватский I 27/2; в – Веселая Роща III 4/7 (по: Державин, 1991); г – Темрта III 1/1 (по: Шишлина, 2007); д – Зунда-Толга 6 4/1 (по: Шишлина, 2007); е – Иноземцево 1 3/рит. комплекс 2.

форма керамики появляется уже на раннем этапе формирования катакомбной культуры и выполняет сходную с жаровнями функцию (Кияшко, 2002. С. 139). Археологические исследования последних десяти лет могильников в Ставропольском крае и на юго-востоке Ростовской обл. позволяют расширить число находок и поставить вопрос о более дробной хронологии и классификации ранних типов курильниц.

Впервые серия раннекатакомбных ритуальных чаш была выделена В.Л. Державиным, куда он отнес курильницы, обнаруженные как в катакомбах,

так и в узких ямах¹ (1991. Рис. 4). Они обладают устойчивой формой: широкая округлая приземистая чаша (соотношение высоты и диаметра чаши составляет, в среднем, 1:2.5), в некоторых случаях скорее даже миска, на четырех низеньких раздельных ножках, которые размещены по внешней окружности чаши (рис. 2). Ножки представляют

¹ Веселая Роща I 29/4; Веселая Роща III 10/5; Веселая Роща III 1/4; Веселая Роща III 4/7; Веселая Роща III 15/1; Китаевка 8/14. Здесь и далее после названия могильника дается номер кургана и номер погребения через косую черту.

собой округлые или грибовидные столбики (рис. 2, 1), иногда приближающиеся к шаровидной форме. Характерная морфологическая черта – наличие отверстий, проделанных в стенке чаши. Во всех случаях отделение, практически обязательное для более поздних типов курильниц и располагающееся на внутренней стенке чаши, здесь отсутствует. Другой морфологической особенностью являются два выступа, напоминающие ручки: в таком случае тоже присутствуют сквозные отверстия, но они вертикальные (рис. 2, 2). На наш взгляд, эти отверстия и выступы можно интерпретировать как морфологические детали, сходные по смыслу с отделением внутри чаши. Для данного типа курильниц характерна еще одна конструктивная деталь, нигде более не встречающаяся, – углубление на внешней стороне дна чаши (рис. 2, 3). Это углубление является центром орнаментального оформления чаши.

Оригинальной является курильница из могильника Темрта III 1/1 (Шишлина, 2007. С. 173. Рис. 84; Шишлина и др., 2009). Курильница в виде чаши округлой формы на отдельных ножках с двумя отделениями, расположенными рядом, в каждом – сквозное отверстие в наружной стенке (рис. 2, 2). Стенки чаши ровные, прямые, расширяющиеся кверху; верхний край плоский и широкий, несколько загнут внутрь. Дно плоское, горизонтальное, в центре его имеется незначительно выделенное специальным валиком углубление. С внешней стороны чаша имеет довольно оригинальное оформление: на дне в центре сформован “умбон” грибовидной формы, который соответствует углублению в центре дна внутри чаши; вокруг него по окружности дна чаши симметрично располагаются шесть округлых ножек, имеющих расширение книзу. Характерно, что высота “умбона” заметно превышает высоту ножек, что исключает устойчивое положение чаши. Морфологическая особенность чаши подчеркнута и декором. Ее внешняя поверхность орнаментирована треугольными фестонами, образованными несколькими рядами расположенных параллельно шнуровых оттисков, сходящихся ко дну чаши. Треугольные фестоны заполняют пространство между ножками. Центральный “умбон” выделен по дну чаши шестью кольцевыми рядами отпечатков шнура. Сам “умбон” по окружности украшен тремя рядами шнуровых оттисков. Единственная аналогия, известная нам на сегодняшний день, обнаружена в могильнике Тоннельный-6 1/8 (Ставропольский край)².

Орнаментальные композиции на описанных курильницах довольно стандартны. Почти все они украшены отриском одинарного шнура, образу-

щего параллельные линии или заштрихованные треугольники и ромбы; в двух случаях композиция сформирована прочерченными линиями (рис. 3, 1). Декоративная композиция формируется вокруг центрального углубления и составлена несколькими рядами фигур, состоящих из отдельных элементов, образованных оттисками шнура. Основной элемент орнамента – линейный оттиск одинарного шнура (рис. 3, 2). Он опоясывает чашу по окружности под венчиком одной-тремя параллельными линиями. Следующая зона образуется фигурами, сформированными опять же оттисками шнура; данные фигуры представляют собой равнобедренные треугольники, У-образные композиции, одиночные ромбы или их сочетания. Эта зона локализуется на дне чаши, ниже горизонтальных линий, между ножками чаши, которые, видимо, также следует включать в восприятие орнаментальной композиции. Таким образом, данная зона представляет собой своеобразное обрамление центральной части дна чаши, обозначенной углублением или выпуклостью (умбоном). Центральное положение последней зоны подчеркивается одним или несколькими горизонтальными рядами оттисков одинарного шнура (рис. 3, 3). В двух случаях курильницы имеют орнаментацию на внутренней поверхности чаши: Веселая Роща III 10/5 (Державин, 1991) и Ипподромный I 1/2 (Жупанин, 1990). Здесь он представляет собой концентрические круги, спускающиеся от стенок ко дну чаши, где сформирована многолучевая звезда оттисками зубчатого штампа (рис. 3, 4).

Описанные В.Л. Державиным курильницы уже В.Г. Егоровым были отнесены к первому, самому раннему типу (1970. С. 158). Типологически близки с ними по основным морфологическим и орнаментальным признакам ритуальные чаши, обнаруженные на территории республики Калмыкия: Зунда-Толга 6 4/1, Восточный Маныч (левый берег)-III-65 4/14 (Синицын, 1965), Чограйский V 11/4 (Шишлина, 2007. Рис. 44); Ставропольского края – Светлоград 2/4 (Андреева, 1978), Расшеватский-1 12/5 (Березин, 1999) и в Прикубанье – Ипподромный I 1/2 (Жупанин, 1990), Новокубанск 2/5 (Шевченко, 1985), Пролетарский 5/10 (Шевченко, 1986), Успенский 4/5 (Каминский, 1986), КРОС 3/9 и 3/11 (Николаев, 1980). Расширение базы данных и исследования погребального обряда позволяют определенно связывать подобные курильницы с раннекатакомбным периодом – временем формирования катакомбной традиции. Ряд комплексов, которые по основным характеристикам могут быть отнесены к раннекатакомбному периоду (Кияшко, 2002; Шишлина, 2007) и содержат сходные ритуальные чаши, был открыт в Центральном Ставрополье в последние годы. Эти комплексы впервые вводятся в научный оборот, в свя-

² Раскопки А.Д. Матюхина 2005 года. Выражаю благодарность А.А. Калмыкову за предоставленную информацию о неопубликованном материале.

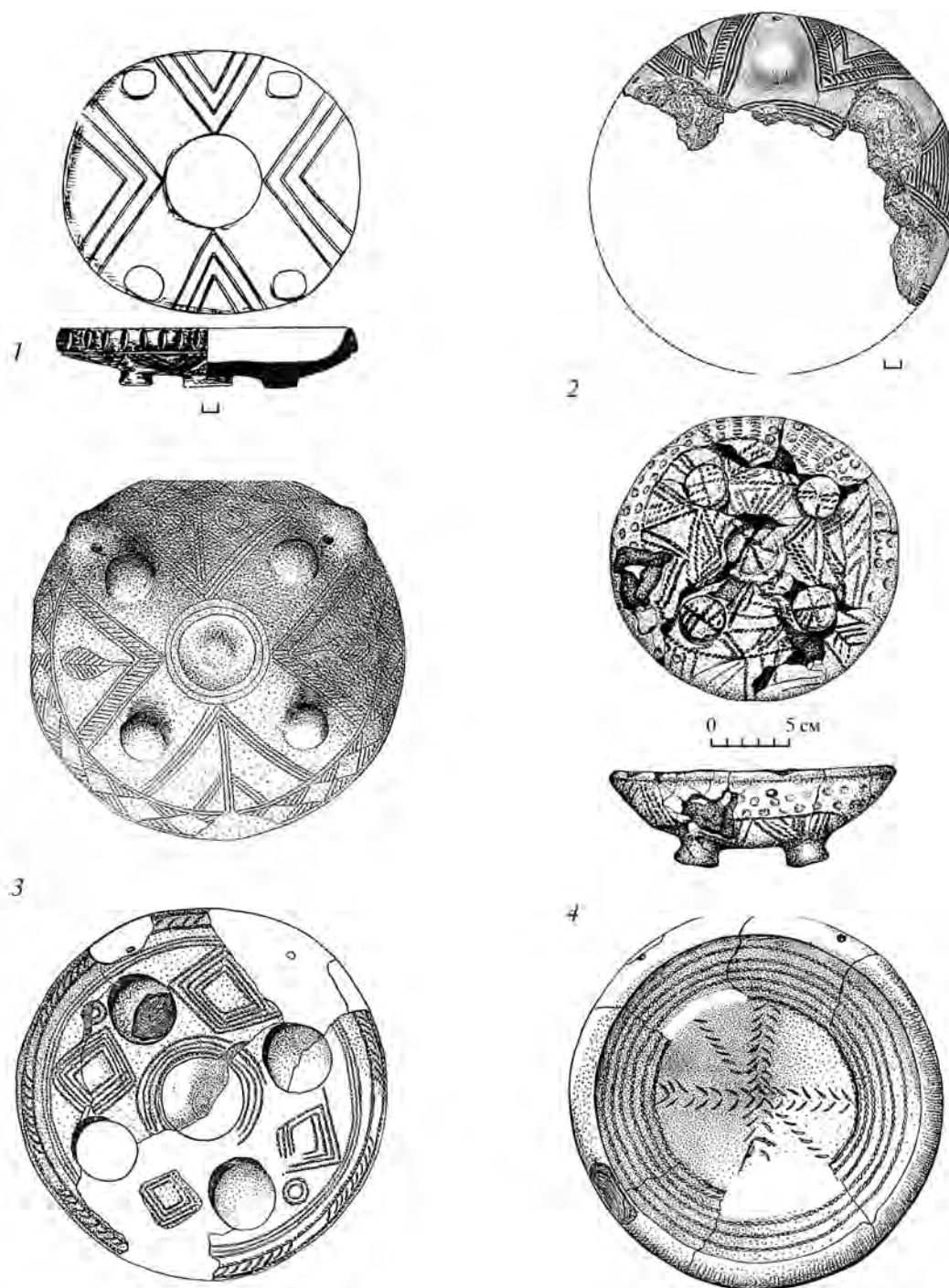


Рис. 3. Орнаментальные композиции курильниц I типа (по: Егоров, 1970). 1 – прочерченный орнамент (Восточный Маныч-III (левый берег)-65 4/14); 2 – шнуровые оттиски (Зунда-Толга 6 4/1); 3 – композиция на дне чаши (Веселая Роща III 4/7; Расшеватский 1 21/8); 4 – орнамент внутри чаши (Веселая Роща III 10/5).

зи с чем считаем необходимым привести их полное описание³.

³ Выражаю глубокую признательность руководству и сотрудникам ГУП “Наследие”: А.Б. Белинскому, А.А. Калмыкову, Я.Б. Березину, В.Л. Ростунову за возможность ознакомиться и разрешение опубликовать материалы из новых раскопок в Ставропольском крае.

Так, в северо-западном секторе кургана 21 могильника *Расшеватский 1* (Новоалександровский район Ставропольского края) было исследовано погребение 8 (Ростунов, 2000). Погребение располагалось в северо-западном секторе кургана и было связано с сооружением насыпи V (Ростунов, 2006. С. 185). Могильная конструкция представляла собой катакомбу;

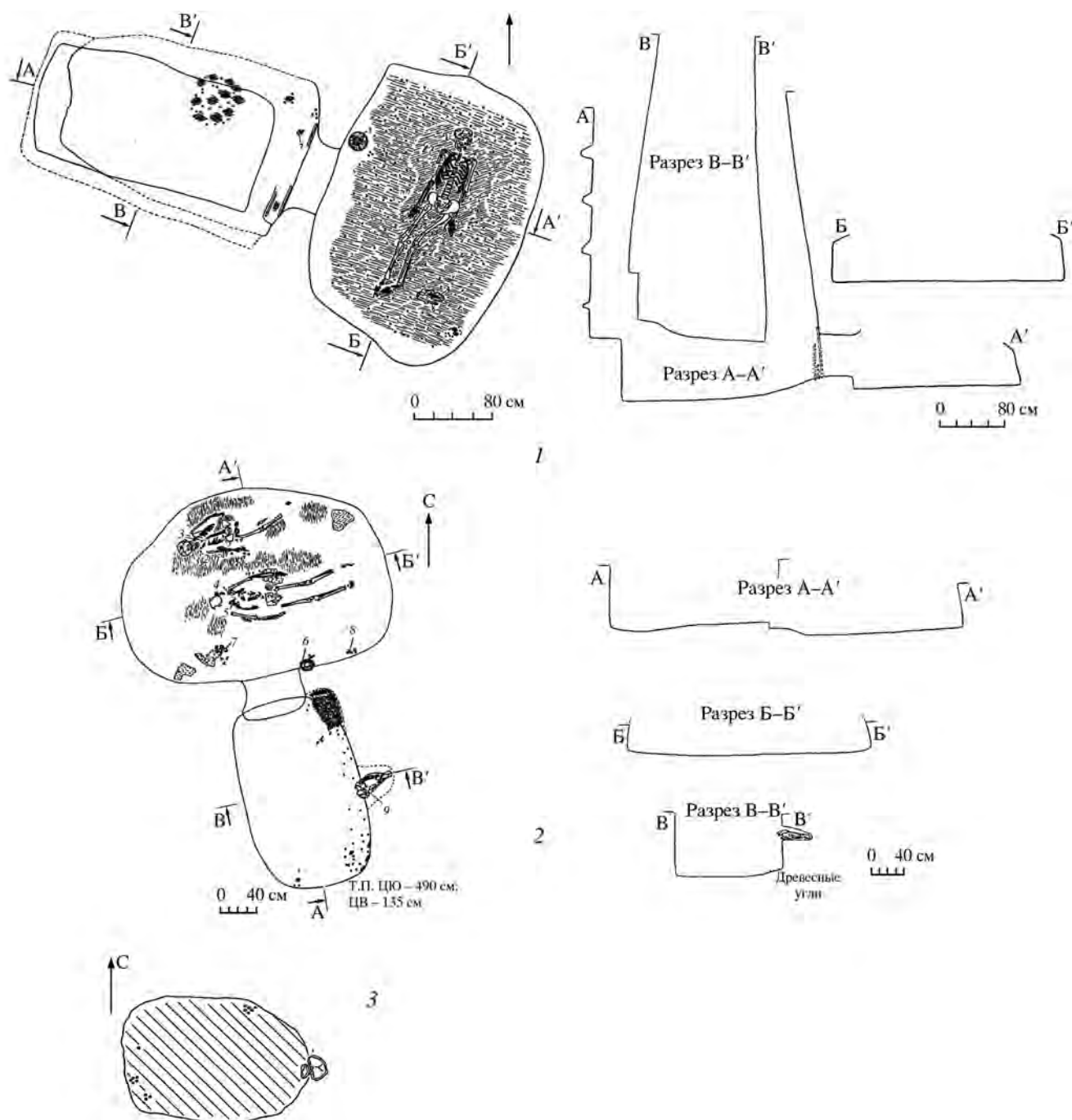


Рис. 4. Планы и разрезы погребений. 1 – могильник Расшеватский 1 к. 21, п. 8; 2 – могильник Расшеватский 1 к. 27, п. 2; 3 – могильник Иноземцево к. 3, ритуальный комплекс 2.

входная яма имела подпрямоугольную в плане форму, ориентированную по длинной оси ЗСЗ–ВЮВ. Стенки ямы расширяются ко дну; размеры входной шахты по дну – 2.82×1.75 м, глубина составляет около 3.5 м (рис. 4, 1). В заполнении входной ямы найден каменный предмет со следами обработки (рис. 5, А, 1). Также в заполнении входной ямы в северо-восточном конце обнаружен наборный браслет (ожерелье?), состоящий из бронзовых витых и “лап-

чатых” стреженьков-подвесок и бронзовых блях-медальонов, вероятно, брошенный в шахту в момент ее засыпки (рис. 5, А, 2). В центральной части дна ямы зафиксировано пятно кострища округлой формы размером 50×58 см, в котором содержатся крупные угли, зола и фрагменты обожженного грунта кирпично-красного цвета. В торцевой восточно-юго-восточной стенке входной ямы в придонной части находился вход в камеру арочной формы. Вход имел

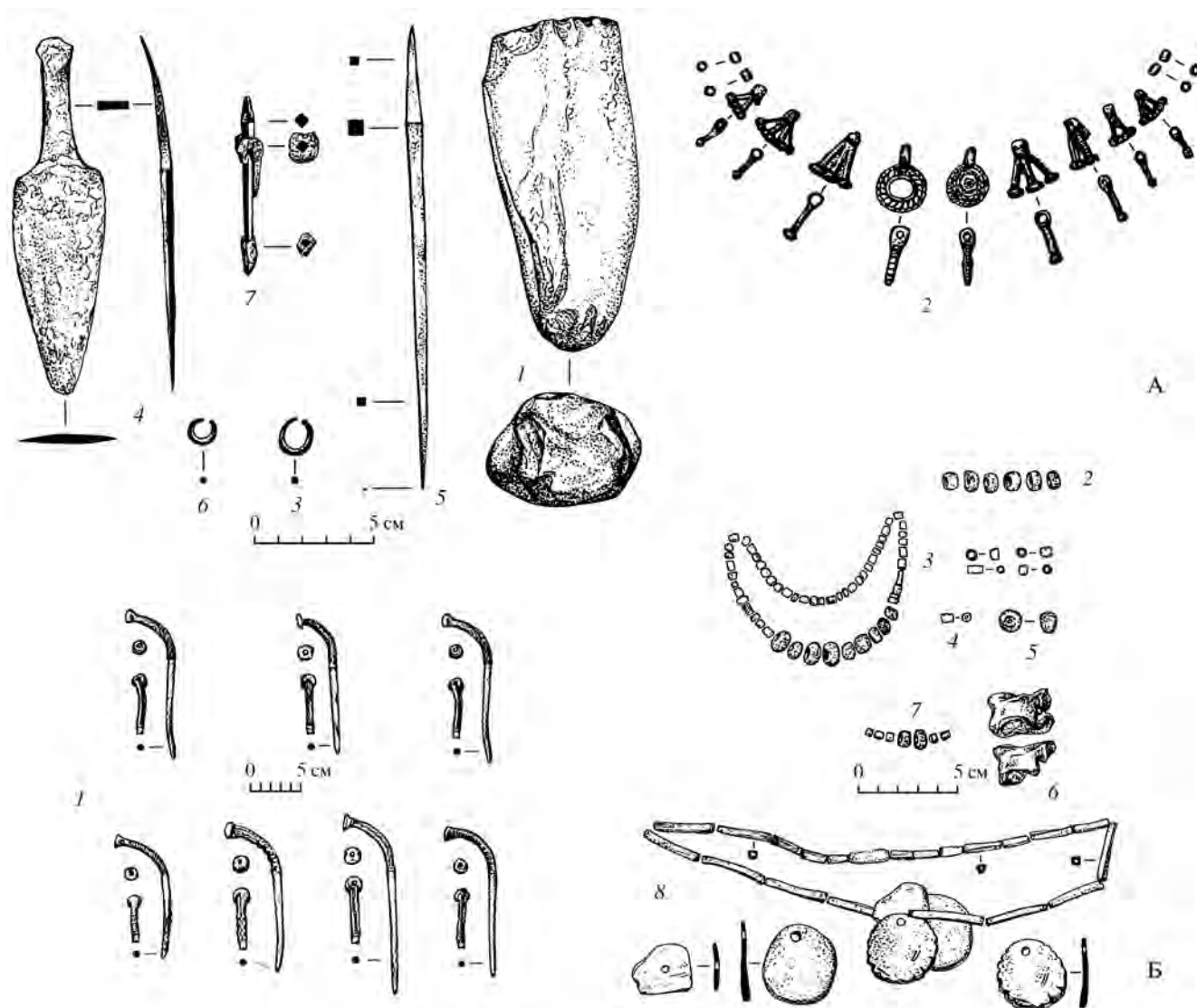


Рис. 5. Инвентарь погребений могильника Расшеватский 1. А – курган 21, погребение 8; Б – курган 27, погребение 2.

деревянный заклад – у его основания зафиксированы отпечатки плах, а в заполнении лаза обнаружен древесный тлен. Камера катакомбы соединялась с входной шахтой при помощи дромоса: свод его обрушился, длина составила 0.34 м при наибольшей ширине 0.7 м. Переход в камеру был оформлен ступенью высотой 17 см. Камера имела форму неправильного овала, ориентирована по длинной оси ССВ–ЮЮЗ, т.е. камера перпендикулярна входной яме. Размеры камеры – 2.83×2.03 м, максимальная высота сохранившегося свода – 69 см; вероятно, он был купольным. На дне камеры, на глубине – 340 см от верхнего края входной шахты, в центре на тлене черного цвета от камышовой циновки располагался костяк взрослого человека, лежащего на спине, слабоскорченно, с подогнутыми ногами коленями вверх, руки вытянуты вдоль и прижаты к туловищу, ориентирован головой на ССВ. Под костяком на циновке про-

слежена меловая подсыпка и мощный (до 1 см) темно-коричневый слой органического происхождения. В районе черепа погребенного (у основания нижней челюсти и под черепом) были найдены две височных подвески из желтого металла (рис. 5, А,3,6), у правого плеча – бронзовое шило с остатками деревянной рукояти (рис. 5, А,7). В 15–40 см к ЮЮВ от левой пяточной кости зафиксировано пятно темно-красной охры неправильной-овальной формы, на котором располагались бронзовый нож с остатками кожаного футляра и бронзовое шило (рис. 5, А,4,5). Дальше к юго-востоку находился кусок формованной охры. Слева от входа в камеру стояла на ножках курильница, рядом с которой были зафиксированы мелкие угольки.

Курильница представляет собой чашу округлой формы, без отделения, на четырех симметрично

расположенных цилиндрических, расширяющихся книзу ножках с закругленными и уплощенными основаниями (рис. 6, 1). Ножки располагаются на некотором расстоянии друг от друга, в месте перегиба от плоского дна чаши к поднимающимся стенкам. В одной из стенок на небольшом расстоянии друг от друга (2 см) проделаны два сквозных отверстия. Верхний край приострен, имеет незначительный уклон наружу. На внешней стороне дна сделано углубление диаметром 3.8 см и глубиной 2 мм. Поверхность курильницы затерта, даже чуть подлощена; цвет чаши коричневый и темно-серый. Тесто хорошо отмучено, с примесью песка и шамота, в изломе черное. Курильница плохо обожжена и в связи с этим имеет плохую сохранность – частично расслаивается. Основной орнаментальный прием – отгиски шнура, которые покрывают всю внешнюю поверхность чаши, включая углубление и основания ножек. Характерной деталью является то, что углубление не выделено орнаментом, – шнур его пересекает. Композиция составлена из сочетания косых и вертикальных линий, образующих треугольники, вписанные в квадрат. По верхнему краю внешней поверхности помимо этого нанесен пояс, составленный из рядов круглых вдавлений, косых прочерченных линий и ногтевых вдавлений. Размеры курильницы: высота – 5.6 см, высота чаши – 4.1 см, высота ножек – 1.5 см, диаметр чаши – 18 см, диаметр ножек – 2.8 см.

В этом же могильнике в кургане 27 было обнаружено сходное погребение 2 (Ростунов, 2000). Оно было впускным, обнаружено в 5.0 м к югу от центра. Входная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами была ориентирована по длинной оси ССЗ–ЮЮВ (рис. 4, 2). Ее размеры 2.10 × 1.30 м. В юго-восточном углу входной ямы на стенке зафиксирован прокол глины на высоту до 30 см, в результате чего глина приобрела кирпичный цвет. Такой же прокол зафиксирован в нише размерами 60 × 17 × 20 см, сооруженной в северо-восточном углу шахты на высоте 9 см от дна. В нише и на дне шахты у ее края зафиксировано большое количество углей и золы. Другая ниша подтреугольной формы была сооружена в центре восточно-северо-восточной стенки, куда был помещен череп крупного копытного животного (лошадь?), размеры ниши – 58 × 38 × 20 см, сооружена на высоте 39 см от дна. В заполнении входной шахты зафиксированы отдельные фаянсовые и костяные бусы, а также ожерелье из костяных пронизей и подвесок из раковин (рис. 5, Б,7,8). Вход в камеру находится в северо-северо-западной стенке входной шахты. При переходе из входной ямы в камеру сооружена вертикальная ступень высотой 8 см, после чего был сооружен дромос, чья длина составила 45 см при ширине 66–70 см; он плавно снижался в сто-

рону камеры. Сама камера размером 3.00 × 2.10 м имела бобовидную форму, ориентирована по оси ЗЮЗ–ВСВ и перпендикулярна оси входной шахты. Свод камеры обрушился в древности, максимальная сохранившаяся высота – 59 см. На дне камеры обнаружены останки двух взрослых людей. Погребенный 1 лежал ближе к северо-северо-западной стенке камеры на спине, вытянуто, головой на ЗЮЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, у локтя и кисти правой руки, а также частично у правого крыла таза, отмечены пятна охры. В области левого крыла таза прослежен коричневый органический тлен. Погребенный 2 располагался рядом с погребенным 1, ближе ко входу, также на спине, вытянуто, головой на ЗЮЗ, руки вытянуты вдоль туловища. Оба погребенных лежали на тлене черного и темно-фиолетового цвета от тростниковой циновки. Слева от входа, на уровне черепа погребенного 2 найдено пять кусков формованной охры (рис. 4, 2). В области шеи погребенного 1 зафиксировано ожерелье из костяных и фаянсовых цилиндрических бусин (рис. 5, Б,2,3), на локтевой части правой руки “веером” лежали семь бронзовых посоховидных булавок (рис. 5, Б,1), еще одна костяная бусина найдена между правым крылом таза и позвоночным столбом (рис. 5, Б,2). Одна цилиндрическая фаянсовая и одна костяная бусины обнаружены в области верхней части грудной клетки погребенного 2 (рис. 5, Б,4,5). У южной стенки, практически в юго-восточном углу камеры, в заполнении находились бараньи астрагалы (рис. 5, Б,6).

В южной части камеры, у восточного края ступени найдена курильница, представлявшая собой небольшую округлую чашу без отделения, на четырех симметрично расположенных на некотором расстоянии друг от друга цилиндрических и скругленных к основанию ножках (одна ножка не сохранилась) (рис. 6, 2). Снизу ножки утолщаются, приобретая почти шарообразную форму. Край чаши уплощенный, имеет незначительную закраину вовнутрь. В центре плоского дна чаши с внешней стороны сделано округлое слабовыраженное углубление диаметром 3 см, обозначенное небольшим валиком. Также на внешней стороне стенки чаши имеется выступ подтрапециевидной формы с вертикальным, довольно большим отверстием. Цвет поверхности курильницы неравномерный: серый, светло-коричневый и даже оранжевый, поверхность заглажена. Тесто зернистое, пористое, с примесью дресвы, в изломе черное. Основной орнаментальный мотив – линии шнура, нанесенные по два ряда по верхнему краю чаши, в виде “пояска” на внешней поверхности, а также по внешней краю углубления на дне. Поверхность между “пояском” и углублением заполнена четырьмя треугольниками, состоящими из четырех рядов шну-

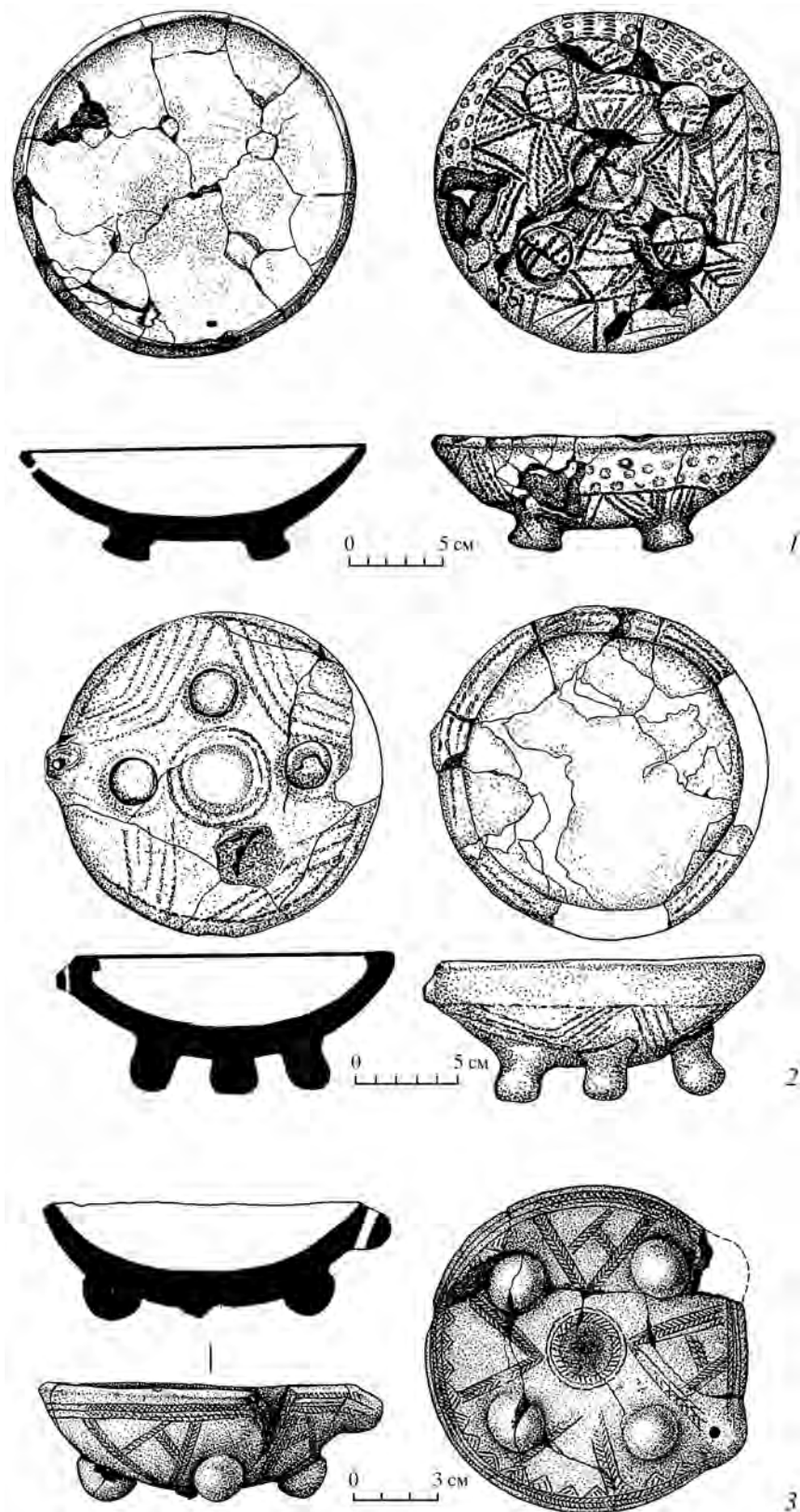


Рис. 6. Курильницы из погребений. 1 – могильник Расшеватский 1 к. 21, п. 8; 2 – могильник Расшеватский 1 к. 27, п. 2; 3 – могильник Иноземцево к.3, рит. комплекс 2.

ра. Треугольники располагаются вершинами вниз, которые приходятся между ножками. В целом, орнамент довольно затерт и невыразителен. Ножки не орнаментированы. Размеры курильницы: общая высота – 6.8 см, высота чаши – 4.4, высота ножек – 2.4, диаметр чаши – 16.3, диаметр ножек – 2.2, длина выступов – 0.8, их ширина – 3 и толщина – 1.5, диаметр отверстий – 0.5 см.

Подобные курильницы, но худшей сохранности, были найдены в погребении 2 кургана 26 и погребении 5 кургана 14 этого же могильника (Ростунов, 2000).

Аналогичная, но более изящно исполненная курильница, была обнаружена в могильнике *Иноземцево 1* (г. Железноводск Ставропольского края), кургане 3, ритуальном комплексе 2 (Березин, 2000). Курган был сооружен над основным погребением майкопской культуры, в насыпь которого по окружности были впущены погребения эпохи средней бронзы. Насыпь была окружена кромлехом. Комплекс находился в южном секторе кургана, вне пределов кольца впускных погребений, и представлял собой пятно коричневого органического тлена овальной формы размером 0.85 × 0.56 м, на глубине 129 см, дополнительно обильно посыпанное охрой (рис. 4, 3). Вероятно, комплекс следует связывать с группой указанных вытянутых впускных погребений эпохи средней бронзы, совершенных в каменных ящиках. В ритуальном комплексе, в его восточной части, была обнаружена курильница.

Курильница представляла собой небольшую округлую невысокую, тщательно выделанную чашу, без отделения на четырех отдельных ножках (рис. 6, 3). Ножки имели форму небольших сосцевидных выступов, “шариков”, одна ножка была чуть залощена. На внешней стенке чаши имелось два небольших выступа с вертикальными отверстиями (один выступ не сохранился). На внешней стороне дна сделано небольшое (диаметром 2 см и глубиной 2 мм) вдавление. Тесто хорошо отмученное; поверхность курильницы коричневого цвета, с налетом охры, покрыта четким и изящным орнаментом. С помощью прочерченных линий и штрихов на курильнице изображены четыре треугольника на внешней поверхности стенки, два из которых пустые, а другие два заполнены У-образными фигурами. Под верхним краем чаши прочерчены три горизонтальных ряда, заполненных прямой и косой штриховкой; таким же способом подчеркнуто углубление в центре внешней поверхности дна чаши – его окружают две прочерченные линии, плоскость между которыми заполнена косой штриховкой.

Анализ погребального обряда и инвентаря позволяет нам связывать с ранними типами еще несколько разновидностей курильниц. Во-первых,

сюда следует отнести чаши, которые по своей морфологии являются переходными между описанным типом и “классическими” маньчжскими ритуальными чашами (тип XI, по классификации В.Г. Егорова (1970. С. 161)). Речь идет в первую очередь о курильнице из могильника Восточный Маньч (правый берег) 16/10 (Эрдниев, 1982; Шишлина, 2007. С. 133. Рис. 63). Она представляет собой невысокую полусферическую чашу на квадратном в плане поддоне с углублением в центре. Курильница имеет отделение, но помимо этого в середине стенки проделаны два сквозных отверстия. Орнаментальная композиция, в целом, сохраняет традицию, описанную выше: шнуровой орнамент формируется вокруг ножки, оконтуривая ее, и радиально расходится по внешней поверхности чаши. Шнуровые оттиски нанесены также на нижнюю плоскость ножки, оставляя центр дна чаши свободным от декора (рис. 7, 1).

К раннекатакомбному периоду относятся и курильницы, найденные в основных погребениях 3 кургана 7 могильника Шарахалсун 2 (Яковлев, 2000) и 5 кургана 1 могильника Лысянский II (Парусимов, 1997. С. 20, 21. Рис. 29), а также во впускных погребениях 168 кургана 2 могильника Ипатово 3 (Кореневский и др., 2007. С. 55–62. Рис. 51) и 2 кургана 1 могильника Брюховецкий (Тарабанов, 1991). К этому же типу следует относить курильницы из могильника Птичье-I 3/3 (Белинский, 1994) и Золотаревка-7 2/2 (Калмыков, 1999). Они представляют собой полусферические чаши без отделения на низкой монолитной крестовидной ножке (тип III, по классификации В.Г. Егорова (1970. С. 159)). Одна курильница (Ипатово 3 2/168) имеет своеобразную конструкцию ножки: она крестовидная, полая изнутри (рис. 7, 2), что, на наш взгляд, с точки зрения технологии, сближает ее с курильницами на полой квадратной поддоне, появляющимися синхронно или даже несколько ранее (Мимоход, 2009)⁴. В двух случаях в стенке имеются два сквозных отверстия (Шарахалсун 2 7/3 и Брюховецкий 1/2). Орнамент нанесен оттисками шнура, его одинарные ряды образуют треугольные композиции, которые покрывают всю поверхность курильницы, дополняющиеся оттисками сложенного шнура. С помощью таких же оттисков шнура декор нанесен и на нижнюю часть ножек, оконтуривая их лопасти. Исключение составляет украшение курильницы из могильника Брюховецкий 1/2 – здесь оно исполнено с помощью косой штриховки, образующей горизонтальные ряды, полностью покрывающие внешнюю поверхность чаши (Тарабанов, 1991. Рис. 27).

⁴ Пользуясь случаем, выражаю признательность Р.А. Мимоходу за существенную помощь в работе и возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

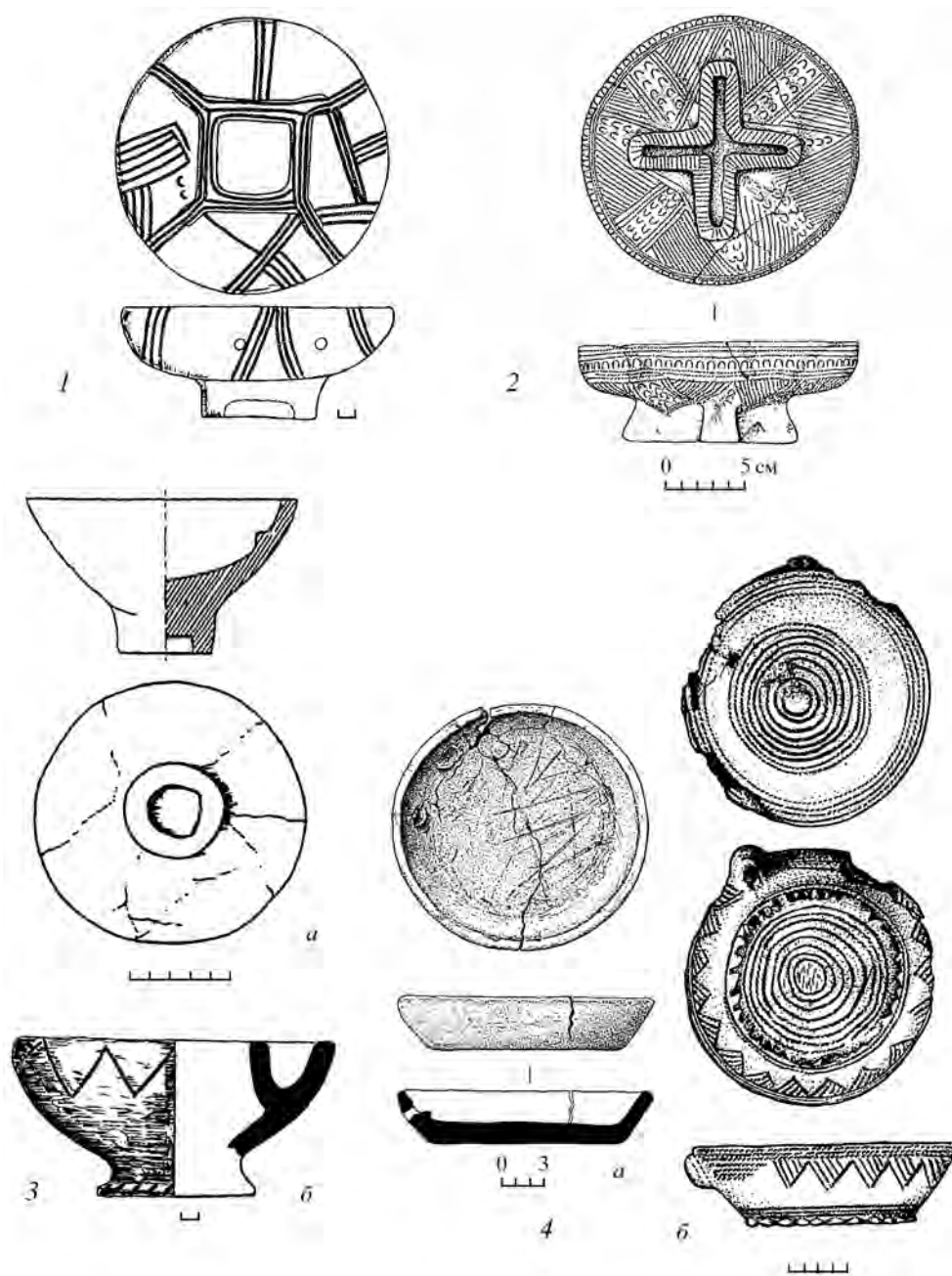


Рис. 7. Ранние типы курильниц (типы XI, III, XIII по: Егоров, 1970; 4 – тип без ножек). 1 – Восточный Маныч (правый берег) 16/10 (по: Эрднеев, 1982); 2 – Ипатово 3 2/168 (по: Корневский и др., 2007); 3а – Красное Знамя II 1/6 (по: Андреева, Петренко, 1998); 3б – Восточный Маныч III (левый берег)-66 7/3; 4а – Песчаный V 5/2 (по: Шишлина, 2007); 4б – гора Ракитная 2/11 (по: Корневский, 1990).

Особый тип раннекатакомбных курильниц образуют чаши на круглом поддоне (тип XIII, по классификации В.Г. Егорова (1970. С. 163)). Такая чаша сопровождала впускное погребение 6 взрослого мужчины, лежащего на спине вытянуто, совершенное в катакомбе, из кургана 1 могильника Красное Знамя II в Ставропольском крае (Андреева, Петренко, 1998. С. 8, 9). Это погребение образовывало “связку” с однотипным погребением 7, где была захоронена

женщина. Инвентарь погребений, помимо курильницы, представлен листовидным ножом и крупными сосудами северокавказского типа. Чаша курильницы очень глубокая, с практически вертикальными стенками, с небольшим отделением, низкая ножка имеет форму цилиндра с углублением снизу. Курильница неорнаментирована (рис. 7, 3а). К этому же типу следует, на наш взгляд, отнести курильницы из могильника Восточный Маныч III (левый берег)-66 7/3

(Синицын, 1966) (рис. 7, 3б) и, вероятно, из могильника Три Брата I 9/7 (жертвенное место?; Шилов, 1980). Последняя связывается автором отчета с ямно-катакомбным погребением 8, содержащим повозку и молоточковидную булавку, и, судя по описанию, сходна с указанными выше (Шилов, 1980).

Курильницы совершенно особого типа, которые, вероятно, заставят по-иному взглянуть на проблему складывания традиции изготовления этой категории ритуальной посуды, были найдены в последние годы в Степном Предкавказье. Так, в кургане 5 могильника Песчаный-V (Ростовская обл., Ремонтненский р-н) было исследовано раннекатакомбное погребение 2, где были захоронены женщина и ребенок. Инвентарь был представлен костяной стержневидной булавкой, костяными бляшками и курильницей (Шишлина, 2006)⁵. Курильница имела форму миски с плоским дном, без ножек, с двумя сквозными отверстиями в стенке, без орнамента (рис. 7, 4а). Аналогичные раннекатакомбные погребения с богатым инвентарем и курильницей были исследованы в могильнике Расшеватский-1 (к.14, п. 2; Ростунов, 2000) и в могильнике Барханчак-2 (кур. 7, погр. 5 (Бабенко, 2001)) Ставропольского края. В связи с этими находками расширяется число разновидностей ритуальных чаш раннекатакомбного времени. К этому типу следует отнести и чашу, случайно обнаруженную А.П. Руничем на горе Ракитная (Кореневский, 1990. Рис. 41), представляющую собой миску с плоским дном, без отделения, с выступом-прилепом на внешней стороне чаши, имеющим вертикальное отверстие (судя по всему, был и второй выступ, который не сохранился). Орнаментация данной курильницы вполне соответствует той традиции, которая фиксируется у раннекатакомбных чаш: концентрическая круговая композиция по дну чаши (изнутри и снаружи) и орнаментальный пояс из заштрихованных треугольников по внешней поверхности стенки. Дно по внешнему краю обозначено также специально выделенным валиком из отдельных мелких налепов (рис. 7, 4б).

На наш взгляд, выделение и изучение описанных типов курильниц, сопоставление других характеристик погребального обряда захоронений, откуда они происходят, позволяют, если не решить, то, по крайней мере несколько приблизиться к разрешению вопроса о происхождении данного вида ритуальной посуды и эволюции обрядовых действий, связанных с ним. Ранняя позиция описанных типов курильниц уже неоднократно отмечалась в литературе (Державин, 1991. С. 37; Мимоход, 2009. С. 153–157).

⁵ Выражаю благодарность Н.И. Шишлиной за возможность использования неопубликованных материалов.

Курильницы на отдельных ножках были выделены Иерусалимской А.А. в III тип (1958), затем, по классификации В.Г. Егорова, они заняли самую раннюю хронологическую позицию в эволюционном ряду курильниц (1970. С. 158). В дальнейшем и другими исследователями этот тип был признан самым ранним (Сафронов, 1974; Нечитайло, 1974). Несомненно, раннекатакомбные типы курильниц предшествуют “классическому” типу, что подтверждается стратиграфическими данными и обрядовыми характеристиками захоронений. Однако типологический анализ самих курильниц позволяет выявить довольно очевидный ход развития их формы от наиболее простой, с отдельными ножками (или вообще без ножек), к распространенной в более позднее время четырехлепестковой крестообразной форме ножек. Имеющаяся на сегодняшний день серия ритуальных чаш показывает “движение” ножек от края чаши к ее центру – в качестве промежуточного звена в этом движении выступает форма с пятью ножками, стоящими вместе (см., например, Веселая Роща II 2/3 или Чограй IX 9/нас.2). Данную тенденцию отметил еще В.Л. Державин, указав на курильницу из могильника Жуковский I 9/7, которая представляет собой чашу на четырех сросшихся в основании ножках с арочными отверстиями. Само погребение, по мнению автора, по обряду относится к более ранней хронологической группе, чем скорченные в катакомбах костяки (Державин, 1991. С. 35).

Очевидно, что раннекатакомбный период представляет собой этап, когда складываются основные морфологические характеристики курильниц, появляются практически все основные разновидности форм чаш, поддонов, формируется идея маленького отделения внутри чаши. В ранних типах курильниц, помимо отдельных ножек, мы видим прообразы других морфологических вариантов катакомбных курильниц: квадратный или круглый поддон, крестообразную четырехлепестковую ножку. Также можно проследить и основные этапы эволюции отделения: на чаше имеются выступы с отверстиями (например, Расшеватский-I 27/2, Иноземцево I 3/рит. комплекс 2), отверстия в стенке (например, Расшеватский I 21/8, Зунда-Толга 6 4/1), существует и вариант изготовления двух отделений, которые имеют отверстия во внешней стенке (Темрта III 1/1).

Не менее интересным представляется изучение орнаментальных композиций. Технические приемы и основные мотивы удивительно схожи: чаще всего применялись отпечатки шнура, которые заполняли большую часть внешней поверхности чаши, образуя треугольные фигуры, расположенные между ножками, рядами шнура подчеркивалось и углубление (в одном случае выпуклость) на внешней

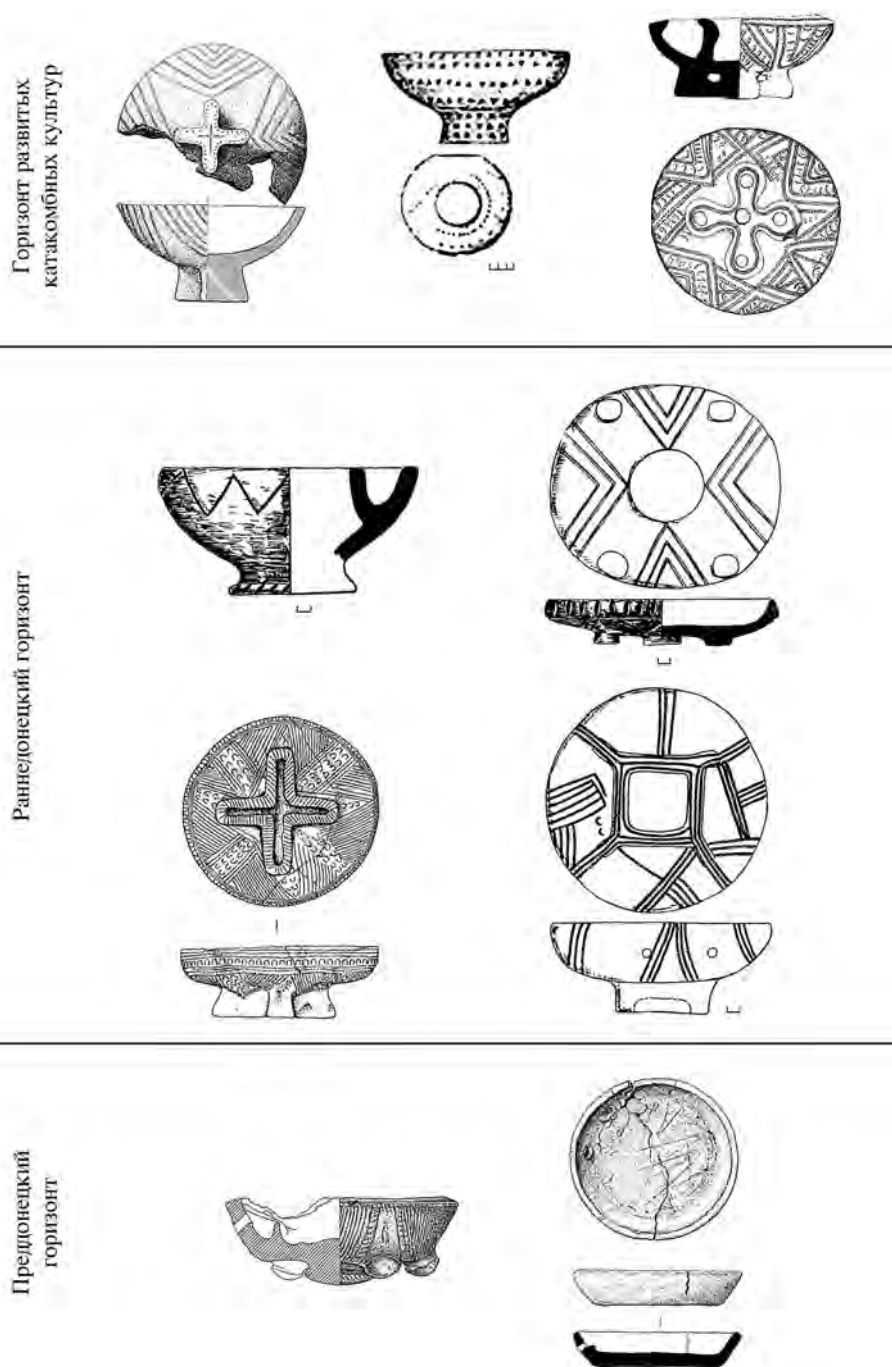


Рис. 8. Этапы эволюции типов курильниц.

стороне дна курильницы. В целом, именно данная конструктивная деталь на дне чаши является как бы центром композиции, вокруг которой формируется вся остальная орнаментальная схема. Не касаясь вопроса о семантике данных композиционных схем, отметим лишь, что декоративное пространство представляет собой четырехчастную структуру с кругом-центром. Эта четырехчастность является основной схемой орнаментальной композиции и на манычских катакомбных курильницах (Панасюк,

2008. С. 205, 206), что лишний раз подтверждает, на наш взгляд, преемственность традиции между раннекатакомбными изделиями и следующими за ними курильницами развитых катакомбных культур.

Сравнительный анализ погребального обряда захоронений, где найдены курильницы, позволяет подтвердить мысль о существовании определенного горизонта, связанного с раннекатакомбными ритуальными чашами на изучаемой территории, и

предложить вариант его хронологического членения. Морфологическое единство ритуальных чаш и единообразие орнаментальных композиций подтверждается сходством основных характеристик захоронений, присущих раннекатакомбному хронологическому периоду (Братченко, 1976; Кияшко, 1999; Шишлина, 2007), – катакомбная конструкция могилы, причем продольная ось камеры располагается перпендикулярно к продольной оси входной шахты (Т-катакомба) или погребения в узких ямах; вытянутое или слабо скорченное положение погребенных, обильно посыпанных охрой, особенно в районе стоп; довольно устойчивый набор инвентаря, который представлен, помимо курильниц, костяными или бронзовыми украшениями (подвесками, пронизками, медальонами), костяными или бронзовыми молоточковидными булавами, каменными изделиями.

Анализ сопровождающего погребального инвентаря, среди которого находились и описанные типы курильниц, позволяет выявить хронологические этапы эволюции ритуальных чаш. При сопоставлении выделенных нами типов раннекатакомбных курильниц с типами костяных молоточковидных булавок, которые были отнесены А.В. Кияшко к предднепровскому горизонту (1999. С. 78–80), оказывается, что им соответствуют курильницы без ножек (Песчаный V 5/2, Расшеватский-1 14/2, Барханчак-2 7/5). К этому же горизонту следует, видимо, относить и курильницы на отдельных ножках, обнаруженные вместе с костяными булавами веретенообразной формы и со спиральным орнаментом (Чограйский V 11/4; Темрта III 1/1). В качестве переходного этапа к раннеднепровскому горизонту, на наш взгляд, предстают погребения с курильницами и посоховидной костяной булавкой (Расшеватский-1 26/2), а также с листовидным ножом пятиугольной формы (Восточный Маныч (левый берег) 16/10). Находки широких листовидных ножей в сочетании с курильницами (Красное Знамя II 1/6), а также бронзовых медальонов (Расшеватский-1 12/5; 21/8) позволяет отнести чаши на круглом поддоне и на отдельных ножках с боковыми выступами на стенке к раннеднепровскому горизонту, непосредственно предшествующему развитому катакомбному этапу (Кияшко, 1999. Рис. 94, 97). С раннеднепровским горизонтом уверенно связываются находки курильниц совместно с бронзовыми булавами (Расшеватский-1 27/2).

Таким образом, можно констатировать, что зарождение традиции изготовления курильниц происходит уже в предднепровское время – в период формирования раннекатакомбной и северокавказской культур, – когда возникает основная форма

полусферической чаши с небольшим отделением внутри, но без ножек (рис. 8). Тогда же появляются самые ранние образцы чаш на отдельных ножках, причем число ножек неустойчиво – от четырех до шести. В раннеднепровское время происходит развитие идеи курильницы как особой формы ритуальной посуды вырабатываются основные морфологические и декоративные мотивы, складываются основные типы, получившие наиболее полное воплощение в развитое катакомбное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева М.В. Отчет о раскопках курганов в Петровском районе Ставропольского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. № 7006, 7006а.
- Андреева М.В., Петренко В.Г. Комплексы эпохи бронзы из кургана у хутора “Красное Знамя” (Ставропольский край) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1998.
- Бабенко В.А. Отчет о раскопках курганного могильника “Барханчак-2” в окрестностях г. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края в 2001 г. // Архив ИА РАН. № 26055, 26056.
- Белинский А.Б. Отчет о раскопках курганов у с. Птичь Изобильненского района Ставропольского края в 1994 г. // Архив ИА РАН. № 18874, 18875.
- Березин Я.Б. Отчет о раскопках курганного могильника “Птичь-3” Изобильненского района, “Успенский-2”, “Расшеватский-1” Новоалександровского района Ставропольского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. № 22358, 22360.
- Березин Я.Б. Отчет о раскопках курганного могильника “Иноземцево-1” на территории города Железноводска Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. № 24526, 24528.
- Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Державин В.Л. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991.
- Егоров В.Г. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Жупанин О.Ф. Отчет о проведении археологических исследований пяти курганов в зоне строительства Краснодарской ГРЭС на южной окраине п. Мостовской Мостовского района Краснодарского края в 1990 г. // Архив ИА РАН. № 17281, 17282.
- Иерусалимская А.А. К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья (предкавказский вариант катакомбной культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958.
- Калмыков А.А. Отчет о раскопках курганных могильников “Золотаревка-4” и “Золотаревка-7” в Ипатовском районе Ставропольского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. № 23298, 23299.

- Каминский В.Н.* Отчет о раскопках курганов в селе Успенском Успенского района Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. № 11277, 11277а.
- Кияшко А.В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Корневский С.Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.
- Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М., 2007.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М., 2009.
- Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье в эпоху средней бронзы. Киев, 1974.
- Николаев Г.А.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Краснодарской оросительной системы (I очередь), исследованных Темижбекским отрядом СКАЭ Североосетинского университета в 1980 г. // Архив ИА РАН. № 8051, 8051а.
- Панасюк Н.В.* Орнаментация курильниц катакомбной культуры – анализ композиционных схем // *Notae eurasicae* в глубинах и пространствах истории. СПб., 2008.
- Парусимов И.Н.* Археологические раскопки в Ремонтненском районе. Могильник Лысянский II // Тр. Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1. Новочеркасск, 1997.
- Ростунов В.Л.* Отчет о раскопках курганных могильников “Расшеватский-1” и “Расшеватский-5” на территории Новоалександровского района Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. № 26769, 26770.
- Ростунов В.Л.* Опыт реконструкции сакрального пространства ранних курганов Европы и Северного Кавказа. Владикавказ, 2006.
- Сафронов В.А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М., 1974.
- Синицын И.В.* Отчет о раскопках в Калмыцкой АССР за 1965 г. // Архив ИА РАН. № 3321, 3321а.
- Синицын И.В.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1966 г. // Архив ИА РАН. № 4223, 4233б.
- Тарабанов В.А.* Отчет о раскопках кургана высотой 2 м, попадающего в зону строительства микрорайона “Молодежный” в станице Брюховецкой Краснодарского края в 1991 г. // Архив ИА РАН. № 15127, 15128.
- Шевченко Н.Ф.* Отчет о раскопках курганов у г. Новокубанска Краснодарского края в 1985 г. // Архив ИА РАН. № 9860, 9860а.
- Шевченко Н.Ф.* Отчет о раскопках курганов у х. Пролетарского Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. № 11359, 11359б.
- Шилов В.П.* Отчет о доследовании кургана 9 группы “Три брата-I” в 1980 г. Волго-Донской археологической экспедицией ИА АН СССР // Архив ИА РАН. № 9517, 9517а.
- Шишлина Н.И.* Отчет об археологических исследованиях в Ремонтненском районе Ростовской области в 2006 г. // Архив ИА РАН.
- Шишлина Н.И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы. М., 2007.
- Шишлина Н.И., Панасюк Н.В., Пахомов М.М., Бобров А.А.* Степная археологическая экспедиция ГИМ: результаты этноботанических исследований // КСИА. 2009. № 223.
- Эрднеев У.Э.* Археологические памятники Южных Ергей. Элиста, 1982.
- Яковлев А.В.* Отчет о раскопках курганного могильника Шарахалсун 2 в Апанасенковском районе Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. № 23826, 23827.

Early Catacomb censors of the Ciscaucasia

N.V. Panasyuk

Summary

On the territory of the Middle Ergueni and Stavropol Hills there is a layer of Middle Bronze Age burials characterized by stretched skeletons and censers. The censers are a quite specific type of ritual vessel. In shape they are low wide vessels with four (sometimes six) short legs which contour the vessel. Sometimes there is a special “pocket” inside the vessel, often with apertures in the wall. The decoration is rather uniform: the vessels are decorated with lines and triangles taped with rope. Typological analysis allows to conclude that the censers are very similar in their morphological and decorative characteristics. Moreover, the comparison of the funeral rite in the burials where they were found indicates the existence of a certain layer of Early Catacomb burials with censers. The main characteristics of these burials are catacomb graves, stretched skeletons amply sprinkled with ochre, and specific assemblages of grave goods, which allow to securely date the graves to the Early Catacomb period. There is no doubt that this type of censers precedes the “classical” type of catacomb censers, which is verified by the stratigraphy and the funeral ritual.

“ТЕМНЫЕ ВЕКА” ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2010 г. А.В. Епимахов

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

Южное Зауралье, с точки зрения археологии, является достаточно хорошо изученной территорией. Усилиями специалистов создан значительный фонд источников по бронзовому веку, хотя говорить о полной ликвидации “белых пятен” по-прежнему не приходится. Если послевоенные годы XX в. прошли под знаком острых дискуссий по андроновской проблематике, то, начиная с середины 70-х (и особенно в 80-е годы), на первый план постепенно выходят проблемы изучения синташтинских и петровских памятников. В тени оказываются исследования по поздней бронзе, особенно ее завершающим векам. Между тем этот период представляет несомненный интерес в связи с проблемами формирования культур раннего железного века и некоторыми другими.

Южное Зауралье является пограничной территорией в географическом, климатическом и культурном аспектах. Если западная “граница” может быть проведена по естественным рубежам, то с востока и юга регион таковых не имеет. Культурная проницаемость границ очевидна для всех периодов бронзового века (Черных, 2007. С. 35, 36), и его финальная часть – не исключение. В ландшафтном отношении рассматриваемый участок (верхнее течение р. Урал и Среднее Притоболье) может быть разделен на степную и лесостепную зоны, однако строгость такого деления относительна. Еще тысячу лет назад степное Зауралье представляло собой лесостепь, где были широко представлены сосновые и лиственные леса (Левит, Миронычева-Токарева, 2005. С. 65). Существенными были и климатические колебания, сопровождавшиеся изменениями растительности.

В последней фазе суббореального периода (SB 3) в степи происходит переход от термического максимума к довольно длительному похолоданию, которое сопровождалось в Зауралье повышенной увлажненностью (Лаврушин, Спиридонова, 1999. С. 102). По другим оценкам в конце II тыс. до н.э. количество осадков было близко современному (Таиров, 2003. С. 31). В лесостепном Среднем Притоболье относительно засушливая эпоха SB 2 (сопоставлявшаяся распространением степных ценозов) продолжалась, правда, острота несколько снизилась (Зах, Рябогина, 2005. С. 93). Смещение

к югу ландшафтов подтаежного типа и северной лесостепи, по мнению этих же авторов, стимулировало изменение хозяйственной деятельности и миграционную активность. Однако детальные реконструкции по интересующему нас периоду в предгорной части Зауралья отсутствуют, смещение же ландшафтных зон здесь могло происходить не только по линии север–юг.

Культурная принадлежность рассматриваемой группы неоднократно корректировалась, начиная с выделения К.В. Сальниковым (1967) замараевского этапа андроновской общности. В качестве вариантов атрибуции сегодня фигурируют культуры саргаринско-алексеевская (преимущественно в степной части), межовская и бархатовская (в лесостепной) (Григорьев, 2000; Обыденнов, Шорин, 1995; Стефанов, Корочкова, 1984; Аношко, 2007). Солидарны авторы лишь в вопросе об отнесении данной группы памятников к периоду существования общности культур валиковой керамики (ОКВК) (Черных, 1983).

Основные источники

Как уже отмечено, длительная история изучения не дала пока прямых ответов на ряд вопросов, виной чему ущербность источниковой базы, представленной поселениями, погребениями и случайными находками (рис. 1). Каждая из категорий памятников имеет свои преимущества и проблемы интерпретации. Нами сделан акцент на погребения, рассеянные по небольшим публикациям (Костюков и др., 1996; Гарустович, 2000; Костюков, Ражев, 2004; Шорин, 2004) либо еще не опубликованные.

Поселения в сравнении с погребальными памятниками к настоящему времени известны несколько лучше. Их более тридцати (без учета бархатовских памятников Тюменского Притоболья), правда, исследованная площадь некоторых насчитывает десятки квадратных метров. Среди наиболее широко раскопанных памятников Алексеевское (Кривцова-Гракова, 1947); Кинжитай (Vinogradov, Yepimachov, 2000), Берсуат XVIII (Малюткина и др., 2006), Мочище (Григорьев и др., 2007); Кизильское (Стоколос В.С., 2004), ряд поселений лесостепного Притоболья (Потемкина, 1985), горно-лесного Зауралья

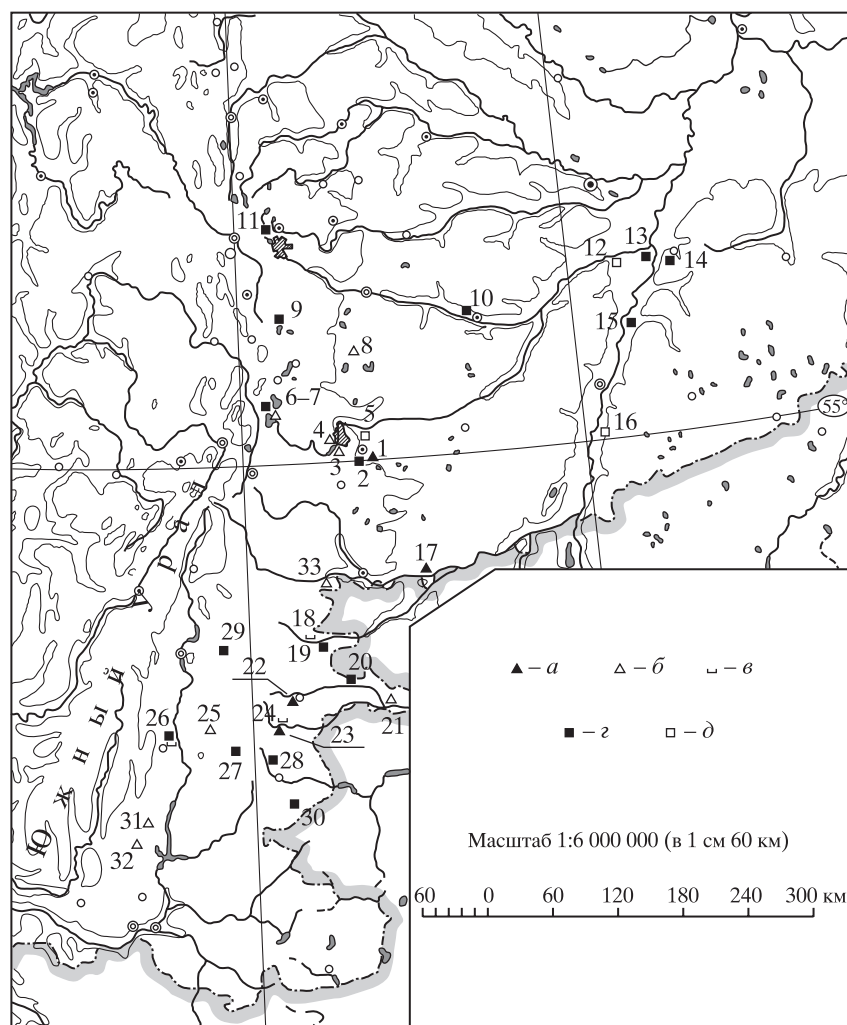


Рис. 1. Схема расположения основных памятников финала бронзового века Южного Зауралья и сопредельных территорий (*а* – могильник; *б* – одиночный курган; *в* – погребение; *з* – поселение; *д* – городище). 1 – Шатрово-1; 2 – Мочище 1; 3 – Сосновский; 4 – Черняки; 5 – Миасское; 6, 7 – Березки Vг; памятники Аргазинского водохранилища; 8 – Малоказакбаева; 9 – Черкаскуль II; 10 – Баборыкино II; 11 – Палкино II; 12 – Коловское, Красногорское; 13 – Щетково 2; 14 – Заводоуковское 9 и 10, Ук 1 и 3; 15 – Камышное II; 16 – Усть-Утяк-1; 17 – “У поворота...”; 18 – Дружный XIVа; 19 – Дружный I; 20 – Кинжитай; 21 – Соколок; 22 – Верблюжья Горки; 23 – Сарбулат-2; 24 – Журумбай-2; 25 – Ильясский II; 26 – Кизильское (поселение и могильник); 27 – Черкасы II; 28 – Синташта (поселение и погребение); 29 – Малая Березовая 4; 30 – Берсуат XVIII; 31 – Сукраковский II; 32 – Макан-1; 33 – Белоключевка-7.

(Петрин и др., 1993) и др. Качество информации варьируется весьма существенно. Во многих случаях материалы завершающих веков эпохи бронзы удается выделить только типологически или планиграфически (Евдокимов, 1975). К тому же заметная доля керамики данного периода не орнаментирована либо орнаментирована минимально, что создает проблемы ее диагностирования в составе разнокультурных коллекций, другие же находки редки.

Кроме проблем, связанных с рассмотрением памятников с длительной историей функционирования, есть и другие трудности. Даже для поселений с достоверно “кратким” периодом существования

исследователи часто выделяют ряд типов керамики, относимых к разным археологическим культурам. Более того, для той части посуды, которая не имеет прямых аналогов, приходится выделять самостоятельный культурный тип. Последним по времени стало предположение о существовании и берсуатского типа (Малютина и др., 2006).

Погребальные памятники рассматриваемого периода не имеют “изъянов”, связанных с длительностью формирования, но они малочисленны особенно, если исключить некоторые из плохо документированных результатов раскопок близ Челябинска начала XX в. (Сальников, 1951. С. 118, 119).

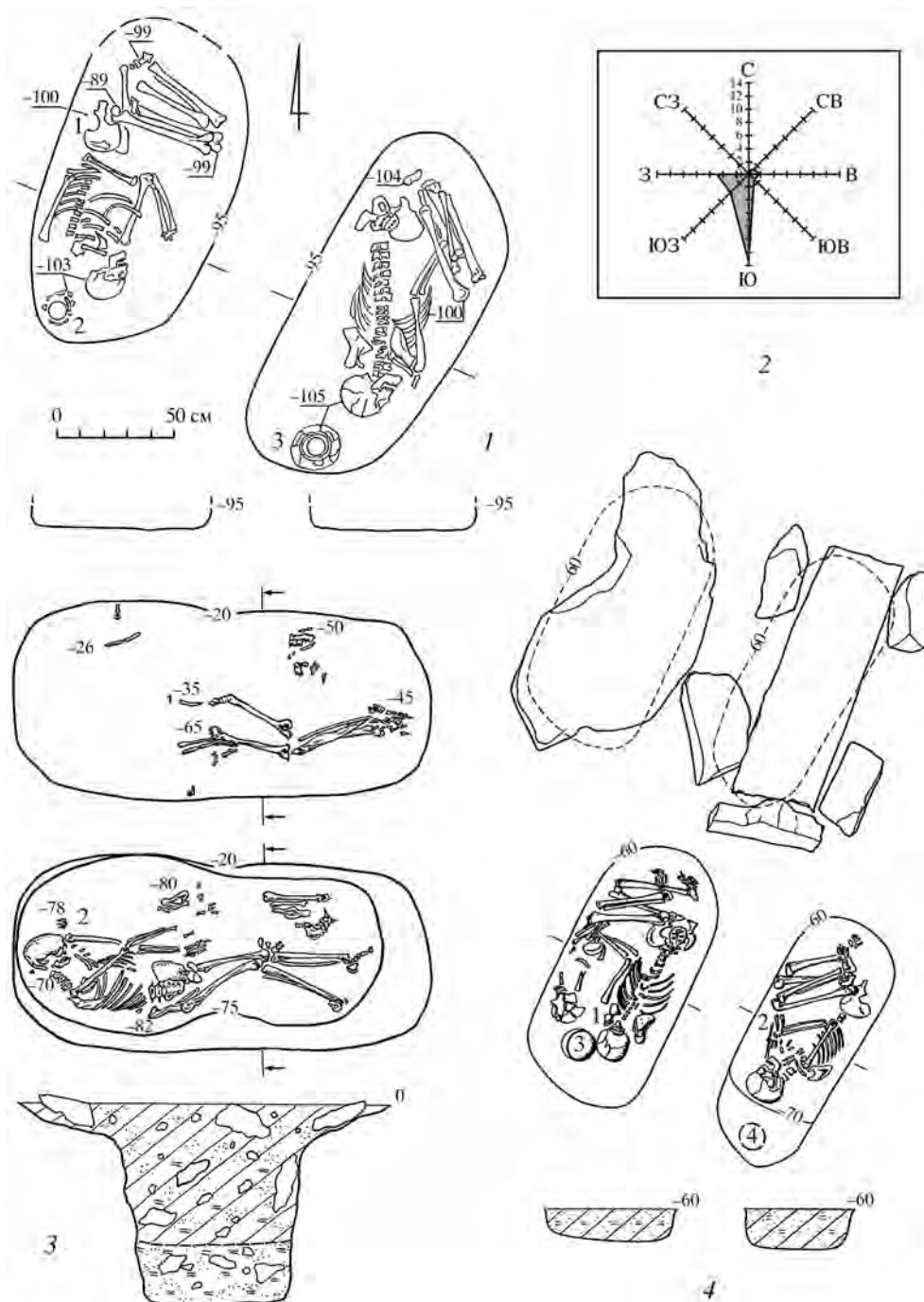


Рис. 2. Погребальная обрядность финальной бронзы Южного Зауралья. 1 – Шатрово-1 (кург. 5, мог. ямы 2 и 3); 2 – ориентировки погребенных; 3 – Верблюжья Горка, кург. 2; 4 – Белоключевка-7, мог. ямы 2 и 1 (по: Гарустович, 2000; Костюков, Епимахов, 2005; Костюков, Ражев, 2004).

По самым оптимистичным оценкам в нашем распоряжении не более 30 могильных ям (рис. 2). Они распределяются следующим образом: три случая по два кургана в могильнике (по 1–2 могильных ямы); 11 одиночных курганов (1–3 ямы); пять погребений совершены на территории поселений либо впущены в курганы более раннего времени. Вполне вероятно, что приведенный список неполон ввиду того,

что часть покойных, не снабженных инвентарем, просто не вычленена из состава разновременных могильников. Во всех хорошо документированных случаях размеры подкурганного сооружения были минимальны и рассчитаны только на помещение покойного. Эта черта хорошо гармонирует с более чем скромными размерами надмогильных конструкций, отличавшихся простотой исполнения

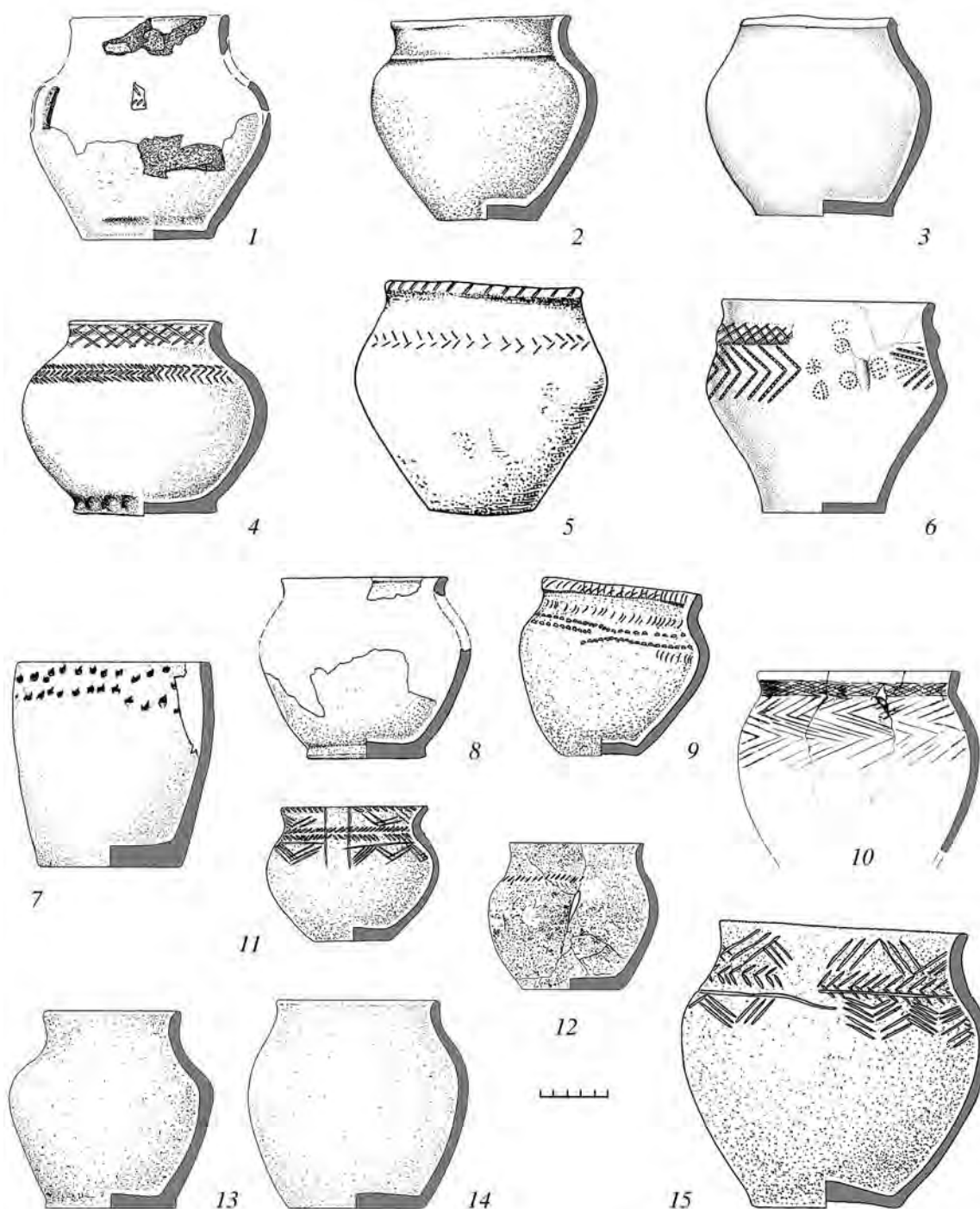


Рис. 3. Погребальная посуда. 1–3 – Шатрово-1 (кург. 5, мог. ямы 1 и 2; кург. 1, мог. ямы 2); 4 – Сарбулат-2 (кург. 2, погр. 2); 5 – Черняки (кург. 36); 6 – Дружный XIVa; 7 – Кизильский (кург. 3, мог. яма 3); 8, 9 – Белоключевка-7 (мог. ямы 1 и 2); 10 – Макан I; 11 – Малоказакбаева (кург. 3); 12 – Ильясский II; 13, 14 – Соколок; 15 – “У поворота...” (кург. 1, мог. яма 1) (по: Гарустович, 2000; Костюков и др., 1996; Костюков, Епимахов, 2005; Сальников, 1967; Стоколос В.С., Стоколос Г.И., 2004; Таиров, 2006; Шорин, 2004).

(земляная, редко каменная или каменно-земляная насыпь). Единственным исключением можно считать курган Белоключевка-7 (рис. 2, 4) со сложной надмогильной конструкцией (Костюков, Епимахов, 2005).

В обряде захоронения решительно преобладает ингумация, правда, с вариациями в положении покойного на правом либо левом боку, а также в степени скорченности. Погребения, как правило, индивидуальны, но есть два примера парных ли-

цом друг к другу, а также женское погребение с ребенком. В качестве парных могут, в принципе, рассматриваться и одновременно сооруженные могилы с индивидуальными захоронениями (Белоключевка-7, Шатрово-1) (рис. 2, 1, 4). Объединяющими чертами являются доминирование правобочного расположения покойных (более половины), резкое преобладание ориентировки в южном секторе (до 70%) (рис. 2, 2), сильная степень скорченности (до 70%). Минимум дважды имела место посмертная фиксация. Отклонения от двух последних показателей (меридианальная ориентировка и слабая степень скорченности), как будет показано ниже, имеют хронологический характер. При исключении памятников, отличающихся по названным обрядовым чертам – Верблюжьи Горки (рис. 2, 3) и Мокан 1 – картина становится гораздо монолитней. Названные комплексы отличаются также большей глубиной и удлиненными пропорциями могильных ям. Удлиненные пропорции могилы (как следствие вытянутого положения покойного) характеризуют также могильник Березки Vг (Петрин и др., 1993).

Для остальных комплексов список признаков может быть пополнен строгим следованием традиции помещения единственного сосуда близ головы покойного (в границах могилы или за ее пределами) в сочетании с минимальным количеством другого инвентаря (сферические бляшки с петлей на обороте, кольца и серьги из проволоки, каменный оселок, кости животных). В комплексах Верблюжьи Горки и Мокан-1 (Костюков, Ражев, 2004; Гарустович, 2000), имеющих, по нашему мнению, более позднюю хронологическую позицию, обнаружены также железные ножи и костяные втульчатые наконечники стрел. Наряду с общими чертами имеются и особенные – вторичные захоронения (Сарбулат-2); положение скорченно на спине. Изредка встречаются следы огненных ритуалов, в том числе и воздействие на покойного (Дружный XIVa). Немногочисленные примеры коллекций, обработанных антропологами, позволяют говорить о примерно равном количестве женщин и мужчин, относящихся к возрастным группам *Adultus* и *Maturus*, дети представлены единично.

Керамический комплекс (рис. 3) характеризуется серией небрежно изготовленной (часто асимметричной) посуды горшечной, изредка баночной¹

¹ Единственный пример (рис. 3, 7) связан с погр. 3 кург. 3 Кизильского могильника (Стоколос В.С., Стоколос Г.И., 2004. С. 242, 243), культурно-хронологическая позиция которого определялась нами по совокупности обрядовых черт.

формы. Вся керамика плоскодонная (встречается прогиб днища), имеет довольно рыхлое тесто с добавлением песка, слюды, дресвы или шамота. Поверхности обработаны заглаживанием, обжиг костровой. Морфология сосудов характеризуется плавной профилировкой; сильно либо средне раздутым туловом; покатым плечом, расположенным в верхней трети или посередине тулова; шейкой, отогнутой наружу в разной степени. Венчики округлые, изредка приостренные или уплощенные. В доступной для изучения серии примерно треть посуды не имела орнамента, в остальных случаях он располагался выше линии плеча. Список мотивов довольно краток: горизонтальная (единично вертикальная) елочка; зигзаг; косые насечки по венчику или в основании шейки; горизонтальная линия; сетка. Единично представлен типично бархатовский мотив с межзональными вертикальными линиями, прерывающимися орнаментом (рис. 3, 11). Рельефные элементы в виде валика встречены единожды на сосуде из погребения Дружный XIVa (рис. 3, 6). Для нанесения орнамента использовались прочерчивание, гладкий, единично гребенчатый штамп, вдавления.

Таким образом, имеется возможность разделения массива погребений на две группы с разными обрядовыми традициями и составом инвентаря. Наиболее вероятным объяснением этой разницы является хронология (табл. 1).

Кроме собственно погребальных имеется комплекс, определенный авторами раскопок в качестве “культово-погребального” (Шилов, Маслюженко, 2006). Под небольшой курганной насыпью выявлены четыре значительные по площади ямы (от 2.9–2.1 на 2.15–1.55 м) небольшой глубины (0.4–0.5 м), содержащих в общей сложности 21 сосуд, следы погребенных отсутствовали. Конструкция усложнена входами и деревянными деталями со следами воздействия огня. Культурная принадлежность определяется авторами раскопок как межовская.

Случайные находки металлических изделий представлены довольно обильно и включают ряд характерных типов как “западного” (кинжалы сеномазинского типа), так и “восточного” генезиса (кинжалы карасукского облика) (Епимахов, Епимахова, 2005). В происхождении этих предметов обычно много неясного, но их серийность наводит на мысль о существовании системы весьма далеких и устойчивых связей.

Таблица 1. Сравнение основных обрядовых черт групп погребений

	Группа I	Группа II
Общая характеристика погребальных сооружений	Кург. Белоключевка-7, кург.; Соколок, кург.; Черняки, кург.; Ильяский-II, мог-к; Шатрово-1; мог-к “У поворота...”; мог-к Сарбулат-2, кург.; Сукраковский II, мог-к; Кизильский, мог-к; Уразаевский-1 (?), погр.; Журумбай-2, погр.; Дружный XIVa, погр.; Синташта, погр.; Кизильское	Кург. Мокан-1; мог-к Верблюжь Горки; кург. у Смеловской пещеры (?); огр. Березки Vг (?); кург. Сосновский (?)
Конструкция насыпи	Земляная, каменная	Каменная, земляная
Количество могил	1–3	1
Количество погребенных в кургане	1–4	1–2 (с учетом ярусных захоронений)
Способы обращения с покойным	Ингумация (сильно скорченно на правом или левом боку, скорченно на спине), вторичное, кремация	Ингумация (слабо скорченно на левом или правом боку, вытянуто), кремация
Ориентировка головой	ЮЮЗ, Ю, ЮЮВ	З, В (?)
Состав инвентаря	Керамика, бронзовые украшения, оселок	Костяные наконечники стрел, железный нож, каменная “чашка”, керамика
Иные обрядовые черты	Кости животных, следы огненных ритуалов	Кости животных

Относительная и абсолютная хронология

Возможные альтернативы культурной и социально-экономической интерпретации предполагают уяснение хронологической позиции рассматриваемой группы. Ее относительная хронология подтверждена суммой стратиграфических наблюдений и типологией ряда категорий находок. Для зауральских памятников, относимых к КВК, мы располагаем серией стратиграфических свидетельств поселений: Малая Березовая 4, Берсуат XVIII, Дружный I, Ильяска I, Камышное II, Мочище I, Синташта, Черкасы II (Малютина и др., 2006; Зданович, 1988. С. 165; Потемкина, 1985. С. 259–274; Зданович и др., 2003; Петрова, 2007; Алаева, 2007). Несмотря на то что в это время население активно использовало для строительства котлованы более раннего времени, более того, видимо, пребывало в границах поселений сезонно, можно суммарно констатировать, что материалы финальной бронзы стратиграфически позднее срубно-алакульских и федоровско-черкаскульских. Эта группа иногда рассматривается как относительно самостоятельный стратиграфический горизонт между срубно-алакульским и финально-бронзовым (Петрова, 2007. С. 81). Для Алексеевского комплекса этот факт установлен путем анализа горизонтальной стратиграфии (Потемкина, 1975; Евдокимов, 1975). При исследовании поселения Щетково 2 выявлено нарушение черкаскуль-

ского сооружения 5 пахомовским сооружением 3, которое перекрывало также федоровскую канаву. Само сооружение 3 оказалось прорезано несколькими ямами с бархатовской керамикой (Матвеев, 2007. С. 41). Единичный факт не может быть абсолютным доказательством соотношения данных культур, но определяет их место относительно бархатовских и, возможно, федоровских древностей. С другой стороны, на основании раскопок поселения Мочище I С.А. Григорьев считает возможным частичное сосуществование алакульских и саргаринских керамических традиций, что интерпретируется им как свидетельство культурной преемственности (Григорьев и др., 2007). Соотношение с более поздними материалами для степной зоны стратиграфически установить невозможно в связи с переходом населения к номадизму (отсутствие поселений) и резким изменением топографии могильников.

Таким образом, место рассматриваемой группы памятников в системе периодизации культур вполне определено. Согласно схеме Е.Н. Черных, базирующейся на концепции металлургических провинций, речь идет о третьей фазе Евразийской провинции позднего бронзового века. Хронологические рамки этого периода были скорректированы в соответствии с калиброванной радиоуглеродной шкалой (1500–900 гг. до н.э.). Недостаточность

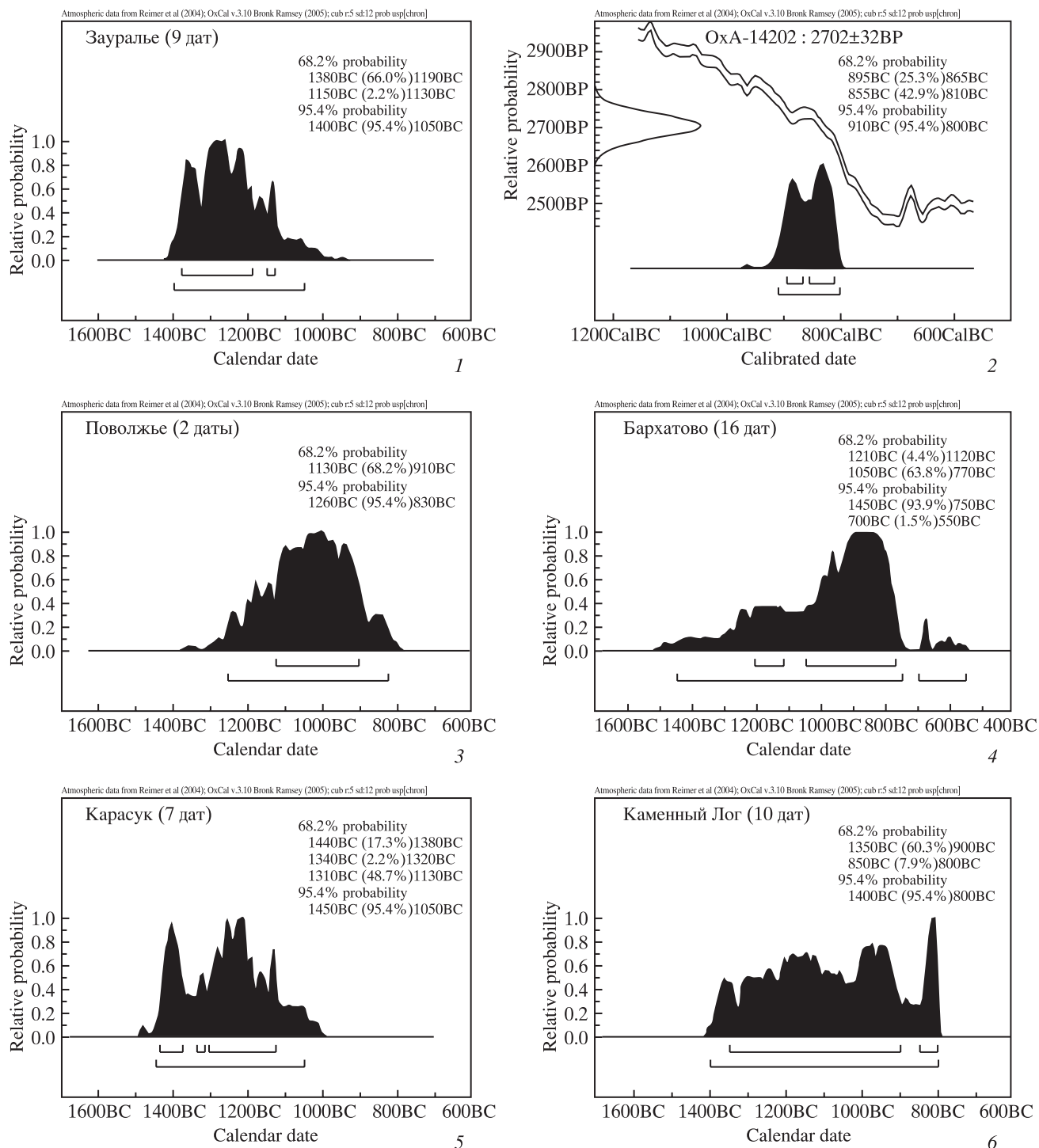


Рис. 4. Сумма вероятностей калиброванных значений памятников финальной бронзы. 1 – Южное Зауралье; 2 – Верблюжья Горка; 3 – Поволжье; 4 – бархатовская культура; 5 – карасукская культура (Минусинская котловина); 6 – каменноложская культура.

серии в 38 дат не позволила разделить весьма протяженный период на этапы (Черных и др., 2002. С. 21), тем не менее есть прямой резон проверить степень соответствия последних анализов этому интервалу.

Для Южного Зауралья есть девять дат (Епи-
махов и др., 2005; Епимахов, Епимахова, 2005)².

² Калибровка и суммирование значений проведены с использованием программы OxCal 3.10. Вне скобок приведены значения с вероятностью 68.2%, в скобках 95.4%.

Таблица 2. Памятники с радиоуглеродными датами

Номер памятника	Координаты		Памятник	Количество дат	Литература
	Широта	Долгота			
1	53°06'	60°33'	Верблюжьи Горки, мог. Усть-Утяк-1, гор.	1	Костюков, Ражев, 2004 Раскопки А.И. Кайдалова
2	55°24'	65°25'		4	

Таблица 3. Конвенционные и калиброванные даты зауральских комплексов

Номер памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.2%	95.4%
1	к. 2, п. 1	ОхА-14202	Кость <i>Homo Sapiens</i>	2702 ± 32	895–865 (25.3%) 855–810 (42.9%)	910–800 (95.4%)
2	жил. 2, кв. 3/7, гл. 0.4 м	СОАН-7051	Уголь	2790 ± 45	1010–890 (68.2%)	1050–820 (95.4%)
2	кв. Е/11, гл. 0.4 м	СОАН-7052	Уголь	2745 ± 60	970–950 (4.6%) 940–820 (63.6%)	1030–790 (95.4%)
2	жил. 5, кв. Д/7	СОАН-7053	Уголь	2970 ± 50	1300–1120 (68.2%)	1380–1330 (5.2%) 1320–1020 (90.2%)
2	жил. 8, кв. К/8, гл. 0.5 м	СОАН-7056	Уголь	2950 ± 45	1270–1110 (65.3%) 1100–1080 (2.9%)	1310–1010 (95.4%)

Сравнительные данные имеются для бархатовской и еловской (Аванесова, 1991. С. 117) культур, карасукских памятников Минусинской котловины (Gorsdorf et al., 2004) и Поволжья (Кузнецов, 1996; Колев, 2000. С. 250). Зауральская серия (семь дат погребений и две поселенческих) за одним исключением демонстрирует высокую согласованность (рис. 4, 1) – сумма вероятностей 1380–1130 (1400–1050) гг. до н.э. Близким оказалось значение анализа Баишевского могильника (Кузнецов, 1999), который наряду с абашевскими содержал материалы интересующего нас периода, – 1270–1020 (1390–930) гг. до н.э. Верблюжьи Горки, имеющие существенные отличия по ряду показателей, дали единственную дату 895–810 (910–800) гг. до н.э. (рис. 4, 2). Единичность анализа не позволяет делать уверенные выводы, но дает возможность предполагать, что выявленные различия погребальной обрядности имеют хронологическое объяснение (см. табл. 2, 3).

Для бархатовских памятников серия более внушительная (16 дат), но для части анализов (судя по разбросу значений) можно предполагать проблемы культурной идентификации образцов, происходящих с разновременных памятников (Матвеев и др., 1991; Матвеева и др., 2006). Тем не менее, полученный интервал 1210–770 (1450–550) гг. до н.э. требует интерпретации в первую очередь, по

поводу его сравнительно поздней позиции (рис. 4, 4). Отчасти это объясняется тем, что большая часть анализов связана с Красногорским, Коловским и Усть-Утякским городищами, относимыми к поздней фазе существования культуры (Матвеева и др., 2006. С. 36, 37; Аношко, 2007. С. 120; Кайдалов, Сечко, 2007).

Иные территории почти не имеют материалов для сопоставления, можно лишь констатировать, что карасукский (1440–1130 (1450–1050) гг. до н.э.) (рис. 4, 5) и еловский (1500–1310 (1540–1130) гг. до н.э.) интервалы ближе ранней группе значений Южного Зауралья, а каменоложский в своей поздней части (1350–800 (1400–800) гг. до н.э.) (рис. 4, 6) – бархатовской культуре и дате Верблюжьих Горок. К этой же группе примыкает сумма двух дат Среднего Поволжья – 1130–910 (1260–830) гг. до н.э. (рис. 4, 3). Четыре анализа сусканских памятников Поволжья заметно древнее рассматриваемой серии – 1690–1460 (1800–1100) гг. до н.э. – и, по нашим данным, близки срубной и андроновской (Епимахов, 2007). Для маклашевской культуры Прикамья известна датировка XI – первая половина IX вв. до н.э. (Чижевский, 2007. С. 175)³. Заметно ближе значения саргаринско-алексеевских влияний

³ К сожалению, автор кратких тезисов не имел возможности озвучить исходные данные серии и не пояснил, калибровались ли значения.

в Туркменистане (Щетенко, 2000. С. 263) – XIV–XIII вв. до н.э.

Из изложенных фактов напрашивается вывод о разделении вслед за другими территориями зауральского ПБВ III на две части. Тезис о наличии двух фаз “горизонта КВК” был высказан довольно давно (Черных, 1983. С. 95). Его развитию, включая выделение ПБВ IV, посвящен ряд обобщающих (Кузьминых, Дегтярева, 2006. С. 251–256) и региональных работ (Потемкина, 1985. С. 266; Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 59; Колев, 2000; Чижевский, 2007). Следует подчеркнуть, что для лесостепной зоны такое членение часто воспринимается как этапы развития единой культурной традиции, приведшей к формированию ряда общностей, тогда как для степной ситуация более контрастная (Кузьминых, Дегтярева, 2006. С. 254).

В этой связи требуются терминологические уточнения. Во-первых, термин “горизонт”, с нашей точки зрения, должен использоваться при оценке явлений, сочетающих *широкий географический охват с кратким временем бытования* (Колпаков и др., 1990. С. 62), что не вполне соответствует установленной длительности бытования. Во-вторых, дополнительной проверки требует обоснованность использования в наименовании *второй фазы* диагностирующего типа керамики.

Проблема культурной атрибуции

Лапидарность материалов (при несомненном наличии инвариантного ядра традиции) ставит исследователя в трудное положение при определении культурной интерпретации. Поиски аналогий основным обрядовым чертам – сильная скорченность покойных, ориентировка головой в южных румбах, заметная доля правобочных погребений – позволяют обнаружить сходство едва ли не по всей территории Евразийской степи и лесостепи: в Поднепровье (Березанская и др., 1986. С. 93, 94), Подонье (Потапов, 2003), Поволжье (Колев, 2000. С. 246, 256), Центральном Казахстане (Ткачев, 2002. С. 128–145), Западной Сибири (Молодин, 1985; Бобров и др., 1993). Огромность пространства заставляет рассматривать перечисленные особенности обрядности как “эпохальные стереотипы”. Следует, однако, признать, что это определение не раскрывает механизм возникновения и поддержания единства. К тому же в целом ряде случаев список черт может быть пополнен керамическим комплексом и металлическими изделиями, что исключает идеологическое объяснение в качестве единственного.

Выбор любой из ранее предлагавшихся версий (межовская, саргаринская, алексеевская, бархатовская⁴) не кажется вполне удовлетворительным отчасти ввиду дефицита сравнительных материалов по погребальным памятникам. Для близлежащих лесостепных территорий они отсутствуют *de facto*. Исключением могут быть признаны межовские погребения Приуралья (Обыденнов, 1998. С. 11–16), но разница с ранней серией абсолютно очевидна.

Степных древностей этого типа также не слишком много, да и количество датирующих вещей в закрытых комплексах крайне недостаточное. За вычетом обрядовых черт и технологии домостроения⁵ в нашем распоряжении остается комплекс керамики и единичные металлические изделия, поскольку облик системы жизнеобеспечения в большой степени определялся экологическими условиями, а другие отрасли представлены фрагментарно.

По сути, мнение об относительной самостоятельности местных традиций уже высказывалось, делались попытки выделения нового культурного типа по керамике либо погребальной обрядности. Однако есть существенное расхождение в оценке одних и тех же материалов. Так, Т.С. Малютина с соавторами (2006) и С.А. Григорьев (2000. С. 401) отнесли опубликованные нами погребения (Костюков и др., 1996) к заключительной стадии бронзового века. Исходя из этой логики к этому же “постваликовому” времени должны относиться поселения Кинжитай (Vinogradov, Yepimachov, 2000) и Берсуат XVIII, имеющие трудно оспариваемые черты сходства в облике посуды. Как показано выше, радиоуглеродные датировки такому заключению не соответствуют. Затруднительно обосновать и сходство керамики большинства зауральских памятников с достоверно поздними в рамках финала эпохи бронзы донгальскими или нурскими. Следовательно, и этот аргумент не может быть использован.

Более перспективной кажется соотнесение выделенной ранней группы зауральских памятников с первой фазой ОКВК при условии признания того факта, что собственно “переходные” комплексы нам известны по единичным примерам (Коренько, 1982; 1985. С. 60; Костюков, Ражев, 2004). Почти полное отсутствие рельефной орнаментации посуды следует считать признаком локальным, а не хронологическим. Памятники лесостепной и лес-

⁴ В данном случае мы не рассматриваем наименее вероятную гамаюнскую версию, хотя свидетельства хронологической близости с бархатовскими древностями имеются.

⁵ Очень длительное сохранение традиций в этой сфере отмечали авторы публикации поселения Берсуат XVIII (Малютина и др., 2006. С. 163).

ной зоны Западной Сибири (часть восточноевропейских) обычно в состав ОКВК не включаются, что не мешает проследить сходство с соседними культурами. Актуальной остается проблема идентификации поселений, синхронных поздней группе, если, конечно, не исходить из тезисов о переходе к номадизму или почти полного запустения территории. А.Д. Таировым (2006. С. 273) на материалах Северного Казахстана предполагается возможность сосуществования погребальных традиций финала эпохи бронзы и начала РЖВ при отсутствии генетической связи между носителями каждой из них. Видимо, не будет преувеличением признание факта повышения мобильности степного населения, поддержания далеких культурных и иных связей в границах экологической зоны и вне таковой, что реализовалось в облике материальной культуры и обрядовой сфере. Дополнительным обоснованием этому тезису может служить синхронность смены стереотипов металлопроизводства и другие факты.

“Проницаемость” культурных границ понуждает к поиску дефиниций за пределами термина “археологическая культура”. Предложения обычно касаются выделения “надкультурного” уровня (культурно-историческая или археологическая общность; блок культур; горизонт культур). В этом случае акцент делается на объединение нескольких археологических культур по хронологическому и/или географическому основанию. Несколько иной – генетический – оттенок имеет словосочетание “семья культур”, подчеркивающий родство не только относительно одновременных, но и асинхронных объединений (Матвеев, 1998). Применительно к нашей теме ни один из перечисленных вариантов не кажется совершенным, поскольку есть определенные трудности в выделении культур (особенно в части уяснения границ), с одной стороны, и проблема строгой аргументации их родства – с другой. Возникшая ситуация демонстрирует своего рода непрерывность (Корякова, 1991. С. 20–23; Черных, 2007. С. 36, 37), при которой контакты с ближайшими соседями широко сочетались с дальними связями и миграциями.

В этом случае вопрос о принадлежности памятников Южного Зауралья к межовско-ирменско-карасукскому кругу либо к кругу КВК не имеет и не может иметь однозначного решения, да и само противопоставление кажется излишним. С одной стороны, ряд находок адресует нас к лесостепной версии, с другой – курганная обрядность располагает прямыми аналогиями в степной зоне. Полного же соответствия ни с одной из сравниваемых групп не обнаруживается. В этой связи мы считаем оптимальным решением выделение для Южно-

го Зауралья белоключевского археологического типа, который, оставаясь инструментом анализа, не обязательно имеет перспективу превращения в самостоятельную культуру. Длительность его существования еще предстоит установить, поскольку на отсутствие разрыва культурных традиций между выделяемыми ранней и поздней группами пока указывает лишь сходство единичных сосудов.

Настоящая работа не могла бы состояться без плодотворных обсуждений и предоставления материалов Н.Б. Виноградовым, В.П. Костюковым (ЧГПУ), А.Д. Таировым (ЮУрГУ), В.И. Стефановым и О.Н. Корочковой (УрГУ), А.Ф. Шориным (ИИиА УрО РАН). Особая благодарность С.Г. Боталову (ИИиА УрО РАН) и А.И. Кайдалову (Шадринский краеведческий музей) за возможность использовать неопубликованные результаты радиоуглеродного датирования городища Усть-Утяк-1, а также Б. Хэнксу – за деятельное участие в получении ^{14}C дат по памятникам зауральского бронзового века. Автор признателен С.В. Кузьминых (ИА РАН) за чрезвычайно ценные консультации и возможность сослаться на неопубликованную рукопись.

Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН и СО РАН при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 08-06-00380-а и 09-06-91330-ННИО_а РГНФ, проект № 08-01-85118а/У.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
- Алаева И.П. Миниатюрные предметы из материалов поселения бронзового века Южного Зауралья // XVII Уральское археол. совещание. Екатеринбург; Сургут, 2007.
- Аношко О.М. Общая характеристика бархатовской культуры позднего бронзового века Зауралья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993.
- Гарустович Г.Н. Погребения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // Уфимский археол. вестн. Вып. 2. Уфа, 2000.
- Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. Челябинск, 2000.
- Григорьев С.А., Тидеман Е.В., Петрова Л.Ю. Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней брон-

- зы Мочище I в Южном Зауралье // Изв. ЧНЦ. 2007. Вып. 2 (36).
- Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. 1975. № 4.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Восточного Казахстана. Караганда, 2002.
- Епимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2007.
- Епимахов А.В., Епимохова М.Г. Случайные находки бронзового века с территории Челябинской области // Вестн. ЧГПУ. Сер. 1. Ист. науки. № 2. Челябинск, 2005.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Рэнфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4 (24).
- Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей (Основы периодизации). Свердловск, 1988.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А. Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь – лесостепь. Кизильский район. Челябинск, 2003.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Материалы переходного времени от бронзы к железу городища Усть-Утяк 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 7. Тюмень, 2007.
- Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Колтаков Е.М., Бочкарев В.С., Васкул И.О. и др. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М., 1990.
- Коренько В.А. О погребениях времени перехода от бронзы к железу в приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железного века. Уфа, 1982.
- Коренько В.А. Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА. 1985. № 4.
- Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века): Препринт. Екатеринбург, 1991.
- Костюков В.П., Епимахов А.В. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актюбинск, 2005.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Костюков В.П., Ражев Д.И. Погребения из курганный группы Верблюжьих Горки и некоторые проблемы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Южном Зауралье // Вестн. ЧГПУ. Сер. 1. Ист. науки. Вып. 2. Челябинск, 2004.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1947. Вып. XVII.
- Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996.
- Кузнецов П.Ф. О роли культур Южного Урала в культурогенезе эпохи поздней бронзы // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск, 1999.
- Кузьминых С.В., Дегтярёва А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учебник. М., 2006.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. Челябинск, 1999.
- Левит А.И., Миронычева-Токарева Н.П. Степные и лесостепные ландшафты юга Челябинской области. Челябинск, 2005.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // Ab origine: проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень, 2007.
- Матвеев А.В., Орищенко А.В., Зах В.А. и др. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. конф. Барнаул, 1991.
- Матвеева Н.П., Аношко О.М., Цембалюк С.И. Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Приоболье) // РА. 2006. № 2.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Обыденнов М.Ф. Межовская культура. Уфа, 1998.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995.

- Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф.* Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск, 1993.
- Петрова Л.Ю.* Керамические комплексы эпохи поздней бронзы степной зоны Южного Зауралья // Изв. ЧНЦ. 2007. Вып. 2 (36).
- Потапов В.В.* Памятники финала поздней бронзы степного Подонья: проблемы культурной атрибуции // Чтения, посв. 100-летию деятельности в ГИМ В.А. Городцова. М., 2003.
- Потемкина Т.М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. 1975. № 1.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притобоя. М., 1985.
- Сальников К.В.* Бронзовый век Южного Зауралья (андроновская культура) // МИА. 1951. № 21.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
- Стоколос В.С.* Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестн. ЧГПУ. Сер. 1. Ист. науки. Вып. 2. Челябинск, 2004.
- Стоколос В.С., Стоколос Г.И.* Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестн. ЧГПУ. Сер. 1. Ист. науки. Вып. 2. Челябинск, 2004.
- Таиров А.Д.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э. Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.
- Таиров А.Д.* К вопросу о генезисе культур раннесакского времени урало-казахстанских степей // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.
- Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень, 2002.
- Черных Е.Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- Черных Е.Н.* Каргалы. Т. V: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М., 2007.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В.* Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. 2002. № 1.
- Чижевский А.А.* Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание. Матер. науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут, 2007.
- Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н.* Межовский культовопогребальный комплекс кургана № 5 могильника Дачный-2 // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Матер. III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006.
- Шорин А.Ф.* Дружный комплекс археологических памятников // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2004.
- Щетенко А.Я.* Хронологический аспект контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной бронзы Евразийских степей // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Матер. междунар. науч. конф. Ижевск, 2000.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A.* ¹⁴C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. L., 2004.
- Vinogradov N.B., Yepimachov A.V.* From a Settled Way of Life to Nomadism. Variants in Models of Transition // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. Oxford, 2000 (BAR; Intern. Ser. 890).

The “Dark Ages” of the Bronze Age in the South Trans-Urals

A.V. Epimachov

Summary

The article considers the chronology and cultural attribution of the sites which belong to the terminal Bronze Age in the South Trans-Urals. Analysis of the funeral rite and of the assemblage of finds reveals the existence of an unvarying and independent nucleus, even though numerous analogies are known from the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe and Western Siberia. The chronological position of the group is identified through stratigraphic and radiocarbon data. The data allows to determine the chronological boundaries (the 14th–9th cc. BC in the system of calibrated dates), and to tentatively outline two stages for the period, as it has been done previously for other territories. Pertaining to cultural identity, the author considers it possible to identify, on the basis of the materials from the early group of burials, the Beloklyuchyovka type of sites, which is part of the archeological continuity of the cultures in the region.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МОГИЛЬНИКА КЫРЫК-ОБА II В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

© 2010 г. С.Ю. Гуцалов

Орский гуманитарно-технологический институт

Южное Приуралье, расположенное к северу от Каспийского и Аральского морей, с одной стороны, и к югу от Уральских гор – с другой, оказалось на стыке различных природно-географических и историко-культурных областей. Этот фактор способствовал тому, что названный регион сыграл значительную роль в процессах этнокультурогенеза, происходивших в древности на степных пространствах Восточной Европы, Казахстана и смежных регионов Средней Азии и Западной Сибири. Открытие на рубеже XX–XXI вв. на территории Оренбуржья такого элитарного погребального памятника, как Филипповские курганы – свидетельство тому.

Древности Филипповского могильника, как полагают исследователи (Пшеничнюк, 1989; Яблонский, 2008. С. 173), отражают этнокультурную ситуацию в регионе в конце V–IV в. до н.э. и позволяют определенно говорить о тесной связи между погребальным обрядом двух этапов развития прохоровской культуры – VI–V и конца V–IV в. до н.э. (Яблонский, 2007. С. 25, 26). При этом возникают вопросы, связанные с характером происхождения прохоровской культуры и истоками ее сложения (Мошкова, 2008. С. 96). Принципиально важно, что в элитарных памятниках в первую очередь проявляется связь в развитии культурных традиций (Смирнов, 1964. С. 286; Кадырбаев, 1984. С. 85, 86; Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 151). Яркой иллюстрацией данного положения являются материалы раскопок последних лет на территории Западного Казахстана, которые представлены в настоящей публикации.

С 2001 по 2005 г. Западно-Казахстанским областным центром истории и археологии проводились раскопки курганов группы Кырык-Оба II в Бурлинском р-не Западно-Казахстанской обл., в которых автор принимал непосредственное участие¹. Эти исследования нашли свое отражение в казахстанских изданиях реферативного характера, к тому же,

малодоступных российским специалистам (Курманкулов и др., 2002; Сдыков и др., 2003). Поэтому, по мнению автора, есть смысл в том, чтобы ознакомить российских исследователей с основными результатами раскопок данного некрополя.

В могильник Кырык-Оба II входило более 30 земляных курганов, растянувшихся по цепочке с запада на восток на расстояние до 3 км (рис. 1) по обе стороны дороги на 80-м км автотрассы Уральск–Акса́й на обширной равнине левого берега р. Урал, в 10 км к югу от его русла и в 5 км к северу от “царского могильника” Кырык-Оба. Все курганы – земляные, большинство из них значительных размеров – их параметры находятся в пределах от 1.1 до 6 м в высоту и от 30 до 60 м в диаметре. За пять полевых сезонов здесь было исследовано 15 курганов. В качестве объектов раскопок выбирались аварийные курганы, подвергшиеся разрушению при строительстве автотрассы и в ходе проведения полевых работ. В настоящей работе из-за ограниченных размеров публикации будут охарактеризованы только три объекта, отражающие основные особенности погребальных конструкций данного некрополя.

Курган 15 располагался к югу от автотрассы “Уральск – Аксай” в центре могильника. Насыпь уплощенная, подквадратной в плане формы. Диаметр 40 м, высота 1.1 м. По центру наблюдалось незначительное углубление диаметром до 5 м. По периферии кургана густые заросли чилиги обозначали заплывший кольцевой ров.

При снятии насыпи оставлены две осевые бровки, по сторонам света, проходящие через центр кургана и соответственно, в 5 м к западу и востоку от условного центра, и две дополнительных меридионального направления (рис. 2, 1). В ходе снятия грунта были сделаны многочисленные находки костей животных, представленные большими трубчатыми костями, позвонками и лопатками лошадей и КРС, астрагалом, позвонками и трубчатыми костями МРС². Костные остатки тризны

¹ Выражаю искреннюю признательность М.Н. Сдыкову и А.А. Бисембаеву за всемерную помощь при организации данных раскопок и предоставленную возможность публикации материалов.

² Все определения костей животных сделаны ст. преподавателем кафедры биологии ЗКГУ им. Махамбета А.А. Джубановым.

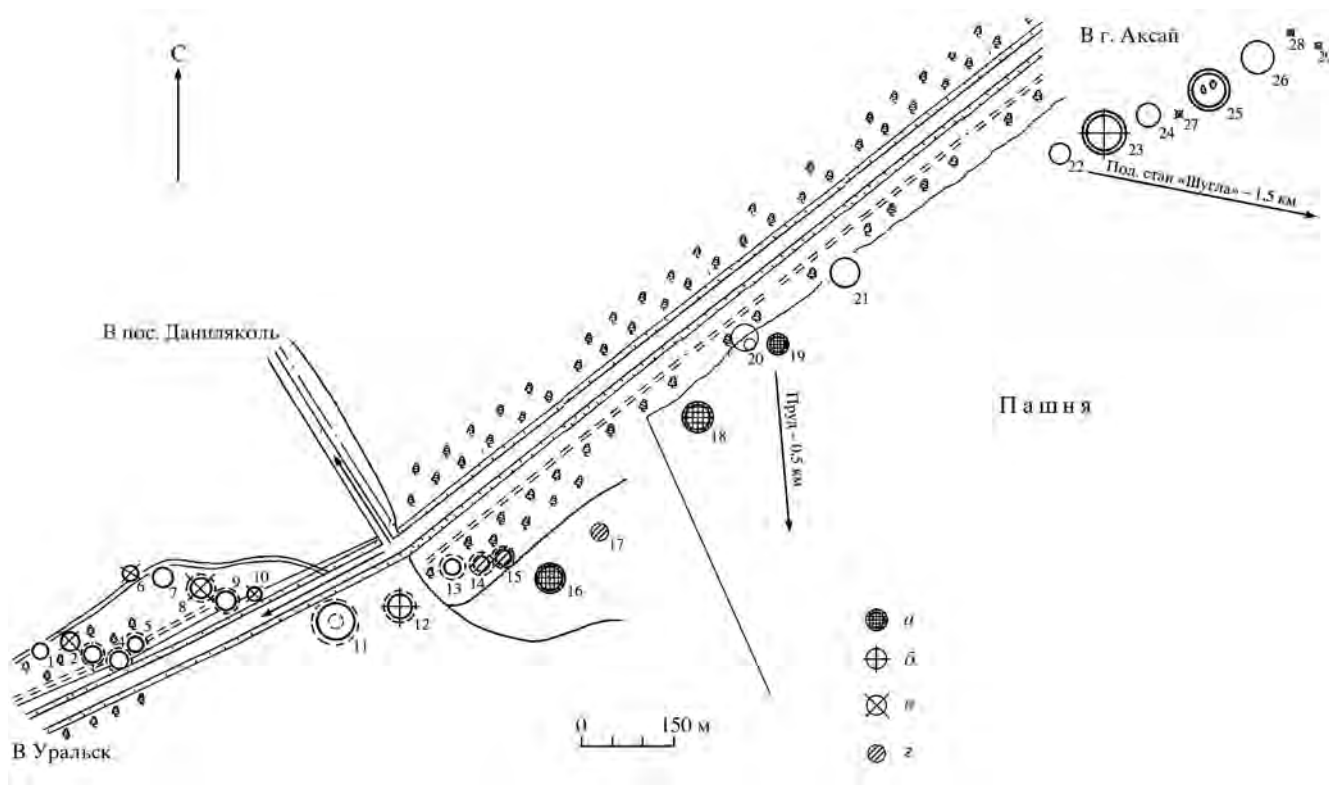


Рис. 1. План могильника Кырык-Оба II: курганы, раскопанные в 2002 (а); 2003 (б); 2004 (в); 2005 г. (з).

были сосредоточены в северо-восточном и северном секторах над глиняным валом, окаймлявшим погребальную площадку, и сосредоточены во рву к В-СВ от центра кургана (рис. 2, 1). Кроме того, по центру кургана и в юго-западном секторе в насыпи на глубине от 25 до 60 см от поверхности кургана были обнаружены: кусочки мела и три железные пластины (фрагменты клинка?).

У внешнего края глиняного вала в ЮЗ секторе на уровне погребенной почвы был обнаружен клад из железных и бронзовых предметов конской узды (рис. 3). Всего, судя по количеству псалиев, они составляли четыре комплекта (рис. 3, I–IV). Псалии, навершия которых были выполнены в виде голов хищных птиц и волков, были изготовлены как из бронзы и железа (рис. 3, 10, 11, 14, 15), так и из бронзы (может быть с примесью серебра) (рис. 3, 1, 2, 6). Кроме того, в состав узды входили распределители – тройники (рис. 3, 3, 9, 13, 16) и массивные бронзовые конусы – султаны (рис. 3, 4, 7, 8, 12, 17, 18). Железные кольчатые удила сохранились плохо.

Судя по тому, что в центре кургана на протяжении 4–5 м фиксировался затек из плотного чернозема, курган был ограблен еще в древности. Основу погребальной конструкции составлял мощный вал (шириной от 4 до 5 м и высотой до 0,5 м) из желтой

материковой глины, возведенный на погребенной почве, вокруг погребальной площадки. В плане он был в форме шестигранника, ориентированного по сторонам света с разрывом в юго-восточном секторе. Следует заметить, что мощный слой глины как бы обтекал небольшой вал из гумуса, параметры которого находились в пределах $0,8\text{--}1,0 \times 0,2$ м (рис. 2, 1). На поверхности вала наблюдался настил из коры – часть деревянной конструкции. Основу последней составлял деревянный сруб, остатки которого были зафиксированы в центре кургана. Сруб, вероятно, квадратной формы (южная половина его не сохранилась), был возведен вокруг могильной ямы на уровне погребенной почвы. Размеры его – 8 м (северо-западная стенка) и 10 м – протяженность сохранившейся части северо-восточной стороны. Сруб был ориентирован углами по сторонам света. По углам сруба и вдоль стен с внешней стороны наблюдались остатки сдвоенных или строенных столбов диаметром 20–30 см, углубленные на 15–20 см в погребенную почву (рис. 2, 1). По краям деревянный каркас был укреплен материковой глиной. Сверху над срубом в несколько рядов лежали плахи шириной 10–25 см.

Могильная яма была выявлена в центре сруба. Ее размеры на уровне погребенной

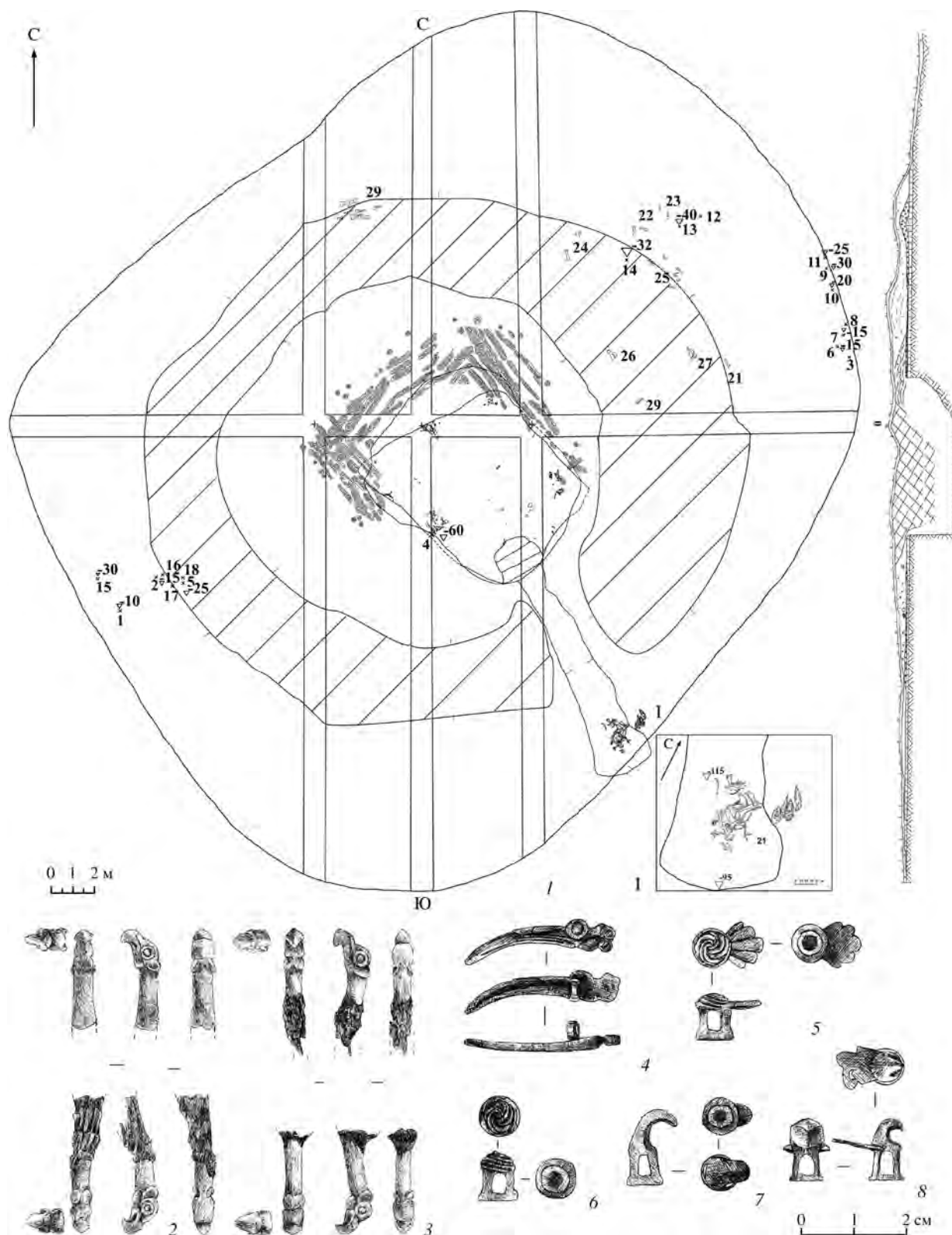


Рис. 2. Могильник Кырык-Оба II, курган 15. I – план и разрез центральной бровки. Вид с востока. I – черепа лошадей у входа в дромос; 2–8 – комплект конской упряжи из могилы (2, 3 – бронза и железо, остальное – бронза).

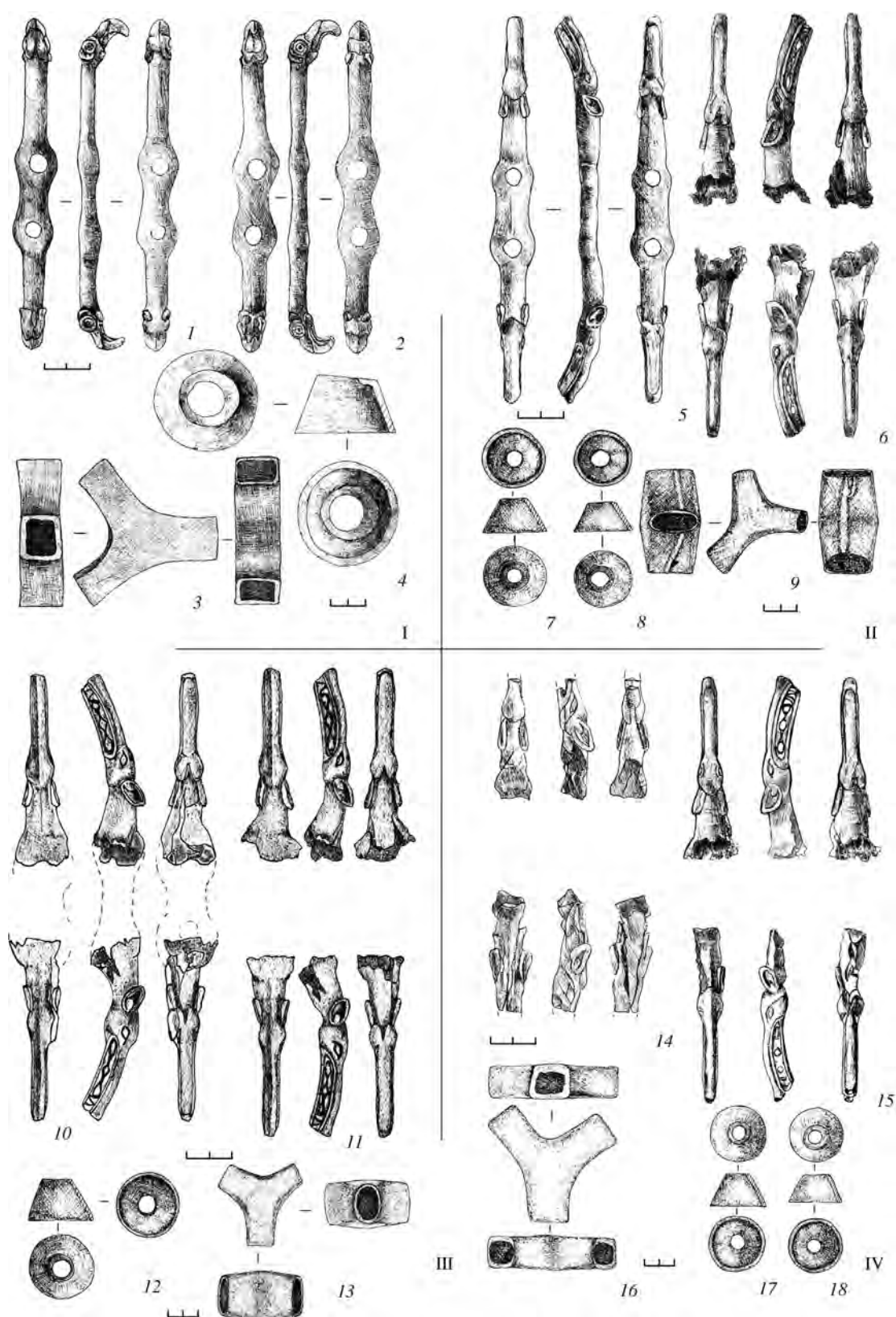


Рис. 3. Могильник Кырык-Оба II, курган 15. Комплекты конской узды из юго-западной половины кургана. 10, 11, 14, 16 – бронза и железо, остальное – бронза.

почвы: 5.9×7.9 – 8.2 м. Яма прямоугольной формы и ориентирована длинной осью с СЗ на ЮВ. С ЮВ к ней перпендикулярно примыкал дромос длиной 8.2 м. Ширина его 1.2 м у устья и 0.8 – 1.0 м у входа в могильную яму. Глубина дромоса от -45 от уровня погребенной почвы у входа в могилу яму до -95 – 115 см. Здесь в неглубокой выемке лежали кости скелета взрослой лошади (крестец, тазовые, ребра, позвонки и др.), вероятно, остатки мясной пищи, упавшие на дно после обрушения деревянного перекрытия. Рядом с этими костями у северо-восточной стенки на погребенной почве лежали четыре лошадиных черепа (рис. 2, 1). Дромос уступом в виде четырех ступенек шириной 30 – 40 см спускался к центру ямы. Стенки ямы были большей частью отвесные, но местами в них образовывались небольшие ниши шириной 20 – 30 см. Яма имела разную глубину в различных концах – от 1.80 м до 2.20 м от уровня погребенной почвы. Дно могилы покрывал растительный тлен от подстилки.

Могилка оказалась ограбленной, о чем говорила структура заполнения – перемес из комковатой материковой глины с плотным серым суглинком, а также находки отдельных предметов, сделанные по ходу ее вскрытия на разных уровнях.

У входа в могильную яму найдены два бронзовых наконечника стрелы (рис. 4, 11, 12), рядом с ними – фрагменты тулова красноглиняного гончарного сосуда.

У северо-западной стенки ямы фрагмент черепа человека, у юго-западной стенки – ребро и трубчатая кость.

В 1 м севернее этого скопления на той же глубине – трубчатая кость и копчик человека, а в середине ямы на том же уровне – золотая серьга (рис. 4, 14) конической формы. Поверхность ее выполнена техникой псевдозерни, снизу на коротких петельчатых цепочках было подвешено восемь массивных подвесок каплевидной формы; рядом – кусочек золотой фольги.

В восточном углу могильной ямы – фрагменты красноглиняного сосуда, внешняя поверхность которого была покрыта поливой, рядом – бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 4, 10) и три бронзовых трехлопастных наконечника стрелы (рис. 4, 7–9) у западной стенки.

На дне могилы в центральной ее части – золотые бляшки ромбической формы с вставкой по центру (рис. 4, 15–18) и бронзовые наконечники стрел (рис. 4, 1–6).

Под завалом, в западном углу лежало бронзовое зеркало с длинной ручкой и широким валиком по краю широкого эллипсовидного диска (рис. 4, 13).

На его тыльной поверхности пуансоном нанесен орнамент в виде розетки по центру и четырех окружностей вокруг нее. По краю диска нанесен орнамент в виде небольших шариков.

В центре ямы была найдена костяная рукоять ножа, украшенная в зверином стиле. Ее окончание оформлено в виде вытянутой головы волка с оскаленной пастью, под которой вытянута передняя лапа, место ее стыка с туловищем обозначено волутой. У места крепления рукояти к лезвию на одной из плоских сторон – изображение хищного животного, по своему облику представляющего симбиоз кабана и волка (рис. 4, 19).

В северном углу ямы под завалом был обнаружен комплект конской узды, состоявший из псалиев и пронизок, выполненных в зверином стиле (рис. 3, 2–8). Псалии – биметаллические (бронза и железо), окончания их украшены головками хищных птиц (рис. 3, 2, 3). Пронизи – бронзовые, двух типов: вытянутые в виде головки хищной птицы с петлей на обороте (рис. 3, 4) и с квадратным столбовидным основанием с когтевидным завершением (рис. 3, 7, 8).

Курган 18 находился в центральной части могильника. В профиле курган был близок к полусфере. Диаметр кургана 40 м, высота 1.6 м. При снятии насыпи бульдозером были оставлены шесть бровок по оси С–Ю шириной около 1 м (рис. 5, 1).

По ходу снятия насыпи были сделаны следующие находки: трубчатая кость лошади на глубине 0.2 м от поверхности (№ 3 на плане); трубчатая кость человека на глубине 0.6 м от поверхности (№ 5); на глубине 0.5 м от поверхности кургана зафиксированы компактно расположенные четыре черепа людей (ритуальное место?). Черепа принадлежали мужчине зрелого возраста (35 – 45 лет), женщине (?) зрелого возраста, мужчине зрелого возраста 45 – 55 лет, женщине (?) зрелого возраста (45 – 55)³.

Рядом с ними лежали отдельные трубчатые кости, ребра, позвонки и лопатка человека. Вплотную к черепам – каменная плитка (рис. 5, 18) и в 0.5 м к С от черепов – железный нож (рис. 5, 10) и отдельные фрагменты красноглиняной гончарной посуды (№ 4) (рис. 5, 7).

На уровне погребенной почвы фиксировались кости лошади (позвонки, лопатки, ребра, трубчатые и тазовые кости). Кроме того, здесь же были обнаружены: глиняное пряслице; фрагменты красноглиняных гончарных и лепных сосудов (рис. 5, 17);

³ Антропологические определения костных останков в могильнике Кырык-Оба II проведены А.И. Нечваловой (Бисембаев и др., 2005).

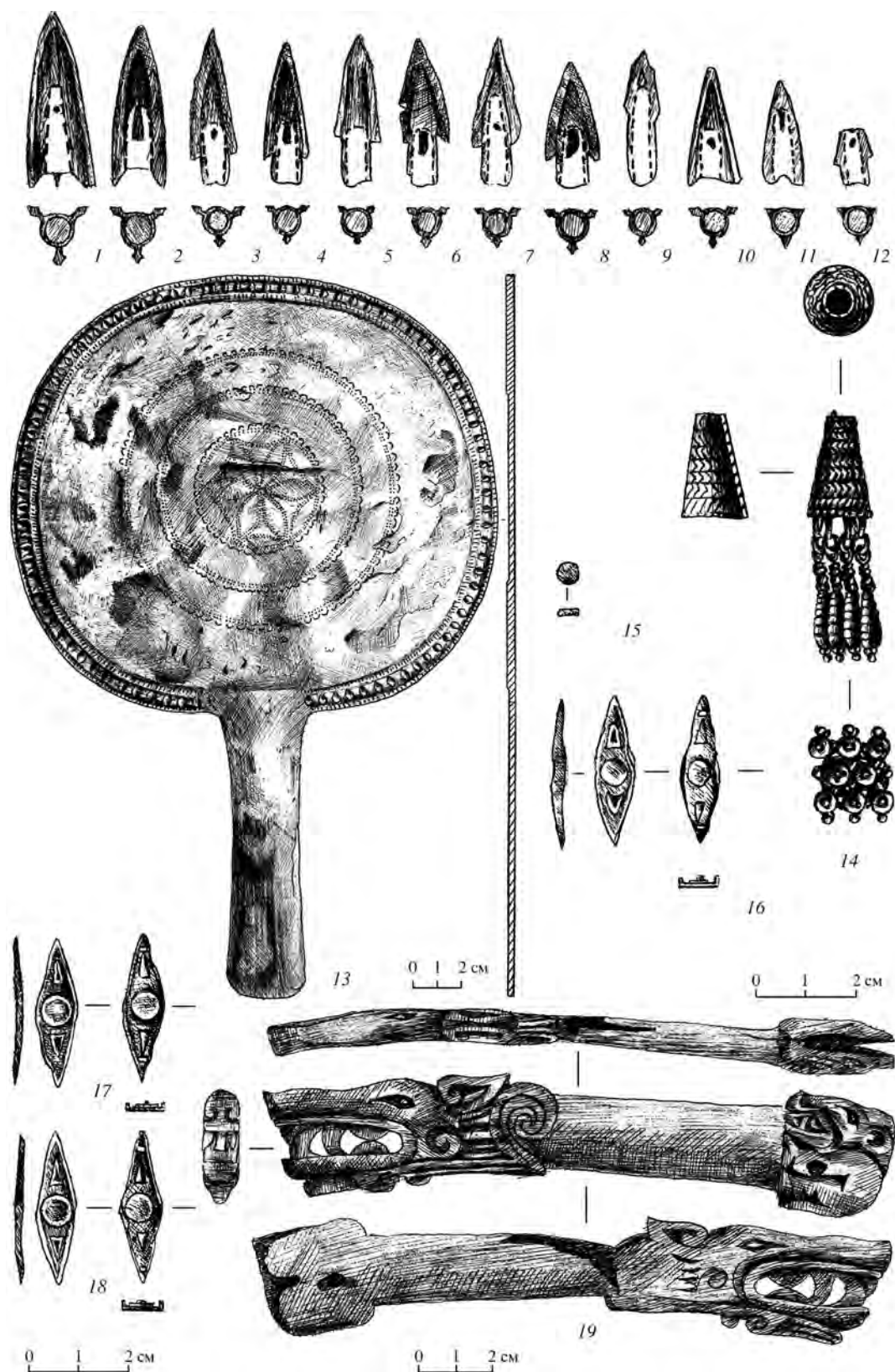


Рис. 4. Могильник Кырык-Оба II, курган 15. Находки из могилы. 1–12 – наконечники стрел; 13 – зеркало; 14 – подвеска; 15–18 – нашивные бляшки; 19 – рукоять ножа (1–13 – бронза; 14–18 – золото; 19 – кость).

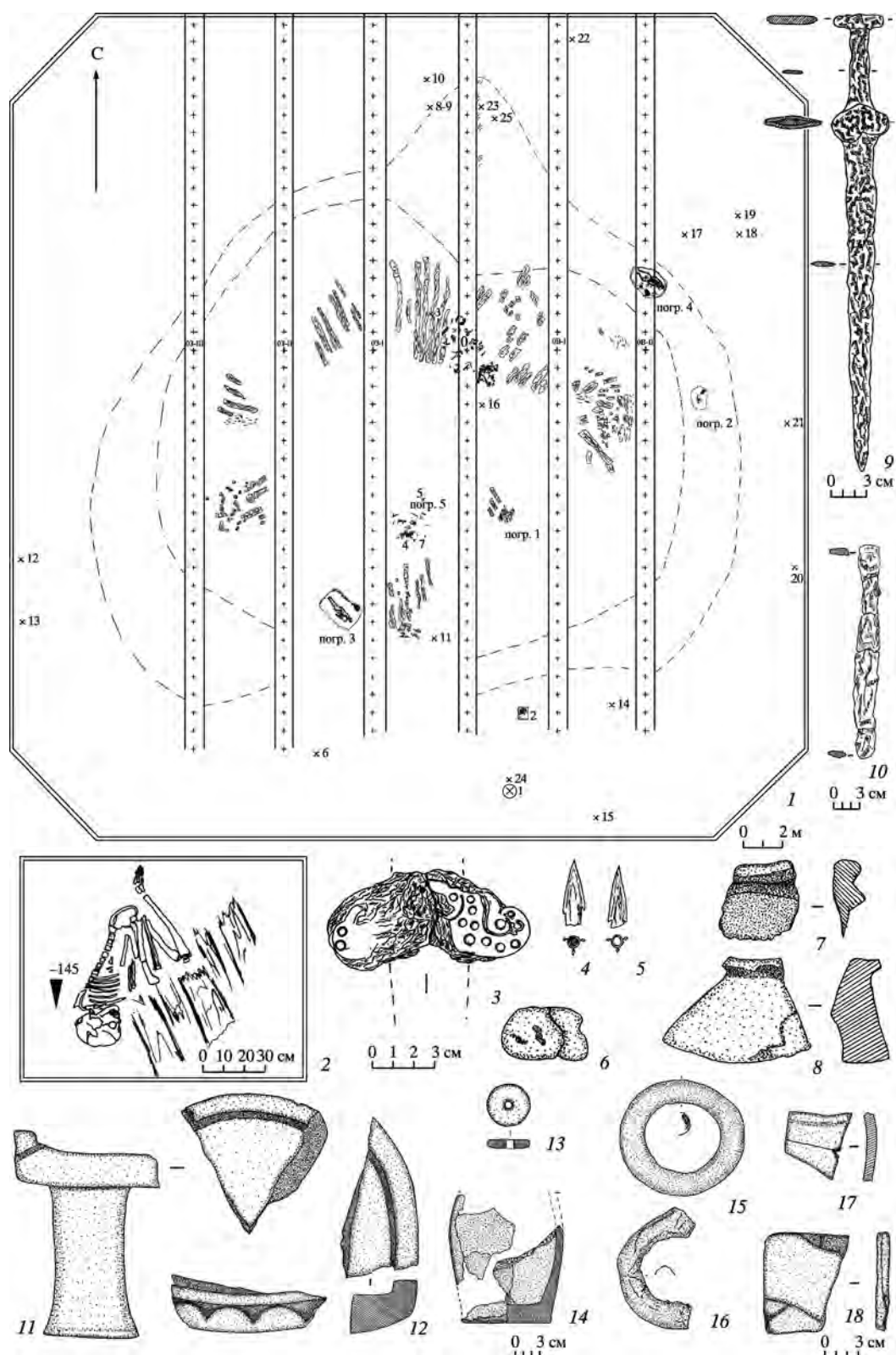


Рис. 5. Могильник Кырык-Оба II, курган 18. 1 – план раскопа кургана; 2 – погребение 1; 3–18 – инвентарь погребения 5; 15 – уздечная бляха из кургана 19 (3 – железо и золото; 4, 5 – бронза; 6, 11, 12, 18 – камень; 7, 8, 14, 17 – глина; 9, 10 – железо; 15, 16 – золото).

фрагмент каменного алтарика (рис. 5, 12) и обгоревшая трубчатая кость МРС.

Во рву, у южной подошвы кургана, у скопления костей лошади обнаружено ритуальное место. Оно представляло собой скопление из 100 черных ритуальных галек. Гальки лежали среди рыхлых мелких фрагментов лепного сосуда и потому можно предположить, что все они находились в горшке. Сверху это скопление прикрывала большая трубчатая кость лошади. Под сосудом была зафиксирована спекшаяся масса шлака. А еще ниже (50 см от погребенной почвы) были обнаружены трубчатая и тазовая кость КРС, коренные зубы, фрагменты черепной коробки и лопатка лошади.

Там же, под южной полкой, но ближе к центру (в 20 м к Ю и в 3 м к В от 0), в ямке диаметром около 0.6 м, на глубине 0.3 м от уровня погребенной почвы обнаружено скопление возможно от трех уздечек верховых коней: шесть бронзовых S-видных псалиев (рис. 6, 9, 10); восемь круглых бляшек с петлей на обратной стороне (рис. 6, 2–5) и фигурным оформлением закраины (рис. 6, 6, 8); шесть бляшек-нащечников с синкретическим изображением волка и хищной птицы) (рис. 6, 12, 13) и две крупные конические ворворки – одна бронзовая (рис. 6, 7), другая – известковая (рис. 6, 11). Интересна крупная круглая бляха с петлей на обороте. Она передана в виде свернувшегося в кольцо хищника, обладавшего волчьей мордой и хвостом, завершающегося головкой птицы. Головка птицы есть и на хребте основной фигуры. На лапах хищника четко обозначены удлинённые когти (рис. 6, 1).

В основе погребальной конструкции кургана был грунтовый кольцевой вал диаметром 21–23 м, шириной до 2 м и высотой 0.3 м, возведенный на погребенной почве (рис. 5, 1). В юго-западной части вала, скорее всего, был разрыв, так как по первой западной бровке вал не фиксировался. В центре площадки погребенная почва была слегка подрезана. От центра сооружения к валу радиально укладывались крупные деревянные плахи шириной до 20 см. Плахи были покрыты жердями и ветками, а те в свою очередь слоем камыша и коры толщиной до 1 см. На периферии плахи деревянной конструкции располагались вдоль периметра вала. Под деревянной конструкцией фиксировалась подстилка из камыша и коры, лежавшая на меловой посыпке. Жерди и ветки побывали в огне, поэтому часть из них обуглилась, а часть превратилась в пепел. Слой сильно прокаленной почвы наблюдался по всей центральной части кургана с глубины 30 см от поверхности и ниже их – слой сгоревших плах и жердей от подкурганной деревянной конструкции. Прокал имел местами мощность более 1.0 м

и наблюдался в центре на протяжении 7–11 м. Благодаря сильному пожару, случившемуся достаточно скоро после возведения погребальной конструкции, по центру удалось зафиксировать фрагменты кладки стены из глиняного кирпича шириной около 1.0 м. Тем самым можно предположить, что первоначально было возведено деревянное сооружение шатрового типа, которое опиралось на грунтовый вал и высилось над стенами из сырцового кирпича (самана).

Под курганом было открыто пять погребений.

Погребение 1. Располагалось у юго-восточного края деревянной шатровой конструкции на настиле из коры на уровне погребенной почвы. Скелет человека 15–20 лет лежал в сильно скорченном положении на правом боку, с плотно прижатыми к туловищу руками, головой на юг (рис. 5, 2). Никаких находок рядом с ним обнаружено не было. Вероятнее всего данное захоронение имеет зависимый характер по отношению к основному погребению под курганом, совершенному по центру.

Погребение 2. Было обнаружено под восточной полкой кургана, под грунтовым валом, окаймлявшим погребальную площадку, в могильной яме подпрямоугольной формы, ориентированной длинными стенками с С на Ю. Размеры ямы 0.9×1.4 м, глубина 0.6 м от уровня погребенной почвы. На дне ямы лежал скелет ребенка головой на Ю. Из-за плохой сохранности костей трудно определить его положение. В ногах скелета стоял сероглиняный лепной сосуд с примесью шамота в тесте (рис. 5, 14).

Погребение 3. Широкая прямоугольная яма размерами 1.25×2.2 м, ориентированная по оси ЮВ-СЗ, выявлена под ЮЗ полкой кургана. Могильный выкид из этой ямы фиксировался по второй западной бровке и располагался над валом, окаймляющим погребальную площадку, т.е. она была относительно синхронной основному захоронению. В засыпи могилы зафиксированы остатки деревянного перекрытия, состоявшего из продольных плах, которые держались на поперечных жердях и крепились на угловые стойки (рис. 7, 1, 1). На дне могилы на глубине 1.3 м от уровня погребенной почвы лежал чуть по диагонали на камышовой подстилке вытянуто на спине, головой на ЮВ скелет взрослого человека (рис. 7, 1, 2). Руки были вытянуты вдоль туловища, кисти находились у таза. Ноги вытянуты, туловище по отношению к ним образует тупой угол, а череп слегка завалился вправо, из чего можно сделать вывод, что скелет находился в полусидячем положении. Вдоль длинной северо-восточной стенки лежали остатки жертвенной пищи: ребра, лопатка, бедренная и берцовая кости КРС.

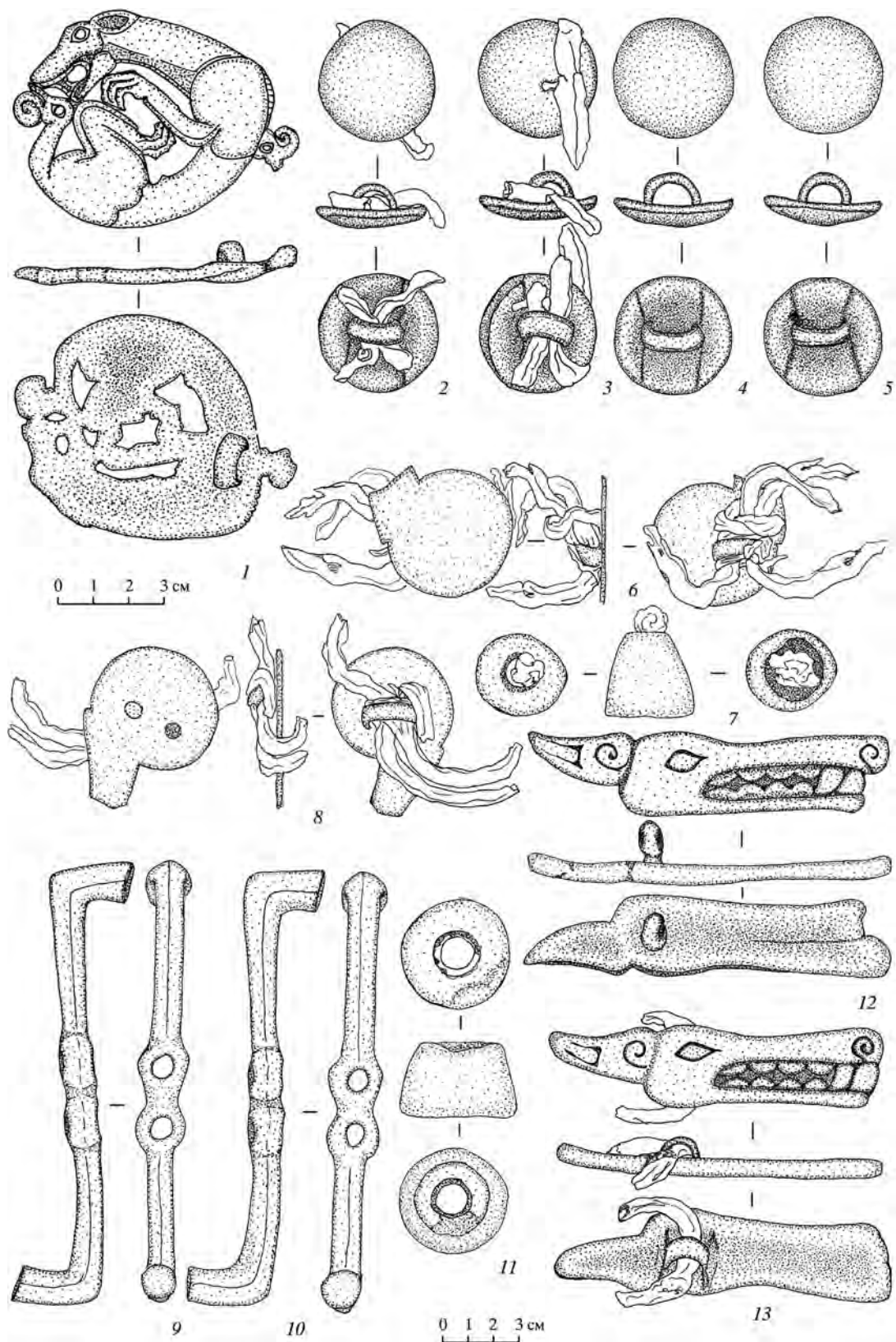


Рис. 6. Могильник Кырык-Оба II, курган 18. Комплект конской узда из южной половины кургана. 1, 4, 5, 9, 10, 12 – бронза; 11 – известняк; остальное – бронза и кожа.

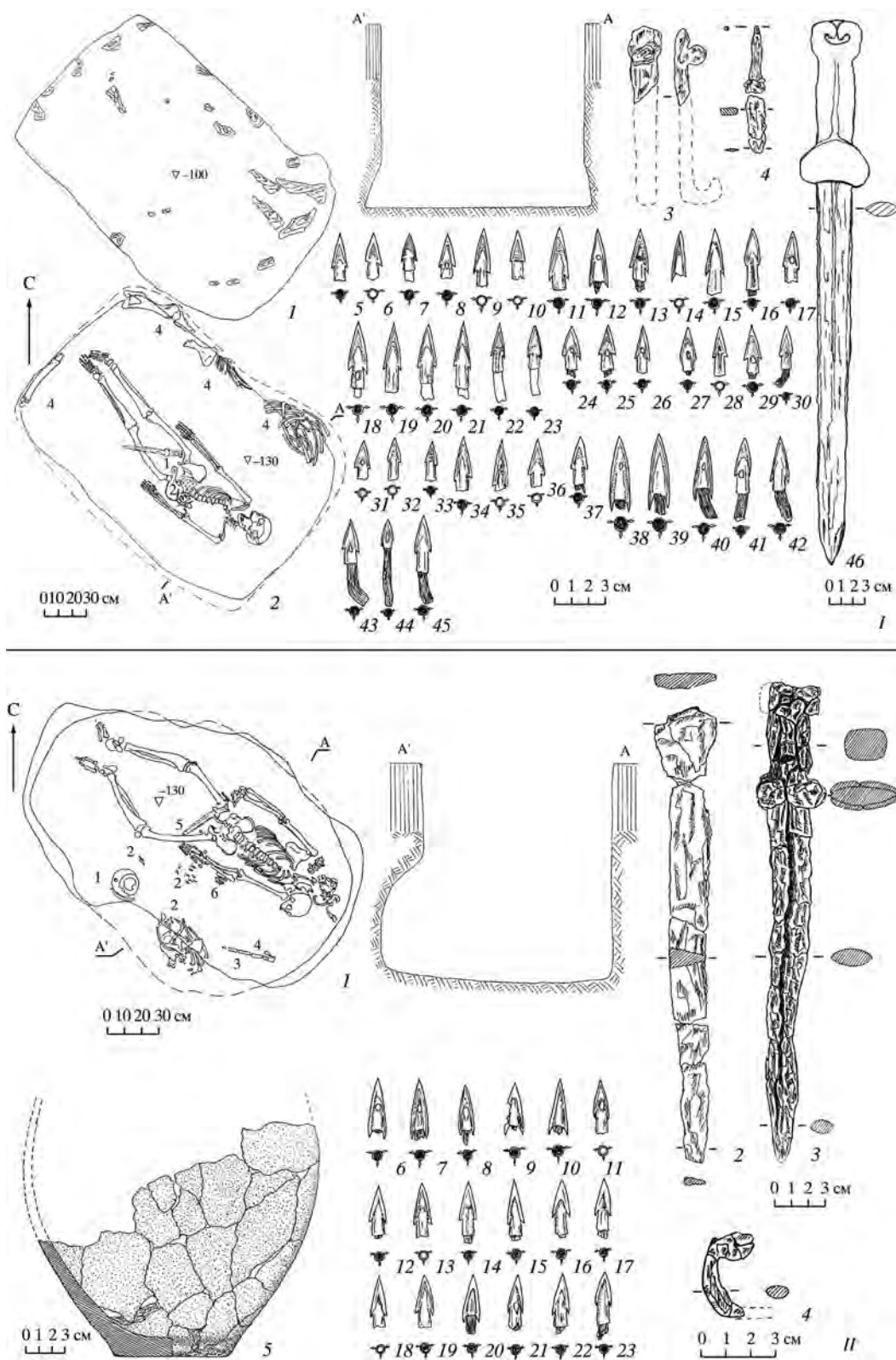


Рис. 7. Могильник Кырык-Оба II, курган 18. I – погребение 3. 1, 2 – планы и разрез погребения; 3–45 – инвентарь: 3, 4, 45 – железо; остальное – бронза. II – погребение 3. 1 – план и разрез погребения; 2–23 – инвентарь (2–4 – железо; 5 – глина; остальное – бронза).

Инвентарь захоронения представлен следующими находками:

На костяке, по диагонали от головки правой берцовой кости к левому колену лежал железный кинжал с широким бабочковидным перекрестьем и волютовидным навершием. Вдоль его рукояти идет широкая нервюра, длина кинжала 49 см, ширина клинка 3 см (рис. 7, I, 46).

В колчане, между левой рукой и тазом, бронзовые втульчатые наконечники стрел (40 шт.). Большинство из них имеет внешнюю втулку. Преобладают экземпляры со сводчатой головкой (рис. 7, I, 5–45).

Железный колчанный крючок со шпильковидным выступом в верхней части пластины (рис. 7, I, 3) лежал ниже наконечников стрел, ближе к кисти левой руки; железный ножик с подтреугольным лезвием и коротким черешком (рис. 7, I, 4) – между левой тазовой костью и позвонком.

Погребение 4. Обнаружено под восточной полостью кургана в противоположном конце от погребения 3 (рис. 5, I). Могильный выкид из этой ямы фиксировался по крайней – второй восточной бровке и располагался над валом, окаймляющим погребальную площадку. Следовательно, она была синхронна основному захоронению. Над ямой деревянное перекрытие, состоящее из продольных жердей и поперечных плах, покрытых корой. В ЮЗ части стенки ямы постепенно расширялись, образуя подбой глубиной 20–25 см. Размеры ямы на уровне дна: 2,3 × 1,5 м, высота камеры 60 см. На дне могилы на глубине 1,3 м от уровня погребенной почвы, в подбое вдоль северо-восточной стенки на подстилке из тростника лежал скелет взрослого человека (мужчина старческого возраста) вытянуто на спине, головой на ЮВ (рис. 7, II, 1). Ноги, согнутые в коленях, образуют “позу всадника”. Кости рук вытянуты вдоль туловища. Череп и часть костей грудной клетки оказались смещенными с основной оси к югу – возможно, это положение связано с тем, что скелет находился в полусидячем состоянии. В нише ЮЗ стенки лежал бок овцы – ребра и лопатка.

В погребении обнаружены следующие вещи:

Плоскодонный глиняный лепной сосуд с трубчатым носиком (реставрирована только нижняя часть горшка) (рис. 7, II, 5) – севернее костей овцы у стенки; бронзовые втульчатые наконечники стрел (18 шт.) (рис. 7, II, 6–23) – слева от кисти левой руки; длинный железный нож длиной 26 см и шириной лезвия 2,3 см (рис. 7, II, 2) – к югу от костей овцы; железный колчанный крючок (рис. 7, II, 4) (сохранность плохая) – под локтем левой руки.

Ниже таза, рукоятью на правой бедренной кости лежал железный кинжал с бабочковидным навершием и брусковидным перекрестьем, слегка прогнутым к низу с нервюрой посреди клинка. Длина кинжала 28,5 см, ширина – 2,5 см (рис. 7, 3).

Погребение 5 (основное). Располагалось по центру погребальной площадки. На погребенной почве были зафиксированы остатки коллективного захоронения. При этом центр был пуст. Основная часть находок фиксировалась на южной и северной перифериях погребальной площадки. Здесь были прослежены останки не менее четырех людей. В южной ее части лежали вразброс кости скелета мужчины зрелого возраста (череп, берцовая и бедренная кости, ребра). Среди них найден бронзовый наконечник стрелы (рис. 5, 5), фрагмент красноглиняного гончарного сосуда, фрагмент каменного блюда с массивной круглой ножкой (рис. 5, 11), железный кинжал (рис. 5, 9). Кинжал имел длину 39 см, широкое бабочковидное перекрестье и навершие в виде прямого бруска. Лезвие в сечении линзовидной формы. Кроме того, рядом были обнаружены фрагмент железной конской распределительной бляхи, обложенной золотой фольгой (рис. 5, 10)⁴, фрагмент глиняного сосуда (рис. 5, 6) и еще один бронзовый наконечник стрелы (рис. 5, 4).

В северной части площадки обнаружено скопление костей нескольких человеческих скелетов. Здесь лежали в сочленении берцовые кости и кости стоп двух ног, над которыми находились череп и кости таза. Чуть поодаль в сочленении *in situ* – кости стопы. Из чего можно сделать предположение, что скелет мужчины зрелого возраста лежал головой на Ю. Севернее его находились кости таза и ребра ребенка. Рядом с ними в сочленении берцовые кости, часть позвоночника и фаланги ноги ребенка, а также бедренная кость взрослого человека. Возле этих скелетов обнаружены фрагменты широкого бабочковидного перекрестья железного парадного меча, обложенного золотой фольгой. Поверхность фольги покрыта тисненными кругами. На фольге вырезан орнамент в виде клювовидных волют, обращенных вверх (рис. 5, 3).

Курган 19 находился в ложбине водораздельного плато по центру могильника. Насыпь земляная, полусферической формы с крутыми склонами окружена рвом шириной 3 м и глубиной 0,3 м. Диаметр кургана 36 м, высота 2,0 м. Снятие насыпи производилось бульдозером с оставлением пяти бровок

⁴ Находка данного предмета в южной части погребальной площадки, скорее всего, говорит о наличии здесь на стадии совершения погребального ритуала захоронения взнузданного коня, останки которого вероятно были выброшены позднее при ограблении могилы.

по оси С-Ю шириной около 1 м. Соответственно образовалось четыре траншеи, имевшие ширину, последовательно с 3 на В: 5.0–5.25–5.4–4.8 м (рис. 8).

В насыпи по центру была зафиксирована кальцинированная трубчатая кость человека (№ 1 на рис. 8) – в 1.3 м от вершины кургана.

С глубины 30 см от поверхности по всей центральной части кургана наблюдались остатки мощного костра слой сильно прокаленной почвы и ниже его – слой сгоревших плах и жердей от подкурганной деревянной конструкции. Жерди и ветки побывали в огне, поэтому часть из них обуглилась, а часть превратилась в пепел. Прокал имел местами мощность более 1.0 м и наблюдался в центре на протяжении 13.5 м. По центру же удалось зафиксировать фрагменты кладки из глиняного кирпича шириной около 1.0 м. На погребенной почве по периферии кургана фиксируется грунтовый кольцевой вал диаметром 25.5 м, шириной до 6 м и высотой 0.5 м. Во всех профилях наблюдался развал погребальной земляной конструкции – прослойки глины, чередующиеся с сырцовыми кирпичами (?). Причем фиксируются следы сразу четырех стен – двух у края могильной ямы протяженностью 9 м и двух других, опиравшихся на глиняный вал (их протяженность 14 м). Соответственно в плане выявилась сложная архитектурная конструкция, основой которой является вал, идущий вокруг погребальной площадки. От центра сооружения к валу радиально располагались крупные деревянные плахи шириной до 20 см, лежавшие на погребенной почве и опиравшиеся по центру на столбы, ямки от которых были расчищены по периметру могильной ямы (рис. 8). Плахи были покрыты жердями и ветками, а те, в свою очередь, слоем камыша и коры толщиной до 1 см. На периферии плахи располагались вдоль периметра вала. Следовательно, и здесь изначально было сложное сооружение шатрового типа.

На погребенной почве в различных секторах раскопа были найдены кости лошади: копыто, трубчатая кость, лопатки.

Под южной полкой кургана, в 9.5 м к Ю от 0 на уровне погребенной почвы зафиксировано захоронение лошади. Скелет ее очень сильно обгорел и потому плохо сохранился. Лошадь лежала с согнутыми в коленях конечностями, головой на С. Справа от брюха было обнаружено железное кольцо конской упряжи, покрытое золотой пластиной (рис. 5, 15).

Могильная яма, выявленная по центру кургана, имела прямоугольную форму размерами 6.1 × 7 м

и была ориентирована по оси ЗЮЗ–ВСВ. Засыпь могильной ямы представляла собой мешанину из рыхлой супеси желтого цвета со значительным включением фрагментов обгоревшего дерева и прокаленной земли. Ко дну стенки постепенно сужались. На дне на глубине 2.15 м от уровня погребенной почвы яма имела размеры: 5.0 × 6.6 м. По центру ямы была расчищена ямка от столба, являвшегося опорой всей подкурганной деревянной конструкции. Могила оказалась полностью разграбленной – у восточной стенки и по центру было обнаружено два скопления костей КРС и среди них – фрагмент железного ножа. У северной стенки лежала трубчатая кость человека.

Материал рассмотренных захоронений достаточно однороден (бронзовые наконечники стрел, железные мечи и кинжалы, плоскостонные лепные горшки, предметы конской упряжи, каменные жертвенники и пр.) и демонстрирует принадлежность к древностям Южного Приуралья савроматского времени (Смирнов, 1964). Так, среди бронзовых наконечников стрел, представленных в кургане 15 и погребениях 3–5 кургана 18, преобладают экземпляры со сводчатой головкой – типы VI и XI (Смирнов, 1961. Табл. 3). Многие из них массивные. Есть головки башневидной (рис. 4, 5, 6) и лавролистной форм (“сколотские”) (рис. 7, 16). Отдельные экземпляры имеют треугольные головки, принадлежа к типам IX и XIII. Такое сочетание стрел в колчанах характерно для начала – середины V в. до н.э. Железные мечи обладают одним общим морфологическим признаком – бабочковидными перекрестьями, которые сочетаются с брусковидными (Смирнов, 1961. С. 24 и сл.) или волотовидным навершиями (рис. 7, 1, 46). При этом перекрестье из погребения 5 кургана 18 широкое, близкое к сердцевидному. Последний признак – архаичный, позволяющий относить данный экземпляр к VI в. до н.э. (Гуцалов, 2007. Табл. 1). О VI в. до н.э. как начальной дате захоронений в кургане 18 говорит и находка здесь обломков парадного меча с широким бабочковидным перекрестьем (рис. 5, 3) в погребении 5, аналог которому известен на территории восточного Приуралья. Там из погребения конца VI в. до н.э. кургана 53 могильника Тагискен происходит железный меч, обложенный по середине клинка золотой фольгой с тисненным изображением шествия волков (Итина, Яблонский, 1997. Рис. 44, 5, 6). Массивные алтарики на ножках характерны для V в. до н.э. В частности, аналог кырыкобинскому жертвеннику имеется среди материалов кургана у хут. Крыловский (Смирнов, 1964. Рис. 15, 1ж).

Курган 15 имеет достаточно надежные хронологические реперы, о некоторых из которых уже гово-

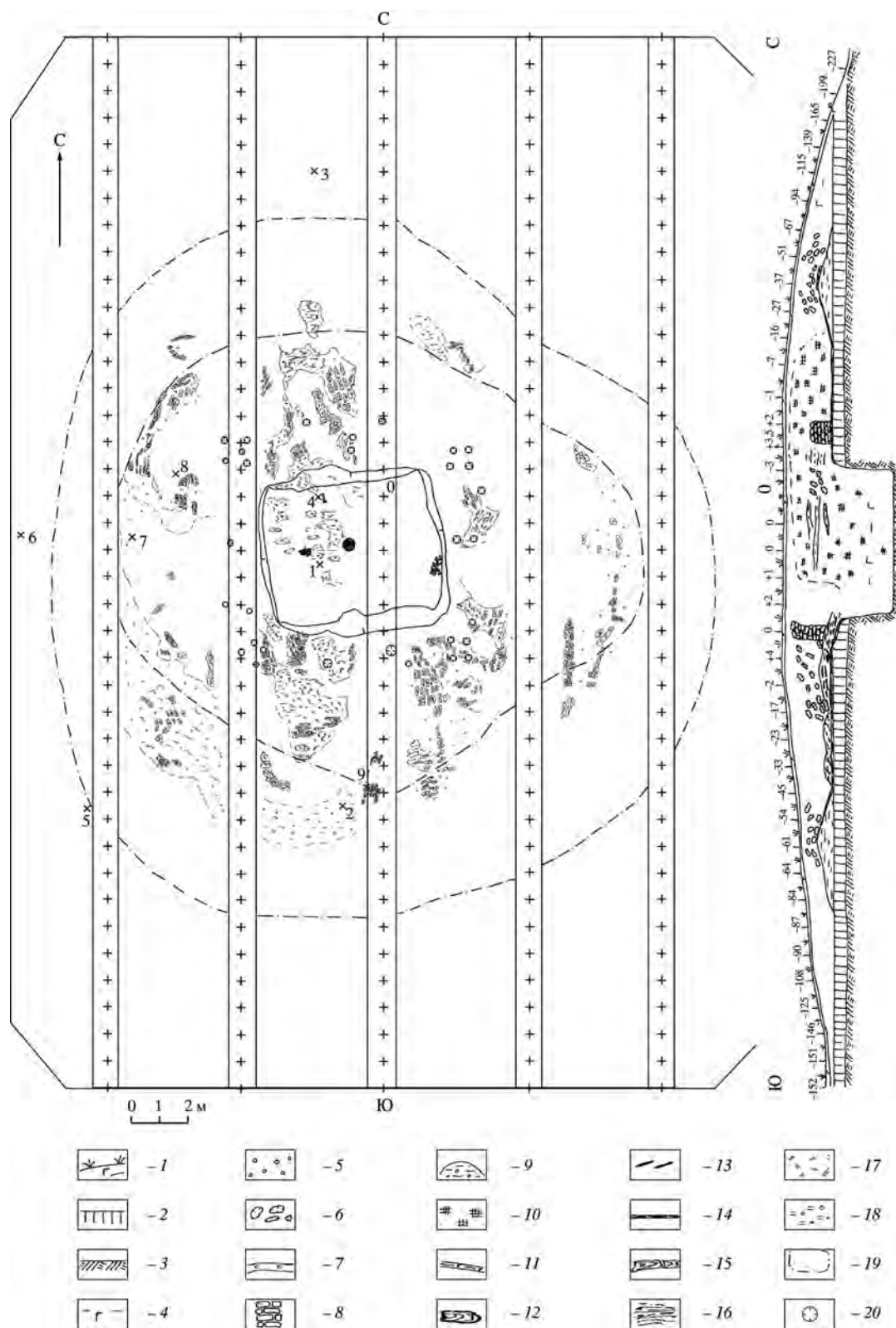


Рис. 8. Могильник Кырык-Оба II, курган 19. План кургана и разрез центральной бровки. Вид с востока. 1 – гумус; 2 – погребенная почва; 3 – материк; 4 – насыпь; 5 – глина; 6 – саманные блоки; 7 – развал самана; 8 – саманная кладка; 9 – глиняно-гравийный вал; 10 – прокаленный грунт; 11 – зола и угли; 12 – обгоревшее дерево; 13 – сгоревшие жерди; 14 – слой пепла на погребенной почве; 15 – доски; 16 – кора; 17 – растительный тлен; 18 – суглинок; 19 – восстанавливаемый контур; 20 – столбовые ямки.

рилось выше. Обращает на себя внимание находка массивной конической серьги с каплевидными подвесками. Точных аналогов ей среди кочевнических древностей Южного Урала не известно, хотя типологически она близка украшениям “савроматской” знати (Кадырбаев, Курманкулов, 1978. Рис. 3; Яблонский и др., 1994. Рис. 78, 18, 19). Костяная рукоять ножа, металлические псаии, происходящие из рассматриваемого кургана и украшенные звериным стилем, позволяют говорить о конце VI – середине V в. до н.э. как нижней границе рассматриваемого комплекса. Верхние же хронологические пределы захоронения определяет находка бронзового зеркала с широким и низким валиком по краю, украшенного пуансонным орнаментом. Зеркала этого типа появляются среди древностей Южного Урала к концу V в. до н.э. В частности, подобное обнаружено в кургане Темир рубежа V–IV вв. до н.э. (Зданович, Хабдулина, 1987. Рис. 3, 5). Еще более поздним временем датируются обломки аналогичных зеркал в погребениях могильника Покровка 2 (Яблонский и др., 1994. Рис. 98, 16; 1995. Рис. 52, 1) – не ранее середины IV в. до н.э. Наиболее ранний широко известный аналог им имеется в кургане Иссык (Акишев, 1978. Табл. 33), датируемый концом V в. до н.э. Подобное сочетание в исследуемом комплексе находок говорит, наверно, о длительном использовании этого кургана как объекта поминально-культового назначения, или, возможно, о наиболее раннем проникновении зеркал этого типа в степи Южного Приуралья.

Материал из погребений могильника Кырык-оба II относится к промежутку времени от конца VI до середины V в. до н.э. Курган 19 датируется, скорее всего, этим же временем. В пользу этого говорит наличие в нем сбруйной распределительной бляхи, идентичной находке из кургана 18, а также сходство этих комплексов по ряду обрядовых признаков.

К таковым относятся: единый тип деревянной (“шатровой”) конструкции, захоронение коня у входа на погребальную площадку, характер заупокойной тризны, представленной в основном костными останками коня и фрагментами гончарной керамики. Курган 15 отличает дромосный тип могильной ямы, деревянная конструкция типа “сруба” и положение черепов коней в качестве замены их захоронения. Всего в данном некрополе открыто четыре могилы с дромосом, три больших подквадратных и три круглых ямы по центру деревянной каркасной конструкции. Один раз фиксировалось коллективное захоронение на уровне древнего горизонта, сопровождающееся захоронениями “стражников” и жертвенным захоронением ребенка (курган 18). В четырех случаях в юго-западной и в одном – в

южной полё кургана находились клады конской сбруи, представленные, как правило, несколькими комплектами. Причем уздечные наборы в каждом случае оригинальны. Под курганами прослежены деревянные конструкции типа шатра, сруба и настила (последние присущи небольшим курганам). Следует подчеркнуть, что вышеперечисленные признаки сочетаются в различных комбинациях, и устойчивой связи между типом ямы и типом деревянной конструкции не наблюдается.

С другой стороны, рассматриваемым погребальным объектам присущи общие черты. Сходство заключается в том, что, как правило, по центру погребальной площадки находилась могила, перекрытая мощной деревянной конструкцией, опиравшейся в свою очередь, на вал из гравия и белой либо желтой глины, насыпанный на древней поверхности. У края могилы и на вершине глиняного вала возводились стены, выложенные из кирпича-сырца. Разрушение стен фиксировалось по бровкам в виде напластований, создавая иллюзию насыпи. Большая часть их сваливалась внутрь погребальной конструкции, что наводит на мысль о наличии какого-то перекрытия, возможно, глиняного свода, под тяжестью которого стены обрушались к центру. Там, где прослежены остатки деревянных шатров, последние обычно опирались на столб, установленный в центре погребения. Показательно, что в кургане 19 верхний уровень заполнения могилы состоял из стерильного песка, и потому можно предположить, что яма длительное время заполнялась наносным песчаным грунтом, т.е. была открыта, и курган над ней не насыпался.

В литературе общепринятыми для обозначения погребального объекта являются термины: “курганная насыпь” или “насыпь”. Стоит сказать, что еще М.П. Грязнов считал, что курганы являются лишь остатками сооружений, первоначальный вид которых разительно отличался от их современного облика, и что за типичным курганом скрываются качественно разнородные сооружения, которые разрушились в результате климатических и тектонических процессов (Грязнов, 1961. С. 22–25). Очевидно, что рассмотренные объекты представляют собой сооружения квадратной или иных форм, сложенные из глиняных кирпичей.

Важно отметить, что сжигание деревянных погребальных конструкций в курганах Кырык-Обы происходило уже после совершения погребальных ритуалов, некоторое время спустя⁵. Так, в курганах

⁵ К моменту проникновения грабителей в курган № 18 скелеты еще не успели освободиться от кожных покровов, и поэтому кости здесь встречаются в сочленении.

15, 19 зафиксированы остатки мощных костров, в результате которых стены склепов теряли прочность и разваливались. При этом могильные ямы оказались засыпанными руинами земляных сооружений. Если бы ограбление было сделано после пожара, то многие вещи, лежавшие на дне могилы, были бы предметами находок археологов. Кроме того, почти все кости скелетов людей, обнаруженные в раскопанных курганах, не подверглись воздействию огня. Такое было бы невозможно, если бы костер был разведен в процессе обряда захоронения. Следовательно, наличие огненного ритуала можно поставить под сомнение.

Могильник Кырык-Оба II отличается смешиванием культурных признаков. Можно констатировать при этом проявление сильной связи с среднеазиатскими кочевническими древностями. Таковые наблюдаются в обряде по целому ряду признаков: столбовые конструкции; распространение “святилищ огня” (курган 8); практика коллективных захоронений на погребенной почве. Таковые известны в раннесакских памятниках Приаралья (Вишневская, 1973. С. 60–67). О тагискенском аналоге парадному мечу, найденному в погребении кургана 18, говорилось выше.

В рассматриваемом некрополе проявилось и восточноевропейское направление связей. Не обращая внимание на такие этнокультурные маркеры, как южная ориентировка скелетов, дромосные могилы, каркасные деревянные конструкции под курганом, присущие кочевой элите Восточной Европы VII–VI вв. до н.э., вероятно есть необходимость акцентировать внимание на предметах материальной культуры.

Значительный интерес представляет бронзовая бляха в виде свернувшегося в кольцо волка. Данные предметы не так часто встречаются в курганах древних кочевников Южного Приаралья. Скажем, давно известна случайная находка подобного предмета у с. Пьяновка (Смирнов, 1964. Рис. 80, 2). Однако в могильнике Кырык-Оба II они обнаружены сразу в двух курганах – помимо публикуемой такие найдены в кургане 2 (Курманкулов и др., 2002. Рис. 2, 5). Обращает на себя внимание тот факт, что бляхи в виде свернувшегося в кольцо хищника известны на широких пространствах степей Евразии, однако образ волка на них представлен только на Южном Урале и в лесостепном Поднепровье (Ильинская, 1968. Табл. XXVIII, 2–4; Галанина, 1977. Табл. 26, 20–23). Облик волка отражен на псалях из кургана 15 и на бронзовых нащечниках из кургана 18. Среди памятников Южного Приаралья VI–V вв. до н.э. подобные вещи не были известны. Нащечники существовали для предохранения лошади в бою.

Таковыми, кстати, являются также налобники и наносники. В сакском ареале кочевой культуры они не получили распространения. В противоположность этому средства защиты боевого коня у кочевников Восточной Европы были известны еще в раннескифское время (Мурзин, Черненко, 1980. С. 167). Металлические налобники и наносники известны в Прикубанье и в днепровской степи и лесостепи с конца VII в. до н.э. (Ильинская, 1968. Табл. LXIII; Мурзин, Черненко, 1980. Рис. 2, 3). Правда, следует признать, что нащечники получают широкое распространение в курганах Скифии только с IV в. до н.э. (Ильинская, 1973). Причины этого надо выяснять, но в данном случае важно сходство между культурами обитателей степей Южного Урала и Восточной Европы в характере развития военного дела начиная с VI в. до н.э. Завершая анализ конского снаряжения в могильнике Кырык-Оба II, надо отметить, что разнообразие конского снаряжения здесь столь велико, что это требует дополнительной публикации.

Стоит также обратить внимание на такой элемент воинской культуры, сближающий Приуралье с Поднепровьем, как длинный “засажный” нож погребения 4 кургана 18. Ножи подобного типа не редкость в днепровских степях уже в раннескифскую эпоху (Ильинская и др., 1980. Рис. 15, 1–7). В южноуральских степях же они редки на протяжении существования кочевой культуры VI–I вв. до н.э.

К названному восточноевропейским аналогам следует добавить и близость золотых кырыкобинских украшений восточноевропейским. В частности, серьга с подвесками из кургана 15 конструктивно и по технике исполнения близка аналогичному украшению из раннескифского кургана 7 могильника Нартан на Северном Кавказе (Батчаев, 1985. Табл. 23, 17).

Таким образом, в культурном облике могильника Кырык-Оба II наблюдаются, по крайней мере, два вектора культурного влияния – приаральский и восточноевропейский. Однако материал раскопок столь ярок, что не исключаются и другие ареалы, повлиявшие на генезис культуры древних кочевников Южного Приаралья. Характеристика и предварительный анализ других объектов, исследованных в данном некрополе – дело последующей публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А. Курганы Иссык: Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985.

- Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Марыксин Д.В., Тулегенова Н.И. Отчет о раскопках аварийных курганов могильника Кырык-Оба II в 2004 г. Уральск, 2005.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М., 1973.
- Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга) // САИ. 1977. Вып. Д 1-33.
- Грязнов М.П. Курган как архитектурный памятник // Тез. докл. на заседаниях, посв. итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961.
- Гуцалов С.Ю. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады VI междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. Челябинск, 2007.
- Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековые урало-иртышского междуречья. Челябинск, 1987.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
- Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев, 1973.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
- Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актобинской области // КСИА. 1978. Вып. 154.
- Курманкулов Ж., Раймкулов Б., Ишангали С. Исследование курганного отряда № 2 УКАЭ на могильнике Кырык-Оба 2 // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2002.
- Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Мошкова М.Г. О значении работ Приуральской экспедиции в период 1990–2007 гг. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. “Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий”. Оренбург, 2008.
- Пишеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале: Препринт. Уфа, 1989.
- Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Сокровища западноказахстанских скифов. Уральск, 2003.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988.
- Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград, 2007.
- Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. “Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий”. Оренбург, 2008.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. М., 1995.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. М., 1994.

Burial structures of Kyryk-Oba II cemetery in Western Kazakhstan

S.Yu. Gutsalov

Summary

The article publishes materials from the recent excavations at the kurgans of Kyryk-Oba II cemetery of the end of the 6th – first half of the 5th cc. BC in Western Kazakhstan. The structure of the burial site is complex; the burial is that of nomad nobles. The funeral rite and the material culture indicate two vectors of influence: Lake Aral region and Eastern Europe.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ САРМАТОВ

© 2010 г. М.А. Балабанова

Волгоградский государственный университет

При изучении сарматского материала в советской антропологии сложилась гипотеза о едином антропологическом типе у сарматов независимо от территории их локализации (Руденко, 1918; Дебец, 1936; 1948; Кондукторова, 1956; Гинзбург, 1959; Акимова, 1968а; б; Фирштейн, 1970; 1975; Гинзбург, Фирштейн, 1958). Этот антропологический тип сочетал мезо-брахикранную мозговую коробку с мезоморфным строением лицевого скелета, несколько уплощенного на верхнем уровне. При этом переносы и носовые кости резко профилированные. В дальнейшем, в работах Г.Ф. Дебца, К.Ф. Соколовой, Л.Г. Вуич, Б.В. Фирштейн, В.В. Гинзбурга, Н.Г. Залкинд, Ю.Д. Беневоленской и др., при реконструкции этногенетических процессов, этому морфологическому компоненту уделялось большое внимание, особенно при решении вопросов формирования средневекового населения Восточной Европы.

Как известно, данный набор признаков в степях Восточной Европы появляется в предскифское время и на протяжении длительного периода преобладает в савроматских и сарматских сериях (Балабанова, 2000а; 2005). До этого племени срубной культурно-исторической общности были носителями различных вариантов типа длинноголовых европеоидов, который преобладал и среди европейских скифов. Территория же Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и частично Нижнего Подонья в раннем железном веке заселяется ранними кочевниками иного антропологического облика, происхождение которого восходит к карасукским, андроновским и черкаскульским древностям (Балабанова, 2000а). Этот тип и получил в науке название сарматский. Корректнее было бы его назвать типом древних восточных европеоидов¹, так как в раннем железном веке кроме савроматских и сарматских групп носителями этого набора были кочевые племена, проживавшие восточнее Волги, в Средней Азии, Западной и Южной Сибири, на Алтае и т.д.

Пришлый характер его в степях Заволжья и Волго-Донского междуречья иллюстрируется клинальным характером изменчивости некоторых таксо-

номически важных признаков в группах сарматов как IV–III вв., так и II–I вв. до н.э. Географическое распределение признаков показывает постепенное проникновение носителей типа восточных европеоидов на сарматскую территорию и ассимиляцию ими местного населения. Такой вывод вытекает из изменчивости поперечного, высотного и скулового диаметров, а также черепного указателя (8; 17; 45; 8:1) (Балабанова, 2000а. С. 55, 73–77). Согласно этому, чем восточнее локализована группа (приуральские и заволжские группы), тем она более широкоголовая, брахикранная и широколицая. Регион правобережья Волги занимает промежуточное положение, а вот Волго-Донское междуречье было населено более узкоголовыми и узколицыми вариантами с относительно высоким черепным сводом.

Сарматское морфологическое ядро было настолько мощным, что впоследствии, на рубеже и в первые века н.э., несмотря на появление новых групп мигрантов – творцов среднесарматской и позднесарматской археологических культур с иными краниологическими сочетаниями, оно сохраняется в Заволжье. Более того, в среднесарматское время перемещается вместе с его носителями на запад в причерноморские степи: днепропетровская и запорожская группы сарматов, по Т.С. Кондукторовой (1956. С. 172, 173; Балабанова, 2000а. С. 105).

В IV–III вв. до н.э. кроме сарматов данное краниологическое сочетание могли принести в Северное Причерноморье и какие-то группы, которые впоследствии образовали локальные особенности скифов Присивашья, Кута, Александрополя и Желтокаменки (Круц, 2004. С. 96, 97; 2005). Возможно, это была единая миграционная волна, которая отразила морфологические особенности и сарматов, и некоторых скифов IV–III вв. до н.э.

Многочисленная серия измеренных черепов эпохи раннего железного века (около 1500) с территории Азиатской Сарматии позволяет более детально рассмотреть хронологическое и территориальное распределение сарматского типа, или типа древних восточных европеоидов в Восточной Европе. Ниже дан анализ краниологических серий согласно выделенным хронологическим и культурным периодам, имеющих отношение в основном к савромато-сар-

¹ Данное понятие позаимствовано у И.В. Перевозчикова и на мой взгляд, лучше отражает распределение антропологических типов в древности на территории евразийских степей.

Таблица 1. Средние значения и указатели мужских краниологических серий IX в. до н.э. – V–VII вв. н.э. из могильников Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона

№ по: Мартин и др.	IX–VII вв. до н.э.			VI–IV вв. до н.э.			IV–III вв. до н.э.			II–I вв. до н.э.			I – первая половина II в. н.э.		
	n	X	s	n	X	s	n	X	s	n	X	s	n	X	s
1. Продольный диаметр	18	185.3	5.8	53	183.5	7.5	76	183.4	7.0	170	183.2	6.0	149	184.6	7.2
8. Поперечный диаметр	20	144.6	6.2	55	147.1	6.4	77	148.3	6.8	165	145.2	6.3	150	144.2	6.7
8:1. Черепной указатель	18	78.1	4.7	52	80.1	5.1	73	81.0	5.2	162	79.3	4.6	147	78.3	5.3
17. Высотный диаметр (ba-br)	12	137.2	6.7	38	133.9	6.4	51	130.7	6.1	121	132.6	6.2	96	134.4	5.9
5. Длина основания черепа	10	107.1	5.1	36	104.1	6.1	50	102.1	5.1	117	102.4	5.8	91	102.0	5.5
20. Ушная высота	16	118.8	5.4	50	116.3	4.2	70	114.8	4.0	149	115.5	4.5	129	115.9	5.3
9. Наименьшая ширина лба	17	98.6	3.4	59	98.8	5.0	86	99.2	5.2	180	97.9	4.5	155	98.1	4.5
УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	10	137.2	3.7	30	136.9	4.9	37	138.2	5.2	134	136.1	5.4	84	137.6	5.2
11. Ширина основания черепа	18	132.8	5.2	40	131.6	5.8	67	131.4	6.3	137	128.8	6.5	122	129.5	6.3
45. Скуловой диаметр	14	139.1	4.6	54	137.6	5.9	73	139.1	5.9	147	135.9	6.6	132	135.3	5.8
43. Верхняя ширина лица	14	108.8	3.8	41	109.8	4.8	83	109.1	4.3	150	107.8	4.1	132	108.0	4.0
46. Средняя ширина лица	13	97.7	3.2	37	96.4	6.3	62	96.3	5.8	143	95.3	5.1	119	95.6	5.0
40. Длина основания лица	11	102.7	6.7	40	100.0	5.3	46	98.2	5.7	106	98.9	5.9	88	97.1	6.5
48. Верхняя высота лица	19	72.7	5.0	48	71.9	4.1	81	72.4	4.7	173	70.5	4.6	137	70.3	4.6
55. Высота носа	17	52.5	2.8	54	52.0	3.1	81	52.0	3.2	173	50.8	4.1	138	51.0	3.0
54. Ширина носа	18	25.4	2.5	55	25.1	2.5	78	25.1	1.7	175	25.1	3.4	142	25.0	1.9
54:55. Носовой указатель	16	49.0	4.3	54	48.1	4.3	78	48.3	3.8	171	48.7	4.5	135	48.9	4.3
51. Ширина орбиты (от mf)	19	43.4	2.0	54	44.0	2.4	75	44.2	2.2	172	43.3	2.1	132	43.2	2.3
52. Высота глазницы	19	33.1	1.8	55	33.4	2.2	76	33.8	2.2	176	33.2	2.2	130	32.9	2.0
51:51. Орбитный указатель	19	76.9	5.3	54	76.0	5.9	74	76.7	5.6	170	76.5	5.1	124	76.4	5.2
DC. Дакриальная ширина	11	21.2	1.9	39	20.7	2.6	58	20.5	2.8	122	20.9	2.2	99	20.7	2.0
DS. Дакриальная высота	10	13.3	1.7	39	12.9	1.4	57	12.6	1.6	120	13.1	1.7	98	13.1	1.8
DS:DC. Дакриальный указатель	10	63.8	10.6	38	63.4	10.2	57	63.1	12.7	120	63.4	10.0	98	63.8	9.6
SC. Симотическая ширина	13	8.5	1.2	47	8.0	1.4	69	8.0	1.8	148	8.3	1.8	122	8.4	1.9
SS. Симотическая высота	12	5.5	0.9	47	4.8	1.2	68	4.8	1.2	140	4.7	1.1	117	4.7	1.1
SS:SC. Симотический указатель	12	66.4	13.4	46	60.6	15.3	68	61.2	17.0	140	58.3	14.3	117	56.4	11.3
FC. Глубина клыковой ямки	15	4.5	1.4	39	5.3	1.8	72	5.0	1.7	140	5.0	1.9	113	5.0	1.5
77. Назомаллярный угол	16	138.1	4.4	56	140.7	4.9	82	141.3	5.3	180	140.3	5.4	146	141.3	5.8
<zm. Зигомаксиллярный угол	14	125.3	6.2	50	129.7	5.3	68	129.4	6.4	161	129.2	5.6	134	130.7	5.5
32. Угол профиля лба от назиона	13	81.5	6.1	48	81.8	4.5	63	81.8	4.6	141	83.8	5.0	116	83.0	5.2
72. Общий лицевой угол	12	87.6	3.5	46	87.1	3.2	61	86.8	3.7	140	87.3	4.1	111	86.4	3.9
74. Угол альвеолярной части лица	12	78.6	5.4	44	77.6	6.0	62	78.2	6.4	125	76.5	7.9	100	77.2	6.2
75-1. Угол выступания носа	11	31.4	7.4	45	30.7	8.0	65	31.2	4.8	132	30.4	5.7	106	30.9	6.3

Таблица 1. Продолжение

№ по: Мартин и др.	Вторая половина II–IV в. н.э.			Вторая половина II–IV в. н.э.*			V–VII вв.			V–VII вв.*		
	n	X	s	n	X	s	n	X	s	n	X	s
1.	98	186.5	7.0	201	186.1	7.0	7	185.0	5.9	7	175.1	10.6
8.	98	139.9	6.7	192	137.8	5.7	7	147.4	5.2	7	139.9	8.8
8:1.	97	75.2	5.0	192	74.2	3.9	7	79.8	4.3	7	80.2	8.0
17.	82	136.0	5.4	164	141.3	6.3	5	132.4	8.7	7	142.9	4.5
5.	81	103.3	5.5	166	107.0	5.6	5	100.8	7.3	7	104.9	5.8
20.	84	116.8	4.7	170	120.8	4.8	6	115.2	5.0	7	122.9	3.9
9.	100	97.6	5.0	202	99.4	5.5	6	97.3	6.7	7	92.4	6.2
УПИЛ.	82	135.0	4.9	164	134.8	9.3	5	140.7	3.0	1	137.8	
11.	91	127.4	6.2	178	128.1	5.4	6	131.3	2.9	4	135.8	2.2
45.	91	135.2	5.9	183	137.4	5.6	7	139.6	6.1	7	140.3	6.6
43.	95	107.3	4.4	192	109.1	4.7	6	109.2	5.1	6	105.2	4.5
46.	94	96.0	5.4	179	97.8	4.9	7	99.3	4.5	7	102	6.2
40.	80	98.5	5.4	154	100.3	5.3	4	100.2	7.2	7	96.4	4.5
48.	97	71.3	5.1	184	73.6	4.5	7	73.1	3.7	5	75.6	2.7
55.	98	51.2	4.3	183	53.3	3.4	7	54.8	3.7	7	55.3	2.2
54.	97	25.0	3.2	185	25.3	1.8	7	27.1	3.3	7	27.1	2.0
55:54.	95	48.1	4.4	179	47.6	3.9	7	49.6	5.1	7	49.1	3.4
51.	99	43.1	2.3	187	43.9	2.1	7	42.8	2.3	7	42.3	1.6
52.	98	32.8	2.3	189	34.6	2.2	7	34.5	3.0	7	35.7	1.6
52:51.	97	76.0	5.1	187	78.7	5.7	7	80.6	6.9	7	84.5	3.6
DC.	88	21.0	2.4	157	23.1	2.5	4	21.5	2.6	5	21.6	4.1
DS.	88	13.3	1.9	156	13.2	2.0	4	11.6	0.6	5	10.2	2.7
DS:DC.	88	64.0	11.8	156	58.1	9.9	4	55.1	9.0	5	48.3	14.8
SC.	94	8.4	2.0	185	9.2	2.1	6	8.4	2.1	5	6.4	1.8
SS.	94	4.9	1.4	181	4.6	1.2	5	3.5	1.1	5	2.9	2.0
SS:SC.	94	59.5	16.8	181	50.4	11.4	5	46.0	17.3	5	47.0	11.3
FC.	93	5.0	1.7	170	4.8	1.5	6	4.4	0.9	4	4.4	1.25
77.	98	139.4	5.9	198	138.0	5.3	6	144.8	4.7	5	144.6	4.0
<zm'.	93	128.6	5.8	178	127.9	5.3	7	136.7	9.4	5	136.7	6.6
32.	82	81.2	5.3	154	76.6	4.9	5	83.2	5.3	4	75.2	5.9
72.	81	86.5	3.5	154	88.5	3.9	5	86.4	2.7	4	89	2.0
74.	81	76.7	7.6	150	80.0	7.2	4	79.2	5.0	4	84.2	7.8
75-1.	92	30.7	6.2	166	30.1	6.0	4	21.5	5.1	5	27.4	5.3

* Серии со следами преднамеренной искусственной деформации.

матским древностям². Кроме этого будет привлекаться и материал по европейским скифам.

Антропологическая характеристика серий эпохи раннего железного века³

Первая группа ранних кочевников восточноевропейских степей представлена краниологически-

² В подсчеты средних значений суммарных хронологических серий включен в том числе опубликованный материал из работ разных авторов, у которых приведены таблицы индивидуальных данных.

³ Датировка погребений раннего железного века, откуда происходит краниологический материал, дана В.В. Потаповым, А.С. Скрипкиным, В.М. Клепиковым, И.В. Сергацковым, М.В. Кривошеевым и др., за что я им глубоко признательна.

ми материалами из комплексов IX–VII вв. до н.э. и насчитывает 24 измеренных черепа из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (Балабанова, 2005) и 20 скелетов из могильников Украины (Круц, 2002). В среднем мужская серия предсавроматского времени Нижнего Поволжья и Нижнего Дона сочетает длинную среднеширокую по форме мезокранную черепную коробку с высоким сводом, длинным и широким основанием (табл. 1). Лобная кость и лицо тоже широкие, резко профилированные по горизонтали. Глазницы широкие и низкие, по указателю хамеконхные. Переносье и носовые кости среднеширокие и высокие и сильно выступающие. Из приведенной выше характеристики видно, что морфологическая формация ранних кочевников отличается от срубной в сторону накопления брахикранного ком-

Таблица 2. Средние значения и указатели женских краниологических серий IX в. до н.э. – V–VII вв. н.э. из могильников Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона

№ по: Мартин и др.	IX–VII вв. до н.э.			VI–IV вв. до н.э.			IV–III вв. до н.э.			III–I вв. до н.э.			I – первая половина II в. н.э.		
	n	X	s	n	X	s	n	X	s	n	X	s	n	X	s
1.	4	177.0	8.5	17	173.1	5.6	42	174.0	5.5	137	176.0	5.9	104	176.9	6.2
8.	4	137.8	4.7	15	139.5	6.9	44	142.8	6.1	138	141.4	6.2	103	140.6	6.5
8:1.	4	77.9	3.5	16	80.2	4.4	41	82.0	5.0	133	80.2	4.5	103	79.6	4.9
17.	3	129.7	3.8	15	128.1	5.3	35	127.6	5.7	99	128.0	5.6	65	128.5	6.1
5.	3	93.7	4.5	14	98.4	2.7	31	96.6	5.6	98	97.8	5.9	65	97.6	5.8
20.	4	108.7	2.6	16	112.5	4.3	42	112.4	3.4	116	112.6	4.9	87	112.1	4.2
9.	4	96.0	4.7	18	94.4	4.0	51	96.4	4.0	148	95.2	4.9	107	96.1	4.4
УПИЛ.	2	139.6		15	134.8	3.5	16	138.0	3.8	101	135.2	4.8	55	135.9	4.3
11.	4	120.5	6.4	12	121.6	6.1	38	124.5	6.8	122	124.1	6.0	86	124.1	6.6
45.	3	128.3	5.0	16	126.1	6.9	41	130.2	5.9	129	128.7	5.6	88	128.6	6.5
43.	4	104.5	5.4	14	103.9	5.0	45	105.2	3.5	130	103.8	4.5	91	104.4	4.3
46.	2	90.5		12	90.4	5.4	41	92.8	4.3	132	91.4	4.7	93	92.2	5.9
40.	3	90.7	7.8	14	97.5	4.8	27	94.3	4.8	84	91.1	4.3	59	93.5	5.4
48.	4	66.1	7.1	16	67.3	2.7	52	67.8	3.8	138	66.2	4.0	80	67.8	4.0
55.	4	48.9	3.0	16	47.6	3.0	52	49.1	2.9	138	48.8	3.1	99	49.9	3.4
54.	3	23.7	2.1	16	23.9	1.8	51	24.3	1.6	140	24.2	1.9	99	24.1	1.8
55:54.	4	47.9	3.7	16	49.9	3.7	49	49.3	3.8	135	49.7	4.5	98	48.4	4.2
51.	3	40.0	0.0	16	41.2	1.6	53	42.3	2.0	135	42.1	2.2	102	41.9	2.2
52.	3	32.2	2.0	16	31.9	1.6	53	33.1	2.2	142	33.0	2.2	102	33.4	2.4
52:51.	4	83.4	7.3	16	77.3	3.9	52	78.2	5.2	135	78.4	5.6	102	79.6	7.3
DC.	2	20.0		11	19.1	2.3	33	20.2	1.7	104	19.8	2.0	77	20.5	2.2
DS.	1	12.7		11	11.5	1.4	33	11.6	1.4	104	11.7	1.4	73	12.0	1.8
DS:DC.	1	77.4		11	58.3	9.1	33	57.9	7.8	104	59.8	9.3	73	59.2	11.2
SC.	3	8.7	1.2	14	7.9	1.8	45	8.0	1.7	123	8.2	1.7	94	8.5	2.1
SS.	2	3.8		13	4.0	0.8	45	4.3	1.2	118	4.2	0.9	90	4.4	1.2
SS:SC.	2	40.6		13	52.5	10.5	45	53.9	13.2	118	52.4	12.9	90	53.5	15.7
FC.	4	3.2	0.5	10	3.8	1.5	48	4.3	1.4	105	4.8	1.8	74	4.4	1.7
77.	4	140.6	6.4	17	143.4	5.6	50	141.3	4.6	147	141.6	5.5	102	140.6	5.0
<zm'.	2	125.4		14	128.1	4.2	44	130.5	5.0	131	130.6	6.0	91	129.3	5.7
32.	4	83.0	2.0	14	86.7	5.5	41	84.2	3.6	110	85.2	4.6	83	84.6	4.3
72.	4	80.2	5.4	13	85.3	3.4	38	86.7	3.8	105	85.6	8.7	84	86.0	4.5
74.	3	2	64.5	13	75.3	8.1	38	78.8	5.6	105	76.0	6.7	82	77.5	8.4
75-1.	1	34.0		12	28.2	3.8	42	25.3	5.4	103	26.0	5.3	80	26.8	5.6

плекса, который придает всей группе мезоморфные черты. Его в суммарной выборке из нижеволжских и нижедонских могильников около 40%⁴ (табл. 1–3) (Балабанова, 2005. С. 160). По данным С.И. Круц, в материалах Украины он встречается в новочеркасской группе памятников (2002. С. 114).

В дальнейшем, в VI–IV вв. до н.э., брахикrania усиливается, и усредненный краниологический тип населения этого времени определяется как тип широкоголовых европеоидов.

К настоящему моменту серия савроматского времени насчитывает 87 измеренных черепов. Большая

часть из них опубликована в различных изданиях и происходит главным образом из могильников Приуралья и Нижнего Поволжья (Кондукторова, 1962; Герасимова, 1959; Гинзбург, 1959; Фирштейн, 1961; Акимов, 1968а; Юсупов, 1992; Хохлов, Фризен, 2004; Балабанова, 2000а; Ефимова, 2006; Фризен, Борущкая, 2006). Усредненная краниологическая характеристика данной группы населения сочетает умеренную брахикrania с большим поперечным средним продольным и высотным диаметрами, широким резко профилированным наклонным лбом. Лицо тоже широкое, средневысокое, ортогнатное, горизонтальная профилировка его несколько ослаблена на уровне глазниц, нос сильно выступающий на высоком переносье (табл. 1, 2). Как известно, внутригрупповой состав населения савроматского времени был не однородным и включал несколько морфотипов

⁴ Здесь и далее процент вычислен по индивидуальным значениям черепов на основе принятых в антропологии рубрикаций без учета размаха внутригрупповой изменчивости.

Таблица 2. Продолжение

№ по: Мартин и др.	Вторая половина II–IV в. н.э.			Вторая половина II–IV в. н.э.*			V–VII вв.		V–VII вв.*		
	n	X	s	n	X	s	n	X	n	X	s
1.	27	176.6	6.1	96	175.3	6.9	2	175	4	171.5	5.6
8.	27	138.3	6.2	96	133.6	6.0	3	138.3	4	133	5.3
8:1.	27	78.4	5.0	94	76.3	4.3	2	76.1	4	77.6	3.9
17.	22	128.1	5.3	79	135.7	7.0	2	133	3	137.3	13.0
5.	21	95.4	5.4	77	102.3	5.6	2	101	3	100	6.9
20.	26	110.9	3.7	87	117.1	6.0	2	108.2	4	120.3	7.4
9.	28	95.2	4.5	100	97.7	5.2	3	97	4	88.8	4.3
УПИЛ.	23	134.7	5.1	82	132.5	4.6	2	134.4	1	140.0	
11.	27	122.9	8.6	91	123.0	6.0	3	125.7	4	118.5	9.7
45.	25	127.1	7.9	88	129.0	5.5	2	124.5	4	125.0	9.6
43.	26	103.0	4.6	94	105.9	4.0	3	104	4	98.8	2.6
46.	25	92.8	5.2	85	93.9	5.1	3	94.3	4	94.8	7.5
40.	20	93.0	5.4	71	96.2	5.9	2	97	3	95.3	9.2
48.	26	66.9	4.7	87	70.5	4.5	3	72.0	4	69.2	6.4
55.	26	48.8	4.2	88	51.2	3.3	3	51.3	4	52.5	4.6
54.	26	24.3	2.5	88	24.1	1.5	3	25.5	4	25.2	2.2
55:54.	25	49.8	5.8	87	47.1	3.9	3	49.7	4	48.2	2.0
51.	25	41.4	1.6	88	42.4	1.8	2	41.5	4	41.0	1.8
52.	25	33.2	2.5	88	35.0	2.2	3	33.3	4	37.2	5.3
52:51.	25	80.2	7.1	88	82.5	5.6	3	80.4	4	90.8	11.4
DC.	21	20.0	1.4	76	22.9	2.5	2	18.9	3	21.3	3.8
DS.	20	11.9	1.8	76	11.7	1.4	2	14	3	9.3	1.5
DS:DC.	20	59.4	11.4	76	51.6	8.0	2	74.6	3	44.0	4.3
SC.	22	8.3	1.8	82	9.1	2.0	3	6.9	4	8.1	1.4
SS.	21	4.3	1.1	81	3.9	1.0	3	4.7	4	3	0.7
SS:SC.	21	52.9	12.8	82	43.5	9.9	3	72.2	4	38.2	9.9
FC.	27	4.4	1.5	82	3.8	1.4	3	4.3	4	3.9	0.9
77.	26	142.2	5.5	92	138.4	4.5	3	137.5	4	133.4	7.8
<zm'.	26	130.2	4.6	85	127.4	4.6	3	127.9	4	129.1	5.5
32.	23	83.9	2.9	81	78.3	5.1	2	86.5	3	73.3	11.5
72.	23	86.0	3.5	82	87.9	3.9	2	86	3	85.3	3.1
74.	22	75.0	5.3	80	79.6	6.5	2	80.5	3	74.0	6.6
75-1.	21	24.9	5.7	80	24.2	5.3	3	26.3	4	22.5	5.2

* Серии со следами преднамеренной искусственной деформации.

(Балабанова, 2000а. С. 34–41; Ефимова, 2006. С. 134). В серии этого времени наряду с широкоголовыми европеоидами – более 50% – встречаются и длинноголовые, но количество их гораздо меньше: 13.5 и 12.5% (табл. 3). Следует отметить, что практически все долихокраничные черепа происходят из могильников Нижнего Поволжья, в частности значительная их часть – из могильников правобережья Волги. В нижневолжских могильниках гораздо больше черепов и с мезокраничной формой, которых в серии более 30%. Такое распределение различных типов на “савроматской” территории еще раз доказывает уже высказанные предположения (Балабанова, 2000а. С. 41–43). Во-первых, о том, что тип широкоголовых европеоидов имеет восточное происхождение, а во-вторых, о сохранении старого, субстратного населения, возможно, “срубного” по

происхождению, которое на территории Нижнего Поволжья ощущается сильнее, чем в Приуралье. Кроме этого, наличие долихо-мезокраничных форм в группах Нижнего Поволжья может косвенно свидетельствовать о тесных контактах и с европейскими скифами, у которых, как известно, преобладал тип длинноголовых европеоидов.

Что касается материалов из Северного Причерноморья, то имеется несколько групп V–III вв. до н.э. с описанным выше набором признаков. Он определяется в группах из Присивашья, Кута, Александрополя и Желтокаменки. По мнению С.И. Круц, брахикраничный череп с широким лицевым скелетом, горизонтальная профилировка которого ослаблена по европейским меркам, встречается как в группах “знатных скифов, так и рядовых общинников”

Таблица 3. Хронологическое распределение различных краниологических типов в сериях раннего железного века Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона

Хронологические группы / форма черепной коробки	Долихокранная (% от общего количества)	Мезокранная (% от общего количества)	Брахикранная (% от общего количества)
Серия из погребений IX–VII вв. до н.э.	27.3	31.8	40.9
Серия из погребений VI–IV вв. до н.э.	13.5/12.5	32.7/37.5	53.8/50.0
Серия из погребений IV–III вв. до н.э.	18.3/9.1	16.7/30.3	65.0/60.6
Серия из погребений II–I вв. до н.э.	19.1/11.3	35.8/36.1	45.1/52.6
Серия из погребений I – первой половины II в. н.э.	26.9/19.4	37.2/30.1	35.9/50.5
Серия из погребений второй половины II–IV в. н.э. с деформированными черепами	59.9/32.6	31.3/49.5	8.8/17.9
Серия из погребений второй половины II–IV в. н.э. без деформации	54.2/18.5	31.2/48.2	14.6/33.3

* В числителе дан процент мужских черепов, а в знаменателе – процент женских.

(Круц, 2004. С. 96; 2005. С. 479–482). Кроме того, она считает, что в виде механической примеси этот тип встречается и в других локальных группах. Согласно результатам межгрупповых сопоставлений, перечисленные выше группы европейских скифов тяготеют к сакским, савроматским и раннесарматским краниологическим типам (Балабанова, 2000а. С. 42; Круц, 2002. С. 96).

К следующему этапу, IV–III вв. до н.э., доля широкоголовых европеоидов возрастает в целом по суммарной раннесарматской серии (табл. 3). Данная краниологическая особенность вместе с результатами межгруппового сопоставления указывает на то, что хронологическая группа древнего населения IV–III вв. до н.э. своим происхождением обязана не только предшествующему населению, но и новым пришлым группам с востока, увеличившим долю брахикранных европеоидов (Балабанова, 2000а. С. 56–60; 2000б. С. 98).

Материал этого времени насчитывает 171 череп (107 мужских и 64 женских (Руденко, 1918; Акимов, 1968а; б; Юсупов, 1992; Багашев, 1997; Балабанова, 2000а; Ефимова, 2006; Фризен, Яблонский, 2006)) (табл. 1, 2). Обе территориальные группы – приуральская и нижеволжская – по своему морфотипу очень похожи. У мужчин существенные различия лишь по трем признакам, а у женщин – по пяти (Балабанова, 2000б. С. 109). Тем не менее материал Приуралья дает значительное преобладание брахикранных черепов, уже более 70% по сравнению с Нижним Поволжьем, там подобных черепов около половины.

Набор признаков, характеризующий усредненный мужской краниотип из комплексов IV–III вв. до н.э., практически такой же, что и тип из комплексов VI–IV вв. до н.э. Сравнение обеих групп по t-критерии

Стьюдента выявил достоверно значимые различия у мужчин только по двум признакам, а у женщин – по пяти (Балабанова, 2000а. С. 55–59; 2000б. С. 105, 106). Для населения этого времени также характерна внутригрупповая неоднородность, но все же оно представляется более компактным, чем предшествующие и последующие группы.

Основной материал следующей хронологической группы, II–I вв. до н.э., происходит преимущественно из могильников Нижнего Поволжья и насчитывает 356 черепов (табл. 1, 2) (Гинзбург, 1959; Глазкова, Чтецов, 1960; Фирштейн, 1970; 1975; Батиева, 1992; Хохлов, Фризен, 2004; Балабанова, 2000а).

Мужской усредненный краниотип незначительно отличается как от типа своих предшественников, так и от женской части. Тем не менее при сравнении средних значений групп IV–III и II–I вв. до н.э. достоверные различия наблюдаются уже по 14 краниологическим признакам у мужчин и по двум у женщин (Балабанова, 2000а. С. 74, 75). Эти различия, видимо, связаны с включением какого-то длинноголового и высокосводчатого компонента, сочетающего более узкий лоб и лицевой скелет. Так как в среднем черепная коробка средневысокая мезобрахикранный формы, а лицо и некоторые его части мезоморфного строения, распределение антропологической изменчивости во времени и сочетание различных краниологических вариантов в этой группе населения можно представить следующим образом. Во-первых, в группе мужчин II–I вв. до н.э. сокращается доля брахикранных типов по сравнению с предшествующим периодом, IV–III вв. до н.э. (45.1 и 65%), зато возрастает доля долихо-мезокранов (табл. 3). Это, на мой взгляд, достаточное основание для того, чтобы предположить приток новых групп, которые принесли с собой тип длин-

ноголовых европеоидов во II–I вв. до н.э. и активно взаимодействовали с местным широкоголовым населением. Во-вторых, большое сходство женской части с предшествующими группами, VI–IV и IV–III вв. до н.э., не более двух–четырёх признаков с достоверно значимыми различиями, предполагает приток преимущественно мужских групп (Балабанова, 2000а. С. 72, 73, 75; 2000б. С. 106, 108).

Такое распределение краниологических вариантов вполне соответствует археологической концепции, недавно высказанной А.С. Скрипкиным (2000; 2007 и др.) – это появление новых “археологических реалий” во II в. до н.э., в том числе и тех, которые можно трактовать не как культурные заимствования, а привнесённые новой группой мигрантов в Нижнее Поволжье. При этом указываются регион и культуры, имеющие параллели в вещевом материале и в погребальном обряде с сарматскими комплексами II–I вв. до н.э. Большая часть их соотносится с синхронными или предшествующими культурами Китая, Забайкалья (Иволгинское городище, Дерестуйский могильник), Тувы (могильник Кокэль), Минусинской котловины (таштыкская культура, тесинский этап тагарской культуры), Туркмении и др. Для нашей темы важны параллели с синхронными культурами, которые можно связать с непосредственными миграциями (Балабанова, 2000а. С. 118–121).

В среднесарматское время, I – первая половина II в. н.э., доля брахикранов среди мужчин продолжает сокращаться с 45.1 до 35.9%. У женщин она остается почти в тех же пределах, что и в предшествующую эпоху: около 50% (табл. 3).

Серия этого времени насчитывает 268 черепов и происходит из могильников Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и Северного Причерноморья (Кондукторова, 1956; Гинзбург, 1959; Фирштейн, 1970; Батиева, 1992; Юсупов, 1992; Балабанова, 2000а; Хохлов, Фризен, 2004). Усредненный мужской тип уже характеризуется длинной среднеширокой и средневысокой мозговой коробкой, по указателю мезокранной (табл. 1). В лицевом скелете меняется лишь горизонтальная профилировка, теперь она на обоих уровнях слегка уплощенная. Описанный выше тип преобладает в могильниках Волго-Донского междуречья. Здесь и на могильниках Нижнего Дона самый низкий процент брахикранных черепов – чуть больше 20%. Зато доля долихокранных черепов в этих регионах достаточно высокая, как и в могильниках Астраханского правобережья. Совсем другая ситуация наблюдается в заволжских и северопричерноморских могильниках. Частота встречаемости брахикранных черепов сохраняется на уровне серий II–I вв. до н.э. и составляет около

половины черепов. Причем в причерноморской группе вес их даже больше, чем в заволжской: около 60%. Данная картина распределения сарматского типа в это время дает возможность высказать следующее предположение. Сарматские миграционные потоки в причерноморские степи направлялись преимущественно из Заволжья, не включая кочевые группы из Волго-Донского междуречья и Нижнего Дона. Обладая сарматским типом, эти группы оказались в чужеродной среде и, видимо, из-за этого сохранили свой первоначальный облик.

О сохранении определенной доли субстратных черт, присущих предшествующему населению, свидетельствуют как материал из отдельно взятых могильников – Калиновка, Бережновка II, хут. Новый, Первомайский и др., так и сравнение средних значений серий II–I вв. до н.э. и I – первой половины II в. н.э. У мужчин признаков с достоверно значимыми различиями восемь, у женщин – пять (Балабанова, 2000а. С. 109).

Наиболее яркой культурной новацией I – первой половины II в. н.э. является диагональный тип захоронений, который предполагал положение умершего по диагонали широкой квадратной могилы. Анализ краниологического материала из подобных комплексов показал, что он чрезвычайно неоднородный. Характерно, что брахикранный тип здесь преобладает. На него приходится около половины черепов в двух мужских и одной женской группах “диагональников”, это разнополые группы I – первой половины II в. и недеформированная мужская второй половины II – первой половины III в. Тем не менее локальная изменчивость, присущая “диагональникам”, позволяет выделить две серии, в которых преобладает тип длинноголовых европеоидов: заволжскую и волго-донскую (Балабанова, 2002. С. 85, 89). Очевидно, пришлые группы носителей культурного признака, “диагональный тип захоронения” шли с востока, и среди них были как длинноголовые, так и короткоголовые варианты. Восточный налет хорошо улавливается на их краниологических материалах: гораздо более уплощенное лицо на обоих уровнях и как раз у мужчин.

Доля длинноголового варианта в женской группе I – первой половины II в. н.э. хотя и невелика, все же возрастает, а черепная коробка приобретает мезобрахикранный форму (табл. 2, 3). В остальном же сохраняются черты предшественников, населения II–I вв. до н.э.

Тенденция к снижению доли брахикранов и повышению доли долихокранных с резким европеоидным набором продолжается и достигает своего максимума ко второй половине II–IV в. н.э. В мужских группах, практикующих и не практикующих пред-

намеренную искусственную деформацию головы, более половины черепов с долихокранной формой, одна треть черепов мезокранные, оставшиеся проценты 8.8 и 14.6 приходятся на брахикранную форму (табл. 1, 3).

Серия этого времени наиболее многочисленная и насчитывает около 600 черепов, включая недавно опубликованную группу из приуральского могильника Покровка 10 (Яблонский, 2005). Так как в опубликованной работе Л.Т. Яблонского нет таблиц индивидуальных данных, а выборка из могильников Нижнего Дона малочисленная, в дальнейшем будут обсуждаться в основном материалы локальных групп Нижнего Поволжья, которые насчитывают более 500 черепов. Все же следует отметить, что материал и Южного Приуралья, и Нижнего Дона в среднем характеризуется тем же сочетанием признаков, что и все группы Нижнего Поволжья: это тип длинноголовых европеоидов с резко выраженными чертами. Таким образом, на всей сарматской территории установился в среднем единый антропологический тип, а многочисленные миграции кардинально изменили облик населения от носителей брахикранных вариантов восточных европеоидов до носителей долихокранных вариантов южных европеоидов. Кроме формы и размеров мозговой коробки изменился и лицевой скелет: он стал выше и резче профилирован в горизонтальной плоскости, а весь костный материал демонстрирует большую массивность и высоко-рослость по сравнению с предшествующими группами⁵ (табл. 1, 2).

Как известно, население этого времени практиковало обычай искусственной деформации головы. Деформированные черепа всегда преобладают в могильниках Нижнего Поволжья. В суммарной серии они составляют около 70%.

Обе мужские группы с деформированными и недеформированными черепами в среднем характеризуются сходным, описанным выше типом (табл. 1). Различия, обнаруженные в обеих группах, в основном связаны с изменениями, претерпеваемыми костями черепа под влиянием деформирующей конструкции. Без сомнения, деформирующая конструкция накладывалась на детские головы, которые генетически были запрограммированы как преимущественно долихокранные, а не мезо-брахикранные, как считали мои предшественники (Фирштейн, 1970. С. 103). Практически на всей территории брахикранный компонент в деформи-

рованной серии меньше 10%. В недеформированной выборке, кроме южных районов Калмыкии, он тоже незначительный: 12–15%. Наибольший вес долихокранного компонента в это время локализуется в Волго-Донском междуречье в долинах притоков Дона: Есауловский и Курмоярский Аксай, Мышкова, Иловля и др. В Заволжье, где в предшествующую эпоху вес брахикранных европеоидов еще был очень высок, ко второй половине II–IV в. он практически полностью ассимилируется длинноголовым компонентом новых пришлых групп, и краниотип населения диагностируется как долихо-мезокранный с ярко выраженными европеоидными чертами. Почти одинаковое распределение долихокранных и мезокранных черепов в заволжской группе все еще свидетельствует о незавершившихся процессах смешения брахикранных вариантов с долихокранными.

У женщин же большая часть черепов как деформированных, так и недеформированных является мезокранными, их около половины (табл. 2, 3). Почти в 2 раза больше брахикранов в женской недеформированной группе по сравнению с деформированной, где, наоборот, почти вдвое больше долихокранов. Если краниотип женской группы с деформацией можно определить как тип, близкий к мужскому, то недеформированная группа сохраняет черты предшествующего населения II–I вв. до н.э. и I – первой половины II в. н.э. Выделяется только по три признака с достоверно значимыми различиями (Балабанова, 2000а. С. 115). Правда, она и самая малочисленная. В женских территориальных группах с деформированными черепами всегда преобладают мезокранные варианты. Исключение – группа из могильников Волго-Донского междуречья: там много долихокранов. Брахикранный компонент у женщин, как и у мужчин, имеет большой вес в могильниках Калмыкии. Такое совпадение по относительно высокой доле брахикранных черепов в обеих разнополых группах из могильников с территории Калмыкии, видимо, не случайно и является локальной особенностью данной группы, и отражая некоторую территориальную сегрегацию с худшими природными условиями субстратного населения от пришлых групп. Увеличение численности женских черепов с мезокранными формами ко II–IV вв. н.э. может свидетельствовать об одном из этапов биологического смешения женских, преимущественно брахикранных форм с пришлыми мужскими долихокранными. Так как женская часть населения до сих пор демонстрировала исключительное единообразие антропологического типа брахикранных восточных европеоидов, преобладание мезокранных форм можно рассматривать именно с этих позиций.

⁵ Об этом свидетельствуют неопубликованные материалы по Нижнему Поволжью и Покровке 10. Сведения по Покровке 10 дал мне Д.В. Пежемский, за что я ему очень благодарна.

Обычно тип брахикранных европеоидов в позднескифских сериях чаще всего связывают с проникновением сарматских групп в этот регион, а сама сарматская выборка этого времени с территории Северного Причерноморья немногочисленна и поэтому не рассматривается.

Таким образом, начиная с последних веков до н.э. по IV в. н.э. на сарматскую территорию все время осуществлялись миграции групп, в морфологическом облике которых преобладал тип длинноголовых европеоидов. Скорее всего первая волна пришла на Нижнюю Волгу во II–I вв. до н.э. Возможно, это были немногочисленные, преимущественно мужские группы, которые увеличили внутригрупповую гетерогенность, включаясь в субстратную среду. Эта ситуация усугубляется уже в последующее – среднесарматское и позднесарматское – время.

Кроме сохранения женского типа на протяжении всей истории савромато-сарматских древностей, в пользу преимущественно мужских миграций можно привести и отдельные параметры демографии.

Постепенное изменение морфологического облика в это время сопровождается сокращением количества женщин и детей под курганами. Так, в могильниках II–I вв. до н.э. соотношение по полу: 1.1–1.5 в пользу мужчин, что вполне соответствует кочевому обществу. В выборке I – первой половины II в. н.э. количество мужчин почти в 2 раза больше, чем женщин, а на следующем этапе, вторая половина II–IV в., мужчин в курганах больше в 2–5 раз (Балабанова, 2000а. С. 85; 2000в. С. 201, 204; 2006. С. 112; Батиева, 2006а. С. 65; Яблонский, 2005. С. 46). Причем такая демографическая ситуация наблюдается на всей сарматской территории.

Аналогичную картину дает распределение детских захоронений под курганами. В раннесарматских могильниках количество детей достаточно высокое: от 16.7 (материалы IV–III вв. до н.э.) до 50% (материалы II–I вв. до н.э.). В среднесарматских могильниках количество детей сокращается и не превышает 20–30%. В позднесарматских могильниках дети вообще исключение. Их менее 5% в нижневолжских и нижнедонских могильниках, или они вообще отсутствуют. В приуральских могильниках – Покровка 10 и Лебедевка несколько выше процент встречаемости детей, 7 и 10%, что тоже далеко до нормы (Балабанова, 2000а. С. 85, 90; 2000в. С. 205; 2006. С. 122; Батиева, 2006а. С. 65; Яблонский, 2005. С. 45).

Подводя итоги проведенного анализа хронологического распределения сарматского типа или типа восточных европеоидов, можно высказать несколько замечаний.

Если тип брахикранных европеоидов связать с историческими сарматами, то кем же были носители долихомезокранный европеоидного типа, который стал преобладающим и почти полностью вытеснил тип восточных европеоидов в первые века нашей эры? Совершенно очевидным становится тот факт, что его уже с большой натяжкой можно назвать сарматским. И вообще стоит ли этих длинноголовых европеоидов связывать с сарматами как этнополитическим образованием древности? Как показал анализ, в первые века н.э. на сарматской территории обосновалось население с другим обликом, который сочетал долихокранные европеоидные краниологические формы с массивным высокорослым физическим типом. Анализ патологических и демографических критериев позволяет эти группы определить как очень мобильные, а мужчин – как профессионально ориентированных на военное дело (Перерва, 2002. С. 145–149; 2006. С. 183; Балабанова, Перерва, 2007. С. 180; Батиева, 2004. С. 264, 266; Бужилова, Соколова, 2006. С. 191).

Видимо, проникновение носителей этого типа началось в последние века до н.э. и связано с этнополитическими процессами, протекавшими в центральноазиатских районах. Этот процесс был длительным, и вслед за длинноголовыми европеоидами в восточноевропейские степи пришли монголоидные группы, которые еще раз изменили облик населения. Привнесение иного, монголоидного расового компонента в кочевую среду наблюдается уже на позднесарматском этапе, но более ощутимо в V–VII вв. (табл. 1, 2) (Балабанова, 2005; Батиева, 2005; 2006б). В это время степь, скорее всего, была малонаселенной, а те племена, которые обосновались здесь, резко отличались по антропологическому типу от групп второй половины II–IV в. н.э., даже от тех, которые практиковали обычай искусственной деформации головы. Они, хотя и сохранили данную культурную традицию, все же резко отличались от позднесарматского населения. Черепная коробка их сочетала брахикранию с высоким сводом, а строение лицевого скелета и его отдельных частей однозначно свидетельствует о достаточно весомой монголоидной примеси. Что касается судьбы длинноголовых европеоидов – носителей позднесарматских культурных традиций, то, возможно, часть их ушла на север в лесостепь, а другая – на юг в северокавказские степи, где явилась одним из компонентов, участвовавшим в формировании населения салтово-маяцких городищ и раннесредневековых кавказских алан. По крайней мере, сходство краниологических вариантов обеих хронологических групп не исключает такого решения проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов М.С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. Т. III. Уфа, 1968а.
- Акимов М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968б.
- Багашев А.Н. Материалы к краниологии сарматов // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997.
- Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М., 2000а.
- Балабанова М.А. Динамика краниологии кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в IV–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара, 2000б.
- Балабанова М.А. Демография поздних сарматов // Нижневолжский археологический сб. Вып. 3. Волгоград, 2000в.
- Балабанова М.А. Антропология сарматских диагональных погребальных комплексов // Нижневолжский археологический сб. Вып. 5. Волгоград, 2002.
- Балабанова М.А. Антропология населения Восточноевропейских степей в предскифское время // II Городцовские чтения: Матер. науч. конф., посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М., 2005 (Тр. ГИМ; Вып. 145).
- Балабанова М.А. Антропологические особенности сарматов локальной группы могильников Есауловского Аксая (V в. до н.э. – первая половина II в. н.э.) // Нижневолжский археологический сб. Вып. 8. Волгоград, 2006.
- Балабанова М.А., Перерва Е.В. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007.
- Батиева Е.Ф. Черепа из курганов междуречья Маныча и Сала (сарматское время) // Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д., 1992.
- Батиева Е.Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время // Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 1. М., 2004.
- Батиева Е.Ф. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. № 3, 4/2002. Ростов н/Д., 2005.
- Батиева Е.Ф. Искусственно деформированные черепа в погребениях нижнедонских могильников (первые века нашей эры) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. М., 2006а (ОРУС: Междисциплинарные исследования в археологии; Вып. 5).
- Батиева Е.Ф. Население Танаиса в эпоху великого переселения народов // Вестн. антропологии. Вып. 14. М., 2006б.
- Бужилова А.П., Соколова М.А. Патологический анализ серий с искусственно деформированными черепами (по материалам сарматского периода) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. М., 2006. (ОРУС: Междисциплинарные исследования в археологии; Вып. 5).
- Герасимова М.М. Савроматский череп из Нижнего Поволжья // Советская антропология. 1959. № 1.
- Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (По материалам Калининского могильника) // МИА. 1959. № 60.
- Гинзбург В.В., Фишштейн Б.В. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана // СМАЭ. Т. XVIII. М.; Л., 1958.
- Глазкова Н.М., Чтецов В.П. Палеоантропологические материалы нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. 1960. № 78.
- Дебец Г.Ф. Материалы по палеоантропологии СССР: Нижнее Поволжье // Антропологический журнал. 1936. № 1.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948 (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 4).
- Ефимова С.Г. “Савроматы” и ранние сарматы по антропологическим материалам из Лебедевского курганного комплекса // Железчиков Б.Ф., Клепков В.М., Сергачков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 2006.
- Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины. Палеоантропологический материал сарматского времени // Антропологический сборник. Вып. I. М.; Л., 1956. (ТИЭ; Т. XXXIII).
- Кондукторова Т.С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. 1962. Вып. 11.
- Круц С.И. Антропологические материалы к киммерийской проблеме // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002.
- Круц С.И. Антропология степных скифов Северного Причерноморья (новые данные к вопросу об их происхождении) // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. М., 2004.
- Круц С.И. Новые антропологические материалы из курганов скифской знати Северного Причерноморья // Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Героса IV в. до н.э. Киев, 2005.
- Перерва Е.В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // ОРУС: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1, 2. М., 2002.
- Перерва Е.В. К вопросу о некоторых патологических особенностях поздних сарматов с искусственной деформацией черепа // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. М., 2006 (ОРУС: Междисциплинарные исследования в археологии; Вып. 5).
- Руденко С.И. Описание скелетов из прохоровских курганов // Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбург-

- ской области. Эпоха раннего и позднего эллинизма. Петроград, 1918.
- Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестн. Вып. 3. Волгоград, 2000.
- Скрипкин А.С.* Раннесарматская культура (проблема периодизации и терминологии) // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград, 2007.
- Фириштейн Б.В.* Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области) // Антропологический сборник. Вып. III. М., 1961.
- Фириштейн Б.В.* Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фириштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970.
- Фириштейн Б.В.* Антропологические материалы из разновременных курганных могильников в Волгоградской области // Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Фризен С.Ю., Боруцкая С.Б.* Антропологические материалы Ивановского курганного могильника Южного Приуралья савроматского времени // Вестн. антропологии. Вып. 13. М., 2006.
- Фризен С.Ю., Яблонский Л.Т.* Краниологические материалы из могильника у д. Прохровка // Вестн. антропологии. Вып. 14. М., 2006.
- Хохлов А.А., Фризен С.Ю.* Новые краниологические материалы Южного Урала савроматского времени // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004.
- Юсупов Р.М.* Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир // Матер. к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.
- Яблонский Л.Т.* К антропологической характеристике населения Южного Приуралья позднесарматского времени (по материалам могильника Покровка 10) // Вестн. антропологии. Вып. 12. М., 2005.

New data on the anthropological type of the Sarmatians

M.A. Balabanova

Summary

Until recently, anthropology was of the opinion that Sarmatians had played an important role in the development of the morphological peculiarities of medieval peoples in Eastern Europe. The "Sarmatian type" as defined by researchers combined moderate brachycrania and reduced horizontal profiling of the facial structures at the upper level only, whereas the other parts of the facial skeleton were distinctly Europeoid. The nose was sharply protruding and with a high bridge. The large amount of material (over 2000 skulls) calls for reconsidering the data on Sarmatian origins and for raising the issue of Sarmatian participation in the ethnogenesis of Medieval East European peoples. Inter-group comparison and identification of the share of brachycranial, mesochranial and dolichocranial Europeoids in chronological Sarmatian groups shows gradual accumulation of dolichocranial Europeoids from Early Sarmatian time to Late Sarmatian. Such a distribution of the morphological types can be explained by the participation of migrant groups of dolichocranial Europeoids as early as the 2nd c. BC – 1st c. AD. Sample Late Sarmatian materials show that by that time the brachycranial Europeoid type was practically completely assimilated, and the dolichocranial Europeoid type gained prevalence throughout the cultural space.

ФРАГМЕНТЫ МОЛОТИЛОК ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО ПОЗДНЕСКИФСКОГО НЕКРОПОЛЯ В КРЫМУ

© 2010 г. Ю.П. Зайцев*, К. Хелльштрём**, М. Хохмут**

*Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь

**Немецкий археологический институт, Берлин

Во время отбора образцов для дендрохронологического датирования среди остатков деревянных саркофагов из могильника Усть-Альма¹ было замечено несколько фрагментов досок со специальными гнездами, в которые были вставлены кремневые вкладыши (рис. 1, 1, 2). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с первыми свидетельствами древних молотилок в Северном Причерноморье.

Усть-Альминский некрополь

Некрополь Усть-Альма находится на юго-западном побережье Крыма, приблизительно в 1 км к западу от с. Песчаное Бахчисарайского р-на (Украина), в месте впадения р. Альма в Черное море. На ее высоком левом берегу находится крупное позднескифское городище, относящееся к концу II в. до н.э. – середине III в. н.э. (Высотская, 1994. С. 7–17). Усть-Альминский некрополь расположен восточнее городища, на площади ≈ 4 га. Полученные в результате раскопок материалы, среди которых многочисленные предметы римского импорта, указывают на непрерывное использование некрополя в интервале с конца II в. до н.э. по середину III в. н.э. В 1964, 1968–1984 гг. были исследованы 220 погребений. В связи с интенсивным разрушением могильника современными грабителями в 1990-е годы начались спасательные раскопки, осуществляемые экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины под руководством А.Е. Пуздровского. К настоящему времени в общей сложности исследовано около 1000 погребений (Пуздровский, 2007. С. 38, 102, 103).

Таким образом, на сегодняшний день Усть-Альминский некрополь является самым крупным и наиболее исследованным могильником сарматского времени в Крыму.

Типы погребальных сооружений, характерные для Усть-Альминского некрополя: простые грунтовые могилы, могилы с заплечиками и каменным перекрытием, плитовые могилы, подбой и катакомбы (грунтовые склепы) (Высотская, 1994. С. 51–58; Пуздровский, 2007. С. 107–112).

Проанализированные образцы деревянных досок, представленные в статье, происходят из погребений в грунтовых склепах-катакомбах. Деревянные саркофаги устанавливались в них друг на друга в виде штабеля. В процессе раскопок могильника выявлено до 12 условных ярусов погребений. Хорошая сохранность отдельных деталей саркофагов позволяет реконструировать их высоту, в среднем составляющую 25–35 см. При высотах камер около 1.5–1.7 м в них могли быть установлены один на другой до пяти-шести саркофагов, но фактически выявлено до 12 ярусов погребений. Такое противоречие объясняется тем, что гробы-саркофаги нижних ярусов постепенно продавливались и расплющивались под тяжестью верхних, что было неоднократно прослежено при расчистке. Также очевидно, что в камерах сначала заполнялось пространство вдоль стен, и уже затем – в центре. Этот момент необходимо учитывать при датировании погребений на основании стратиграфии.

Катакомбы 450 и 550

Вторично использованные в качестве днищ саркофагов фрагменты молотилок (рис. 1) зафиксированы в грунтовых склепах-катакомбах 450 и 550².

Катакомба 550 была выявлена по прямоугольному в плане пятну заполнения входной ямы размером 3 × 1.2 м. На глубине 2.6 м от уровня современной дневной поверхности выявлена ступенька (рис. 2). Входная яма трапецевидной формы, с ровным полом, ориентирована по линии запад–восток. Из нее устроены входы в две катакомбы – восточную (550) и западную (551). Заполнение входной

¹ Сохранились фрагменты гробов, происходящие из катакомб 450, 520, 542, 590, 595 и 620, а также из погребения 700 (раскопки А.Е. Пуздровского, Ю.П. Зайцева, И.И. Лободы 1994–1996 гг.). Опубликованы катакомбы 595 и 620 (Loboda et al., 2002. S. 317–337). Отобранные образцы проанализированы в дендрохронологической лаборатории Германского археологического института (Берлин).

² Катакомба 450 раскопана в 1994 г., 550 – в 1995 г. (раскопки А.Е. Пуздровского, Ю.П. Зайцева, И.И. Лободы).

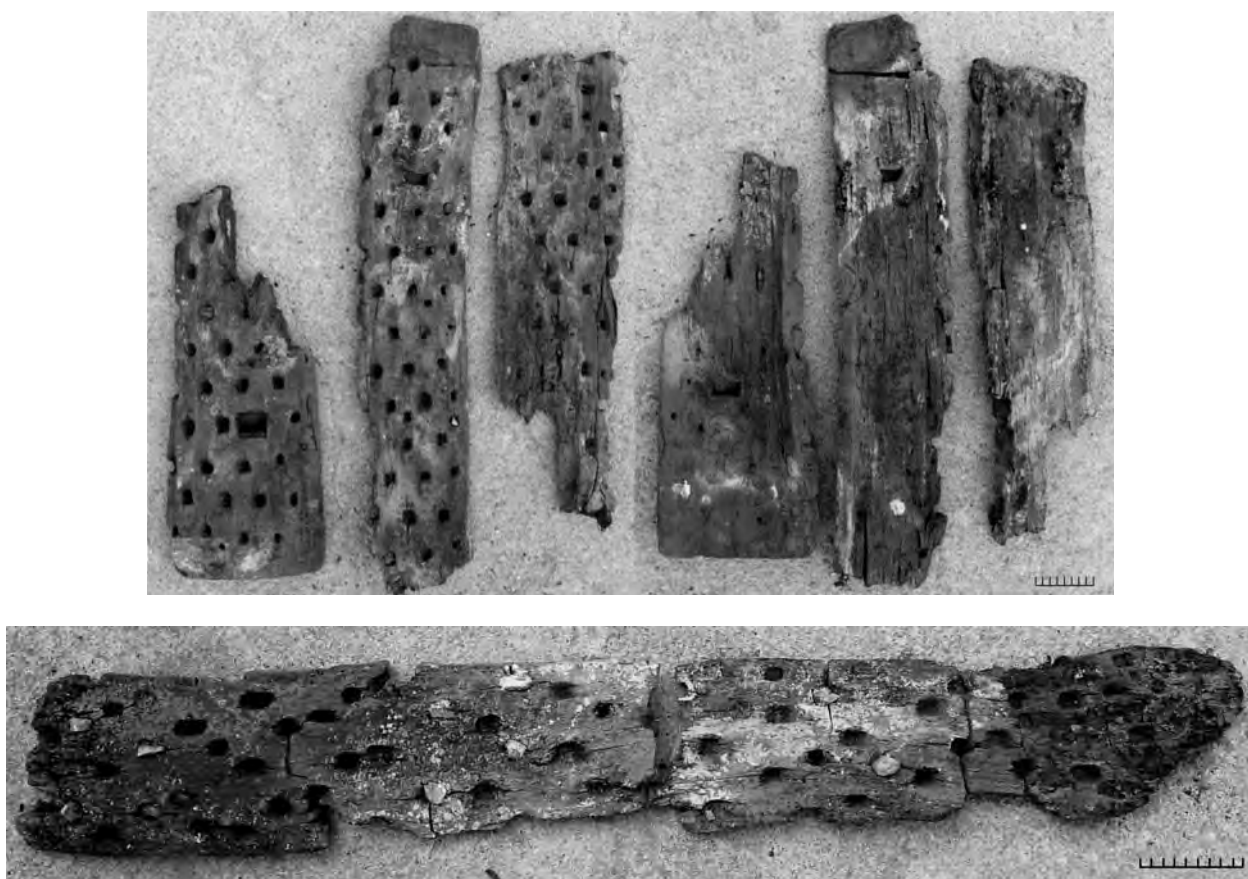


Рис. 1. 1 – Усть-Альма. Катакомба 550, погребение 30. Фрагменты гроба и молотилки; 2 – катакомба 450; фрагменты гроба и молотилки.

ямы – суглинок, в котором встречаются фрагменты амфор и различных сосудов (*Terra Sigillata*). Вход в катакомбу 550 был закрыт массивной известняковой плитой размерами 1.2×1.2 м, расклиненной мелкими камнями. Каменная плита, закрывавшая вход в катакомбу 551, была отвалена при ограблении в древности.

Катакомба 550 подпрямоугольной формы, размерами 3.5×3 м, выкопана в плотной материковой глине. Вход в нее находился в западной стенке и был оформлен двумя ступеньками. Минимальная высота катакомбы, зафиксированная у восточной стенки, – 0.7 м, максимальная – у входа – 2.1 м. Внутри катакомбы были обнаружены спрессованные, некогда поставленные один на другой в виде штабеля деревянные гробы, при этом слои дерева – днища и крышки гробов – чередовались со скелетами и сопроводительным инвентарем. В результате исследования было выявлено 35 погребений в девяти ярусах, общая толщина которых составила 0.6 м.

Катакомба 550, погребение 30. Погребение было выявлено у южной стенки катакомбы, в самом нижнем из зафиксированных ярусов (ярус 9). Так как

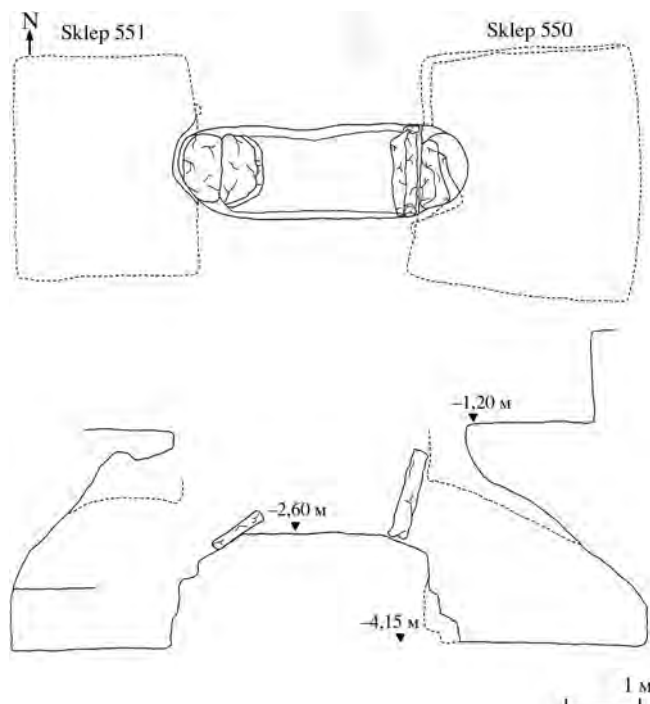


Рис. 2. Усть-Альма. Катакомбы 550, 551. Схематический план и разрез.

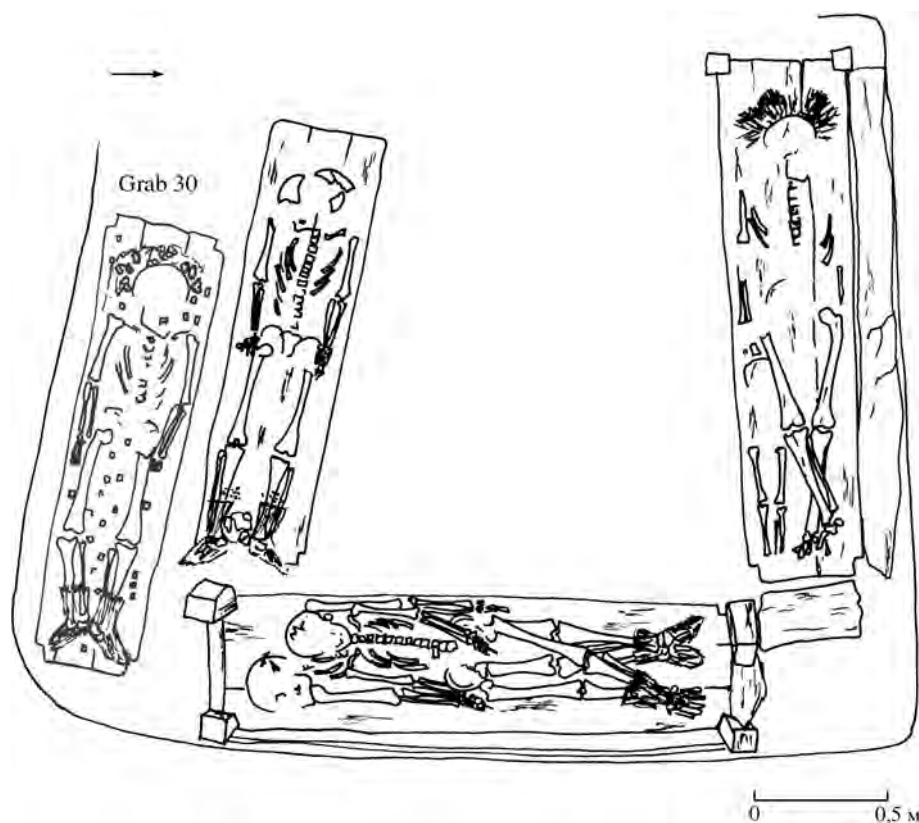


Рис. 3. Усть-Альма. Катакомба 550. План, ярус 9.

доски саркофага сохранились почти полностью, стало возможным реконструировать его размеры, составившие $1.75 \times 0.45 \times 0.25$ м (рис. 3).

Погребенный был уложен в вытянутом положении, руки – на туловище. Под остатками черепа зафиксирована подушка из дубовых листьев³. Сохранность костей плохая, антропологического анализа не проводилось. В области стоп выявлены фрагменты кожи, которые могут быть интерпретированы как остатки сапог.

Сохранившиеся фрагменты молотилок. Саркофаги из обеих катакомб, в которых в качестве днищ использованы молотильные доски, по своей конструкции в целом типичны для Усть-Альминского некрополя (рис. 4). Особенно хорошо сохранилось днище гроба из погребения 30 катакомбы 550 (рис. 1). Оно собрано из трех дубовых досок шириной по 15 см. Углы днища вырезаны, что является конструктивным элементом гроба. Вся поверхность досок, обращенная к земле, в шахматном порядке была покрыта прямоугольными гнездами, распо-

ложенными на расстоянии около 3–5 см друг от друга. В них вбиты кремневые отщепы-вкладыши различной формы. Их длина в среднем составляет 1.5–1.9 см, ширина – около 1.5 см. Лишь в нескольких случаях вкладыши пробивают доску насквозь. В этих досках имеются по два крупных прямоугольных сквозных отверстия, в которые, вероятно, первоначально вставлялись поперечины, скреплявшие доски молотилки.

Гробы с днищами, изготовленными из молотильных досок, обнаружены также в катакомбе 450, яруса 3–5. К настоящему времени сохранился лишь один фрагмент (рис. 1, 2), соотнесение которого с конкретным погребением затруднительно. В этом фрагменте молотильной доски в своих ячейках также сохранилось несколько каменных вкладышей.

Вкладыши изготовлены из зеленовато-серого кремня. По форме они в большинстве случаев подквадратные, с острыми ребрами и режущей кромкой. Более детальное изучение рабочей поверхности не выявило отчетливых линий сколов. Отдельные участки имеют следы дефляции⁴. В отличие от этногра-

³ Определение породы дерева выполнено доктором Р. Неефом (Германский археологический институт, Берлин), за что авторы выражают свою искреннюю благодарность.

⁴ Авторы благодарят Т. Лаурата (Йена) за исследование кремня.

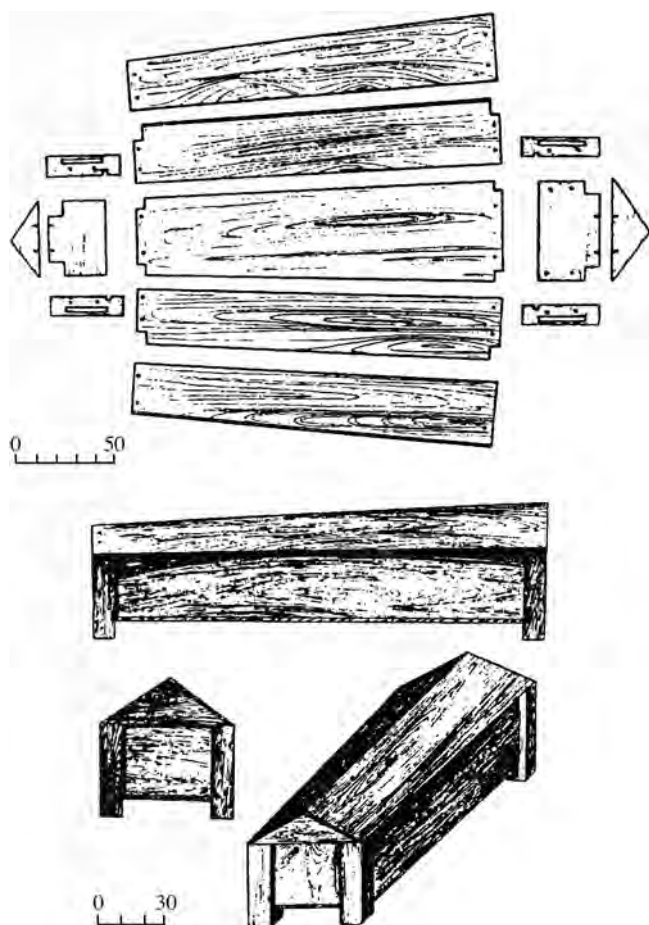


Рис. 4. Усть-Альма. Реконструкция гроба (по: Высотская, 1994. Рис. 24).

фических параллелей усть-альминские вкладыши обработаны менее тщательно, в отдельных случаях они выглядят как естественные обломки кремня.

В результате микроскопического исследования вкладышей на их глянцевых поверхностях выявлены отчетливые следы использования. Округлость некоторых граней указывает на интенсивное применение молотильных орудий перед их вторичным использованием.

Датирование естественно-научными методами

Деревянные фрагменты молотилки из могильника Усть-Альма были подвергнуты дендрохронологическому анализу в Германском археологическом Институте (Берлин)⁵. На основании образцов из погребения 30 катакомбы 550 (пробы 48 и 68) была построена дендрологическая шкала длиной почти в 200 лет. По причине отсутствия стандартной шкалы для Северного Причерноморья в Лейбниц-

лаборатории университета г. Киль были проанализированы два образца на содержание C^{14} с целью определения полученной дендрохронологии при помощи wiggle-matching. Интервал между этими образцами (внутреннее и внешнее годовое кольцо KIA 33214 (некалибр. 2097 ± 39 BP) и KIA 33215 (некалибр. 2002 ± 28 BP) составил 190 годовых колец. Их калибровка дает возможную конечную дату, представленную интервалами 195–135 гг. до н.э. и 5–55 гг. н.э. (при 1 *Sigma*) и интервалом 20 г. до н.э. – 80 г. н.э. (при 2 *Sigma*). Корреляция построенной по фрагментам молотилок кривой с надежной хронологией, полученной по древесине дуба из торфяников Восточной Германии, дает внутри этого отрезка позицию 2 г. н.э. для последнего годового кольца (коэффициент $T - 4.4$; коэффициент синхронности – 64%). Принимая во внимание значительную удаленность районов происхождения приведенных хронологий, точность этой позиции весьма вероятна (рис. 5).

Учитывая отсутствие ряда наружных годовых колец (последнее кольцо или обзол не сохранилось), абсолютная дата молотилки из катакомбы 550 может быть определена в пределах первой четверти I в. н.э.

Также был проанализирован фрагмент молотилки из катакомбы 450. В данном случае удалось выявить 127 годовых колец. При помощи уже хронологически зафиксированного участка кривой внешнее годовое кольцо образца датируется 67 г. до н.э. По причине отсутствия заболони (внешних слоев), оцениваемой примерно в 20 колец, данный фрагмент молотилки можно отнести приблизительно к середине I в. до н.э.

Конструкция и использование молотилок по этнографическим параллелям

Этнографические параллели и их распространение. Молотилка – одно из древнейших сельскохозяйственных орудий и в своей эволюции не претерпело практически никаких изменений. Его функция – обмолот зерна. Еще в XX в. молотилки использовались прежде всего в Средиземноморье, на Балканах, в румынской Добрудже, в Южной Молдавии, на Нижнем Дунае, на Юго-Западной Украине, в Закавказье, в Ираке, в Северной Африке и на Канарских островах (Jagor, 1873. S. 1–23; Скаун, 2001. С. 114; Skakun, 2003). Несколько в отрыве от основного ареала распространения использование молотилок зафиксировано в Швеции в начале XVIII в. Этот способ обмолота зерна, не засвидетельствованный в Скандинавии до этого момента, появился в Европе, вероятно в результате

⁵ Авторы искренне благодарны доктору У. Хойсснеру.

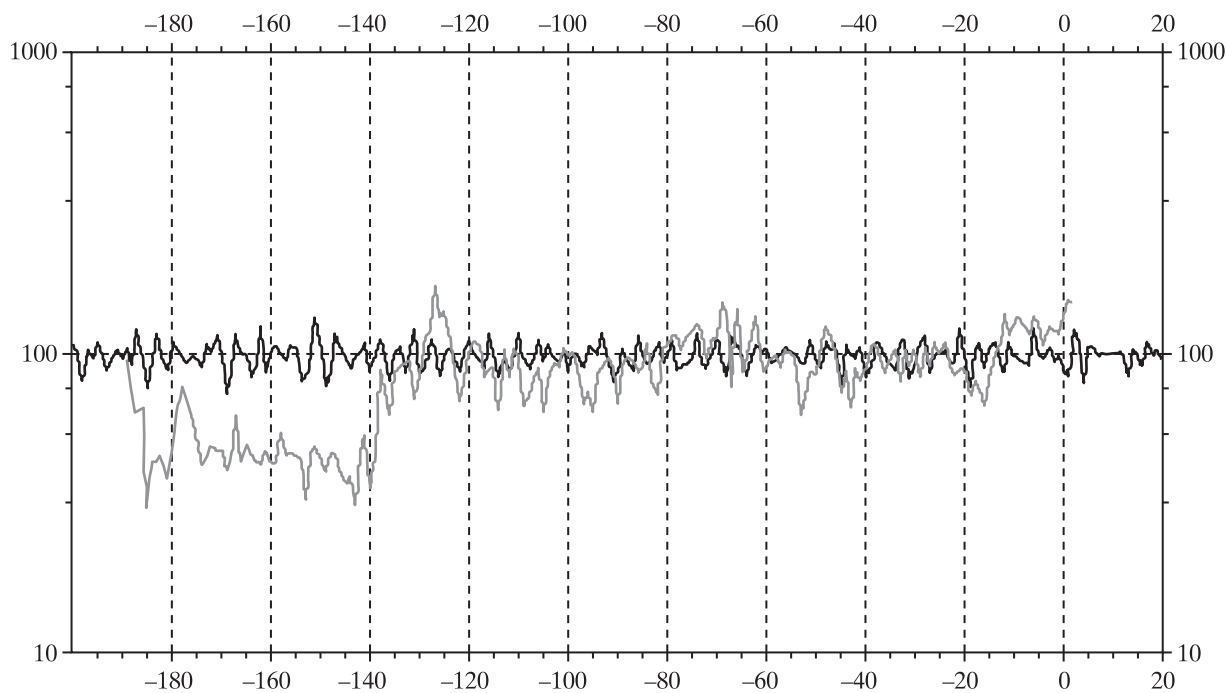


Рис. 5. Сравнение стандартной кривой по дубу из торфяников Восточной Германии (черный цвет) и древесно-кольцевой хронологии по фрагменту молотилки из катакомбы 550 (светлый цвет) (по У. Хойсснеру).

похода Карла XII, достигшего Турции, но не получил здесь распространения (Hahn, 1925. S. 463).

Конструкция молотилок по этнографическим параллелям. Данные о конструкции и использовании молотилок содержатся в исследованиях, посвящен-

ных этнографическим и современным экземплярам, происходящим из Южной и Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока (Anderson, 2006).

По своей конструкции современные экземпляры отличаются друг от друга лишь незначительными



Рис. 6. Молотилка из Южной Болгарии. Детали (по: Krauß, Jeute, 1998).

деталими. В целом основу молотилки подпрямоугольной или трапециевидной формы составляют две-три параллельно расположенные доски, скрепленные между собой поперечными планками (рис. 6). Ее длина – от 1.5 до 2 м, ширина – до 1.5 м. Передняя часть молотилки несколько приподнята вверх с целью облечения процесса скольжения. Округленность углов придает орудию форму саней (Krauß, Jeute, 1998. S. 501, 502).

В качестве материала для изготовления молотилок использовались местные породы дерева, такие, как дуб, сосна или орех. На оборотную сторону молотильной доски в шахматном порядке набивались каменные вставки – вкладыши, имеющие заостренные грани. При этом для вкладышей обычно использовались: кремнь, базальт, обсидиан, песчаник, кварц или агат. В более позднее время также известны металлические вкладыши.

Каменные вкладыши молотилок были объектом товарообмена. Так, в XVIII в. корабельные грузы, состоящие из кремня, доставлялись из России на Крит, где они “... als Zähne der zum Dreschen verwendeten Holzschlitten gebraucht wurden”⁶ (Karo, 1924. S. 154). Для IX–VIII вв. до н.э. имеется информация о том, что, например, базальт импортировался в Закавказье с целью его использования для вкладышей молотилок (Skakun, 2003. P. 390).

Использование молотилок. Для использования молотилок необходим сухой уплотненный ток, который, по причине значительных размеров, невозможно перекрыть. Такие условия имеются преимущественно в районах с выражено засушливым летом, что объясняет ареал молотильных орудий. Молотилка при помощи тяглового животного протягивается по специально подготовленному для этого материалу (Anderson, 2006). Посредством стоящего на ней погонщика или другого груза достигается необходимое увеличение ее веса, а зерно под давлением освобождается от колосьев и стручков. Остро заточенные каменные вкладыши молотилки одновременно превращают стебли и остатки колосьев в мякину высокого качества, используемую в качестве корма для скота. Обмолот зерна при помощи молотилки в отличие от других техник, таких, например, как выбивание зерен цепом или копытами животных, значительно эффективнее. К тому же в таком варианте стебли измельчаются значительно грубее и не могут использоваться в качестве корма для скота, а только для подстилок. Например, в Испании современные английские молотильные машины не продавались до конца XIX в., пока они

не стали производить привычную, используемую в качестве корма для скота мякину (Jagor, 1873. S. 8).

Однако молотилка имела значение не только в сельском хозяйстве. Так, известно, что в древности на территории современной Сирии они использовались в качестве орудия пыток, когда их протягивали по связанным побежденным врагам (Wetzstein, 1873. S. 283).

Интересная функция молотильных досок засвидетельствована в традиционных свадебных и погребальных обрядах. Й. Ветцштейн сообщает, что в Сирии в конце XIX в. во время бракосочетания они использовались в качестве почетного трона невесты и жениха (Wetzstein, 1873. S. 287–289). Особое значение молотилка имела и в погребальном обряде. Так, молотильное орудие после смерти его владельца, уважаемого в общине, использовалось в качестве смертного ложа и при последующем его погребении (Wetzstein, 1873. S. 294–296; Анухин, 1890).

Таким образом, молотилка наделялась не только практическим, но и сакральным значением. Кража этого орудия рассматривалась как серьезное преступление. Вторичное использование молотильных досок в качестве дверей в современной Болгарии должно было препятствовать проникновению незваных гостей и врагов не только практически, но и символически.

Художественные, письменные и археологические свидетельства

Древнейшие изображения молотилок имеются на двух цилиндрических печатях IV тыс. до н.э., происходящих из Арслантепе и Урука (рис. 7) (Frangipane, 1997).

О молотилках сообщается также в ранних письменных источниках (Steinkeller, 1990), например в тексте фрагмента клинописной таблички из шумерского Нипура, датируемой II тыс. до н.э. (Kramer, 1956). В текстах Ветхого Завета, возникших в Палестине в начале I тыс. до н.э., упоминается о молотье при помощи молотилки (Исая, Гл. 28, 27, 28). Римские авторы Варрон и Колумелла в своих трудах сообщают об использовании этого орудия в античное время (Varro, 1, книга LII; Columella, 1972, 20, 4; White, 1967).

Ранние археологические свидетельства молотилок спорны, поскольку они изготавливались почти исключительно из дерева и не сохранились. Специально обработанные каменные артефакты в виде вкладышей часто встречаются на поселениях или в погребениях, однако определение их функциональ-

⁶ “... использовались в качестве зубьев для деревянных молотилок”.



Рис. 7. 1 – изображение на роликовых печатях IV тыс. до н.э. Арслантепе; 2 – Урук (по: Frangipane, 1997).

ного назначения в таких случаях затруднительно. Экспериментальная археология и исследование как современных, так и происходящих из археологических раскопок каменных вкладышей на предмет следов использования предоставляют хорошие возможности для их идентификации (Ataman, 1999. S. 215–218; Anderson, 2006). П.С. Андерсон, детально проанализировавшая вкладыши, составила список комплексов, в которых выявлены экземпляры, предположительно принадлежащие молотилкам. При этом наиболее ранние образцы, возрастом 9 тыс. лет, происходят из Сирии (Anderson, 2006. Fig. 11; Anderson, 2003; Skakun, 1999). Эти находки в сочетании с фактом одомашнивания к этому времени животных, которые могли использоваться как тягловые, подтверждают распространение этого орудия. В общей сложности исследователями было учтено около 800 экземпляров, при этом находки каменных вкладышей оказались особенно часты на памятниках эпохи поздней бронзы, находящихся на территории современной Северной Сирии и Южной Турции (Anderson et al., 2004. P. 87). По мнению П.С. Андерсон, молотилки сопутствуют распространению и развитию земледелия и одомашнивания животных, начиная с Ближнего Востока. Ранние образцы каменных вкладышей молотилок известны по находкам на неолитических памятниках Франции, Турции, Болгарии, Северо-Западной Украины и Армении (Khedhaier et al., 2003; Anderson, 2006. Fig. 11; Gurova, 2001; Бунятов, 1957). Большая их часть имеет технологическую схожесть с образцами из Тель Кутана (Ирак) и ближневосточным типом “canaanéenne” (Anderson, 2006. P. 314).

Достоверные свидетельства молотилок имеются в закавказских поселенческих и погребальных

комплексах. Один из немногих случаев, когда сохранилась деревянная основа, отмечен в погребении бронзового века в Ханларе (Азербайджан) (рис. 8). Здесь умерший был погребен в эмбриональной позе, на молотилке размером 120×40×45 см, изготовленной из дуба (Гуммель, 1949). В двух погребениях эпохи бронзы в Армении и Грузии были обнаружены типичные каменные вкладыши, принадлежащие молотилке, однако без деревянной основы (рис. 8, 2) (de Morgan, 1889; Чубинишвили, 1951). На поселении Удабно в Восточной Грузии *in situ* выявлен комплекс, состоящий из регулярно расположенных каменных вкладышей молотилки и нескольких зернотерок (эпоха поздней бронзы – ранний железный век) (Korfmann et al., 2005. Abb. 20). А. Билль описывает случаи галечных подсыпок в гробах ряда грузинских погребений как с сидячими, так и с вытянутыми труположениями, относящимися к V–III вв. до н.э., как часть погребального обряда (Bill, 2003. S. 50, 70, 147, 199, 206, 208)⁷.

Усть-Альминские подквадратные кремневые вкладыши по своей форме типологически ближе закавказским, относящимся к эпохе бронзы и железа, чем к происходящим из Юго-Восточной Европы, имеющим форму лезвия. При сравнительном анализе с этнографическими экземплярами, хранящимися, например, в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, РАН, становится очевидным, что форма и технологические признаки молотилок с течением времени не претерпели в Закавказье значительных изменений, что может говорить об устойчивой местной традиции (Skakun, 2003. P. 393).

Молотилки и обработка зерна в позднееллинистическое и раннеримское время в Северном Причерноморье. К сожалению, в могильнике Усть-Альма сохранились лишь фрагменты досок, составляющих основу молотилок, поэтому конкретные выводы относительно их первоначальной конструкции невозможны, тем более что передняя часть молотильных орудий была отпилена при вторичном использовании.

В одной из древних микротрещин молотильной доски были обнаружены остатки злаков. Это наблюдение в совокупности со следами использования, выявленными на вкладышах, а также этнографические параллели свидетельствуют о практическом

⁷ К сожалению, речь, как правило, идет лишь о “...Unterlage aus Kieselsteinen...” (галечных подсыпках) или же о “...kleinen Steinen...” (мелких камнях), без детального описания. В отдельных случаях автор интерпретирует их как детали молотилок.

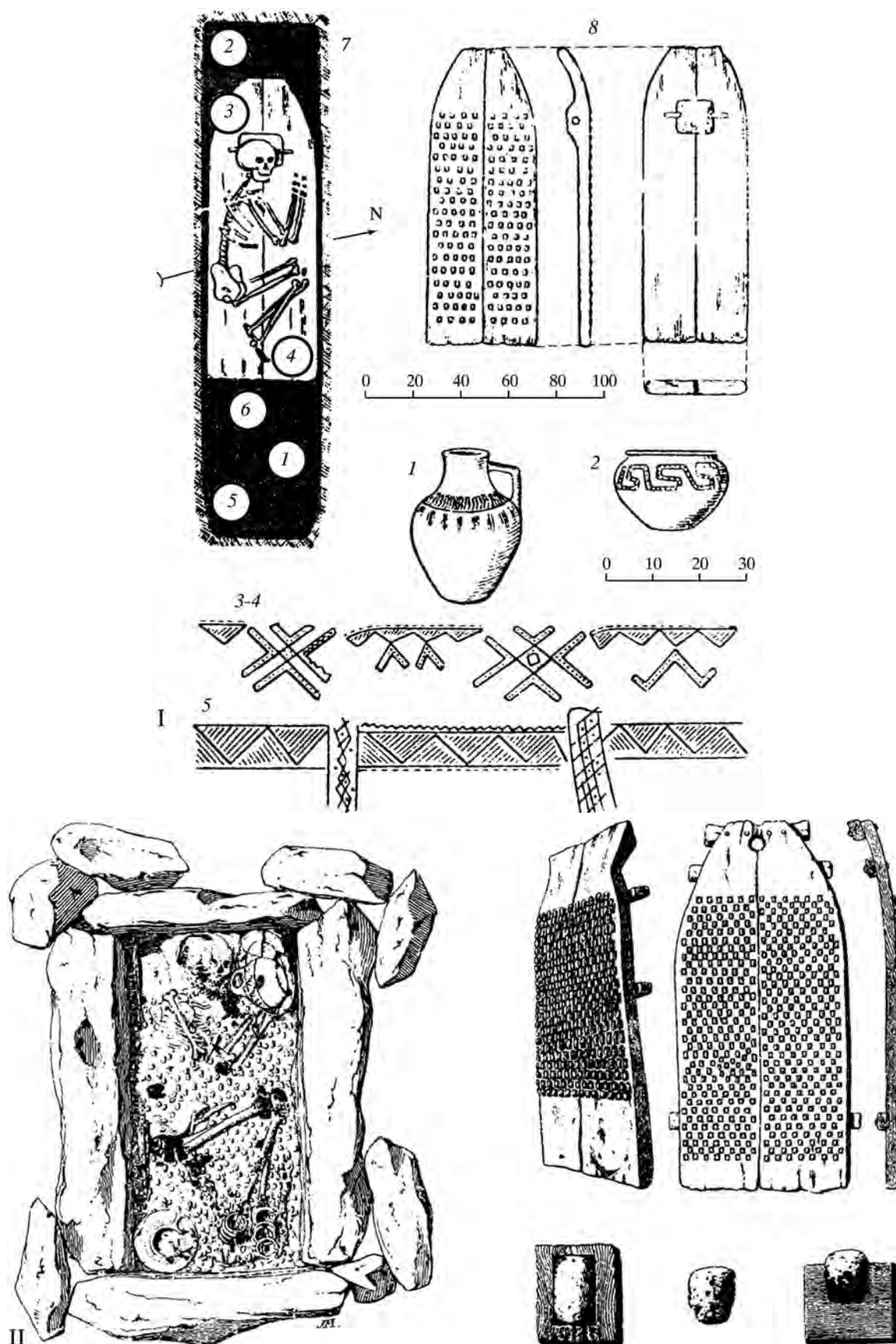


Рис. 8. I – Ханлар, Азербайджан. Погребение эпохи бронзы (по: Гуммель, 1949); II – Атхала, Армения. Погребение эпохи бронзы (по: Morgan, 1889).

применении молотилок до их вторичного использования в качестве днищ саркофагов.

Применение молотилок подобной конструкции засвидетельствовано для Древнего Рима, в том числе и для его восточных провинций (White, 1967. Р. 155). Для древнего Северного Причерноморья такие свидетельства до настоящего времени отсутствовали, несмотря на то что климатические условия для сооружения необходимых для обмолота крупных токов представляются вполне подходящими. В действительности же это вызвано лишь состоянием исследования. Так, молотилки из могильника Усть-Альма не представляются уникальными для Юго-Западного и Центрального Крыма позднеэллинистического и раннеримского времени⁸. Только в Усть-Альминском, в катакомбе 550 выявлено два случая, в катакомбе 450 – три. Расположенные в шахматном порядке подквадратные с заостренными гранями каменные вкладыши могут указывать на то, что речь идет о молотилке, даже если ее деревянная основа не сохранилась. Подобные случаи засвидетельствованы в некрополях Бельбек IV⁹, Неаполя скифского¹⁰, Заветное и Битак¹¹. В могильнике Битак два каменных вкладыша происходят из погребального комплекса, датированного концом II в. до н.э.

Интенсивное возделывание злаковых в Северном Причерноморье отмечено не только для позднеэллинистического-раннеримского времени. Афинские ораторы Лисий (459–380 гг. до н.э.), Исократ (436–338 гг. до н.э.) и Демосфен (ок. 384–322 гг. до н.э.) говорят о значительных поставках зерна из боспорских городов в Афины (Podossinov, 2002. S. 31, 32). Также эпиграфические памятники из Афин и Боспорского царства свидетельствуют об этом экспортном всплеске¹². В позднеэллинистическое время интенсивность торговых отношений по причине политического и экономического кризиса уменьшается (Podossinov, 2002. S. 29). Во II в. до н.э. Полибий пишет: “Für die Bedürfnisse des Lebens liefern uns die Länder am Pontos Vieh und eine große Zahl

ausgezeichneter Sklaven...Getreide tauschen sie mit uns aus, bald stellen sie es im Notfall zur Verfügung, bald empfangen sie es...” (Pol. 4, 38, 4–5)¹³.

Что касается времени использования молотилок в Северном Причерноморье, то фрагменты из могильника Усть-Альма указывают на хронологический интервал с середины I в. до н.э. – I в. н.э., каменные же вкладыши из могильника Битак датируются концом II – началом I в. до н.э.

Вопрос происхождения молотильных орудий остается дискуссионным. Северное Причерноморье и, особенно, Крым в рассматриваемое время испытывали различные влияния, исходившие из приграничных западных областей, с юга, а также с Кавказа. Представляется, что речь здесь должна идти не только о заимствовании молотилки как элемента хозяйства – использование частей молотильных орудий в качестве днищ гробов указывает на их сакральную функцию в погребальном обряде. Этот обряд тем не менее не был стандартным, о чем свидетельствует находка несколько иного рода в могиле 484 Усть-Альминского некрополя (раскопки 1994 г.). Могила с заплечиками была перекрыта крупными камнями, под которыми были прослежены остатки второго перекрытия из доски с кремневыми вкладышами.

Можно говорить, что северопричерноморские вкладыши молотилок типологически близки закавказским. Использование же молотильных орудий в регионе к югу от Кавказа прослеживается начиная с конца IV тыс. до н.э. (Bill, 2003. S. 62). Исходя из этого, несмотря на известную ограниченность аргументации, можно полагать, что традиция использования молотильных орудий была привнесена в Северное Причерноморье с Кавказа.

Вторично использованные молотилки из Усть-Альминского некрополя впервые достоверно свидетельствуют о применении этого сельскохозяйственного орудия в Крыму начиная с I в. до н.э. Крым же является частью обширного региона, расположенного между Передним Востоком и Западной Европой, для которого имеются многочисленные археологические и этнографические свидетельства использования молотилок, начиная с эпохи бронзы вплоть до настоящего времени.

Контекст находки в сочетании с этнографическими параллелями позволяет выделить новый аспект погребального обряда и связанные с этим

⁸ На наличие молотилок в другом погребении могильника Усть-Альма указывает находка 32 “кремневых осколков” (Высотская, 1994. С. 68). А.Е. Пуздровский упоминает о частых находках кремня в крымских погребениях, а Усть-Альминские молотильные доски ошибочно называет крышками колод, инкрустированных кремнем, считая это местной крымской традицией (2007. С. 122).

⁹ Погребение 240 раскопано в 1985 г. Не опубликовано. (Гущина И.И. Отчет о работе Крымской археологической экспедиции ГИМа в 1985 г.)

¹⁰ В западной части погребения 22 выявлено 12 обработанных кремней (Сымонович, 1983. С. 63).

¹¹ В катакомбе 124 отмечены беспорядочно рассредоточенные обработанные кремневые фрагменты (Амброз, 1966).

¹² IG II 653 (почетный указ Афинского акрополя).

¹³ “Для удовлетворения наших жизненных потребностей страны Причерноморья снабжают нас скотом и большим количеством прекрасных рабов... Зерном они обмениваются с нами: то предоставляют нам его в случае необходимости, то сами получают его...”.

идеологические представления населения Крыма позднеэллинистического и раннеримского времени. Ряд примеров говорит о том, что вторичное использование частей молотилок в качестве днищ саркофагов в крымском могильнике Усть-Альма не является случайностью или местной особенностью. Часто из-за плохой сохранности дерева такие факты остаются не выявленными.

Последующее целенаправленное изучение погребений на предмет выявления подобных случаев, безусловно, расширило бы базу данных по этому вопросу и, возможно, помогло бы прояснить, например, связь крымских и кавказских находок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966 (САИ; Д1-30).
- Анухин Д.М. Сани; лады и кони как принадлежность похоронного обряда // Тр. МАО. 1890.
- Буныатов Т.А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957.
- Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
- Гуммель Я.И. Курган № 2 близ Ханлара // КСИИМК. 1949. Вып. 24.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Скаун Н.Н. Археологические вкладыши молотильной доски, эксперименты и этнографические параллели // Археологические вести. 2001. № 8.
- Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского государства. Киев, 1983.
- Чубинишвили Т.Н. Погребения с молотильной доской на Самтаврском могильнике // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. 1951. № 12.
- Anderson P.C. Observations on the threshing sledge and its products in ancient and present-day Mesopotamia // Le Traitment des récoltes. Un regard sur la diversité du Néolithique au présent. Actes de XXIII^e Rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2003.
- Anderson P.C. Premiers tribulums, premières tractions animales au Proche-Orient vers 8000–7500 BP? // Premiers chariots, premiers araires. La diffusion de la traction animale en Europe pendant les IV^e et III^e millénaires avant notre ère. Paris, 2006.
- Anderson P.C., Chabot J., van Gijn A. The Functional Riddle of "Glossy" Canaanian Blades and the Near Eastern Threshing Sledge // J. Mediterranean Archaeology. 2004. 17. № 1.
- Ataman K. Threshing Sledges and Archaeology // Prehistory of Agriculture. New Experimental and Ethnographic Approaches. Los Angeles, 1999.
- Bill A. Studien zu den Gräbern des 6. bis 1. Jh. v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. 96. Bonn, 2003.
- Columnella [Lucius Iunius Moderatus]. De re rustica. Ein Lehr- und Handbuch der gesamten Acker- und Viehwirtschaft aus dem 1. Jh. u. Z. // Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike. 4. Berlin, 1972.
- Frangipane M.A. 4th-millennium temple/place complex at Arslantepe-Malatya. North-South relations and the formation of early state societies in the northern regions of Greater Mesopotamia // Paléorient. 1997. 23. № 1.
- Gurova M. Éléments de tribulum de la Bulgarie – référence ethnographique et contexte préhistorique // Archaeologia Bulgarica. 2001. 5. № 1.
- Hahn E. Dreschschlitten // Reallexikon der Vorgeschichte. 1925. 2.
- Jagor F. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte // Zeitschrift für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1873. 5.
- Karo G. Obsidian. Ägäischer Kreis // Reallexikon der Vorgeschichte. 1927. 9.
- Khedhaier R., Verdin P., Furestier P. et al. Dépiquage au tribulum au Néolithique final dans le sud-est de la France. Indces convergents de la tracéologie et de l'analyse des phytolithes. Le case du site de Forcalquier-La Fare (Alpes-de Haute-Provence) // Le Traitment des récoltes. Un regard sur la diversité du Néolithique au présent. Actes de XXIII^e Rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2003.
- Korfmann M.O., P'ic'xelaui K., Bertram J.-K., Kastl G. Erster Vorbericht zu den Vermessungs- und Ausgrabungsarbeiten in Udabno (Ostgeorgien) 2000–2004 // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2003/2004. Bd. 35/36.
- Kramer S.N. From the tablets of Sumer. Colorado, 1956.
- Krauß R., Jeute G.H. Traditionelle Getreideverarbeitung in Bulgarien // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 1998. 39.
- Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev Ju.P. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim // Eurasia Antiqua. 2002. № 8.
- Morgan J. de. Mission scientifique au Caucase: études archéologique et historique. Paris, 1889.
- Podossinov A.V. Am Rande der griechischen Oikumene. Geschichte des Bosporianischen Reiches // Das Bosporianische Reich. Mainz, 2002.
- Skakun N.N. Evolution of agricultural techniques in Eneolithic (Chalkolithic) Bulgaria: data from use-wear analysis // Prehistory of Agriculture. New Experimental and

- ethnographic approaches. UCLA Institute of Archaeology. 40. Los Angeles, 1999.
- Skakun N.N.* Threshing sledges in the Caucasus from Prehistory to the Present // *Le Traitement des récoltes. Un regard sur la diversité du Néolithique au présent. Actes de XXIII^e Rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes*. Antibes, 2003.
- Steinkeller P.* Threshing implements in ancient Mesopotamia: Cuneiform sources // *Iraq*. 1990. LII.
- White K.D.* Agricultural implements of the Roman world. Cambridge, 1967.
- Wetzstein J.G.* Die syrische Dreschtafel // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1873.

Fragments of threshing sledges from the Late Scythian necropolis of Ust'-Al'ma in the Crimea

Yu.P. Zaitsev, K. Hellstrom, M. Hochmut

Summary

The identification and dendrochronological dating of the secondary use of threshing sledges in two graves of the necropolis Ust'-Al'ma provided the first secure archeological evidence for the use of this farming tool since the middle of the 1st century B' on the Crimea. In general the Crimea is integrated into a region with similar climatic conditions and a comparable economic situation between Eastern Europe and the Near East where numerous archeological and ethnographic examples provide firm evidence for the use of the threshing sledge from Bronze Age until recently. Furthermore, in combination with ethnographic parallels the context of the discovery enables the exploration of a new aspect of the burial ritual and therewith of the imagination of the inhabitants of the Crimea during the Late Hellenistic period. Some examples document that the secondary use of threshing sledges as deathbeds obviously was not an isolated case or a local specialty. However, it often remained unnoticed because of the generally poor conditions of conservation for wood. A focused screening of further grave finds would certainly contribute to a significant extension of the data base, and possibly might help to make accessible a connection to very similar findings in the Caucasian region.

ГОРОДА ПОВОЛЖЬЯ КАК ЦЕНТРЫ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ БУЛГАРИИ

© 2010 г. Р.М. Валеев

Казанский государственный университет культуры и искусств

Образование первоначальных форм обмена и местных средств денежного обращения в Поволжье, Прикамье и Приуралье относится к III – VII вв. В этот период, который называют началом эпохи Великого переселения народов и Тюркских каганатов (IV–IX вв.), р. Итиль (Волга) выступает в роли основной магистрали – проводника южного, византийско-кавказского и иранско-среднеазиатского культурного влияния на север Восточной Европы (Иванов, 2001. С. 130). По сообщениям письменных и археологических источников видно, что в III–VII вв. Поволжские степи были местом этнических бурь и катаклизмов, пронесшихся над регионом с востока на запад. Вначале через Поволжье прошли гунны, затем авары, покрывшие огромное расстояние от Восточного Туркестана до Дуная (Петрухин, Раевский, 1998. С. 180; Эрдели, 1988. С. 100; Исхаков, Измайлов, 2007. С. 24–27). Закрепляя свою победу, тюркские отряды в середине 70-х годов VI в. доходят до Волги, а затем форсируют ее и в 576 г. вторгаются в Боспор. Правда там они продержались недолго и в 588 г. возвращаются обратно на восток (Иванов, 2001. С. 131; Исхаков, Измайлов, 2007. С. 28–40).

На этом этапе, который связан с проживанием на территории Поволжья и Прикамья именьковских племен, товарооборот носит в основном меновой характер. Местные племена не были настолько развиты, чтобы можно было говорить о сложившейся торговле. Но обмен и товарно-денежные отношения уже начинают активно развиваться. В роли средства обращения используется скот (“мал”), что характерно и для более позднего времени. На этой территории распространяется и большое количество драхм Сасанидской династии из Ирана, весовой прием которых составляет 4.25 г, а также римских и византийских монет. В это же время распространяются и латунные слитки, которые активно изготавливались и использовались местным населением в качестве средства обращения. Хронология их бытования относится не только к III–VII вв., но и значительно позже к X–XII вв. на территории Прикамья в районах распространения памятников ломоватовской и родановской куль-

тур (Валеев, 1985. С. 33–36; Мухамадиев, 1990. С. 20–93).

Яркой страницей средневековой истории Волго-Камья становится период существования государства волжско-камских булгар. Трудно переоценить его значение в развитии культуры народов региона в IX – начале XIII в. Значительную роль в этом играла активная торговая деятельность булгарских купцов. Являясь по сути монополистом в торговле с северными странами и народами, Булгария включилась в цепочку крупнейших трансконтинентальных путей евразийского континента, в первую очередь, Великого Волжского пути. В этом качестве значение региона сохранилось и после монгольских завоеваний, когда территория булгарского царства вошла в состав огромной мировой империи – Золотой Орды.

Несмотря на преобладание натурального хозяйства, в Булгарии уже в IX в. начинается ускоренный процесс становления торговли и товарно-денежных отношений, что во многом вместе с развитыми земледелием, скотоводством и ремесленными производствами характеризует экономическую структуру Булгарского, а затем и Золотоордынского государств в политико-экономическом, и в целом Среднее Поволжье, Прикамье и Приуралье – в территориальных отношениях.

Быстрое развитие земледелия, скотоводства, ремесел и в целом развитие булгарского общества и его потенциала привели к широкому расцвету торговли, которая в экономике Волжской Булгарии играла значительную роль. Расположение Волжской Булгарии в географически благоприятном районе Восточной Европы, где находились Волга, Кама и Вятка – три крупнейшие водные магистрали – и стык торговых путей Запада и Востока, определило ее значение в истории Евразии этого периода. Но, отмечая зависимость развития торговли от сельскохозяйственного и ремесленного производств, мы должны в то же время подчеркнуть, что в свою очередь и она содействовала их развитию.

В IX – начале XIII в. развитие торговли и товарно-денежных отношений Волжской Булгарии про-

шло длительный путь. Вместе со сложением раннефеодальных отношений шел процесс складывания товарного производства. Натуральное хозяйство, когда средства производства и средства существования добываются только за счет собственных средств, по мере усиления общественного разделения труда, подразумевающего обмен результатами трудовой деятельности, постепенно приводит к товарному обращению. Если обмен товаров в ранний период истории Поволжья и Прикамья носил меновой характер, то возникновение ремесла и городов свидетельствует о возникновении товарного производства, – составной части сложившихся феодальных отношений Булгарии (Валеев, 2003). Следует отметить и то, что способ производства при феодализме представляет собой соединение господствующего натурального и еще недостаточно развитого товарного-денежного экономического уклада.

В развитии торговли было заинтересовано само государство, в свою очередь булгарские и приезжие купцы нуждались в централизованном государстве, которое бы гарантировало им безопасность торговли, торговых путей и развития товарно-денежных отношений. В крупные города и места ярмарок Волжской Булгарии приезжали купцы из многих стран. От Булгар начинался восточно-европейский маршрут к Киеву и границам Византии, в Прибалтику и Северную Европу (Заходер, 1962. С. 102). Волжская Булгария являлась центром торговли, которая в первую очередь была связана с главной восточноевропейской магистралью – рекой Итиль. Ибн Русте сообщает: “Хазаре ведут торг с болгарями, равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них (т.е. русов), которые живут по обоим берегам помянутой реки, везут к ним (т.е. болгарам) товары свои, как-то: меха соболей, горностаевые, беличьи и другие” (Хвольсон, 1870. С. 23). Это же сообщение, но более короткое, имеется у других восточных авторов – ал-Бакри и Истахри.

Во многом интересы торговли в Булгарии способствовали вниманию к этой стране арабо-персидских путешественников и ученых, которые в подробностях описывали путь по Волге до Булгар и быт его обитателей.

Развитие торговли и товарно-денежных отношений в Волжской Булгарии в первую очередь связывается с развитием ремесла и городов. Волжскую Булгарию домонгольского периода можно назвать страной городов, о чем свидетельствуют скандинавские саги (Славяне и скандинавы, 1986). В настоящее время на территории Поволжья и Прикамья известно более 190 городищ домонгольского периода (Фахрутдинов, 1975. С. 216; Очерки по археологии Татарстана, 2001. С. 208, 209).

Булгарские города были центрами развития ремесла, внутренней и внешней торговли, о чем свидетельствует разнообразный археологический материал, находимый в ходе раскопок. Городское ремесло развивалось как мелкое производство и отличалось от хозяйства полусвободных крестьян: оно было основано на собственности самого работника производства и являлось товарным. Центрами производства, торговли и культуры были столичные города: Булгар, Биляр, Сувар, располагавшиеся в центральной части государства, а также другие крупные города: Джукетау, Муромский городок, Казань, Тубулгутау, Елабуга.

Особую роль в истории народа волжско-камских булгар сыграл город *Булгар*. Он был своеобразным символом народа и государства, как Париж во Франции, Лондон в Англии, Рим в Италии. Причем это случилось еще в X в., в период хазарского владычества. Булгар на сегодняшний день единственный булгарский город, основание которого, судя по поселению у Малого Иерусалимского оврага, исследованного П.Н. Старостиным, можно достоверно связать с раннебулгарским временем. Здесь найдены куфические дирхемы саманидского чекана 894/895, 898/899, 913–932 годов. Именно здесь могли производиться эмиссии первых булгарских монет начала X в.

До сих пор на территории этого археологического памятника сохранились архитектурные сооружения XIII–XIV вв. В их числе уникальный Малый минарет с великолепной резьбой по белому камню.

В начале X в. при Джафаре (Алмуше) Булгар был небольшим замком. Расположен он на мысу между краем высокой террасы и Большим Иерусалимским оврагом. Жилая площадка была защищена двумя рвами и деревянной стеной вдоль внутреннего рва. За пределами замка в непосредственной близости к ним располагались пригородные поселения. Роль торговой пристани играл Ага-Базар, стоявший непосредственно на берегу Волги.

К середине X в. в правление сына Джафара Михаила и его внука Абдуллаха Булгар оброс посадом, быстро перерастая из замка в город. Новая дубовая крепостная стена, возведенная на крутом берегу, защищала разросшийся центр. Под обрывом у старичных озер и родников располагались деревянные дома посада, срубленные из сосны, соседствовавшие с юртами и огороженными подворьями иностранных купцов. Ближе к Волге находились торжища, где в определенные дни собирались торговцы, чиновники и многочисленные жители округи со своим товаром.

В процессе развития хозяйственной оседлой деятельности и становления городов молодого

государства Булгар имел большие преимущества, благодаря сочетанию таких факторов, как близость Волги, широчайшие волжские луга и благоприятные почвенные условия. Вокруг ядра города сложилась целая система неукрепленных поселков. Активной была и торговая жизнь Булгара. Продукция городских кузнецов, гончаров, ювелиров находила сбыт как в ближайшей округе, так и на достаточном удалении от города. Однако в значительно большей степени в то время Булгар был административным, внешнеторговым центром. Именно сюда стекались варяги – наемные дружинники со своими слугами и рабами, прибывали караваны из отдаленных мусульманских и северных стран.

При разгроме русским князем Святославом Хазарии в 965 г. пострадала и болгарская область, однако сам город, видимо, не был разрушен. В большей степени удар пришелся на торговые центры в приустьевой части Камы, где нападавших ждала легкая добыча. Последовавшие затем нападения на Булгарию варяжских дружин обошли стороной сам Булгар.

На всем протяжении домонгольского времени Булгар оставался деревянным городом: строительство велось из дерева и глины. Кирпич применялся только в кладке печей. Застройка города имеет достаточно устойчивую ориентировку – с северо-запада на юго-восток или с северо-востока на юго-запад, что может свидетельствовать о ее планомерности и направлении улиц.

В западной части города складывается ремесленный посад, связанный с металлургией и железообработкой. Тут же располагались кварталы медников и кожевников. Жилые постройки соседствовали с производственными объектами. Расширение посада происходит к западу, юго-западу и югу, достигая к концу домонгольского периода площади втрое больше по сравнению с первоначальной. В территорию города к этому времени включается ближайший южный пригородный поселок. Западный поселок в урочище “Бабий бугор” так и не оправился после погромов и вскоре превратился в пустырь, на месте которого, при дефиците свободной земли в центре, стало функционировать христианское кладбище. В восточном пригороде развивается собственное кузнечное ремесло. Ага-Базар сохраняет роль торговой пристани, даже приобрел более благоустроенный вид благодаря новостройкам.

Изменения в положении Булгара происходят уже с начала XII столетия. В это время активную роль в жизни города стали играть поселившиеся здесь ясы (осетины) – христиане по вероисповеданию. Они имели свой приход, видимо поблизости от места будущей Армянской колонии, и свое кладбище на

западной окраине города (Бабий бугор). Свообразие городу придавало и смешанное болгаро-славянское население, жившее, по мнению М.Д. Полубояриновой (1993), в центре и на периферии города вперемежку без деления на особые районы. Видимо, не случайно, что в 1164 г. войско Андрея Боголюбского, захватившее Бряхимов, Булгар не подвергает разгрому. Примечательно, что спустя несколько лет Андрей Боголюбский женится вторично, возможно, на “яске” из Булгара. Найденные в 1888 г. в Болгарах серебряные с чернью оплечья – бармы, изготовленные во владимирских мастерских и характерные для парадного древнерусского костюма, несомненно, отличают высокий социальный статус их владельца, жившего в Булгаре.

В своих походах Андрей Боголюбский, видимо, находил союзников в лице правителей Булгара, которые пользовались поддержкой саксин, заводжских кипчаков и ельтуковых половцев (одну из орд которых возможно возглавлял Емяк).

Серия военных походов русских князей на Биляр, неудачи во внешней политике позволили правителям Булгара рассчитывать на лидерство в государстве. Было обращено особое внимание на укрепление Булгара. Более густо заселенная часть посада в конце домонгольского периода окружается новой системой обороны и занимает вдвое большую площадь, чем первоначальная. Но и она охватывала только наиболее застроенную часть посада. В начале XIII в. население города начинает расти. Многочисленные беженцы из Ирана, Кавказа и Армении, пострадавшие от монголов, находили кров в Булгаре.

В начале XIII в. избежать нашествия новых врагов и последовавшей печальной участи завоеванных монголами государств Булгарии не удалось. В 1236 г. монголы, собрав огромное войско и снабдив его всем необходимым, выступили в поход и, перейдя Урал, осенью соединились всеми отрядами в пределах Булгарии. Монголы штурмом взяли город Биляр и многие другие болгарские города, в том числе и Булгар.

После разрушения города Батыева армия ушла на запад, оставшиеся в живых жители вернулись на развалины и стали восстанавливать город. Однако сопротивление захватчикам продолжалось. Только новый зимний карательный подход Субедея в болгарские пределы и разгром собранных войск заставил билярских эмиров Баяна и Джику, действовавших до того в союзе с эмиром Бачманом – кыпчаком из орды Ольбурик и Качирукуле из племени асов (!), сложить оружие и покориться. Монголы здесь опробовали новую тактику ведения войны на Западе в зимних условиях, примененную на Руси.

Город Сувар, расположенный на равнинной местности, сильно отличается от Булгара как по топографии, так и по характеру планировки. Почти круглое в плане городище имеет мощную систему обороны из нескольких валов и рвов, а также дополнительные фортификационные сооружения вне пределов основной линии. По мнению А.П. Смирнова, по гребню валов шла деревянная стена, состоявшая из срубов, заполненных землей. Рвы были наполнены водой, а склоны валов укреплены жердями (1951. С. 203–265).

Площадь основной, отлично укрепленной части городища – цитадели города, сравнительно невелика. Но здесь располагались общественные, административные постройки, торговая площадь, мечеть и богатые дома знати. В центре цитадели города находились каменные постройки. Кроме того, здесь есть следы производственной деятельности ювелиров, стеклоделов, гончаров, возможно, здесь было и несколько кузниц.

Вокруг цитадели раскинулся на весьма значительной площади торгово-ремесленный посад. Ассортимент продукции городских ремесленников весьма разнообразен. Это бытовые предметы: ножи, гвозди, скобы, части конской упряжи; инструменты: молотки, скобели, сверла, шилья и т.п.; предметы вооружения и охоты: наконечники стрел, дротиков, кольчуги.

Основное время существования Суvara – период до монгольского нашествия. Город был разрушен монголами и не восстановился в полном объеме.

Биляр (Билярское городище) расположен в котловине, образованной высокой водораздельной грядой с северной стороны и более пологими высотами с южной. По мнению ряда исследователей, основание города относится к 922 г. – времени посещения болгарского правителя Алмуша (Джафара ибн Абдаллаха) посольством багдадского халифа. Можно предполагать, что в X в. на берегу Малого Черемшана и его небольших притоков – Билярки и Елшанки – существовало несколько болгарских поселений (Исследования Великого города, 1976; Культура Биляра, 1985; Хузин, 2006). На рубеже X и XI вв. при болгарском эмире Абдрахмане город был перепланирован. Заселение огромной территории нового города было весьма быстрым. Стремительный рост горожан произошел за счет переселения представителей разных племен, входивших в состав болгарской конфедерации. Ранний Биляр в начале XI в. имел кольцевую систему обороны. Центр его, где находились деревянная, а затем каменная мечеть и усадьбы знати с каменными домами и общественными сооружениями, был дополнительно укреплен земляными ва-

лами и деревянными фортификационными сооружениями.

Значительную роль в развитии города играла торговля, основанная на мощном ремесленном производстве. Город поражал не только размерами своей площади, но и своего рода промышленными зонами – кварталами, занятыми ремесленниками: гончарами, кузнецами, металлургами, косторезами. В городе кроме центрального рынка было множество мелких базарчиков. Торговали и непосредственно у ремесленных лавок и мастерских.

Ремесло Биляра складывалось под влиянием восточной культуры, в значительной степени – восточно-иранской. Импортная металлическая посуда из Нишапура (Руденко, 2000. С. 78, 79), стеклянные изделия западноевропейского, древнерусского, византийского, закавказского (грузинского и армянского), среднеазиатского, ближневосточного, особенно иранского производства (Валиуллина, 2005. С. 119–126), новые формы круговых керамических сосудов – поливных и неполивных, имеющие аналоги в иранском искусстве, бронзовые украшения, выполненные в “восточной традиции”, являются ярким свидетельством этого. Кроме того, именно к первой трети XI в. относится поступление из восточного Ирана металлических чаш с зооморфными изображениями, транзитом проходивших через болгарские рынки (Руденко, 2000. С. 91). Обилие восточного импорта XI–XII вв., почти полное отсутствие нумизматических находок X в. отличают Билярское городище от Булгарского в археологическом плане. При этом следует отметить, что в непосредственной близости от Билярского городища, в 20 км, около с. Старое Альметьево найден называемый в нумизматической и археологической литературе “Элмедский клад” – один из первых кладов куфических монет VIII – начала IX в. в Восточной и Северной Европе, с которого начинается широкое поступление куфических дирхемов из восточных стран, заполнивших рынки Евразии более чем на 200 лет.

Биляр XI–XII в. – один из крупнейших городов страны. Его площадь значительно превышает размеры других болгарских и ряда европейских городов. Биляр в это время подразделялся на цитадель, внутренний и внешний город. Наиболее застроенным был внутренний город, где располагались ремесленные кварталы, торговая площадь, общественные здания.

Территория внешнего города была освоена значительно меньше. Большие пространства пустовали, часть территории использовалась как сельскохозяйственные угодья. Во внешнем городе активно развивалось ремесленное производство. Постепен-

но в единую инфраструктуру включаются и окружающие город пригородные поселки, составляющие как бы его сельскохозяйственную округу.

Центральная часть города с мечетью, домами знати, рыночной площадью и общественными зданиями была сосредоточением и культурной жизни. При дворцах знати и школах писали книги, вели проповеди болгарские философы, поэты, ученые. Именно здесь в начале XIII в. было написано одно из выдающихся произведений поэзии периода средневековья Кысса и Йусуф, являющееся шедевром болгарской и в целом общетюркской культуры домонгольского периода (Давлетшин, 2004).

После монгольского нашествия, когда город подвергся тотальному разгрому, жизнь в нем не прекратилась полностью. Через несколько десятилетий после этой исторической драмы Биляр восстанавливает свое значение. В 70–80-х годах XIII в. при золотордынском хане Менгу-Тимуре здесь производятся эмиссии билярских серебряных денег. После 1292, 1293 гг. чеканка монет прекращается, а мастера-чеканщики переводятся в Булгар. Значение ордынского Биляра подчеркивается и тем, что билярские монеты обращались не только в самом Биляре, но и в Булгаре, и в других районах Булгарии (Сингатуллина, 2003; Мухамедшин, 1997. С. 60).

Биляр был центром городской агломерации, включавшей несколько замков, укрепленный район по водораздельной высоте в районе современного с. Горки, горы Балынгуз и с. Николаев Баран. Интересно, что на Николаевбаранском II городище, имеющем прекрасные фортификационные данные, практически отсутствует культурный слой, а в расположенное под ним в низине на пойменной террасе I городище с обширным посадом и кладбищем существовало, видимо, достаточно долго, судя по мощным отложениям культурных остатков и их обилию. Возможно, эти поселения, как и Горкинское II городище, были загородной резиденцией (замком) билярских правителей. Горкинское I городище, имевшее кольцевую систему обороны с высокими земляными валами и рвом, было скорее всего крепостью на подступах к столице и частью обширной укрепленной зоны, занимавшей гору Балынгуз и по сути замыкавшей внешнее кольцо обороны города Биляра со стороны нагорья. Отметим, что на Горкинском I и II городищах имеются находки импортных изделий: металлической парадной посуды, керамики и ряда других экспортных товаров.

Жизнеобеспечение огромного города поддерживалось за счет большого земледельческого района по Малому Черемшану и его притокам. Это был своего рода внутренний экономический рынок Биляра.

Южным центром болгарских земель был Муромский городок, расположенный в центре Самарской Луки на наиболее высокой части плато, на равнинной площади, иссеченной оврагами. Возник он еще в конце X в., а в начале XI занимал небольшую площадь между двумя отрогами оврагов, ограниченную с запада и востока рвами.

Город был защищен крепостной стеной. В незначительном удалении от стен крепости располагались многочисленные поселки, составившие затем его посад. Город переживал расцвет в XI–XII вв. В это время здесь находились крупные ремесленные кварталы, изготавливавшие на продажу изделия из глины, металла, кости и стекла (Матвеева, Кочкина, 1998. С. 17–21). Значение городка определялось и его выгодным расположением на торговом “западном” пути, и близостью к южным границам государства, открывавшим широкие возможности для торговых и культурных контактов со степняками.

В 1236 г. город был взят и разрушен монголами. После нашествия следы активной жизни здесь не прослеживаются.

На северных границах Булгарии в начале XI в. складывается система крепостей и городков, важное место среди которых занимает *Казань*, расположенная в приустьевой части р. Казанки. Основана она была на высоком мысу коренной террасы этой реки, в 7 км от Волги. Мыс ограничен со всех сторон крутыми склонами, а с напольной стороны были возведены искусственные укрепления – вал и ров (Ситдинов, Хузин, 2005. С. 154). *Казань* по принципам расположения на местности очень напоминает Джукетау и другие города болгар с мысовой цитаделью. В XI–XII вв. центр города располагался на крутом обрывистом мысу, останце левого берега Казанки. С напольной стороны он был защищен Тезицким оврагом, а также искусственными укреплениями в виде вала и рва. Несколько позже были эскарпированы склоны кремлевского холма, а система обороны с напольной стороны была усилена белокаменной стеной. Именно в Кремле располагались административные службы, мечети, дома знати и военный гарнизон, а в посаде – ремесленные и торговые центры. Здесь впоследствии сложился средневековый центр культуры и науки региона и государства. Монгольское нашествие не затронуло *Казань*, поэтому в ордынское время город существенно расширился.

Другим центром Заказанья, расположенным в бассейне Казанки, было возникшее в конце X в. у современного с. Русский Урмат обширное поселение, впоследствии получившее название *Иске (Эчке) – Казань*. Селение возникло на берегу невысокой надпойменной террасы речки Урматки

(Калинин, Халиков, 1954. С. 99–103). Не имея четко выраженных природных границ, оно быстро росло вширь, в большей степени вытягиваясь вдоль реки. Местность эта с прекрасными черноземными почвами, достаточной удаленностью от крупных центров быстро становится центром сельской округи с развитым ремесленным производством. Несомненно, что здесь находился и административный центр Заказанья (Кокорина, Фахрутдинов, 1999). Монголами город не был разрушен, а по преданиям именно здесь основал свою ставку сам Батый – Саин хан.

В Заказанье были и неукрепленные поселения городского типа. Располагались они в большинстве случаев на берегах небольших речек, ручьев, там, где в избытке была чистая родниковая и ключевая вода. Одним из таких мест была речка Нырса. Здесь, где сейчас находится село *Большие Нырсы*, в конце X в. возник небольшой поселок. Пологие берега речки, чистая вода из родников, отдаленность от опасной близости большой дороги – все это привело к тому, что поселок быстро вырос и в начале XI в. превратился в небольшой городок. Это был центр ремесленного производства – на левом берегу реки до сих пор встречается большое количество железных и керамических шлаков и фрагменты древней керамики.

Городок был довольно богатый. Заезжие торговцы привозили на местный рынок редкие и дорогие вещи. Продукты животноводства и сельского хозяйства обменивались на привезенные из далеких мест предметы и ремесленные изделия. Так, из с. Овруч под Киевом были привезены небольшие грузики для веретен – прясла, изготовленные из камня розового или малинового цвета (шифера). Шиферные прясла в XI–XII вв. играли роль денег. Для практических нужд местные гончары делали такие же грузики, но из глины. Наиболее состоятельные сельчане покупали породистых лошадей с дорогими уздечками, украшенными железными накладками и привесками с серебряной и медной инкрустацией. Детали таких изделий найдены на поселении. Существенно вырос и сам городок. Усадьбы и огороды вытянулись вдоль реки почти на километр. За околицей находилось кладбище.

Растущее население городка осваивало и близлежащую округу. В нескольких километрах от Больших Нырсов на небольшом мысу у ручья, там, где сейчас находится село *Тямти*, возник небольшой хутор. Состоял он всего из одного или двух домов и просуществовал недолго. Однако расцвет районов Предкамья пришелся на более поздний период – XIII–XV вв.

В восточных и северо-восточных пределах располагались город Джукетау и крепость Елабуга.

Джукетау – один из значительных болгарских прикамских городов. Он располагался на высоком мысу левого берега Камы, образованном краем речной террасы и оврагом Килевка. С напольной стороны мыс был защищен валом и рвом. Пригород-посад находился за укреплениями с напольной стороны и за оврагом, напротив укрепленной цитадели. В отличие от крупных городов здесь не было монументальных каменных построек, да и размеры самого города были значительно меньше.

Возникновение Джукетау относится ко второй половине X в. В это время это был небольшой замок, правда, хорошо укрепленный с напольной стороны несколькими линиями земляных валов, а с других сторон – крутыми обрывами коренного берега. Уже в первой половине XI в. цитадель города обрастает многочисленными посадами, особенно интенсивно – с западной стороны. Здесь находится обширное поселение, занимавшее неширокую полосу вдоль камского берега (Набиуллин, 2001. С. 333–335). Ближе к воде располагались ремесленные районы – металлургический, кузнечный, гончарный. Специфика этнического состава горожан, вероятно, наложила отпечаток на своеобразие культурной жизни этого болгарского города. Важнейшие торговые артерии региона – Кама и Вятка – замыкались на Джукетау, являясь источником тех фантастических сокровищ, которыми славился город. Следов штурма и захвата города мы не наблюдаем. Даже укрепления цитадели города остались в неприкосновенности.

В руках правителей Джукетау находились ключи к северной торговле, что и стало причиной дальнейшего быстрого роста города в золотоордынское время. Обширные, протянувшиеся на километры пригороды с ремесленными мастерскими были заселены выходцами из самых разных мест Прикамья. Богатства города не раз делали его объектом нападений ушкунников в XIV в. А стратегическое местоположение и военный потенциал выдвигали на передний план в исторических событиях региона. К началу XVI в. активная жизнь города прекращается.

Елабуга с начала XI в. выступала как небольшое укрепленное поселение, занимавшее мыс высокого берега и усиленное земляным валом. Расположенное на северо-восточной окраине собственно болгарских земель городище стало центром болгарского влияния на местное население. Насколько сложным и многовариантным было это взаимодействие свидетельствует факт наличия рядом с крепостью языческого финско-болгарского могильника. В XI в. на городище был возведен комплекс каменных сооружений, от которого до сих пор сохранилась каменная башня, выполнявшая культовые и крепостные функции (Нигамаев, 2005. С. 228). Ела-

буга являлась очень важным торговым центром на северном маршруте булгарских купцов.

На западе страны центром земель являлись Ошель и Хулаш. *Ошель* был расположен на водораздельной высоте в правобережье Волги. Большая его часть находилась на равнине между оврагами, выходящими к р. Кильна. Систему обороны составили естественные рубежи – овраги и их отроги. Ошель состоял из двух частей – внутреннего и внешнего города. Основная полуовальная площадка цитадели была укреплена валами и рвами. Во внутренней части городища сохранилась защищенная валами и рвами цитадель. По рассказам жителей с. Богдашкино, на городище находили серебряные и медные монеты, оружие, железные предметы. Во многом это городище напоминает Муромский городок на Самарской Луке.

Гибель города была катастрофичной. Летом 1220 г. город Ошель был взят русскими войсками.

Материалы раскопок показывают, что в городе было налажено гончарное производство, работали мастерские ювелиров, имелись металлургические горны и кузницы (Измайлов, Якимов, 1994. С. 62–66).

Хулаш расположен на правом берегу реки Кильны, притока Свияги. Площадка городища имеет размеры 430 × 370 м, а вся площадь городища составляет около 13 000 м². Город имел круговую систему обороны, удачно вписанную в рельеф местности. Валу и рвы, иногда в три ряда, усиливались рекой Кильной и оврагами. В валах по сей день сохранились разрывы от проездных башен-ворот. С северо-восточной и северо-западной стороны к Хулашскому городищу примыкает обширный посад. Население округа города занималось сельским хозяйством и промыслами. Черноземные почвы, заливные луга создавали великолепную базу для такого рода занятий.

На городище раскопками вскрыты остатки производственных и жилых сооружений, найдено большое количество изделий из железа, цветных металлов, керамики. Город был достаточно благоустроен: наряду с многочисленными деревянными домами сооружались и каменные строения (Каховский, Смирнов, 1972. С. 29). Кроме административных зданий и мечетей здесь были и общественные сооружения – бани. В центре города, видимо, находилась и торговая площадь. Город сильно пострадал во время монгольского нашествия, но скорее всего какое-то время он существовал и в последующее время.

Если крупные города, особенно в центральных районах Волжской Булгарии, являвшиеся центрами ремесленных производств, внутренней торговли, торгово-рыночных связей и культуры, были объек-

том изучения многих археологов, то роль средних и небольших городов и поселений в организации рыночных связей и торговых путей в источниках и литературе показана значительно меньше, а иногда вообще отсутствует их анализ. В 90-е годы XX – начале XXI в. в ходе мониторинга и подготовки проектов зон охраны объектов археологического наследия для составления Земельного кадастра Республики Татарстан, организованного Главным Управлением государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры Татарстана, были осуществлены широкомасштабные выезды археологических экспедиций в районы республики, которые заставляют по новому взглянуть на их роль в системе внутренней торговли и торговых путей. Назовем, например, небольшой городок, известный сейчас как Кирменьское городище (город Кирменчук) или Чаллыньское городище (Чаллыньский городок).

Роль и значение этих памятников предстоит еще выявить, но и сейчас можно предполагать достаточно высокий уровень экономического и культурного развития многих из них. Раскопками выявлены остатки общественных сооружений – центров средневековой городской культуры (Кочкина, Сташников, 1993; Семькин, 1993).

Все города и городки не были изолированы друг от друга и связаны сухопутными и речными путями. Среди них большое значение в Предкамье имел “казанский путь”, в общих чертах сохранившийся до наших дней в направлении Казань – Сорочьи горы.

На стратегические пункты было обращено специальное внимание. В первую очередь это относилось к Камской переправе, которая была защищена целой системой укрепленных форпостов. Начало возведения их приходится на середину – вторую половину XI в. Это, прежде всего, гигантские городища у села Сорочьи Горы и Шуран – *Кашан I и II*. Искусно были использованы и укрепления городищ более раннего времени, как, например, *Сорочьегорское городище*. К Казани вели пути по водоразделам и в большей степени по притокам Камы, в устье которых располагались булгарские крепостицы или торгово-ремесленные фактории (*Рождественский и Именьковский* археологические комплексы).

“Казанский путь” продолжался в Закамских землях в направлении к городам Булгар, Биляр и Джукетау. Наличие развитой транспортной сети способствовало не только экономическому, но и культурному обмену на территории государства, что сыграло большую роль в дальнейшей истории булгарской культуры.

От Джукетау шел путь на юг и восток в земли кочевых племен – угров (паскатир) и половцев. На этом пути располагалось большое число городков, крепостей и замков. Среди них выделяется городок *Тубулгутау*. Остатки его расположены на юго-восточной окраине современного села Тубулгутау (Никитино), на мысу левого коренного берега р. Шешма. Цитадель города с севера и востока ограничена рекой и ее поймой. С запада сейчас расположено село, а в древности здесь был городской посад. С юго-востока, как и в древности, располагается пахотное поле. Цитадель занимает почти квадратную с округлыми углами площадку размером 140 × 150 м. С напольной стороны площадка огорожена двумя рвами и тремя валами; с трех сторон – валами и двумя рвами. Даже сейчас городище производит внушительное впечатление.

Достигший расцвета в XIV в., городок возник гораздо раньше – не позднее чем в XII в., и, видимо, тогда же здесь были возведены укрепления. Это был небольшой укрепленный пункт, располагавшийся, как и ряд других, по левому берегу р. Шешмы. Вначале он был сторожевой крепостью на речном торговом пути, который продолжал действовать и в золотоордынское время. Об этом свидетельствуют клады ордынских монет и весового серебра, а также находки дорожных предметов вооружения, найденные в этом районе. После монгольского нашествия многие болгарские городки на восточной границе Булгарии приходят в запустение. Но вместе с тем усиливается значение Тубулгутау.

Города Поволжья и Прикамья и внутренние торговые пути, в частности речные, играли значительную роль особенно в том случае, когда они входили в систему трансконтинентальных водных и сухопутных торговых путей – “Великого Волжского пути”, “Камско-Вятского пути”, северного отрезка Великого шелкового пути – “путь Ибн-Фадлана”. Первый из них имел достаточно большую зону территориального охвата и “конечных остановок”. Так, в IX–X вв. это отрезок город Итиль – Булгар – русские города Южной Руси; в X–XI вв. – город Саркел – Саксин – Булгар – Поветлужье – Ярославское Поволжье (Ростов – Суздаль); в XII–XIII вв. города Саксин – Булгар – Владимир; последний отмечался наибольшей интенсивностью в XI–XIII вв. и включал следующий маршрут – Булгар – Джукетау – Елабуга – Вятка – Нижнее Прикамье и далее как Северный “меховой” путь в Зауралье и далее.

В системе сухопутных путей с IX по XII в. наиболее активным (с небольшими перерывами в 50–60-е годы XI в.) был северный отрезок Великого шелкового пути – “путь Ибн-Фадлана”. В X–XI вв. функционировал трансконтинентальный Алтайско-

Поволжский путь (или шире – Сибирско-Поволжский путь) с возможным выходом в Индию и Китай (особенно в ордынский период). С X в. и в течение XII в. очень активной была трасса “Пути из Булгара в Киев” (Моця, Халиков, 1997. С. 184).

Как видим, подлинного расцвета торговые водные пути достигают в период раннего средневековья, когда интенсивность и масштабность контактов и взаимодействий культур привела к качественному скачку в историко-культурном развитии этого региона. В это время традиционный путь из Причерноморья и Прикаспия сомкнулся с торговой магистралью из балтийского региона. Это событие сыграло действительно революционную роль в истории Восточной Европы, резко ускорив и усилив социально-экономические, политические и цивилизационные процессы (Великий Волжский путь, 2002. С. 54, 55). Становление государства, возникновение и бурное развитие вначале протогородских центров, затем городов, ремесла и торгово-рыночных отношений, открытие широких торговых путей, налаживание регулярных культурно-информационных связей стали закономерным завершением предыстории региона и сделали Поволжье и Прикамье неотъемлемой частью восточной мусульманской цивилизации и местом, где соединяются Восток и Запад.

Естественно, что эти торговые пути с теми или иными изменениями продолжали существовать и позже, в золотоордынский период – XIII–XV вв. – и получили свое дальнейшее развитие, углубление и соответственно наполнение товарами внутренних районов и рынков.

Итак, города Поволжья и Прикамья и торговые пути, которые их объединяли, служат показателем степени развития общества и государства Волжской Булгарии как в социально-политическом, экономическом, так и в культурном, межкультурном отношении. Это определяет в свою очередь как характер торгового обмена, так и его ассортимент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII в. Казань, 1985.
- Валеев Р.М. Торговля и денежные отношения Булгарского государства. Казань, 2003.
- Валиуллина С.И. Стекло Волжской Булгарии. Казань, 2005.
- Великий Волжский путь: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. 6–16 августа 2001. Казань, 2002.
- Давлетшин Г. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление, развитие). Казань, 2004.

- Заходер Б.Н.* Каспийский Свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.
- Иванов В.* Великий Волжский путь и кочевая степь в эпоху средневековья // Великий Волжский путь: Матер. круглого стола и междунар. науч. семинара 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001.
- Измайлов И.Л., Якимов И.В.* Исследования Богдашкинского городища // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI в.). Казань, 2007.
- Исследования Великого города. М., 1976.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань, 1954.
- Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувацкого Поволжья. Чебоксары, 1972.
- Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г.* Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иске – Казани // Татарская археология. № 1, 2 (4, 5). Казань, 1999.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Археологические исследования на I Красносундюковском городище в 1991 году // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.
- Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985.
- Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф.* Муромский городок. Самара, 1998.
- Моця А.П., Халиков А.Х.* Пути – связи – судьбы. Киев, 1997.
- Мухамедиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. Казань, 1990.
- Мухамедшин Д.Г.* Топонимы Биляр и Сувар на материалах нумизматики и эпиграфики // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997.
- Набиуллин Н.Г.* Прикамско-приуральский компонент в поселении города Джукетау X–XIV вв. (по материалам керамики) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: Матер. междунар. науч. конф. Ижевск, 2001.
- Нигамаев А.З.* Булгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань, 2005.
- Очерки по археологии Татарстана. Казань, 2001.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
- Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М., 1993.
- Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань, 2000.
- Семыкин Ю.А.* Исследование бани на I Красносундюковском городище // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.
- Ситдинов А.Г., Хузин Ф.Ш.* Древняя Казань. Казань, 2005.
- Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань, 2003.
- Смирнов А.П.* Волжские булгары. М., 1951 (Тр. ГИМ; Вып. XIX).
- Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
- Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Ахмеда Бен-Омар ибн Даста. СПб., 1870.
- Хузин Ф.Ш.* Ранние булгары и Волжская Булгария. Казань, 2006.
- Эрдели И.* Авары // Исчезнувшие народы. М., 1988.

Towns of the Volga region in the center of trade relations of the Bulgar Middle Ages

R.M. Valeev

Summary

The article analyzes the role of Volga and Kama region towns in the development of trade relations in Bulgaria Volga of the 9th – beginning of the 13th cc. The Volga-Kama Bulgar state was a vivid page in the Medieval history of the region. It played an extremely important role in culture and in the development of cultural and trade relations between East and West. The active trade carried out by Bulgar merchants was an important factor. One can say that in essence Bulgaria Volga had monopoly in the trade of the Eastern countries with Rus' and Northern countries (Scandinavia) and peoples (Urals, Trans-Urals and Siberia). Bulgaria Volga was a major link in the trans-Eurasian trade routes, – the northern part of the Great Silk Route, the Great Volga Route, the Great Fur Route, etc. The development of trade and monetary relations in Bulgaria Volga is connected primarily with the development of crafts and townships. The article uses archeological, numismatic and written sources to show their role in both internal and foreign trade. The goods traded in the towns comprised objects of everyday use, craftwork, agricultural products, livestock and related products, and export items obtained from Bulgar, Moslem and Russian merchants.

МИНАРЕТЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2010 г. Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Одним из важнейших градообразующих элементов мусульманских городов Востока и Запада являются минареты, встроенные в здания мечетей или стоящие рядом с ними. Именно минареты своими стройными башнями возвышаются над всей остальной застройкой и определяют неповторимый силуэт города.

Минареты, которые служат для призыва верующих к молитве, совершенно не обязательны для мусульманского ритуала. В одном из хадисов говорится о том, что после прихода в Медину мусульмане обсуждали, каким образом нужно собирать верующих. Одни предлагали при помощи колокола, как у христиан, другие – при помощи трубы, как у иудеев. Пророк же велел своему рабу пойти и позвать людей на молитву. Так был введен *азан*, голосовой призыв к молитве, но минарет был для него не нужен. До сих пор некоторые мусульманские общины ортодоксального толка от Судана до Кашмира не строят минаретов и считают их нежелательными.

Первый минарет был построен при халифе Муавии в 675 г. в Ираке, т.е. появились минареты при Омейядах, но широкого распространения достигли только в аббасидский период. Идея строительства высоких башен проникла в Ирак и Египет из Сирии, где минареты строились в противовес христианским колокольням как мусульманский эквивалент (Hillenbrand, 1994. Р. 129).

В различных странах минареты имели разную форму, причем формы эти весьма характерны. Сирийские минареты состоят из квадратных в плане башен, построенных из камня. Форма происходит от традиционных сирийских колоколен византийского периода. Башня, стоящая напротив михраба в Большой мечети Дамаска, – наиболее древний минарет Сирии, датирующийся ранним IX в., хотя верхняя часть ее неоднократно перестраивалась (Petersen, 1996. Р. 188). В Северной Африке строились такие же, как в Сирии, квадратные башни. Самый ранний минарет в Северной Африке относится к мечети Каравийон в Фесе, построенной в 836 г. В Восточной Африке и Испании минареты также имеют вид квадратных в плане башен, богато декорированных узорчатой кладкой из кирпичей и резным штукатуром. Наиболее известные минареты Испании – в Боль-

шой Кордовской мечети, Хиральда в Севилье, в комплексе Мадина-ас-Сахра (Hillenbrand, 1994. Р. 139–144).

Интересное строение имели ранние аббасидские минареты Ирака (IX в.). На квадратном невысоком основании сооружался круглый ствол с лестницей, находящейся снаружи – здесь нашла своеобразное воплощение идея зиккурата. Наиболее известные минареты этого типа, находящиеся в Самарре, – аль-Мальвия и Абу Дулаф. Эта же идея нашла свое воплощение в минарете мечети Ибн Тулуна в Каире. В более позднее время в Ираке стали строиться пришедшие из Ирана цилиндрические минареты (Hillenbrand, 1994. Р. 139–144). Придя к власти в Египте Фатимиды (X–XII вв.), в противовес Аббасидам, принципиально не возводили минареты. В пост-фатимидском Египте минареты состояли из трех зон: квадратная секция в нижней части, восьмиугольная в середине и купол на вершине. Зоны перехода между каждой секцией покрыты поясом сталактитовых украшений (Petersen, 1996. Р. 187, 188).

Минареты Ирана имели цилиндрическую форму, сужающуюся кверху. Иногда они ставились на квадратное или звездчатое основание, у некоторых имеется граненая база. Наиболее древний минарет мечети в Сирафе в Иране относится к IX в. Многие минареты были построены в X в., но сохранились только в Фарадже и Наине. Стволы иранских минаретов фигурно выложены кирпичами. Орнамент либо покрывает весь ствол, либо делится поясами разнообразных рисунков, перемежаемых кольцами надписей. В XI в. появляется поливной декор: сперва голубые изразцы выделяли пояс надписи на минаретах, затем они вводятся в декор стен. Первый датированный образец – минарет Дамгана (1106–1107 гг.). Наверху иранские минареты имеют карниз с деревянной крышей, который поддерживает пояс из крупных сталактитов. К концу XII в. появляется второй промежуточный сталактитовый балкончик. Большинство иранских минаретов имеют значительную высоту, до 50 м (Воронина, 1969. С. 154; Petersen, 1996. Р. 187–189).

В Средней Азии минареты IX–X вв. достоверно не сохранились, но считается, что изначально они

имели ту же форму, что и в более позднее время (Хмельницкий, 1996. С. 128). По мнению большинства исследователей, в истоке формы среднеазиатских минаретов лежат доисламские сооружения Средней Азии, такие как буддийские мемориальные столбы-стамбха, столбы-мили, служившие ориентирами у кочевых племен, и сигнальные башни-бурджи, наверху которых горел огонь (Воронина, 1969. С. 154; Маньковская, 1980. С. 121). Среднеазиатские минареты домонгольского времени состоят из круглого в сечении ствола, опирающегося на невысокий граненый цоколь и сужающегося кверху. Венчает минарет не открытый балкон, как в минаретах Ирана, а массивная ротонда с круговой аркадой и плоским перекрытием, поддерживаемая снизу сталактитовым поясом. Такие венчания сохранились у минаретов Калян в Бухаре и минарета в Вабкенте (Хмельницкий, 1996. С. 136–138). Наиболее общим приемом украшения среднеазиатских минаретов является членение их стволов орнаментальными поясами разной высоты, в которых чередовались различные мотивы и приемы кирпичных кладок. Так же как и в Иране, минареты Средней Азии достигают значительной высоты.

Цилиндрическая форма минаретов распространилась вместе с сельджукскими завоеваниями в Сирию, Анатолию, Ирак, Афганистан и Индию. В разных странах их отличают различные вариации формы и декора. В Малой Азии сельджукского периода минареты, так же как и мечети, получили своеобразное развитие. Все они имеют трехчастное членение. Высокий квадратный в плане цоколь при помощи треугольных скосов переходит в восьмигранник, на котором стоит стройный цилиндрический ствол минарета, почти не сужающийся кверху. В верхней части ствола находится открытый балкончик, поддерживаемый несколькими рядами сталактитов. Венчает ствол коническая крыша. Минареты возводились из кирпича, но могли быть полностью облицованы камнем, как минарет мечети Алаеддина в Нигде (начало XIII в.) (Stierlin, 1998. Р. 26), или же имели каменный цоколь и ствол, сложенный из кирпича, как в мечетях Ивли Минар в Анталии и в Большой мечети Сиваса (XIII в.) (Stierlin, 1998. Р. 43; Hillenbrand, 1994. Р. 161). Ствол минарета часто украшен фигурной кирпичной кладкой и голубыми изразцами. Довольно характерно для Малой Азии наличие в мечети минарета, встроенного в угол, или парных минаретов, обрамляющих с двух сторон ее портал. Эта же форма минаретов, возникшая в сельджукский период, развивалась при Османах. Получив в дальнейшем более стройный ствол, вытянутые пропорции, каменную облицовку и дополнительные балкончики, малоазийские минареты в целом не изменили своей структуры и

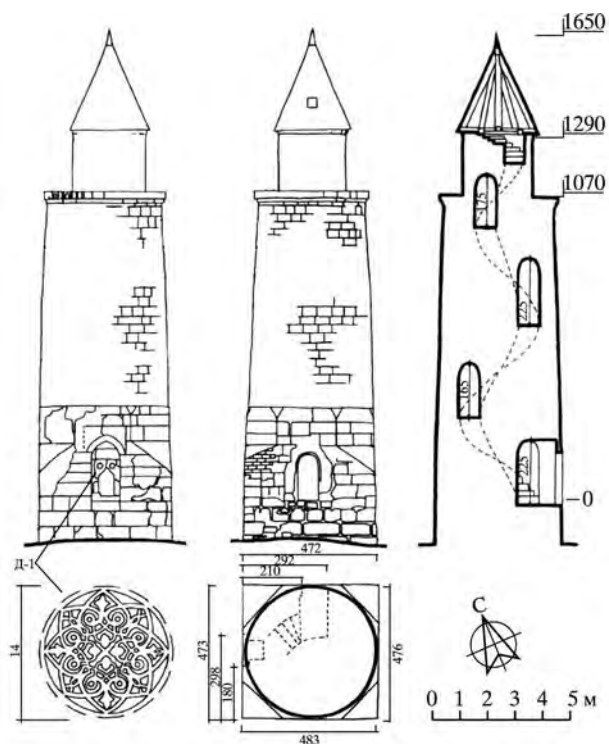
стали своеобразным символом всей турецкой архитектуры.

Сходное с малоазийскими трехчастное деление имеют минареты Азербайджана, но существуют и некоторые отличия. Прежде всего, ранние минареты более массивны и приземисты. Построенные из тщательно отесанного камня, они имеют квадратный в плане цоколь, переходящий в восьмигранник, и затем слегка сужающуюся кверху цилиндрическую башню. Завершение минарета составляет значительно выступающий балкончик (*шарэфэ*), поддерживаемый поясом сталактитов. Балкон обычно огражден невысоким каменным парапетом, украшенным резным геометрическим орнаментом. Над балконом возвышается камера, покрытая небольшим куполом, поверхность которого выполнена в виде рубчатых долек (Бретаницкий, 1966. С. 88–96, 156–160; 1988. С. 65, 66, 79).

В Золотой Орде большинство мечетей также имело минареты, однако очень немногие из них дожили до современности. Два минарета сохранились полностью, еще два известны по рисункам и фотографиям. От остальных построек остались только цокольные части. Рассмотрим известные в настоящее время минареты и их остатки по регионам.

Волжская Болгария

Почти полностью сохранился до настоящего времени Малый минарет на городище Болгары (Смирнов, 1951. С. 206–208; Егоров, 1958. С. 382, 383; Айдаров, 2001. С. 51–54). Современная высота Малого минарета 16,5 м, но, возможно, он был несколько выше. Постройка выполнена из камня на известково-песчаном растворе (рис. 1, 1). Снаружи и внутри стены облицованы тщательно отесанными блоками из известнякового туфа. Цоколь здания стоит на фундаменте, заглубленном в землю на 2 м. Цоколь квадратный в плане (4,73 × 4,83 м) ориентирован точно по сторонам света. Квадратное основание при помощи треугольных наружных скосов переходит в восьмигранный ярус. Выше находится цилиндрический, несколько сужающийся кверху ствол минарета. Переход к нему от восьмигранника осуществляется при помощи более мелких внешних скосов, которые украшены резьбой по камню в виде шестилепестковых пальметок. Нижний цилиндрический ярус заканчивается открытой обходной галереей, которая имела каменное или деревянное ограждение, в настоящее время утраченное. По краю нижнего яруса располагался карниз, сложенный из блоков с вырезами в виде арочной ниши и в виде сплошной вертикальной выемки (Айдаров, 2001. С. 53). Мне представляется, что такое оформление является упрощенной имитацией сталактитов.



1



2

Рис. 1. Минареты Болгара: 1 – Малый минарет; 2 – Большой минарет.

титового карниза, характерного для большинства подобных минаретов. Над стволом располагается невысокий барабан верхнего яруса с конической железной кровлей.

Исследователи предполагают, что изначально верхний цилиндрический ярус был несколько выше, а коническая крыша была выполнена из камня (Айдаров, 2001. С. 52). На верхний ярус минарета ведет каменная винтовая лестница в 45 ступеней. Вход в минарет с полукруглым арочным завершением расположен с северной стороны выше уровня земли, и в него ведет лестница в пять ступеней. Дверной проем утоплен в нишу с прямоугольным завершением и обрамлен резьбой по камню в виде жгута. Плоскость ниши также была покрыта резьбой, от которой сохранился лишь фрагмент сбоку от входа, состоящий из широкой полосы стилизованного растительного орнамента и бордюра в виде переплетенных волнистых лент. Поверх обрамления видна выемка, в которой, по мнению большинства исследователей, находилась резная кораническая надпись (Егерев, 1958. С. 382; Айдаров, 2001. С. 53). На западном фасаде, на

том же уровне, находится впадина со стрельчатой аркой, в которой сделана полуциркулярная ниша меньшего размера. Пространство между арками заполнено орнаментированной обводкой с двумя круглыми розетками, покрытыми тонким резным орнаментом. Резное оформление Малого минарета исследователи связывают с традициями Закавказья, а именно с Азербайджаном (Егерев, 1958. С. 382, 383) и с Арменией (Айдаров, 2001. С. 54).

Несомненно, мотивы резного декора Болгар также находят множество аналогий и в Малой Азии. Точно такими же жгутами, как входной проем в Малом минарете, оформлены декоративные арки Тюрбе Хатуние в Эрзеруме 1255 г. (Stierlin, 1998. Р. 42). Весьма характерен орнамент в виде двух переплетенных волнистых лент, который имеет византийские корни (Stierlin, 1998. Р. 62), а украшение тимпана арки розетками является одним из наиболее распространенных приемов, который прослеживается в большинстве построек Малой Азии сельджукского и ранне-оттоманского периодов. Только полный стилистический анализ орнаментальных мотивов и композиций декоративных

элементов Малого минарета и других построек Болгара поможет определить, какими именно мастерами была выполнена эта резьба. В настоящее время однозначно можно лишь констатировать, что искать их нужно в Малой Азии и в Закавказье.

К комплексу Большой мечети Болгара относился и Большой минарет (рис. 1, 2), известный по рисункам П.С. Палласа, художников Г.Г. и Н.Г. Чернецовых и архитектора А. Шмита (Смирнов, 1951. С. 206; Егеров, 1958. С. 371–382; Айдаров, 2001. С. 10–16). Он был пристроен к северной стене мечети к западу от портала. До последнего времени сохранились фундамент и основание цоколя минарета, сложенное из крупных известняковых блоков. Квадратный в плане цоколь со стороной 5.3 м был поставлен на фундамент, глубина которого составляла 2.7 м. Фундамент сложен вперевязку со стеной мечети. Судя по рисункам, Большой минарет имел такое же строение, как и Малый. Кубический цоколь переходил в восьмигранник, на котором стоял ствол в виде сужающегося сверху цилиндра, наверху была площадка для муэдзина. Верхний цилиндрический ярус также имел коническое покрытие. С двух сторон ствола минарета располагалось по три окна, середину ствола опоясывала арабская надпись. Высота большого минарета достигала 24 м.

Нижнее Поволжье

В Сарае, где по свидетельству ибн Баттуты было тринадцать Джума мечетей (Тизенгаузен, 1884. С. 306), несомненно было и множество минаретов, ни один из которых не сохранился. П.С. Рыков, посетивший Селитренное городище (остатки Сарая) в 1931 г., передает рассказ местной жительницы об остатках башни, которая, скорее всего, являлась минаретом. Круглая в плане башня сохранилась в 1910 г. до высоты окон. Она имела дверь с северной стороны, а стены были выложены изразцовыми кирпичами и мозаиками в виде растительного орнамента и звезд (Рыков, 1931. С. 29). В настоящее время не только не сохранились остатки этого минарета, но и невозможно определить его бывшее местоположение.

На Селитренном городище была исследована большая соборная мечеть середины XIV в., минарет при которой обнаружен не был (Федоров-Давыдов, 1994. С. 68, 69; Зиливинская, 1998. С. 22–24). Однако на другом раскопе, примерно в 450 м к ЮВ от мечети, были найдены остатки минарета, принадлежавшего еще одной мечети (Зиливинская, 2008). От постройки сохранилась нижняя часть цоколя, сложенного из обожженного кирпича. Прямоугольный в плане цоколь размерами 4.2 × 2.8 м был вытянут по оси СЗЗ–ЮВВ (рис. 2, 1). Под

кирпичной кладкой цоколя находился фундамент глубиной 2.3 м, имевший интересное строение. На дно ямы фундамента был уложен слой меловых камней толщиной 40 см. Далее шла прослойка битого кирпича, залитого известковым раствором общей толщиной 10 см, потом снова слой камней (40 см) и снова прослойка битого кирпича с известью (10 см). Такое чередование слоев повторяется в яме четыре раза. На последний, четвертый слой извести уложен нижний слой кирпичной кладки. Учитывая то обстоятельство, что все, даже самые крупные постройки в нижеволжских городах строились без фундамента, можно предположить, что столь мощное основание было сделано для постройки значительной высоты.

Рядом с этим фундаментом обнаружен блок рухнувшей стены, имевший регулярную структуру (рис. 2, 1б). Прослеженные размеры его 2.0 × 2.5 м. Толща стены была сложена из обожженных кирпичей, скрепленных известковым раствором с большим количеством толченого кашина. Нижняя часть упавшего блока состояла из обожженных кирпичей и прямоугольных (16 × 10 × 4.5 см) красноглиняных и кашинных изразцовых кирпичей, лежащих под прямым углом друг к другу. Она представляла собой внешнюю облицовку, которая состояла из красных кирпичей, положенных слоями друг на друга со смещением примерно на 10 см. Каждый кирпич с двух сторон окружен прямоугольными изразцами, поставленными вертикально. Изразцы также смещены друг относительно друга, в результате чего они образовывали на плоскости стены ромбические фигуры. Изразцы были двух видов – бирюзовые и синие. Также был найден блок стены круглой башни диаметром 2.8–3.0 м, внешний ряд кладки которой сложен из лекальных кирпичей (рис. 2, 1а). Все эти данные позволяют предположить, что здесь находился минарет с прямоугольным в плане цоколем, в облицовке стен которого были использованы изразцы. Что касается мечети, к которой относился данный минарет, то она была полностью разрушена при обвале обрывистого склона бэровского бугра, на котором располагалась. Анализ остатков северной стены здания позволяет предположить, что минарет был встроен в восточный пилон портала.

Мечеть Водянского городища в Волгоградской обл. также имела минарет, который был пристроен к восточной стене мечети у ее СВ угла (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976. С. 125). Цоколь минарета в плане был прямоугольным, близким к квадрату (рис. 2, 2). Размеры его 5.0 × 4.2 м. Минарет не имел фундамента, цоколь был заглублен в землю всего на 20–30 см. Яма была заполнена слоем мелких (10–20 см) и более крупных (40 см) камней.

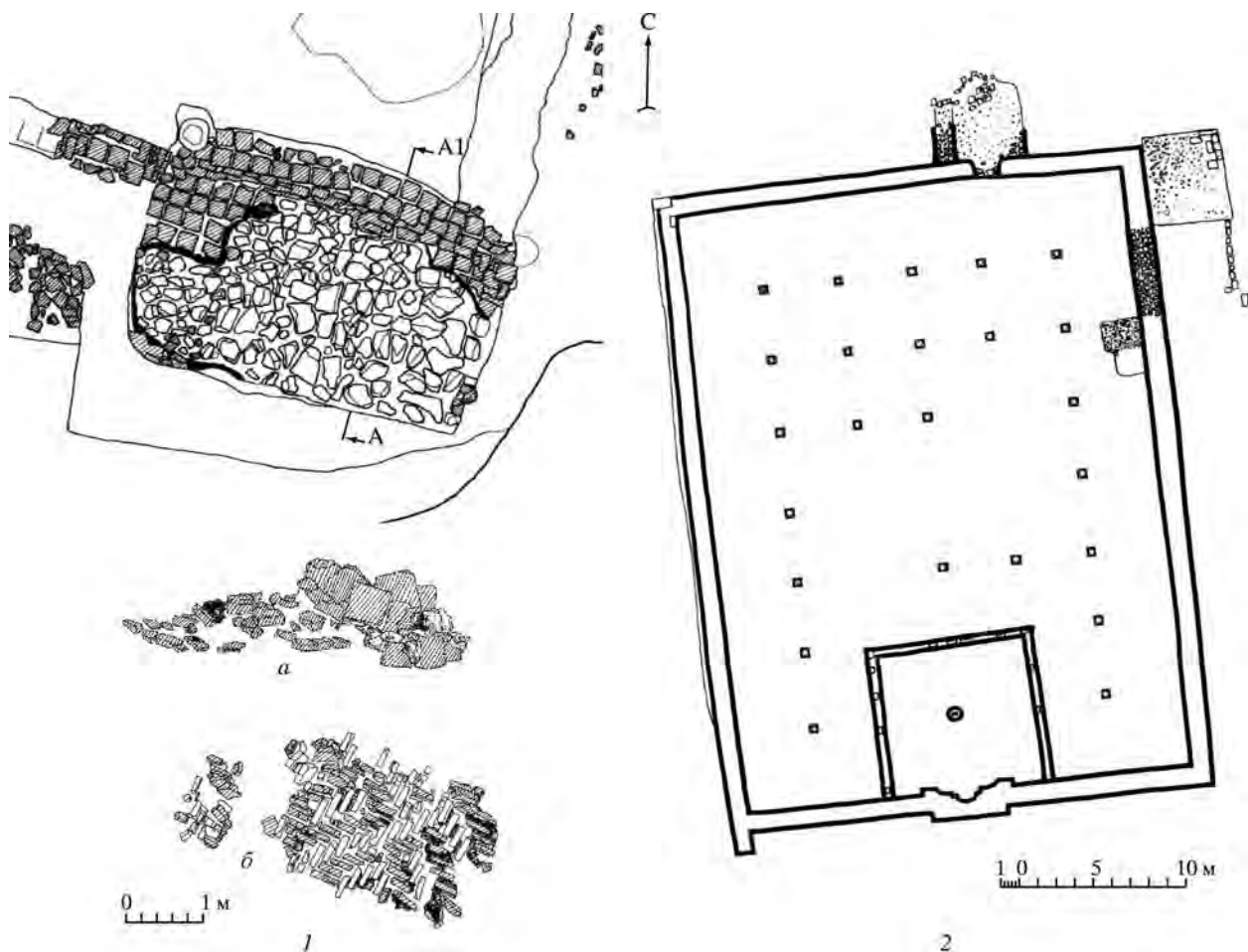


Рис. 2. Минареты Нижнего Поволжья: 1 – фундамент и остатки стен минарета на Селитренном городище; 2 – мечеть Водянского городища.

Кладка цоколя из крупных, хорошо отесанных камней сохранилась только в северо-восточном углу на высоту 35 см. У северо-восточного угла мечети был расчищен завал жженных кирпичей, в том числе и лекальных, поливных бирюзовых кирпичей и ганчевых деталей. На основе анализа этих деталей авторами раскопок была сделана примерная реконструкция облика минарета (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976. С. 126). На кубическом каменном цоколе был поставлен кирпичный цилиндрический ствол, сужающийся кверху. Ствол был декорирован орнаментальными поясами, выложенными голубыми поливными кирпичами, перемежающимися с квадратными ганчевыми штампованными вставками. Вставки оттиснуты четырьмя штампами с куфическими надписями. Вдоль орнаментальных поясов были проложены узкие алебастровые полосы с меандровым орнаментом. Вход в минарет скорее всего находился с южной стороны. Здесь был найден глинобитный пол какого-то помещения с остатками каменных стен. В восточной стене ме-

чети, возможно, был сделан проход в это помещение шириной 3.4 м, порог которого был выложен жженным кирпичом.

Северный Кавказ

На Северном Кавказе, на городище Верхний Джулат или Татартуп находился известный Татартупский минарет, который неоднократно упоминался в записках путешественников, посещавших Кавказ (Семенов, 1947). Он разрушился только в 1981 г. в результате деятельности реставраторов. К счастью, до этого он был подробно обмерян, описан и опубликован О.В. Милорадович (1963. С. 69–78). Высота минарета составляла 20.8 м. О.В. Милорадович считала, что это почти полная его высота, отсутствует лишь покрытие (1963. С. 70), а В.А. Кузнецов предполагает, что он мог достигать 25 м (2003. С. 127). Минарет состоял из двух частей (рис. 3, 1). Прямоугольный в плане цоколь был ориентирован строго по сторонам света. Размеры его – 3.55 по оси С–Ю и 4.25 м по оси З–В,

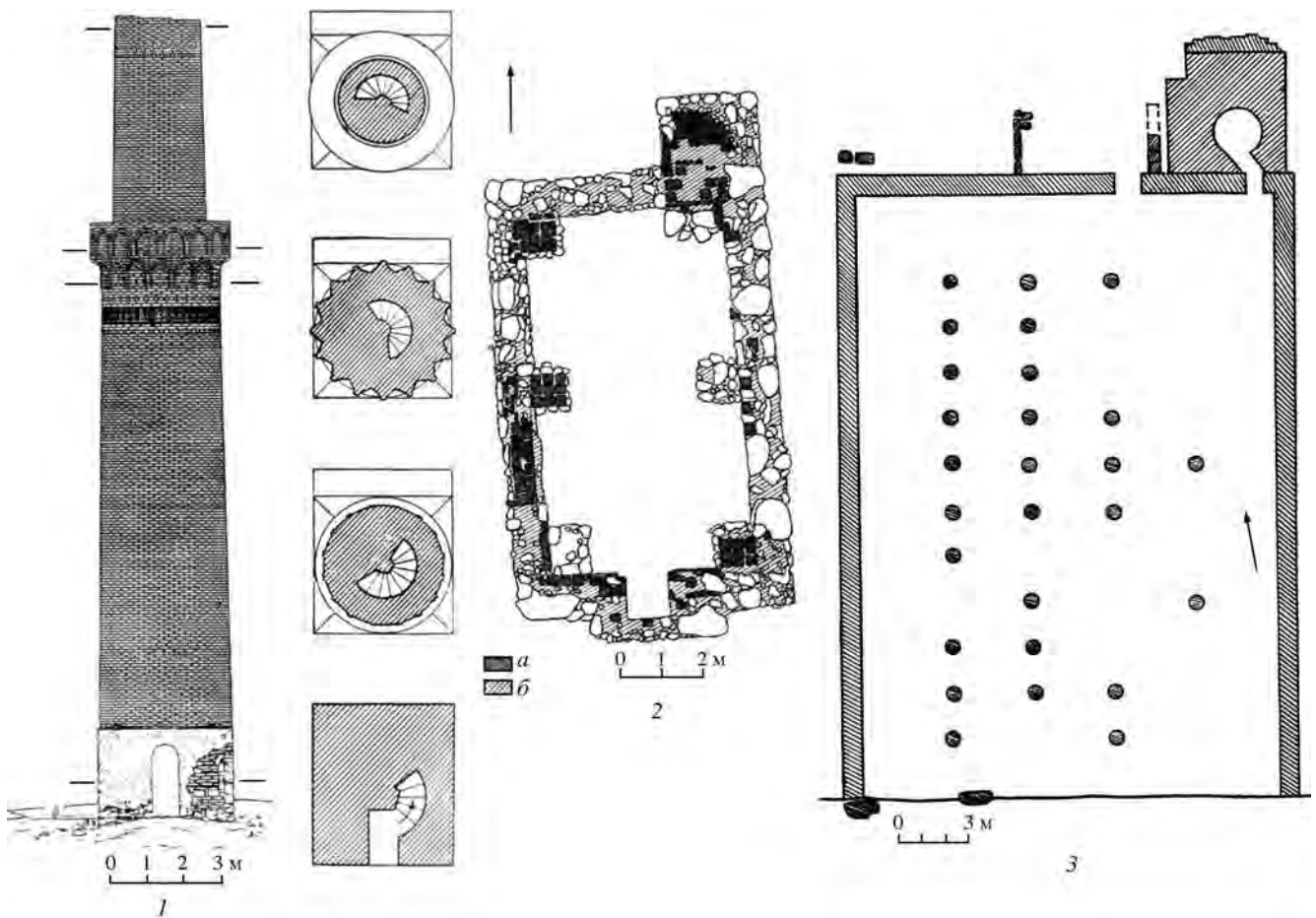


Рис. 3. Минареты Кавказа: 1 – Татартупский минарет; 2 – Малая мечеть Верхнего Джулата; 3 – мечеть Нижнего Джулата.

высота составляла 2.35 м. Он сложен из обожженного кирпича и каменных блоков. Круглый в плане ствол минарета, сложенный из обожженного кирпича, был поставлен на восточный конец цоколя у самого края таким образом, что с западной стороны оставался выступ шириной 0.65 м. Таким образом, нижний диаметр его также был равен 4.25 м. Ствол минарета имел коническую форму и состоял из двух частей высотой 13.1 и 5.35 м. Их расчленял двойной сталактитовый пояс, который раньше поддерживал балкончик для муэдзина. В цокольной части с восточной стороны находилась дверь с полукруглым окончанием, такая же дверь выходила на балкон. В нижней части ствола минарета были сделаны два окошка, которые располагались точно под верхним дверным проемом. Внутри вокруг пятиугольного столба вилась кирпичная лестница, ступени которой были покрыты дубовыми досками. В 1960 г. ступеней насчитывалось 67 (Милорадович, 1963. С. 70), но Гюльденштедт, посетивший Татартуп в 1771 г., пишет о 72 ступенях (Güldenstädt, 1787. S. 505). Неизвестно, какое покрытие имел Татартупский минарет. В.А. Кузнецов приводит

рисунок этой постройки из различных карт Кавказа XVIII–XIX вв. На самой ранней из них, относящейся к 1782 г., верхушка ствола уже разрушена (Кузнецов, 2003. С. 125, 128).

Ствол минарета был украшен несколькими орнаментальными поясами, основным из которых является двойной сталактитовый. Сталактиты выполнены кирпичной кладкой. Плоскости арок украшены круглыми поливными вставками бирюзового цвета, диаметр которых составлял 8 см. Прямо под ним шли две полосы, состоящие из круглых вставок с бирюзовой поливой, чередующихся с кирпичными ромбиками. Между этими полосами располагался орнаментальный пояс, подражающий куфической надписи, выложенный резными кирпичами. Верх ствола также украшен фигурной кирпичной кладкой. Татартупский минарет относился к Большой мечети Верхнего Джулата, но стоял отдельно от нее.

Малая мечеть Верхнего Джулата (Милорадович, 1963. С. 66) также имела минарет, но цоколь его был встроен в северную стену здания у его северо-восточного угла (рис. 3, 2). Минарет имел фундамент

глубиной 2.8 м и размерами 2.6×2.4 м. Яма фундамента была забутована крупным и мелким булыжником, обломками кирпича и залита известковым раствором. По предположению О.В. Милорадович, минарет, поставленный на такой фундамент, мог быть довольно высоким (1963. С. 66). Сам минарет был кирпичным: сохранилось несколько рядов кирпичной кладки его цоколя. Кладка повторяет форму фундамента, т.е., скорее всего, цоколь также был квадратным в плане, и Малый минарет имел такое же строение, как и Большой. На реконструкции Малой мечети, приведенной в книге В.А. Кузнецова (2003. С. 124), он изображен неправильно — в виде цилиндрической башни, стоящей на низком круглом основании.

Минарет мечети Нижнего Джулата был построен к восточному отрезку северной стены (Чеченов, Зиливинская, 1999. С. 138–160). Кладки северной стены основного здания и цоколя минарета сделаны не в перевязку, и восточная стена цоколя смещена относительно края восточной стены мечети примерно на 50 см. В плане цоколь имел форму прямоугольника, в северо-восточном углу которого сделана прямоугольная выемка (рис. 3, 3). В результате противоположные стороны его имели разные размеры. Восточная сторона была 5.8 м длиной, западная — 4.25 м, южная — 4.75 м и северная — 4.55 м.

Цоколь минарета покоился на мощном фундаменте, который был заглублен почти на 2 м. Фундамент сложен из крупных необработанных камней на известковом растворе. Камни положены в четыре слоя. Сверху на них лежит кладка из обожженного кирпича. Основной массив кладки цоколя состоял из обожженных кирпичей, как целых, так и битых, на известковом растворе. Всего сохранилось 24–28 слоев кладки (над дневной поверхностью) высотой до 2.4–2.5 м.

Снаружи цоколь минарета имел декоративную облицовку, которая сохранилась только в нижней его части. На высоте двух слоев кирпичной кладки над дневной поверхностью виден ряд крупных прямоугольных ($55\text{--}60 \times 40\text{--}50 \times 35\text{--}40$ см) каменных блоков, поставленных на некотором расстоянии друг от друга. Пространство между ними было заполнено фигурной кирпичной кладкой: пять кирпичей были сложены вместе и поставлены на ребро, на них были положены плоско три слоя кирпичей. В следующем промежутке три слоя кирпичей, лежащих плоско, находились внизу, а на них была поставлена стопка из пяти кирпичей, стоящих на ребре. Такая система представляет собой усложненный вариант “ганджийской” кладки, при которой камни (чаще всего булыжники с плоской лицевой поверхностью или грубо отесанные квадры) отделяются друг от друга вертикально поставленными кирпи-

чами. Ряды кладки подобного рода чередуются с ленточной кладкой из обожженного кирпича (Щеблыкин, Горчакова, 1947. С. 58). (Схожее строение имел цоколь Татартупского минарета.)

Внутри цоколя находилось почти круглое в плане помещение диаметром 1.6–1.7 м. В высоту стены комнаты сохранились на 1.8 м. В стенах были видны четыре гнезда, в которые вставлялись деревянные балки ступенек. Не совсем понятно, как была устроена лестница внутри минарета. В синхронном ему Татартупском минарете винтовая лестница вилась вокруг кирпичного пятиугольного столба, который проходил снизу доверху внутри постройки. Из-за этого столба ни на одном уровне помещение минарета не имеет в плане форму круга (Милорадович, 1963. С. 71). В Нижнем Джулате мы имеем совершенно пустое круглое помещение. Остается лишь предположить, что все части винтовой лестницы, включая столб, были сделаны из дерева.

К сожалению, по остаткам цоколя ничего нельзя сказать о внешнем виде минарета. Ю. Клапрот также дает довольно скудное описание. Ко времени посещения им Джулата высота минарета составляла 40 футов (12.2 м). На четырехугольном пьедестале высотой 14 футов (4.3 м) стоял цилиндрический ствол, диаметр которого у основания составлял 10 футов (3.0 м). Минарет внутри был снабжен винтовой лестницей с 55 ступенями и имел выход, обращенный на юг (Klaproth, 1812–1814. S. 430). Вероятно, по своей конструкции он был близок к Татартупскому. Мощный фундамент и несколько большие размеры цоколя позволяют предположить, что минарет в Нижнем Джулате был выше, и в начале XIX в. уже частично обвалился.

Западные районы

В Крыму мечети золотоордынского времени были исследованы в Солхате (Башкиров, 1927; Крамаровский, 2005. С. 113–116), Судак (Засыпкин, 1927. С. 134–139) и Чуфут-Кале (Акчокраклы, 1928). Все они имели минареты, которые были встроены в угол здания с восточной или западной стороны от портала. До наших дней сохранился только минарет в мечети Узбека (рис. 4, 1). Он имеет высокий, треугольный в плане цоколь, который на уровне крыши при помощи скосов переходит в стройный цилиндрический ствол. Ствол имеет два яруса, разделенные открытым балкончиком с парапетом. Балкончик-шарэфэ опирается на карниз, образованный сталактитами. Покрытие ствола минарета не сохранилось, но поскольку весь памятник имеет ярко выраженный малоазийский облик, скорее всего оно было коническим. Вероятно, сходное строение имели минареты мечети “Бейбарса”,

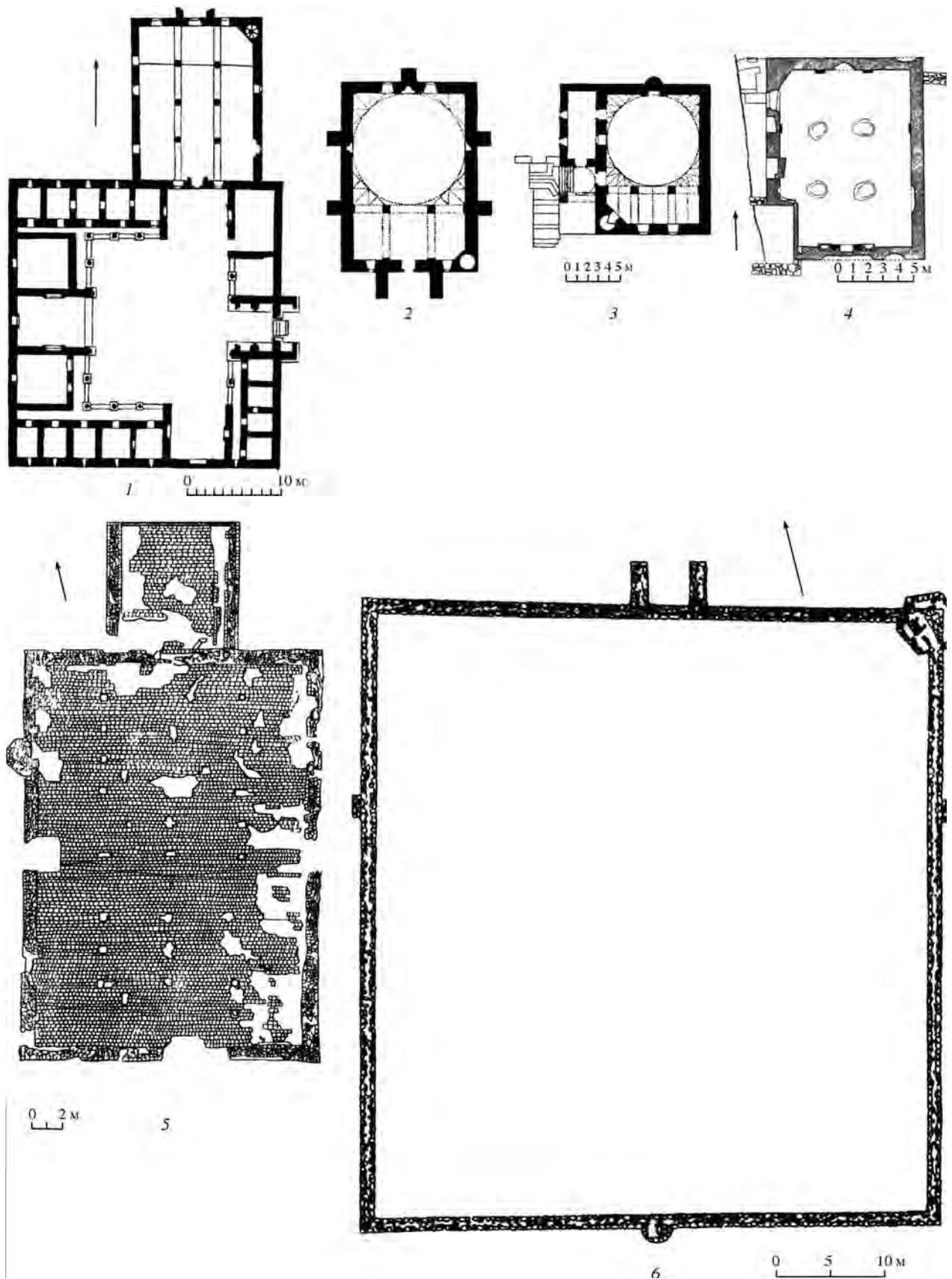


Рис. 4. Мечети Западных районов Золотой Орды: 1 – мечеть медресе Узбека в Солхате; 2 – Куршун Джами в Солхате; 3 – мечеть в Судаке; 4 – мечеть в Чуфут-Кале; 5 – мечеть Кучугурского городища; 6 – мечеть в Старом Орхее.

Куршун Джамии (рис. 4, 2) в Солхате и мечети в Судаке (рис. 4, 3). В мечети, исследованной в Чуфут-Кале, минарет встроен в СЗ угол здания (рис. 4, 4). Ко времени исследования от него сохранилось круглое в плане помещение с несколькими ступенями винтовой лестницы. Также при обследовании мечети был найден большой фрагмент сталактитового фриза, поддерживающего шарэфэ (Акчокраклы, 1928. С. 167, 168).

Мечеть Кучугурского городища на Нижнем Днепре имела минарет, встроенный в западную стену в 6 м от северного ее конца (Довженко, 1961. С. 177–181). Цоколь минарета имел форму восьмигранника диаметром 2.5 м (рис. 4, 5). В завале были найдены обломки круглого ствола с остатками деревянной лестницы внутри. Таким образом минарет этой мечети имел два яруса – нижний восьмигранный и верхний – цилиндрический.

Минарет мечети Старого Орхоя в Молдавии также был встроенным (Бырня, 1985. С. 27–29) (рис. 4, 6). Шестиугольный цоколь минарета охватывал северо-восточный угол здания. Центр шестиугольника находился на пересечении внутренних контуров северной и восточной стен. Четыре стороны его имели длину 3.05 м, а остальные две – 3.4 м. Цоколь покоился на мощном фундаменте, сделанном из раствора извести с песком и мелким камнем. Раствор заливался постепенно пятью слоями, общая толщина которых достигла 1.5 м. Фундамент имел форму шестиугольника со скругленными углами размерами 7.4×9.0 м. Столь мощный фундамент свидетельствует, что минарет должен был иметь значительную высоту. Стены цоколя сложены из трех слоев прямоугольных, тщательно отесанных и хорошо подогнанных блоков местного ракушечника. Он сохранился на высоту 0.9 м и имеет ступенчатое строение. Нижний слой блоков был утоплен в фундамент, второй уложен с отступом от границы нижнего ряда на 20 см, третий слой также имел отступ в 20 см от второго. Внутренняя часть цоколя забита щебенкой и залита известково-песчаным раствором. Так как здание мечети и, соответственно, минарет не были достроены, то никаких деталей ствола минарета найдено не было.

Казахстан и Средняя Азия

Единственная изученная золотоордынская мечеть в Казахстане находится в Отраре. В ней было два минарета (рис. 5, 1), которые были поставлены на углах портала (Акишев и др., 1987. С. 106). Как и вся мечеть, они были сложены из обожженного кирпича. Минареты имели цилиндрическое основание диаметром 2.0 м. Внутри минаретов сделаны винтовые лестницы, на которые можно было по-

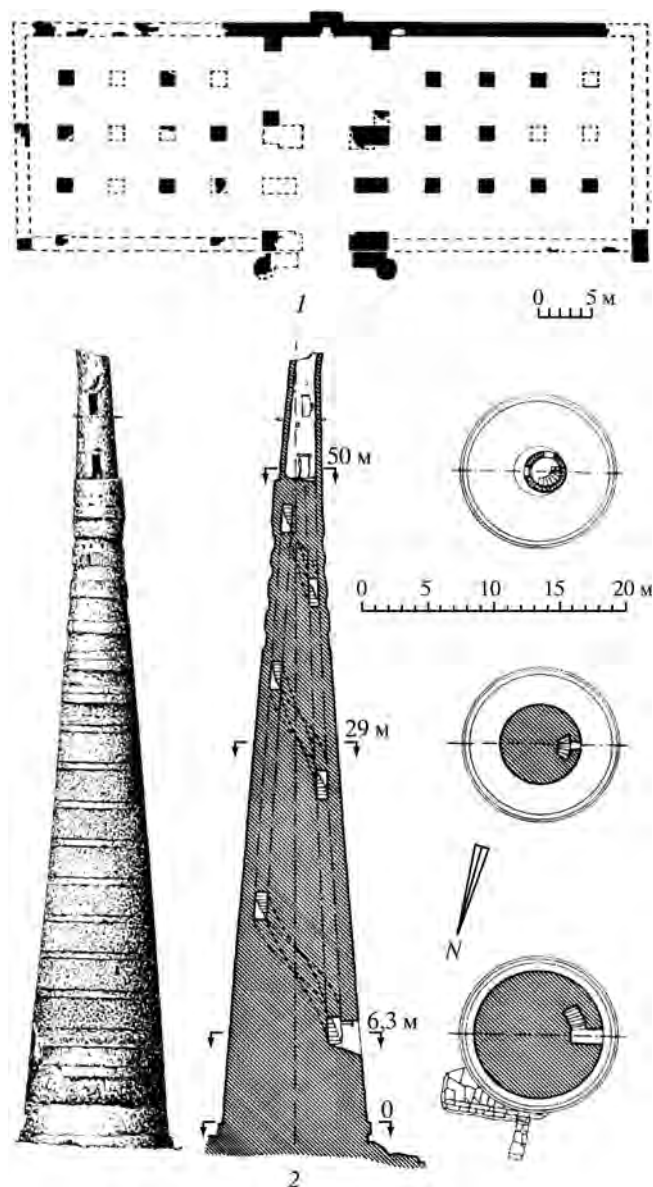


Рис. 5. Золотоордынские минареты в Средней Азии: 1 – мечеть в Отраре; 2 – минарет Кутлуг-Тимура в Куя-Ургенче.

пасть через входные проемы с внутренней стороны портала. Проемы имели ширину 1.0 м. В западном минарете были прослежены первые четыре ступеньки винтовой лестницы. Строение этих минаретов обычно для Средней Азии.

Еще одним минаретом, который традиционно считался построенным в золотоордынское время, является минарет Кутлуг-Тимура в Куя-Ургенче. Это самый высокий минарет в Средней Азии. Он представляет собой коническую башню, резко сужающуюся кверху, высотой 59.9 м. Сохранился он почти полностью, не хватает только верхушки (рис. 5, 2). Ствол минарета, сложенный из обожженного кирпича, расчленен 18 орнаментальными

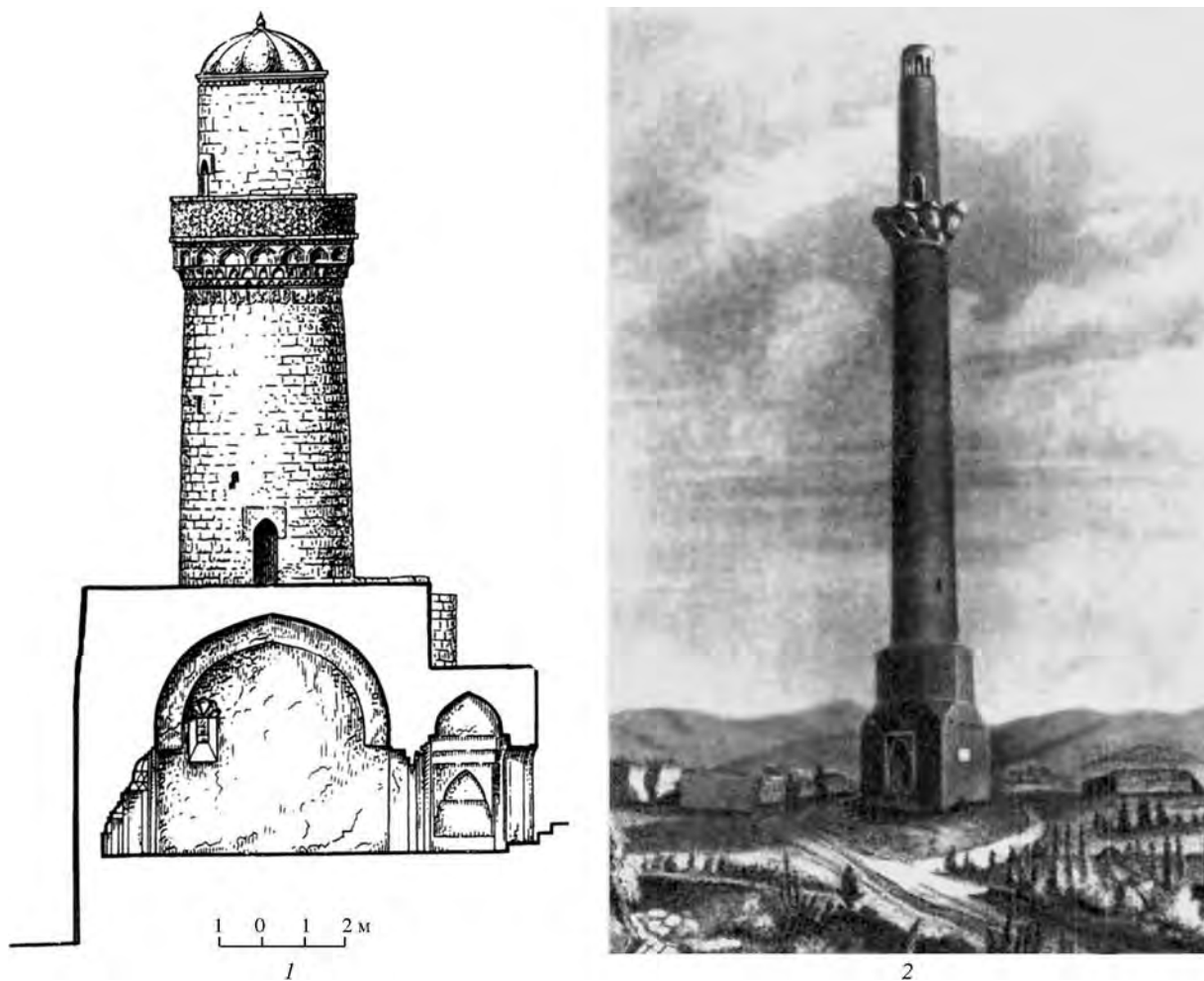


Рис. 6. Минареты Азербайджана: 1 – минарет мечети Мухаммеда в Баку (XI в.); 2 – минарет в Шамхоре.

ми поясами, украшенными декоративной кладкой из резного кирпича разнообразных форм. Вход в минарет в виде арочного проема расположен с западной стороны на высоте 6.4 м. Он ведет на винтовую лестницу с 143 деревянными ступенями. На высоте 47 м находится коническое расширение, которое является основанием балкона, опиравшегося в прошлом на сталактитовый пояс. Верхняя цилиндрическая часть башни имеет высоту в два этажа. По мнению исследователей, здесь находился деревянный фонарь-ротонда, подобный кирпичным венчаниям минаретов Хивы и Вабкента. На уровне входа ствол опоясывает рельефная арабская надпись, в которой говорится, что минарет построен наместником Золотой Орды Кутлуг-Тимуром, правившим здесь в 1321–1336 гг. (Якубовский, 1930. С. 36; Хмельницкий, 1996. С. 147–149). По своему строению это сооружение резко отличается от остальных минаретов Золотой Орды, так как построено по канонам, характерным для Средней Азии.

Сходство минарета Кутлуг-Тимура со среднеазиатскими домонгольского периода замечали многие авторы, однако лишь недавно было доказано, что надпись, служившая основой для датировки, была выбита позднее уже на готовом здании. Анализ же его архитектуры и строительной техники говорит о том, что здание было построено в XII в. (Хмельницкий, 1996. С. 147–149; Артемьев, Урманова, 1999. С. 126, 127, 129–135), а при Кутлуг-Тимуре могло быть только слегка отремонтировано.

Таким образом, по своему положению относительно мечети минареты Золотой Орды делятся на три группы: 1 – отдельно стоящие; 2 – с пристроенным к стене мечети цоколем; 3 – с цоколем, встроенным в объем стены.

Отдельно стоящие и пристроенные к мечети минареты имеют кубический или призматический цоколь, который при помощи внешних скосов переходит в восьмигранную призму или непосред-

ственно в цилиндрический, слегка сужающийся кверху ствол. В основании встроенных минаретов лежит многогранник. Цоколь минаретов сложен из камня или обожженного кирпича. Ствол обычно кирпичный, но может быть и из камня. Каменные постройки декорированы резьбой, ствол кирпичных минаретов украшен орнаментальными поясами из резной терракоты, обточенных кирпичиков, поливных изразцов, ганчевых вставок. Под балкончиком для муэдзина находится сталактитовый пояс, покрытие минаретов – шатровое.

До настоящего времени наиболее детальному анализу подвергались те постройки, которые сохранились полностью. Многие исследователи (Смирнов, 1951. С. 206; Егереv, 1958. С. 282; Айдаров, 2001. С. 54) отмечают близость минаретов Болгара с азербайджанскими минаретами ширвано-апшеронской школы. Сходство этих построек действительно бросается в глаза (рис. 6). Трехчастное членение зданий, несколько приземистые их пропорции, приемы каменной кладки – все это является общим для болгарских и азербайджанских минаретов. Исследователи также отмечают сходство орнаментальных мотивов на резных панно Малого минарета с памятниками армянского и азербайджанского зодчества. То есть, минареты Болгара тесно связаны с Закавказьем и, весьма вероятно, были построены руками армянских и азербайджанских мастеров. В то же время те же исследователи в качестве аналогий приводят и минареты Средней Азии и Ирана, которые имеют совершенно другое строение. В конечном счете, все круглые башни имеют единые корни и чем-то похожи друг на друга. Тем не менее в строительстве минаретов, так же как и других архитектурных сооружений, существуют местные особенности. Поэтому, на мой взгляд, следует искать сооружения, наиболее близкие как по форме, так и по декору. Минареты Болгара, несомненно

близкие к ширванским, отличаются от них формой покрытия верхнего яруса. В Болгаре – это конические крыши, в Азербайджане – небольшие гофрированные купола. Коническое покрытие наиболее типично для сельджукской и османской Малой Азии. Кстати говоря, мотивы малоазийской резьбы по камню довольно близки закавказским и вряд ли можно четко разделить одни от других. Как упоминалось выше, минареты Малой Азии также имели трехчастную структуру, поэтому с такой же долей вероятности можно предположить, что минареты Болгара строились мастерами оттуда.

Татартупский минарет сходен с минаретами Болгара, но у него нет восьмигранного яруса и он имеет несколько более стройные формы. Призматический цоколь его сложен комбинированной кладкой из камня и кирпича, а ствол целиком кирпичный. В.А. Кузнецов уделил большое внимание анализу “ганджийской” кладки цоколя Татартупского минарета и связал его с памятниками закавказского зодчества (2003. С. 129). Декоративное оформление минарета, использование в облицовке резных кирпичей и изразцов, создание орнаментальных и сталактитовых поясов стилистически сближает его с памятниками Нахичеванской школы Азербайджана. Наиболее близким аналогом ему является Минарет в Шамхоре (рис. 6, 2), известный по рисунку Г. Гагарина (Бретаницкий, 1966. С. 91. Рис. 25). К этому же выводу пришел и В.А. Кузнецов (2003. С. 129). В то же время существует и ряд отличий. Судя по описаниям Н. Флоровского (Бретаницкий, 1966. С. 90, 91), “Шамхорский столп” представлял собой грандиозную постройку высотой около 60 м. На рисунке Г. Гагарина хорошо видно, что он имеет четкую, ярко выраженную структуру. Кубический цоколь посредством треугольных скосов переходит в восьмигранник, на котором стоит круглый ствол несколько меньшего диаметра. Следовательно, он

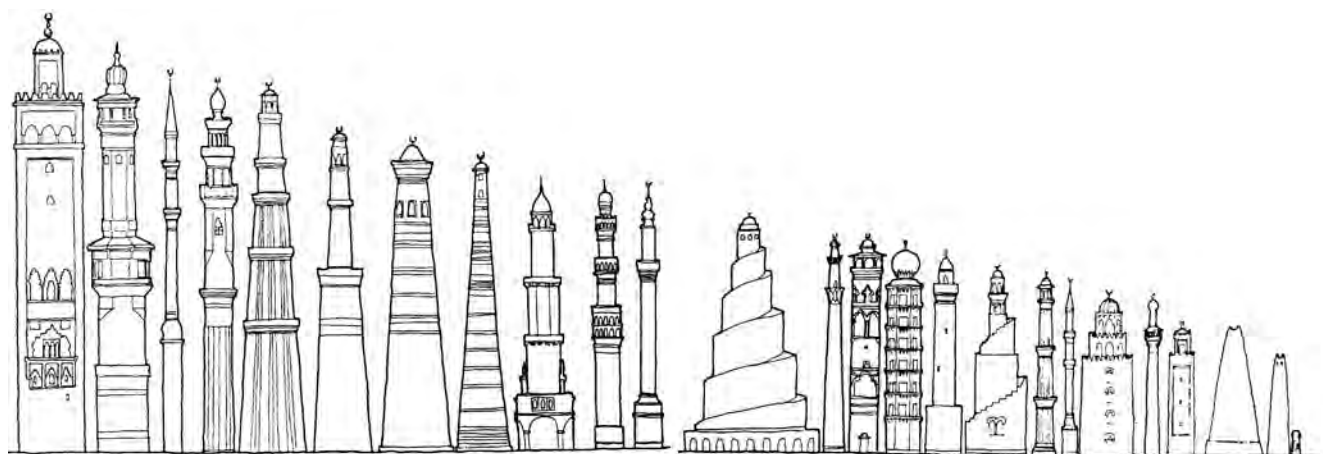


Рис. 7. Формы минаретов в различных частях мусульманского мира (по Р. Хилленбранду).



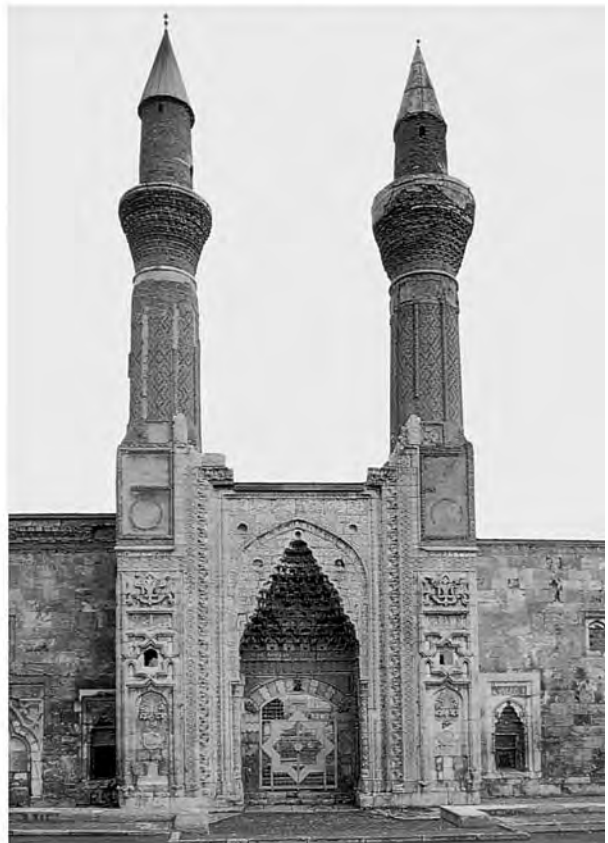
1



2



3



4

Рис. 8. Минареты Малой Азии сельджуковского периода: 1 – мечеть Алаеддин Джамии в Нигде 1223 г.; 2 – Ивли-минар в Анталье 1220 г.; 3 – минарет Большой мечети в Сивасе; 4 – минареты Гёк-медресе в Сивасе 1271 г.

построен по классической малоазийской схеме. В остальных известных азербайджанских минаретах ярусы не столь рельефно выражены, и переход от одного к другому не так заметен. Верхний ярус ствола шамхорского минарета отделяет карниз из очень крупных, далеко выступающих сталактитов, а завершает высокий верхний ярус круглый фонарь с легкой сквозной аркадой. Эти детали характерны скорее для иранского зодчества. Крупные сталактиты заставляют вспомнить минарет Сарабан в Исфахане, а фонарь в виде ротонды – минарет Джам в Афганистане. Скорее всего, этот несохранившийся минарет был построен под влиянием различных строительных школ, малоазийской и иранской. Татартупский минарет, хотя и имеет некоторое сходство, меньше по размерам и скромнее по исполнению.

Происхождение минарета мечети Узбека в Солхате не вызывает ни у кого из исследователей сомнений: он однозначно повторяет минареты Малой Азии сельджукского периода. Остальные минареты Крыма, скорее всего, имели такую же форму.

Об остальных минаретах Золотой Орды можно судить лишь в общих чертах. Достоверно известно лишь, что они имели призматический коколь, который через восьмигранник или помимо него переходил в круглый в сечении ствол. Если рассмотреть таблицу (рис. 7), приведенную Р. Хилленбрандом, на которой представлены многочисленные типы минаретов, распространенных по всему мусульманскому миру (Hillenbrand, 1994. Р. 130, 131), то можно заметить, что подобные архитектурные формы характерны только для Малой Азии и связанных с ней стран. Они возникают там в сельджукское время и, несколько видоизменяясь, существуют и в дальнейшем. Таковы, например, минарет Алаеддин Джами в Нигде постройки 1223 г. (рис. 8, 1), Ивли Минар в Анталье 1220 г. (рис. 8, 2), минареты Большой мечети (рис. 8, 3) и Гёк-медресе в Сивасе 1271 г. (рис. 8, 4).

В регионах, находящихся в сфере культурного влияния Малой Азии, таких как Азербайджан, Крым, частично Северный Иран, также получают распространение минареты подобного облика. Распространение их в Золотой Орде является еще одним свидетельством значительного вклада культур Малой Азии и Закавказья в сложение всей культовой архитектуры в этом государстве. Этот вывод вполне согласуется с проведенными ранее исследованиями планировки золотоордынских мечетей (Зиливинская, 1998. С. 34), которые по планиграфии близки мечетям Малой Азии сельджукского периода. Исключение составляют только цилиндрические минареты мечети Отрара, построенные по среднеази-

атским образцам. Но это вполне понятно, так как территория Кок Орды непосредственно граничила с Хорезмом и, естественно, находилась в сфере влияния его развитой строительной культуры.

Исследования проведены в рамках проекта “Хронология средневековых поселенческих памятников Нижнего Поволжья” программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1987.
- Ачюкраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. II (59). Симферополь, 1928.
- Артемьев В.И., Урманова А.М. Минареты Куны-Ургенча // Культурные ценности. СПб., 1999.
- Башикиров А.С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1.
- Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966.
- Бретаницкий Л.С. Архитектурно-художественные школы Азербайджана XII–XV вв. // Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. М., 1988.
- Быря П.П. Каменное сооружение 1 в Старом Орхее // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985.
- Воронина В.Л. Архитектура средневекового Ирана // ВИА. 1969. Т. 8.
- Довженко В.Й. Татарске місто на Нижньому Дніпрі часів Пізнього середньовіччя // Археологічні пам'ятки УССР. Т. 10. Киев, 1961.
- Егерев В.В. Архитектура города Болгара // МИА. 1958. № 61.
- Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2.
- Зиливинская Э.Д. Мечети Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I. Йошкар-Ола, 1998.
- Зиливинская Э.Д. Раскопки башни на Селитренном городище // Древности юга России. М., 2008.

- Крамаровский М.Г.* Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005.
- Кузнецов В.А.* Эльхотовские ворота в X–XV вв. Владикавказ, 2003.
- Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии. Ташкент, 1980.
- Милорадович О.В.* Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА. 1963. № 114.
- Рыков П.С.* Дневник археологических раскопок в Калмыцкой области и близ с. Селитренного Харабалинского района Нижне-Волжского края летом 1931 г. // Архив ИИМК. 1931. Оп. 1. № 845.
- Семенов Л.П.* Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
- Смирнов А.П.* Волжские Булгары. М., 1951.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Хмельницкий С.* Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII в. Ч. I. Берлин; Рига, 1996.
- Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д.* Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
- Щеблыкин И.П., Горчакова Н.Г.* Гянджа в XII в. // Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М.; Баку, 1947.
- Якубовский А.Ю.* Развалины Ургенча. Л., 1930.
- Güldenstädt J.A.* Reisen durch Rußland und im Kaukasischen Gebirge. Bd. I. SPb., 1787.
- Hillenbrand R.* Islamic Architecture. N.Y., 1994.
- Klaproth J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1870 und 1808. Berlin; Halle, 1812–1814.
- Petersen A.* Dictionary of Islamic Architecture. L.; N.Y., 1996.
- Stierlin H.* Turkey from the Selcuks to the Ottomans. Köln, 1998.

Minarets of the Golden Horde

Ye.D. Zilivinskaya

Summary

The article considers all the currently known minarets of the Golden Horde. Two of the minarets are preserved in full, two are known from drawings and photographs. Of the other minarets, only the bases are preserved. Analysis of the buildings and the architectural details shows that the nearest architectural analogies can be found in Seljuk Asia Minor and the Transcaucasia, thus corroborating the already existing evidence that the cultures of Asia Minor and Transcaucasia were an important factor in the evolution of cult architecture in the Golden Horde.

ЗООМОРФНЫЙ ДЕКОР В КЕРАМИКЕ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

© 2010 г. П.В. Попов

Министерство культуры Астраханской области, Астрахань

С 2000 г. на Самосдельском городище проводятся ежегодные исследования. Руководителями работ являются Э.Д. Зиливинская и Д.В. Васильев.

Анализ керамической коллекции Самосдельского городища позволяет говорить об этнической неоднородности его населения. Основываясь на результатах предварительных исследований можно выделить два представительных комплекса. Первую группу составляют лепные и гончарные сосуды, по морфологическим признакам находящие широкие аналогии в керамике болгарских памятников Подонья, Северного Кавказа, Среднего Поволжья и может быть соотнесена с болгарскими племенами (Зиливинская и др., 2003. С. 107). Сосуды второй группы сходны с кочевнической керамикой Саркела (Плетнева, 1959. С. 230. Рис. 26, 1) и посудой “болотных” городищ на Нижней Сырдарье (Левина, 1971. С. 67. Рис. 14, 1). Эти аналогии дают основания рассматривать этот комплекс как посуду огузо-печенежских племен (Зиливинская и др., 2003. С. 107).

Полиэтничность населения городища и как следствие смешение гончарных традиций, прослеживаемое в рамках керамической коллекции памятника, ставят проблему выявления характерных черт каждого культурно-хронологического комплекса, которые помогут в их идентификации и понимании генезиса. В этой связи большой интерес представляет зооморфный декор в керамике поселения, который можно интерпретировать как проявление культа нескольких тотемных животных. Данные элементы представляют особый интерес, ибо являются отражением внутреннего духовного мира населения городища. Этот пласт культуры человека, пожалуй, наиболее консервативен и менее всего подвержен влиянию извне, что особенно важно при выделении этнокультурных компонентов населения городища.

Большое значение имеет тот факт, что декор этого типа в большинстве случаев зафиксирован в комплексе лепной кухонной керамики. Эта посуда является продуктом придомного гончарства, в рамках которого также происходит консервация архаичных элементов, имеющих большое значение

в качестве этноиндикаторов. Это придает особую значимость классификации зооморфных элементов, а также их последующей этнокультурной интерпретации.

Декор этого типа представлен в основном орнаментальными мотивами, а также некоторыми элементами отделки сосудов. По характеру изображения выделяется несколько групп: прочерченные, налепные, мелкие скульптурные композиции.

Приступая к анализу указанных элементов, следует оговориться, что все они выполнены крайне схематично и лишь отдаленно напоминают животных или характерные для них черты. В то же время правильность их интерпретации в качестве зооморфного декора подтверждается этнографическими данными. Е.М. Пещерева, исследуя гончарство среднеазиатских народов, отмечает наличие декоративной отделки сосудов в виде налепов-завитков, налепных полос в виде буквы S. Как отмечает исследователь, эти элементы связаны с традицией почитания барана как сакрального животного, дающего благодать, – “барака” (Пещерева, 1959. С. 98–100). Подобные орнаменты, кроме гончарных сосудов, были также распространены в текстильных изделиях. Все они имели общее название “кучкорак”, т.е. барашек, уменьшительное от “кучкор” – баран-производитель (Пещерева, 1959. С. 98).

Эти черты, зафиксированные в культуре среднеазиатских народов в первой половине XX в., позволяют говорить о живучести указанных традиций. Более того, сохраняется осознание значения такого декора, его связь с этим животным. Все это позволяет интерпретировать рассматриваемые элементы декора как зооморфные.

Группа I. Прочерченные орнаменты

Данные орнаменты всегда нанесены на лепную или доведенную на круге посуду кухонного назначения. Чаще всего они встречаются на котлах, горшках, кружках. Эту посуду по ряду признаков можно объединить в одну группу. Она выполнена из теста

с примесью шамота, органики¹, мелкодробленой ракушки, песка. Качество промеса теста, количественный и качественный состав примесей довольно сильно варьируется. Характер исполнения сосудов этой группы также может заметно меняться. Встречаются хорошо выполненные формы с тщательно затертой поверхностью, при этом имеются экземпляры, вылепленные грубо и небрежно. Чаще всего последние изготавливались из плохопромешанного теста с большим количеством примесей. Обжиг в данной группе окислительный. Однако здесь надо отметить некоторые его особенности. По всей видимости, обжиг производился в обжигательных ямах, а не в горнах. На это указывает темно-серый, черный цвет на изломе черепка. Судя по всему, данный комплекс следует интерпретировать как керамику переходящих или перешедших к оседлости кочевников, однако сохранивших некоторые характерные черты кочевой материальной культуры. На это указывают аналогии керамике данной группы, которые обнаруживаются в посуде средневековых кочевников.

Выделяемые в рамках данной группы подгруппы декоративные композиции нельзя рассматривать как устоявшиеся и статичные. Основой этого деления является выявление ведущего элемента, определяющего общий характер орнамента. В каждом конкретном случае эти элементы могут располагаться индивидуально.

Подгруппа 1. Прочерченный дугообразный орнамент

Такой декор наносился на посуду кухонного назначения – котлы, горшки, кружки. Обычно они располагались на плечике сосуда, а также по полосе максимального расширения. Размещение этих композиций на других частях практически не встречается.

Эта подгруппа разбивается на два типа.

Тип А. Прочерченный дугообразный орнамент без заполнения (рис. 1, 1–5)

Орнамент представляет собой пояс из параллельных друг другу дугообразных прочерченных линий. Внутренняя часть полосы остается незаполненной. Орнамент этого типа известен лишь на фрагментах и реконструируется с разной степенью вероятности. В связи с этим надо отметить композиции, представляющие собой дугу из двух прочерченных линий с округлым окончанием. Возможно, это часть растительной декоративной композиции. Это предположение хорошо иллюстрирует утверждение о довольно большой вариативности изображений

в рамках данной подгруппы. Также здесь следует отметить, что прочерченные дугообразные полосы могут быть объединены в одну линию (рис. 1, 2, 3, 5), а могут составлять композицию из нескольких отдельных пересекающихся полос (рис. 1, 4). В то же время размещение этих орнаментов на посуде, выделяющейся в единую группу, позволяет объединять их и рассматривать как вариации одной традиции. Подобная вариативность декоративной отделки подтверждает домашний характер изготовления этой керамики.

Анализируя указанные композиции, можно предположить, что они являются стилизованным изображением бараньего рога и могут быть связаны с проявлением культа барана.

Тип Б. Прочерченный дугообразный орнамент с заполнением (рис. 1, 6–12)

Эта композиция аналогична орнаменту типа А. Ее отличительной чертой является заполнение внутреннего пространства орнаментальной полосы. Заполнением могут служить разнообразные элементы: оттиски зубчатого штампа, ногтевые насечки, наколы камышинкой и др. Характер его размещения довольно сильно варьируется. Бывает, что оттиски или насечки располагаются ровно вдоль прочерченных полос, встречается хаотичное заполнение пространства орнамента. Также можно отметить взаимозависимость их плотности расположения с типом орнамента. Обычно оттиски зубчатого штампа располагаются довольно разрежено. Ногтевые насечки, оттиски камышинкой, наоборот, часто наносятся очень плотно, полностью заполняя внутреннее пространство.

Рассматривая истоки вышеприведенных композиций, надо отметить их очень тесную связь. В сущности, они представляют собой вариацию одного орнаментального мотива. Это свидетельствует о том, что данные типы принадлежат к одному этническому массиву.

Ближайшие аналогии подобному декору находятся в орнаментах кочевнической керамики Саркела – Белой Вежи (Плетнева, 1959. С. 230–233. Рис. 19, 8), где они нанесены на посуду, схожую по своим характеристикам с керамикой, обнаруживаемой на Самосдельском городище. В Саркеле рассматриваемыми композициями украшены лепные сосуды кухонного назначения. Сосуды этой группы изготавливались из плохопромешанного теста с большим количеством примесей. С.А. Плетнева отмечала, что эта керамика выделялась в коллекции Саркела – Белой Вежи грубым исполнением, характером орнаментации. Это свидетельствует о том, что данный комплекс принадлежит группе, эт-

¹ Чаще всего это навоз, редко мелкорубленая трава.

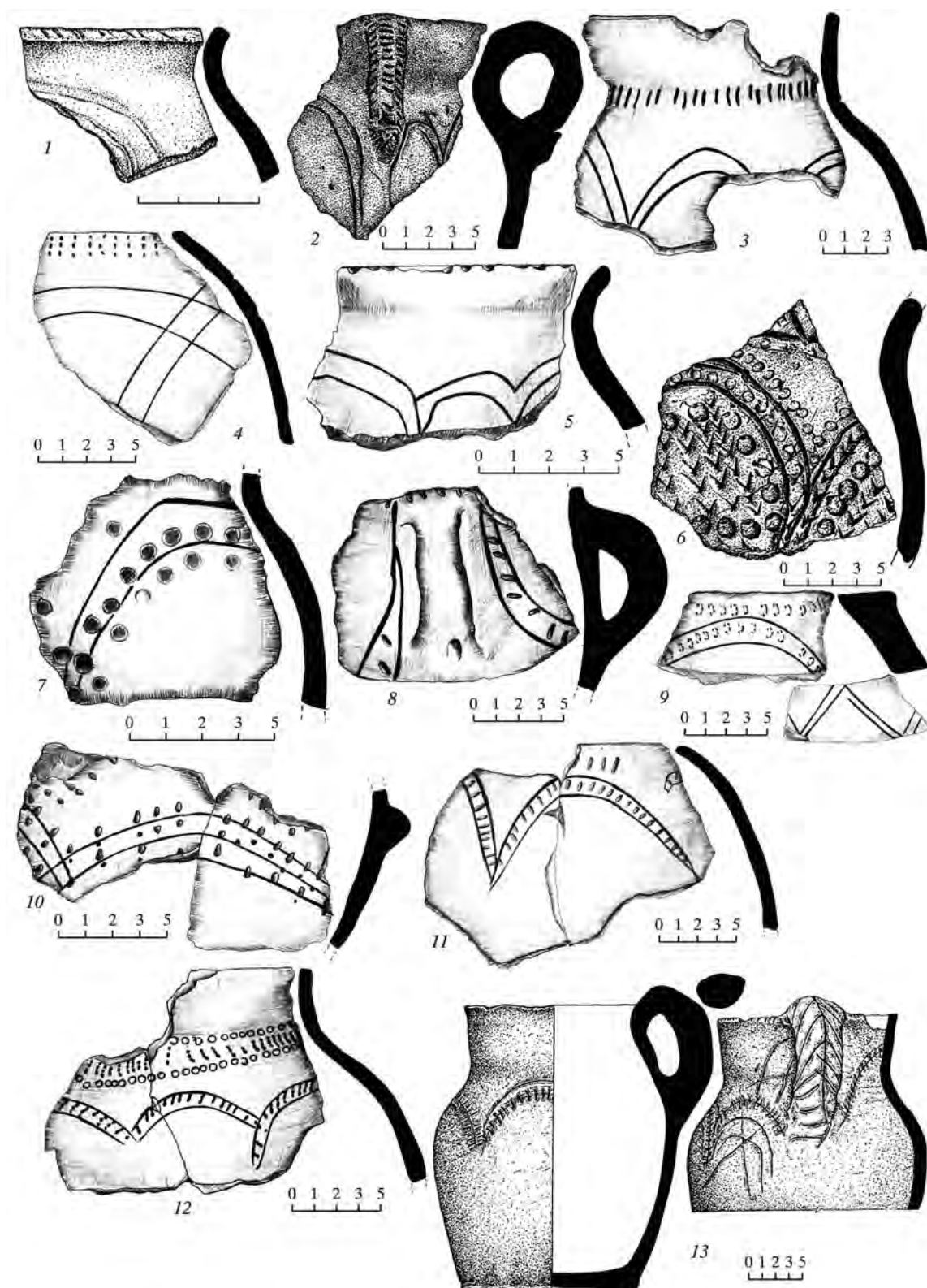


Рис. 1. 1–5 – тип I 1А; 6–12 – тип II 1Б; 13 – тип I 2А; тип IV В.

нически отличной от основного населения Саркела, которое представлено артефактами, относимыми к салтово-маяцкой культуре. Подобную керамику С.А. Плетнева склонна связывать с племенами огузо-печенежского корня (1959. С. 236, 237).

Также эти композиции достаточно часто встречаются в материалах культуры “болотных” городищ, расположенных в низовьях Сырдарьи. Здесь известны разнообразные композиции с прочерченными границами и точечным заполнением. Они имеют разные формы, в том числе и сходные с орнаментами, зафиксированными на Самосдельском городище (Левина, 1971. С. 82. Рис. 20, 111).

М.А. Бубнова, рассматривая керамику Ак-тобе I, отмечает, что одной из ведущих форм в комплексе лепной керамики этого памятника являются котлы с шаровидным туловом и горизонтальными ручками. По мнению автора, форма этих сосудов восходит к бронзовым котлам сакского времени. Эти котлы обычно имели четыре ручки, а на глиняных котлах их только две. Однако М.А. Бубнова отмечает наличие на последних полукруглых налепов, имитирующих дополнительные ручки (1963. С. 138). Аналогичные дугообразные налипные полосы обнаруживаются на кухонной лепной керамике городища Касан в Фергане. А.Н. Бернштам соотносит эту посуду с тюркоязычными номадами (1958. С. 239. Рис. 100). Здесь же следует отметить сходные орнаменты на котлах городища Джигер-бент. Н.Ю. Вишневская также соотносит такую посуду с кочевыми тюркоязычными племенами (2001. С. 35, 36. Рис. 11, 10).

Сходные декоративные элементы обнаружены в раннесредневековых (вторая половина VII–VIII в.) слоях Ток-калы, в дельте Амударьи. Здесь распространяется орнамент в виде дуги, украшенной орнаментом с наколами, выполненной из налипного жгута. А.В. Гудкова отмечает близость керамики Кердера к посуде “болотных городищ”, позднего этапа существования джетыясарской культуры, а также афригидского Хорезма (1964. С. 72. Рис. 19, 15, 17; С. 73, 74, 124). Такую орнаментацию Е.Е. Неразик связывает с проявлениями культа барана и сближает с такими же налепами, встречающимися на горшках из материалов Каунчи – II (1959. С. 256; Григорьев, 1948. С. 75. Табл. 14. Рис. 100). Появление подобной орнаментации в материалах Хорезма связывается ею с переселением тюркоязычных кочевых и полукочевых групп из сырдарьинского бассейна (Неразик, 1959. С. 258).

По всей видимости, прочерченные дуговидные орнаменты следует рассматривать как схематичное изображение горизонтальных сплошных или петлевидных ручек. Заполнение дуговидных полос,

возможно, следует связывать с имитацией горизонтальных витых ручек, которые в свою очередь являются изображением бараньего рога.

В то же время сходные орнаментальные мотивы в керамике сырдарьинских культур К.М. Байпаков связывал с проявлением культа барана, интерпретируя их как стилизованные изображения бараньих рогов (1980. С. 35–37). По его мнению, данный культ был характерен для оседлых и кочевых сырдарьинских племен еще с бронзового века. Эта интерпретация не противоречит утверждению о том, что указанный орнамент также является схематичным изображением ручки. Об этом свидетельствует тот факт, что сами горизонтальные петлевидные витые ручки, горизонтальные сплошные ручки-ушки также связаны с проявлением традиции почитания барана. Эти связи более подробно будут рассмотрены ниже.

Подгруппа 2. Прочерченный гирляндовидный орнамент (“свисающие гирлянды”)

Орнаменты этой подгруппы так же, как и первой, наносились на сосуды кухонного назначения – котлы, горшки, кружки. Зона размещения композиций в обеих группах тоже сходная – плечико сосуда, по полосе максимального расширения. Это позволяет говорить о том, что они соотносимы с одним и тем же этническим массивом.

Тип А. Прочерченный гирляндовидный орнамент (“свисающие гирлянды”) (рис. 1, 13; рис. 2, 14, 15, 21, 22)

Орнамент может представлять собой прочерченную дугу, выгнутой стороной как вниз, так и вверх. По всей длине дуги нанесены ногтевые отпечатки, насечки, отпечатки палочкой. Они могут быть нанесены по обе стороны прочерченной дуги. Эти отпечатки, по всей видимости, являются стилизованными изображениями поперечных полос на рогах барана.

Аналогичные композиции встречаются в комплексе кочевнической керамики Саркела (Плетнева, 1959. С. 230, 231. Рис. 15, 19). Здесь надо особо отметить, что в Саркеле “свисающие гирлянды” и прочерченные дугообразные орнаменты наносились на однотипную посуду, выделяемую в упомянутую выше группу “кочевнической керамики”. Это свидетельствует об этническом единстве носителей данных традиций, что применительно и к Самосдельскому городищу.

Сходные гирляндоподобные орнаменты встречаются в раннесредневековых слоях Отрара (Акишев и др., 1972. С. 93, 94. Рис. 53, 3). К.М. Байпаков отмечал их близость к композициям на кочевнической керамике Саркела – Белой Вежи (1980. С. 42).

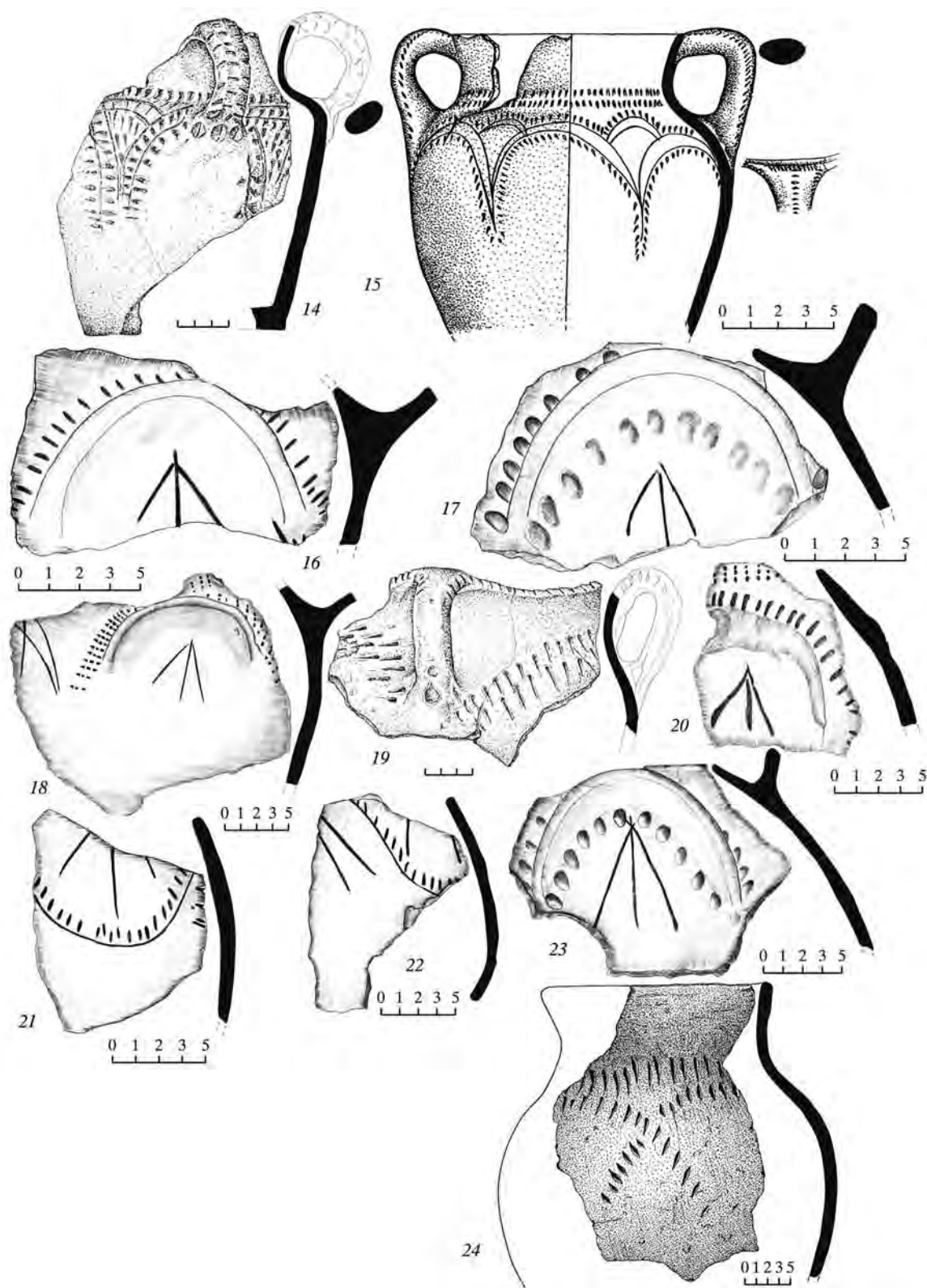


Рис. 2. 14, 15, 21, 22 – тип I 2А; 16, 18–20, 24 – тип II А; 17, 23 – фрагменты красноглиняных лепных котлов с тамгой “птичья лапка” в обрамлении горизонтальной сплошной ручкой-ушком и орнаментов из пальцевых вдавлений.

На связи прочерченных дугообразных орнаментов, “свисающих гирлянд”, с племенами огузопеченежского круга указывает тот факт, что подобный декор создает устойчивую композицию с тамгой “птичья лапка” (рис. 2, 16–18, 20–23). Такая тамга – один из самых часто встречаемых знаков в керамике Волжской Болгарии. Н.А. Кокорина связывает это изображение с огузскими компонентами в среде волжских булгар (2002. С. 170, 203, 204).

В большинстве случаев взаимовстречаемость этих элементов наблюдается на лепных котлах со сферическим туловом и горизонтальными сплошными ручками-ушками. Обычно тамга располагается под прочерченной дугой или под ручкой-ушком. Очень часто над такой горизонтальной ручкой располагается полоса дуговидного орнамента, обрамляющего ручку. В случае размещения тамги не на котле, а на ином сосуде, она обязательно сопровождается прочерченным дугообразным орнаментом (рис. 2, 21, 22). В то же время описанный декор может встречаться без указанной тамги, а “птичья лапка” фиксируются исключительно в сопровождении такого орнамента.

Следует отметить, что в комплексе городища “птичья лапка” постепенно теряет значение в качестве тамги. Об этом свидетельствует иногда встречающееся размещение этих знаков над и под полосой прочерченного орнамента (рис. 2, 22). Здесь “птичья лапка” являются орнаментальными элементами. В то же время в большинстве случаев этот знак возможно рассматривать в качестве тамги. По всей видимости, можно говорить, что в керамике городища фиксируется процесс трансформации значения этого знака, “забывания” его первоначального смысла. В связи с этим представляется уместным употребление для обозначения “птичьих лапок” терминов “тамга” и “тамгообразный знак”.

Группа II. Орнамент из оттисков гребчатого штампа

Тип А. Дугообразный орнамент из оттисков гребчатого штампа (рис. 2, 16, 18–20, 24)

Орнамент представляет собой дуги, состоящие из оттисков гребчатого штампа. Такие композиции наносились на лепные сосуды кухонного назначения: кружки, котлы. Обычно они располагались на плечике сосуда либо по поясу максимального расширения.

Эти орнаменты можно интерпретировать как стилизованное изображение бараньих рогов и связывать с проявлением культа барана. Аналогии подобным изображениям можно найти в керамике Саркела (Плетнева, 1959. С. 231. Рис. 19, 7).

Семантика этого мотива сходна с вышеописанными прочерченными дугообразными орнаментами. В связи с этим можно говорить о том, что эти типы декора соотносятся с одними этническими компонентами.

Группа III. Налепной орнамент

Налепные орнаменты менее распространены в керамике городища, нежели прочерченные. Они наносились на гончарную и лепную посуду. Выделяется несколько типов таких элементов.

Тип А. Налепной орнамент в виде стилизованных бараньих рогов (рис. 3, 25–31)

Этот орнамент имеет довольно много вариаций, но они являются отражением субъективных привычек мастера и не могут считаться типобразующими. В общем он представляет собой налепную полоску, концы которой плавно загнуты, часто в разные стороны. Довольно широко распространен вариант, при котором налепная линия изгибается в соответствии с изгибами концов, образуя элемент, похожий на расположенную горизонтально латинскую букву “S”. Следует отметить, что такая орнаментация распространена на гончарных кувшинах. Здесь такие налепы располагаются на горловине, под венчиком (рис. 3, 25–27, 31).

Как вариацию данного орнамента следует рассматривать ряд форм горизонтальных ручек, распространенных на лепных кухонных котлах (рис. 3, 28–30). Некоторые типы аналогичны по форме вышеописанным горизонтальным S-образным налепам. Естественно, что такая ручка значительно шире орнаментационной полосы. Схожесть описанных вариантов этого декора указывает на их общие истоки.

Аналогии подобному декору находятся в аланской керамике могильника “Мокрая Балка”, расположенного в кисловодской котловине (Малашев, 2001. Рис. 2, 8). Здесь в катакомбе № 37 обнаружен гончарный кувшин с налепами в виде бараньих рогов, расположенных на сливе. В.Ю. Малашев относит этот сосуд к I этапу, датируя V–VI вв. (2001. С. 26. Рис. 2, 8). Подобная отделка фиксируется в посуде памятников бассейна Сырдарьи. Здесь следует отметить находки сходного налепного орнамента в материалах каунчинской культуры (Григорьев, 1948. С. 74, 75. Табл. XIII, XIV. Рис. 94, 100), а также на сосудах памятников Отрарского оазиса (Байпаков, 1980. С. 34, 35. Рис. 1, 8). Они интерпретируются исследователями как стилизованное изображение бараньих рогов и рассматриваются как проявление культа барана (Байпаков, 1980. С. 34, 35).

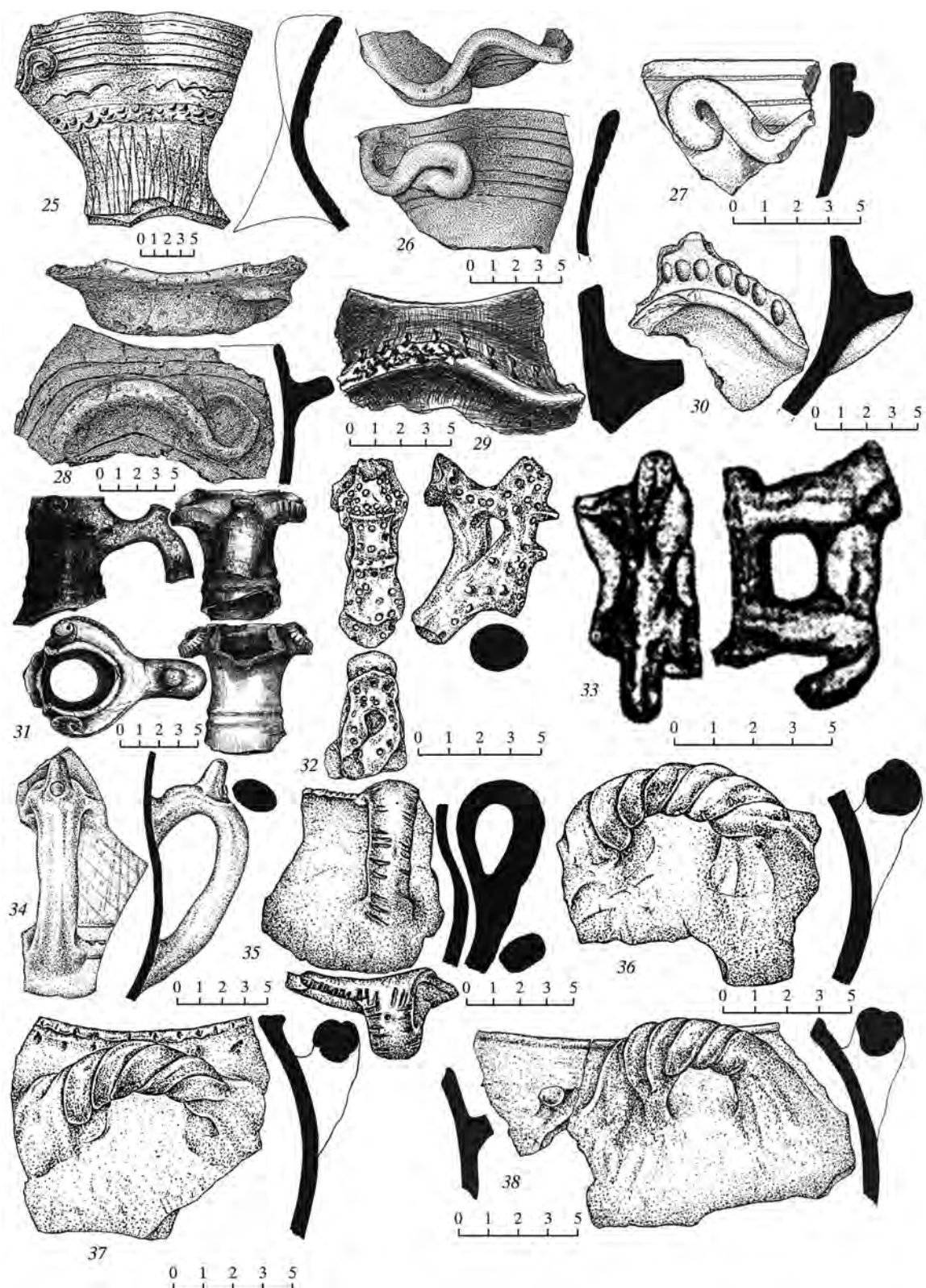


Рис. 3. 25–31 – тип III А; 32, 33 – тип IV А; 34 – тип IV Б; 35, 36 – тип IV В; 37–39 – тип IV Г.

Рассматривая семантику налепного зооморфного декора, следует особо остановиться на месте его размещения на сосуде. Как уже отмечалось выше, такие орнаменты чаще всего располагаются на горловине сосуда под венчиком. Такое местоположение можно рассматривать как проявление традиции оформления горловины кувшинов и водолеев, а также наверший крышек в виде головы барана. Такое оформление сосудов известно в культурах Нижней и Средней Сырдарьи, начиная с рубежа нашей эры. Отличительной чертой этих зооморфных изображений являлось горбоносость барана и крутые завитки его рогов (Левина, 1977. С. 517, 518; Подушкин, 1970. С. 101. Табл. II. Рис. 1; Байпаков, 1980. С. 35–37).

Подтверждением высказанного предположения является находка на Самосдельском городище фрагмента горловины поливного гончарного сосуда. Данная находка сделана на памятнике в 1990-х годах археологической экспедицией Государственной дирекции охраны памятников под руководством С.А. Котенькова (рис. 3, 31). Находка представляет собой фрагмент горловины красноглиняного узкогорлого гончарного кувшина-водолея, покрытого зеленой поливой. Отличительной чертой данного сосуда является наличие по обе стороны горловины налепных бараньих рогов. Семантика этих элементов сходна с вышеупомянутыми находками, сделанными в могильнике “Мокрая балка” и на памятниках в бассейне Сырдарьи. Датировка этого сосуда представляется довольно широкой. В материалах Отрара аналогичные поливные формы со стилизованными изображениями барана фиксируются вплоть до золотоордынского времени (Байпаков, 1980. С. 37). Данная находка показывает истоки появления традиции изображения барана на Самосдельском городище и подтверждает наличие этнокультурных связей с районами Средней и Нижней Сырдарьи.

Судя по приведенным аналогиям, указанная орнаментация характерна прежде всего для огузопеченежского компонента в населении Самосдельского городища. Появление этих элементов на типично болгарских кувшинах свидетельствует о сильных межэтнических взаимовлияниях.

Группа IV. Мелкие стилизованные зооморфные элементы

Тип А. Лепные ручки в виде стилизованной фигурки животного (лошади) (рис. 3, 32, 33)

Небольшие лепные вертикальные ручки, выполненные в виде фигурки лошади. Эти элементы выполнялись из плохо промешанного теста с примесью органики, песка, шамота, ракушки. Ручка

имеет подквадратную, подпрямоугольную петлевидную форму с налепом в верхней части, который имитирует морду животного. Рассматривая семантику этих фигурок, необходимо отметить их схематичность и практически полное отсутствие детализации. На интерпретацию этих фигурок в качестве лошади указывает зафиксированное на одной из них схематичное изображение седла, а у другой – изображение типичного для лошади хвоста.

Тип Б. Гончарные ручки в виде стилизованной фигурки животного (рис. 3, 34)

Небольшие вертикальные петлевидные ручки в виде стилизованной фигурки животного. Изображение животного выполнено крайне схематично. Обычно это цилиндрический, округлый налеп в верхней части ручки, изображающий морду животного, в некоторых случаях заметно продольное валикообразное утолщение, имитирующее хребет. Такая схематичность изображения свидетельствует о древности этой традиции и постепенном “забывании” ее смысла. Подобные ручки трудно соотносить с каким-либо животным. По всей видимости, правильнее интерпретировать их как обобщенное изображение травоядного животного. Такие ручки распространены исключительно на гончарных столовых формах, которые могут быть интерпретированы как посуда болгарского населения.

Судя по всему, происхождение ручек типа Б связано с материальной культурой ранних кочевников. Впервые они появляются в комплексе сарматской керамики на рубеже нашей эры. А.С. Скрипкин видит аналогии этим изображениям в синхронной среднеазиатской керамике (1990. С. 207, 208). Б.А. Литвинский связывал наличие этих ручек в сарматской и среднеазиатской керамике с распространением определенных религиозных представлений, центральным из которых являлся культ фарна (1968. С. 109–111). Проникновение данных традиций на территорию Восточной Европы А.С. Скрипкин связывает с миграциями аланских племен.

Здесь следует отметить вышеописанный кувшин из могильника “Мокрая Балка”. Семантика орнаментации этого сосуда четко указывает на влияние среднеазиатских культур, а также свидетельствует о длительном сохранении указанных сакральных представлений в среде аланских племен.

Тип В. Вертикальные лепные петлевидные ручки с поперечными насечками (рис. 1, 2, 13; рис. 3, 35)

Вертикальные петлевидные ручки, в большинстве случаев круглые в сечении, поперек ручек нанесены насечки. Насечки могут быть ногтевые или выполненные ножом. Ногтевые насечки обычно

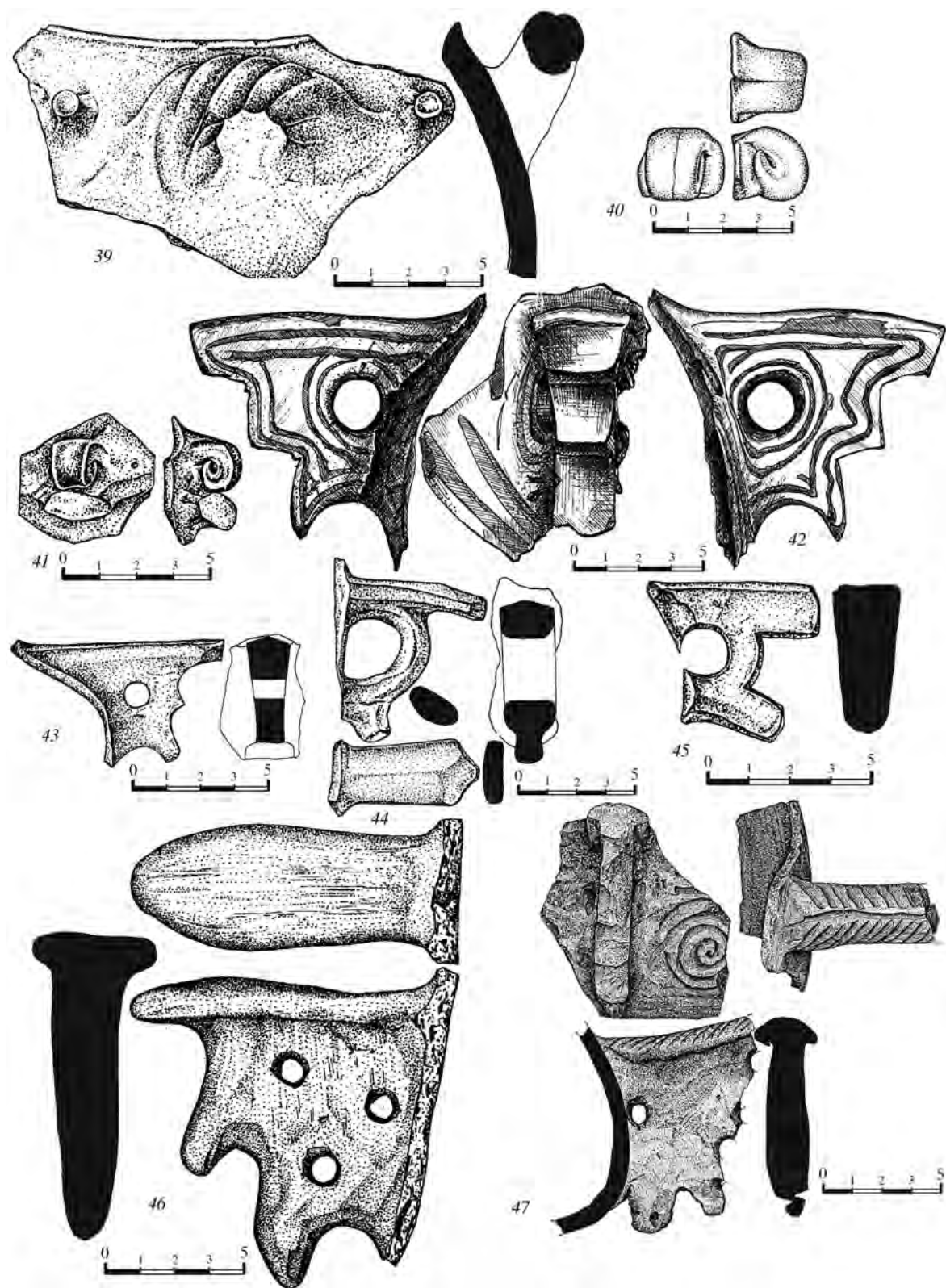


Рис. 4. 39 – тип IV Г; 40, 41 – тип IV Д; 42, 43, 46, 47 – тип IV Е; 44, 45 – тип IV Ж.

наносились в два или три продольных ряда, по всей длине ручки. Чаще всего они располагались по бокам ручки и по центру. Можно предположить, что такие насечки имитировали витой характер бараньего рога. Подобные ручки встречаются на лепных кружках, реже на горшках.

Такая орнаментация может рассматриваться как стилизованное изображение бараньего рога. Аналогичная отделка ручек зафиксирована в комплексе кочевнической керамики Саркела – Белой Вежи (Плетнева, 1959. С. 231. Рис. 15, 7; 21, а, б).

Тип Г. Горизонтальные витые лепные петлевидные ручки (рис. 3, 36, 37, 38; рис. 4, 39)

Горизонтальные витые петлевидные ручки и обычные, встречающиеся исключительно на лепных котлах. Обычно они располагаются в верхней части сосуда, под венчиком.

Подобные ручки следует рассматривать как имитацию бараньего рога и необходимо связывать с проявлением культа барана. Полные аналогии им находятся в материалах Кулана (городище Луговое), Краснореченского городища в юго-западном Семиречье (Байпаков, 1986. С. 29–31, 61. Рис. 14), а также в материалах раннесредневековых слоев Тараза (Сенигова, 1972. С. 89, 91). Следует особо отметить, что здесь они также присущи кухонным котлам со сферическим округлым туловом. К.М. Байпаков датирует подобную керамику VII–VIII вв. (1986. С. 62). Т.Н. Сенигова на материалах Тараза относит подобные котлы к VIII–IX вв. (1972. С. 89, 91). Истоки этих форм исследователи видят в кочевнической керамике, в связи с чем интерпретируют как посуду кочевого тюркоязычного населения (Байпаков, 1986. С. 62). Аналогичные горизонтальные витые ручки встречаются на лепных и гончарных горшковидных котлах, обнаруживаемых на городище Джигербент (Вишневская, 2001. С. 35, 36. Рис. 11, 2, 10). Здесь эти сосуды датируются IX в. Н.Ю. Вишневская также связывает данные сосуды с керамикой тюркоязычных nomads (2001. С. 35).

Следует обратить внимание на резкое отличие котлов с витыми ручками из Джигербента и Семиречья. По всей видимости, Семиречье является исходным центром распространения рассматриваемых элементов, а в материалы памятников Амударьи эти элементы проникают в результате влияния кочевников на материальную культуру оседлого населения.

Тип Д. Ручка в виде плотно закрученной спирали (рис. 4, 40, 41)

Орнамент представляет собой плотно закрученную спираль. Этот элемент также встречается

как составная часть вертикальных ручек сосудов. Закрученная спираль составляет ее верхнюю часть, нижнюю образуют шишковидные или цилиндрические налепы. Ручки эти довольно небольшие по размеру и скорее всего характерны для светильников и мелких чашевидных сосудов.

Семантика этого элемента имеет сходство с налепными орнаментами в виде S-образных спиралей, спиралевидных конических налепов, которые фиксируются в керамике Шашукумского могильника и памятников Отрарского оазиса (Максимова и др., 1986. С. 86. Рис. 6; Агеева, Пацевич, 1958. Рис. 83). К.М. Байпаков связывает их появление с проявлением культа барана, широко распространившегося в среде сырдарьинских племен в эпоху раннего железного века (1980. С. 37–39).

Появление подобных элементов в керамике Самосдельского городища можно также рассматривать как проявление традиции почитания барана. Скорее всего, этот культ был привнесен в рамках миграций кочевых племен из района Средней и Нижней Сырдарьи на Нижнюю Волгу. В качестве носителей этих традиций можно рассматривать огузо-печенежские племена.

Тип Е. Зооморфная ручка в виде стилизованной петушиной головы (рис. 4, 42, 43, 46, 47)

Вертикальные, сплошные красноглиняные ступенчатые ручки украшены лощением, бороздками по периметру, а также имеют отверстия. Идентичные ручки были обнаружены в домонгольских слоях на Билярском городище и Муромском городке (Кочкина, 1986. С. 24–53). В Волжской Болгарии подобные ручки продолжают существовать и в золотоордынское время. В этот период подобные находки отмечены на Болгарском, Чаллыном и Русско-Урматском городищах (Кокорина, 2002. С. 149).

В материалах Самосдельского городища было обнаружено несколько экземпляров лепных ручек этого типа, в то время как все аналогичные фрагменты, найденные на памятниках Среднего Поволжья, являются гончарными. Лепные варианты ручек имеют уплощенную верхнюю часть, по которой могут быть нанесены отпечатки зубчатого штампа, ногтевые насечки по краям ручки. Зубцы у них выполнены в виде конусов, хотя общая ступенчатая форма ручки сохраняется (рис. 4, 46, 47).

Описанные лепные ручки, по всей видимости, следует рассматривать как архаичный вариант этой формы, предшествующий гончарным. На подобную интерпретацию указывает характер и назначение сосудов, на которых размещались подобные ручки. Судя по находкам на болгарских памятниках Сред-

него Поволжья, вертикальные ступенчатые ручки размещались на триподах-братинах, которые, по всей видимости, использовались в культовой практике. В частности на Билярском городище был найден гончарный трипод со ступенчатой ручкой и рунической надписью, содержащей благопожелание для еды кислого молока (Кочкина, 1985. С. 75–80). Н.А. Кокорина отмечает северокавказские черты в форме данного трипода, а также в декоре, который она считает сходным с отделкой керамики памятников Дагестанской Хазарии (2002. С. 75; Магомедов, 1983. С. 111. Рис. 31, 10; 32). Эти аналогии позволяют предположить, что истоки традиции изготовления ручек в виде стилизованной головы петуха лежат в культуре болгарских племен Дагестана. Находки лепных экземпляров подобных зооморфных ручек на Самосдельском городище свидетельствуют о тесных этнокультурных связях болгарского населения Дагестана и Нижнего Поволжья.

Тип Ж. Округлые петлевидные ручки с двумя, тремя налепами (рис. 4, 44, 45)

Петлевидные ручки с двумя либо с тремя прямоугольными или коническими налепами, расположенными в верхней и центральной части ручки. Подобные ручки встречаются на гончарных сосудах. Часто верхняя часть ручки имеет уплощенный вид, переходящий в налеп, который также имеет сглаженный верх. Следует отметить, что наибольшую длину имеет верхний налеп.

По всей видимости, эту группу ручек необходимо рассматривать как трансформацию ступенчатых ручек. Сходство им придает нисходящая длина налепов. Уплощенный верх, переходящий в налеп, также характерен для лепных ступенчатых ручек. Стоит отметить, что ручки с налепами часто встречаются на сосудах бытового назначения, что позволяет предположить постепенное исчезновение сакральной подосновы изготовления этих элементов.

При рассмотрении этого типа большой интерес представляет сходная гончарная ступенчатая ручка, зафиксированная в материалах Саркела – Белой Вежи. Это петлевидная гончарная ручка с налепами в верхней и центральной части, которые создают подобие ступенчатости. Ручка выполнена из хорошо отмученного теста с малой примесью песка. Привлекает внимание оформление верха ручки, выполненного в виде выделенной площадки, переходящей в налеп. Такое оформление находит полные аналогии лепным (тип Е) и гончарным (тип Ж) ручкам Самосдельского городища. С.А. Плетнева отмечает, что данная керамика резко выделяется из основного комплекса городища, и связывает ее с импортом из Передней или Средней Азии (1959. С. 250. Рис. 36, 2а, 2б).

Н.А. Кокорина считает, что традиция оформления некоторых элементов сосуда в виде стилизованных изображений петуха в болгарском гончарстве связана с древними культами плодородия и возрождения у индоиранских племен. Центральным обрядовым действием, связанным с этими культами, является весенний праздник Навруз (Кокорина, 2002. С. 75). В обряде празднования Навруза одним из символов солнца и сил возрождения являлся петух. Обряды с использованием магической силы петуха сохранились в районе Закамья вплоть до начала XX в. (Кокорина, 2002. С. 76; Худяков, 1919. С. 61).

Судя по всему и появление лепных и гончарных ступенчатых ручек, имитирующих голову петуха, на Самосдельском городище необходимо связывать с переселением болгарских племен из Северного Кавказа и, в частности, из Дагестана. Наличие лепных форм данных ручек свидетельствует о более раннем проникновении носителей этих традиций на Нижнюю Волгу по сравнению со Средним Поволжьем. Можно предположить, что фиксация подобного архаичного способа исполнения сосудов и ручек может свидетельствовать о сохранении в среде этого населения традиций кочевого уклада.

Фиксация преемственности ручек типов Е и Ж свидетельствует об эволюции зооморфных ручек в виде петушиной головы. Это свидетельствует о длительном проживании болгарского населения на данном памятнике и устойчивости керамического комплекса, в рамках которого развиваются указанные специфичные черты.

Таким образом, анализ зооморфного декора в керамике Самосдельского городища позволяет разделить этот комплекс на две группы.

Первая, наиболее представительная, состоит из разнообразных орнаментальных композиций и мелких скульптурных изображений. Основным мотивом этих элементов является стилизованное изображение травоядного животного. Истоки этой традиции уходят своими корнями в глубокую древность и должны связываться с сакральными представлениями кочевых и оседлых племен иранского корня, проживавших на просторах Казахстана и Средней Азии (Байпаков, 1980. С. 32, 33, 35–39). Это подтверждается характером проникновения декора этого типа на территорию Восточной Европы. Впервые он появляется с переселением среднесарматских племен в первых веках нашей эры. Традиционно носителей этой культуры соотносят с аланами. В этот период стилизованные изображения травоядного животного появляются в керамике сарматского населения Поволжья, Северного Кавказа, Подонья и Прикубанья (Скрипкин, 1990).

С. 207, 208; Левина, 1971. С. 230–240; Литвинский, 1968. С. 6). В дальнейшем эта традиция продолжает существовать в гончарстве средневековых аланов Северного Кавказа и Подонья. В керамике Самосдельского городища к этому культурному горизонту относятся гончарные ручки в виде стилизованной фигурки животного (тип IV Б). Судя по распространенности такой орнаментации только на гончарных столовых формах, подобные элементы следует связывать с болгарским населением городища. По всей видимости, традиции подобной отделки сосудов проникают из гончарства алан в культуру болгарских племен в результате тесных межэтнических контактов в рамках Хазарского каганата.

Дальнейшее развитие указанной традиции проявляется в распространении орнаментации, соотносимой с традицией почитания барана. Появление подобных сакральных представлений, по всей видимости, следует связывать с переселением в Восточную Европу огузо-печенежских племен. К этому этапу следует относить большую часть выделяемых групп: I, II, III, типы IV В, IV Г. На подобную этническую интерпретацию этого декора указывает тот факт, что все эти элементы фиксируются в комплексе лепной керамики, которая на синхронных памятниках соотносится со средневековыми кочевниками (Плетнева, 1959. С. 236, 237).

Особо следует остановиться на лепных ручках в виде фигурок лошади (тип IV А). По всей видимости, появление этого элемента также следует связывать с уже упоминавшейся древней кочевнической традицией изготовления ручек, изображающих стилизованную фигуру травоядного животного. Ручки в виде лошадок встречаются исключительно в лепной керамике кочевнического типа, поэтому их можно связать с огузо-печенежским компонентом в населении городища.

Вторая группа изображений, представленная лепными и гончарными ручками в виде петушиной головы, связана с отражением культа петуха в среде хазаро-болгарских племен Восточной Европы. Петух является древним солярным символом, и традиция его почитания восходит к солярным и хтоническим культам ираноязычных племен. По-видимому, эти представления проникают в среду болгарских племен в ходе тесных межэтнических контактов, протекавших в рамках Хазарского каганата.

Также хотелось бы остановиться на вопросе датировки выделенных групп декора. Следует сказать, что культурные напластования Самосдельского городища сильно перемешаны перекопами. В связи с этим стратиграфическая ситуация на памятнике очень сложная и на данный период исследований

она еще до конца не осмыслена. В связи с этим четко установить датировку посуды с вышеописанным орнаментом путем фиксации в определенном слое сейчас нельзя.

Рассматривая данный вопрос, следует отметить, что распространение в культурных отложениях керамики с зооморфным декором не формирует каких-либо закономерностей. Исключение составляют горизонтальные витые ручки котлов типа IV Г. Они распространены исключительно в нижних слоях городища. Привлекает внимание круг аналогий, который приводит к материалам памятников Семиречья. Там они получают наибольшее распространение в слоях, датированных VII–VIII вв., исчезая в IX в. (Байпаков, 1986. С. 62). В связи с этим можно предположить, что распространение котлов с подобными ручками в материалах Самосдельского городища следует датировать концом VIII – началом X в.

Таким образом, анализ зооморфного декора в керамике Самосдельского городища позволяет выделить несколько групп изображений, свидетельствующих об этнической неоднородности населения памятника. Дальнейшее исследование характера распространения рассматриваемой орнаментации позволит определить элементы, имеющие значение в качестве этно- и хроноиндикаторов.

Исследования проведены в рамках проекта “Хронология средневековых поселенческих памятников Нижнего Поволжья” программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
- Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. 1958. № 126.
- Бубнова М.А. Средневековое поселение Ак-тобе I у села Орловка // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента. М., 2001.

- Григорьев Г.С.* Келесская степь в археологическом отношении // Изв. АН Казахской ССР. № 46. Сер. археол. Вып. 1. Алма-Ата, 1948.
- Гудкова А.В.* Ток-кала. Ташкент, 1964.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю.* Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань, 2002.
- Кочкина А.Ф.* Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. 1985. № 4.
- Кочкина А.Ф.* Гончарная посуда // Посуда Биляра. Казань, 1986.
- Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи. М., 1971.
- Левина Л.М.* Исследования в Джетыясарском урочище // АО–1976. 1977.
- Литвинский Б.А.* Кангуйско-сарматский фарн: к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии. Душанбе, 1968.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М., 1983.
- Максимова А.Г., Мерциева М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
- Малашев В.Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
- Неразик Е.Е.* Керамика Хорезма афригидского периода // ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
- Плетнева С.А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
- Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959.
- Подушкин Н.П.* К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий реки Арыси (I – IV вв.) // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
- Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Худяков М.Г.* Разведки в Билярске летом 1915 г. // ИОАИЭ. 1919. Т. 30. Вып. 1.

Golden Horde décor in the pottery of Samosdelka fortified settlement

P.V. Popov

Summary

Preliminary research of the hand-made pottery from Samosdelka identified several groups of decorations which can be interpreted as stylized images of animals. The largest group comprises stylized images of rams and ram's horns. Analogies can be found in the ornamentation from sites in the Syr-Darya basin, Semirechye, Afrighid Khorezm, and Kerder. This type of décor found its way to Eastern Europe due to the migrations of the Alanic tribes. The tradition continued to evolve in the pottery of medieval Alanic and Bulgaria tribes. In later times, similar traditions were brought by the migrating Oghuz-Pecheneg tribes. The second representative group of decorative elements comprises images of roosters. The handles in the shape of a rooster's head have analogies in the pottery of Bulgaria Volga. However, Samosdelka fortified settlement yielded not only wheel-made, but also hand-made items. Hence it is possible to assume that at Samosdelka they had appeared earlier than on the mid-Volga.

НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ У ХУТОРА ДИВНОГОРЬЕ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

© 2010 г. А.А. Бессуднов*, А.Н. Бессуднов**

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

**Липецкий государственный педагогический университет

На современном этапе исследований в бассейне Верхнего и Среднего Дона четко прослеживается различная концентрация палеолитических памятников. С одной стороны, здесь находится Костенковско-Борщевский район с многослойными стоянками и высокой плотностью древнего населения, с другой – немногочисленные разрозненные стоянки и местонахождения, многие из которых представлены лишь подъемным материалом (Бессуднов А.Н., 2003. С. 59–63; 2004. С. 92, 93; Бессуднов А.А., 2007. С. 40–44). Многолетние исследования костенковских стоянок чередовались с поисками новых памятников – в середине прошлого столетия в бассейне Дона были осуществлены археологические разведки под руководством П.И. Борисовского, Л.М. Тарасова, В.П. Левенка, Н.Д. Праслова и др. Результатом этих работ стало обнаружение ряда стоянок и местонахождений кремня палеолитического облика, среди которых лишь единственный памятник – Масловка на р. Воронеж – был стратифицирован и имел культурный слой, хоть и достаточно бедный (Тарасов, 1983. С. 67–71).

В конце XX – начале XXI в. количество разведочных работ заметно увеличилось. Помимо организации работ на базе костенковских экспедиций активизируются местные археологические центры в Воронеже и Липецке. В течение последних пятнадцати лет были обнаружены и исследованы такие стоянки, как Самотоевка в пойме р. Ольховатка (Березуцкая, 1997), Борщево 5 – самый южный памятник Костенковско-Борщевского района (Лисицын, 2004. С. 66–79 и др.), Замятино 14 на Верхнем Дону (Бессуднов А.Н., 2004. С. 92, 93), Иволга на окраине г. Воронеж (Шабалин и др., 2004. С. 44–48), Плаутино 2 в бассейне р. Хопер (Федюнин, 2006) и Назаровка в нижнем течении р. Черная Калитва (Федюнин, 2008. С. 108–111).

В 2004 г. у хут. Дивногорье (Лискинский район, Воронежская обл.) на территории Государственного природного архитектурно-археологического музея-заповедника с одноименным названием было нача-

то обследование случайно выявленного местонахождения позднеплейстоценовой фауны (Ивашов, Бессуднов, 2005. С. 87–91), а в 2007 г. продолжено (Свиридов, 2008).

Краткая геоморфологическая характеристика района

Территория государственного музея-заповедника “Дивногорье” располагается в пределах южной подзоны лесостепной географической зоны Среднерусской возвышенности на северной окраине Калитвинского волнисто-балочного физико-географического района (Атлас..., 1994. С. 14).

Окраины склонов плато заповедника изрезаны густой сетью оврагов, открывающихся в речные долины и балки. Ширина их обычно не превышает 50 м, а глубина – 20–30 м. Здесь получили распространение два типа оврагов: боковые (склоновые) и донные. Преобладают узкие, крутостенные, прямолинейные овраги с голыми меловыми бортами (Бережной и др., 1994. С. 20, 21).

Многочисленные обнажения мела на территории заповедника практически лишены почвенного покрова, и лишь пятнами под пологом кальцефитной растительности появляются первые признаки почвообразования. Пойменный тип местности охватывает поймы рек Тихая Сосна и Дон. Характерную черту речных долин среднерусской лесостепи составляет пульсация пойм – чередование озеровидных расширений с сужениями. В районе музея-заповедника пойма Дона образует озеровидное расширение (общая ширина около 8 км). Рельеф пойменного типа местности достаточно прост. На левобережье Тихой Сосны сформировалась типичная центральная пойма, приподнятая над уровнем реки на 3–4 м. Правобережная пойма имеет два четко выраженных высотных уровня. Центральная пойма по периферии, западнее хут. Дивногорье, переходит в высокую пойму. На отрезке между железнодорожной платформой Дивногорская и с. Селявное располагается пра-

вобережная часть поймы р. Дон. Рельеф ее местами осложнен неглубокими западинами и всхолмлениями сильно размытого прируслового вала (Бережной и др., 1994. С. 19, 20).

Характеристика памятников

Дивногорье 9. Стоянка обнаружена в 2004 г. в отложениях правого борта крупной балки правого берега р. Тихая Сосна приблизительно в 1.9 км от ее впадения в Дон (рис. 1). Площадь исследованной части к настоящему времени составляет 80 м². Из-за отсутствия артефактов и большого количества костей лошади, находящихся в анатомических связях, местонахождение первоначально было определено как скопление плейстоценовой фауны (Ивашов, Бессуднов, 2005. С. 87–91).

Стратиграфия стоянки представлена в табл. 1 и на рис. 2.

Кости залегают четырьмя горизонтами, скопления которых на разных участках раскопа имеют

глубину от 6.5 до 8 м. Относительно большая глубина залегания костей объясняется интенсивностью склоновых процессов, в результате которых горизонт их выявления был перекрыт мощной пачкой делювиальных отложений, состоящих в основном из крупных обломков меловой скалы в сочетании с переслаивающимися горизонтами суглинка и меловой крошки. В пачке делювиальных отложений прослеживаются два горизонта зачаточного почвообразования (слои 7 и 9), которые вызвали неоднозначную интерпретацию исследователей. Посещавшая стоянку в 2007 г. группа почвоведов под руководством А.А. Величко высказала предположение, что нижний горизонт почвообразования следует соотносить с аллередской почвой, тогда как работавшие в 2008 г. на разрезе С.Н. Седов и С.А. Сычева сопоставляли со временем аллереда верхний почвенный горизонт.

Уровни залегания костей приурочены к слабо-гумусированным светло-коричневым прослойкам суглинка (слои 12, 13, 16, 16а), в некоторых местах

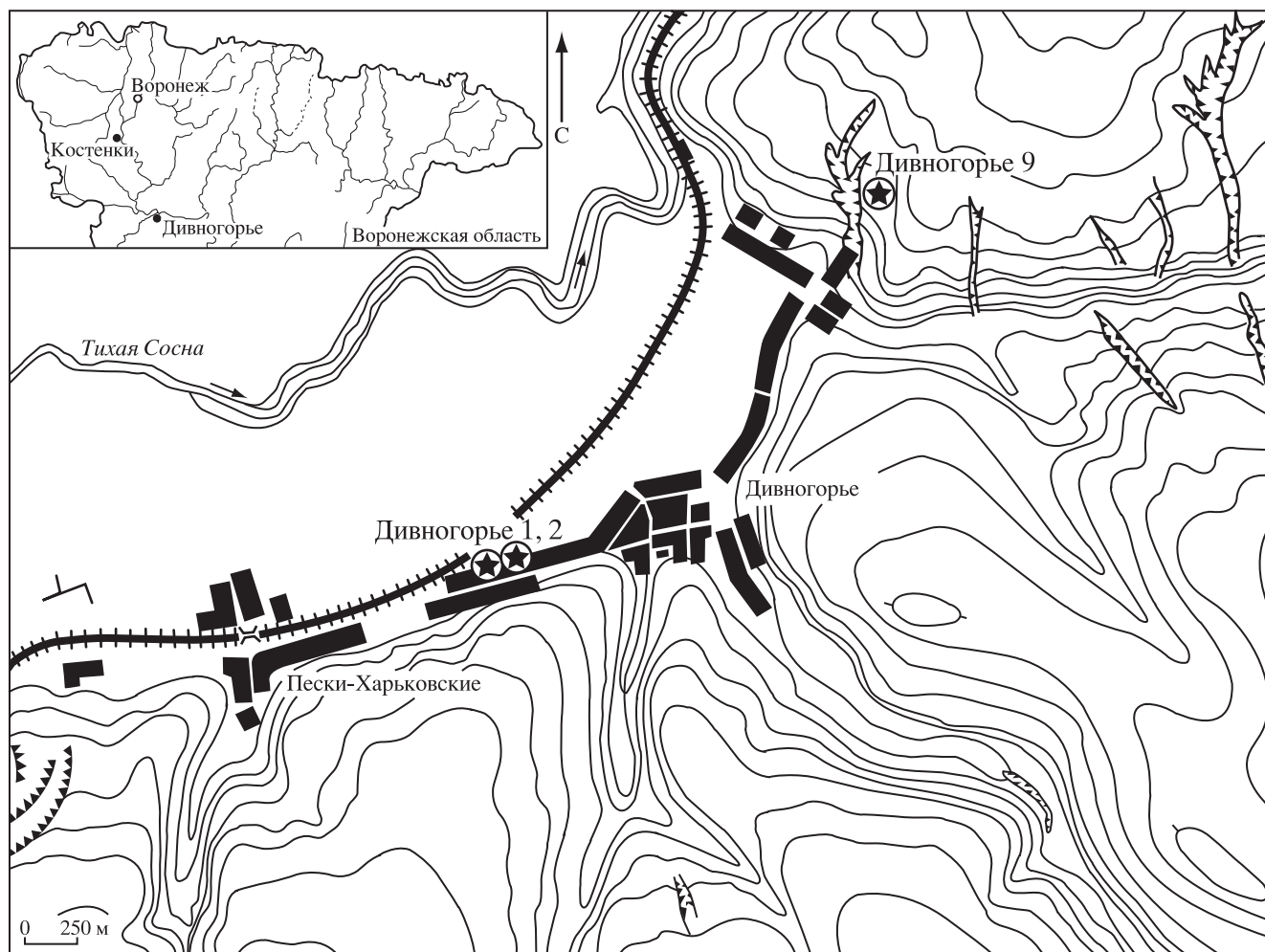


Рис. 1. Карта расположения памятников в районе хут. Дивногорье.

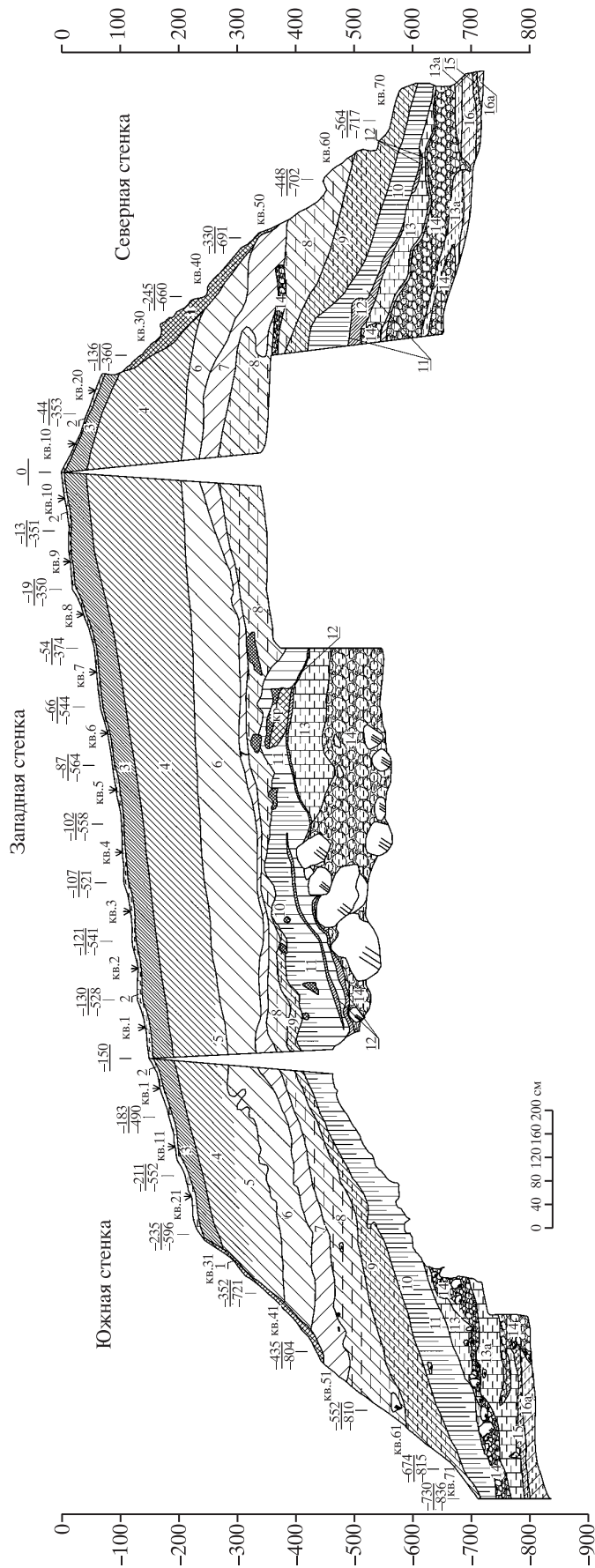


Рис. 2. Стратиграфия стоянки Дивногорье 9.

Таблица 1. Дивногорье 9. Стратиграфия стоянки

№	Характеристика отложений	Мощность, м
1	Современный мешанный слой (расположен на склонах)	0.2–0.4
2	Дерн	0.0–0.05
3	Рыхлый темно-серый чернозем с меловыми вкраплениями	0.35–0.4
4	Серый чернозем с вкраплениями меловой щебенки	0.75–1.6
5	Аналогичен слою 4, но с большим количеством щебенки. Наибольшую мощность (0.55 м) имеет в восточной части южной стенки	0.2–0.3
6	Гумусированный суглинок, сильно насыщенный меловой щебенкой. Наибольшую мощность имеет в западной стенке (до 0.1 м)	0.75–1.0
7	Слабогумусированный горизонт, сильно переработанный кротовинами	0.3–0.6
8	Лессовидный светло-сери-коричневый пористый неслоистый суглинок с беспорядочными включениями меловой крошки; на некоторых участках прослежены кротовины	1.0–1.45
9	Слой буроватого слабогумусированного неслоистого суглинка с включением меловой крошки и отдельных более крупных кусков мела в виде щебенки	0.2–1.15
10	Слой белесого, очень плотного суглинка с фрагментами известняка	0.7–0.9
11	Аналогичен слою 10, с более крупными фрагментами известняка	0.2–0.4
12	Тонкие линзы черного гумуса с включениями древесного угля. I уровень залегания костей	0.05–0.3
13	Плотный светло-коричневый суглинок с интенсивными вкраплениями мелового щебня; встречаются крупные куски мела до 10 см в поперечнике. В южной и западной стенках раскопа представляет собой линзы на поверхности крупных меловых обломков. II уровень залегания костей	0.3–0.5
13a	В целом идентичен слою 13, но с более интенсивными вкраплениями меловой щебенки	0.3–0.6
14	Меловые глыбы и щебень. Видимая мощность	0.4–1.2
15	Прослойки и линзы мелкой меловой щебенки, иногда крупные куски мела	0.05–0.1
16	Слой темно-сери-коричневого гумусированного суглинка, представленного на отдельных участках горизонтами линз и прослоек. Достаточно четко ограничен по цвету и структуре от выше- и нижележащих слоев. III уровень залегания костей	0.1–0.2
16a	Аналогичен слою 16, но более плотный. IV уровень залегания костей. Видимая мощность	0.2

разделенным меловыми глыбами и линзами щебенки. Гумусированные прослои скорее всего являются результатом переотложения одного почвенного горизонта. При расчистке скопления были вскрыты кости лошади *Equus ferus*, представленные более чем 20 особями, и одна плечевая кость росомехи *Gulo gulo*¹. Кости на первом и втором уровнях залегания (слои 12, 13) имеют, как правило, хаотичное распространение и только на нижних (слои 16 и 16a) уровнях они лежат преимущественно в анатомическом порядке *in situ* с небольшим смещением

по склону (в трех случаях в анатомическом порядке залегают полные скелеты). На верхних уровнях кости гораздо больше выветрены и вследствие этого нередко сломаны. Для нижних слоев характерна достаточно хорошая сохранность костного вещества и отсутствие явных признаков выветренности. На поверхности всех костей погрызов и древних механических повреждений не выявлено. Это свидетельствует в пользу того, что погребение лошадей произошло сразу или через небольшой промежуток времени после их гибели.

Каменный инвентарь представлен небольшим количеством предметов (табл. 2). Единичные кремни встречаются на всех уровнях залегания костей; основная часть находок локализуется на нижнем

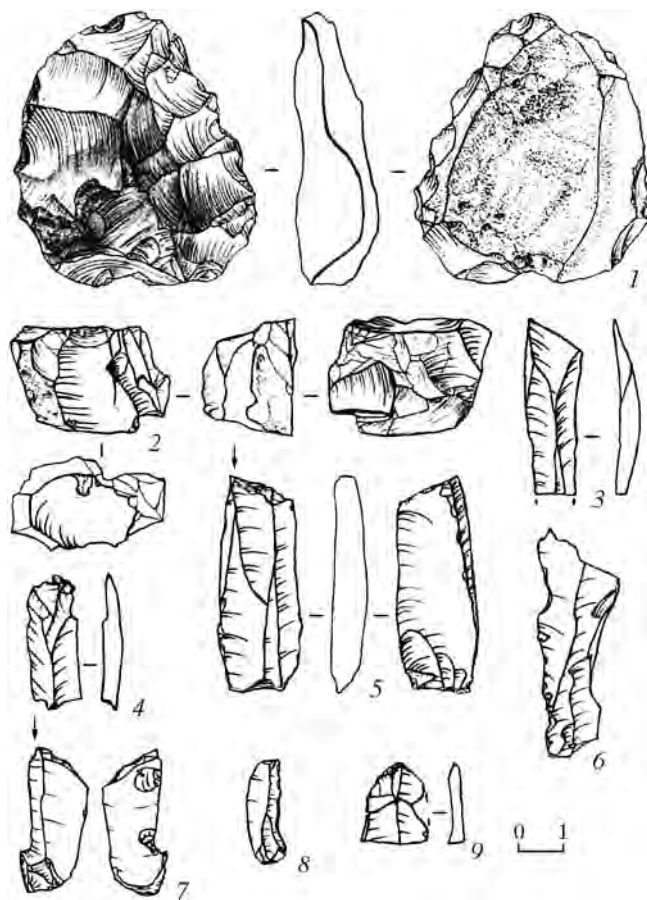
¹ В 2005 г. определение фауны проделано Э.А. Вангенгейм и П.А. Никольским, где кости лошади определены как *Equus caballus* L. (минимум 5 особей). В последующие годы состав фауны определялся Н.Д. Буровой.

Таблица 2. Дивногорье 9. Состав кремневой коллекции

Наименование	Количество
Отщепы	21
Чешуйки (< 1 см)	18
Пластинки	3
Нуклеусы	2
Пластинки с ретушью	2
Резцы	2
Отбойник	1
Всего	49

уровне на площади примерно 1 м². Скопление кремня представляет собой производственную площадку, в ходе расчистки которой среди костей обнаружено два нуклеуса со снятыми с них отщепами и чешуйками.

Использовалось два вида сырья: черный меловой кремь и желто-коричневый валунный кремь. Как пластинчатые заготовки, так и два резца на пластинах выполнены из более качественного мелового кремня.

**Рис. 3.** Кремневый инвентарь стоянки Дивногорье 9.

Один нуклеус — дисковидный из валунного кремня (рис. 3, 1), снятие происходило без предварительной подработки площадки методом простой обивки края желвака. Другой нуклеус подпризматический, двухплощадочный встречного скалывания, выполненный из мелового кремня (рис. 3, 2). В целом, анализируя общий состав коллекции, технику первичного раскалывания можно считать отщеповой.

Орудийный комплекс представлен двумя резцами на пластинах: угловым (рис. 3, 7) и косоретушным с подтеской ударного бугорка (рис. 3, 5); и отбойником из крупной конкреции валунного кремня. Из четырех пластинок мелового кремня (рис. 3, 4, 6, 8, 9) одна имеет нерегулярную мелкую ретушь по одному краю (рис. 3, 8). Кроме того, за пределами раскопа выше по склону обнаружена пластинка с мелкой дорсальной ретушью по одному краю (рис. 3, 3).

Наличие производственной площадки в сочетании с костными останками на одном уровне залегания пока позволяют только констатировать одновременность их отложения в результате однократного посещения человеком костяка. Археозоологический анализ остеологической коллекции, проведенный Н.Д. Буровой, не дает оснований для предположения о разделке туш на месте забоя и не позволяет однозначно интерпретировать характер связи фаунистических и археологических остатков.

Образование отмеченных четырех уровней распространения костей вряд ли свидетельствует в пользу их разновременности: наиболее вероятно, что создавшаяся стратиграфическая ситуация на раскопанной части памятника обусловлена оползновыми процессами, в ходе которых в несколько приемов вышерасположенные по склону участки смешались вниз вместе с костными останками. В пользу этого предположения свидетельствуют полученные датировки костей из трех верхних уровней залегания, располагающихся весьма компактно, за исключением одной явно омоложенной даты (табл. 3).

Дивногорье 1. Памятник, расположенный на первой низкой надпойменной террасе р. Тихая Сосна в 2,5 км к юго-западу от Дивногорья 9 (рис. 1), был открыт в 2008 г. На месте обнаружения подъемного материала был заложен небольшой раскоп площадью 8 м². Часть стоянки уничтожена во время взятия грунта для возведения железнодорожной насыпи. Стратиграфия стоянки следующая (табл. 4, рис. 4):

Таблица 3. Дивногорье 9. Радиоуглеродные даты по костям лошади

№	Дата	Индекс	Уровень залегания
1	11 400±120	ЛЕ-8137	I
2	12 350±200	ГИН-13192	III
3	12 980±180	ЛЕ-8135	II
4	13 100±200	ЛЕ-8134	II, кв. 63
5	13 150±200	ЛЕ-8136	I
6	13 370±240	ЛЕ-8130	II, кв. 72
7	13 560±240	ЛЕ-8131	II, кв. 53–54

Таблица 4. Дивногорье 1. Стратиграфия стоянки

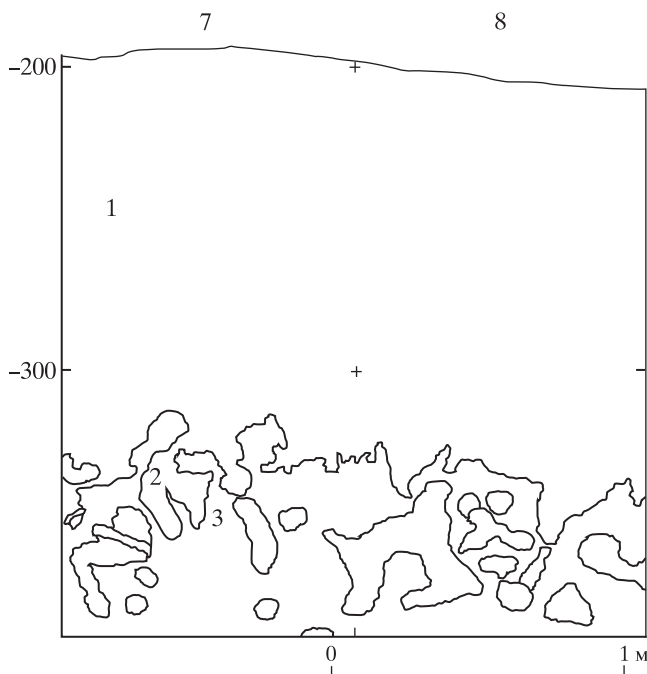
№	Характеристика отложений	Мощность, м
1	Чернозем. Содержит культурные остатки эпохи бронзы	1.3
2	Светло-желтая супесь, сильно переработанная норами грызунов	0.3
3	Светло-коричневая супесь, сильно переработанная норами грызунов. Содержит палеолитический культурный слой	0.2

Культурный слой на вскрытом участке представляет собой отдельные находки костей, расщепленные кремни и немногочисленные кусочки красной охры. Находки распределены достаточно равномерно по всей площади (рис. 5), каких-либо конструктивных элементов не зафиксировано. Разброс находок по вертикали в отдельных местах составляет до 30 см, что в первую очередь связано с активной деятельностью современных грызунов. Большинство обнаруженных костей представлено костями конечностей. В основном кости целые, на некоторых участках раскопа зафиксированы анатомические связи. Фаунистический комплекс представлен следующими видами животных: лошадь (*Equus ferus*) – 220/5 и северный олень (*Rangifer tarandus*) – 2/1 (определение Н.Д. Буровой).

Каменный инвентарь насчитывает 217 предметов (табл. 5), из них 102 экземпляра происходят из культурного слоя. Большую часть коллекции составляют отщепы, осколки и чешуйки кремня (около 50%).

Основным сырьем служил черный меловой высококачественный кремень, покрытый голубой патиной (96%), единичные виды сырья представлены серым “дымчатым” и местным валунным желто-коричневым кремнем, кварцитом красного и белого с голубой патиной цветов. В одном случае в качестве ретушера использовался осколок гальки мелкозернистого камня зеленоватого цвета. За исключением одного острия, изготовленного из серого дымчатого кремня (рис. 6, 14), все изделия со вторичной обработкой выполнены из черного мелового кремня.

Первичная обработка кремня частично производилась на месте, о чем свидетельствует присутствие как крупных сколов (до 8 см), так и мелких осколков и чешуек с меловой коркой. В то же время использовалось сырье весьма бережно – все нуклеусы сильно сработаны, два из них впоследствии использовались в качестве орудий. Такая стратегия объясняется удаленностью стоянки от источников

**Рис. 4.** Стратиграфия стоянки Дивногорье 1. Разрез южной стенки.

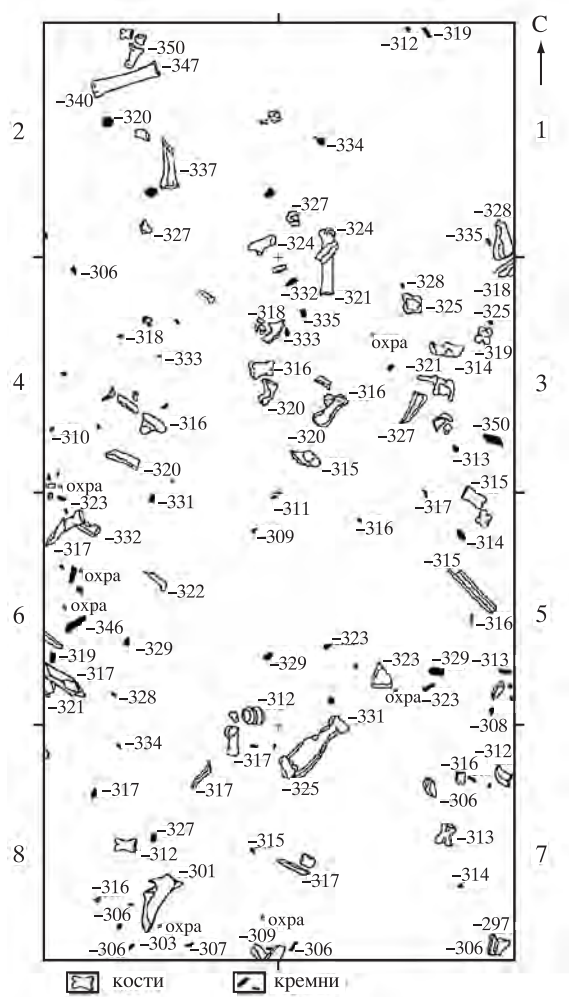


Рис. 5. Стоянка Дивногорье 1. Распределение находок в раскопе.

сырья – ближайшие естественные выходы высококачественного мелового кремня известны в бассейнах рек Оскол и Северский Донец.

Основными особенностями техники вторичной обработки являются широкое применение крутой и полукрутой, далеко заходящей ретуши, использование вертикальной ретуши и техники резцового скола. Обращает внимание распространенный прием ретушного усечения пластин: в коллекции имеются прямо-, вогнуто- и косоусеченные пластины, из них последние представлены наиболее широко. На трех косоусеченных пластинках ретушь усечения использовалась как площадка для снятия резцового скола.

Индустрия основана на удлиненной заготовке: большая часть предметов со вторичной обработкой, за исключением скребков, выполнена на пластинах и пластинчатых отщепах. В коллекции насчитывается три нуклеуса. Все ядрища типично

призматические: одно – двуплощадочное встречного скалывания (рис. 6, 21), остальные имеют одну ударную площадку (рис. 6, 24). Пластины и обломки пластин составляют более 19% от общего количества находок. Выделяются два стандарта заготовок: узкие длинные пластины с параллельными и субпараллельными краями (рис. 6, 17–19); широкие пластины неправильной формы. Второй тип заготовок достигает 9 см и более в длину и 3 см в ширину; нуклеусов с негативами таких пропорций не обнаружено. Обращает внимание большое количество сломанных пластин – некоторые из них, по-видимому, фрагментировались преднамеренно: в двух случаях на месте слома пластины частично осталась ретушированная выемка.

Изделия с вторичной обработкой насчитывают 28 предметов (табл. 6). Наиболее представительными категориями являются скребки (10 шт.) и резцы (9 шт.). Большая часть скребков концевые, простых форм. Три скребка сделаны на массивных отщепах с широким лезвием, ретушь плавно заходит на продольные края заготовки (рис. 6, 23). Четыре скребка, также изготовленные на отщепах, имеют миниатюрные пропорции: не более 3 см по длинной оси скалывания (рис. 6, 5–7), два из них с сужающимися лезвиями (рис. 6, 7). На пластинах выполнены два скребка: один имеет удлиненные пропорции, форма несколько напоминает вееро-видную (рис. 6, 13); второй – со скошенным лезвием и полукрутой вентральной ретушью по одной стороне заготовки, образующей небольшой шип на контакте с лезвием (рис. 6, 22).

Таблица 5. Дивногорье 1. Соотношение каменного инвентаря

Наименование	Количество	%
Отщепы и чешуйки	81	37.3
Обломки пластин	28	12.9
Пластины и пластинки	14	6.4
Осколки	27	12.4
Первичные сколы	7	3.2
Оживляющие сколы	5	2.3
Реберчатые сколы	12	5.4
Резцовые сколы	5	2.3
Нуклеусы	3	1.3
Отщепы с ретушью утилизации	4	2.0
Ретушеры	2	1.0
Отбойник	1	0.4
Изделия с вторичной обработкой	28	14.1
Всего	217	100

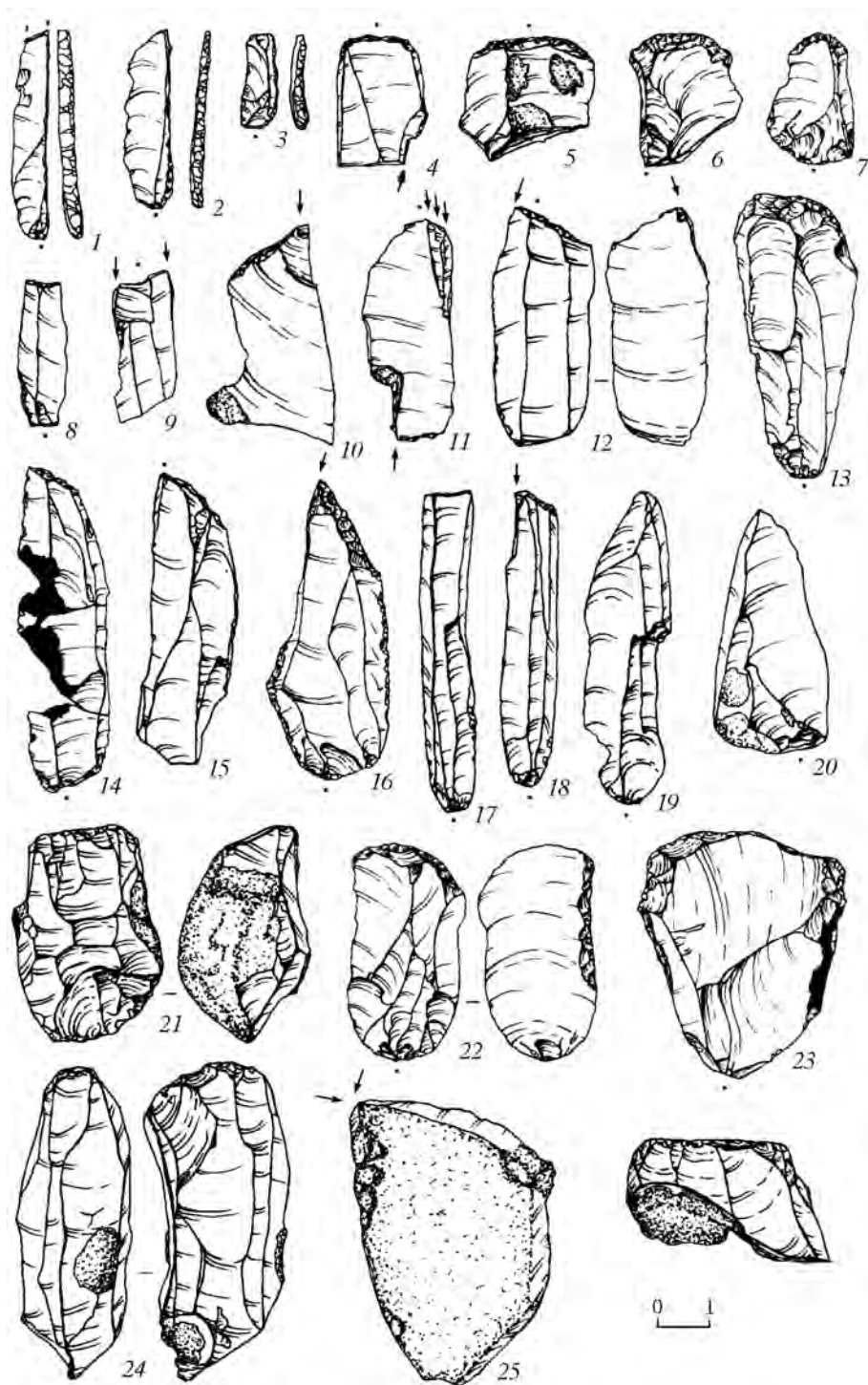


Рис. 6. Кремневый инвентарь стоянки Дивногорье 1 (черным цветом отмечены свежие сколы).

Среди резцов преобладают косоретушные (4 экз.): три выполнены на пластинах, один – на осколке кремня. В трех случаях резцы изготовлены на усеченных крутой мелкой ретушью концах (рис. 6, 10, 12, 18), в одном – снятие резцового скола происходило с ретушированного края наискосок заготовке (рис. 6, 16). Резцы на углу сломанной пластины представ-

лены двумя экземплярами: обломком пластины с резцовым сколом и двойным резцом на одном конце заготовки (рис. 6, 9). В коллекции также имеются двугранный резец на массивном отщепе (рис. 6, 25) и комбинированный резец: многофасеточный на одном конце заготовки и ретушный с подправкой резцового лезвия на другом (рис. 6, 11).

Таблица 6. Дивногорье 1. Соотношение изделий со вторичной обработкой

Наименование	Количество	%
Скребки	10	35.7
Резцы	9	32.5
Острия	2	7.1
Микропластинки с притупленным краем	2	7.1
Долотовидные орудия	2	7.1
Скребок-резец	1	3.5
Микроострие	1	3.5
Усеченная пластина	1	3.5
Всего	28	100

Острия представлены двумя экземплярами на пластинах. Рабочие элементы сформированы косым ретушным усечением концов заготовок, у одного острия усечены оба конца (рис. 6, 14, 15).

Изделия с притупленным краем разделяются на две категории: микропластинки и микроострия. Все изделия этой группы имеют один притупленный крутой и вертикальной ретушью край, противоположный край заготовки естественный. Микропластинки с притупленным краем представлены двумя экземплярами: миниатюрной (1.7 см) микропластинкой со скругленным ретушью основанием (рис. 6, 3) и удлиненной со сломанным дистальным концом (острие?) (рис. 6, 1). Единственное в коллекции целое микроострие имеет прямой притупленный ретушью край, сходящийся на дистальном конце с противоположным естественным слегка выпуклым краем (рис. 6, 2).

Единичные изделия следующие: два долотовидных изделия, одно выполнено на остаточном нуклеусе; пластинка с вогнуто-усеченным дистальным и прямо-усеченным проксимальным концами (рис. 6, 8), комбинированное орудие (скребок-резец на углу сломанной пластины) (рис. 6, 4). Кроме того в коллекции имеются: ретушеры, выполненные на части гальки зеленоватого цвета и на остаточном нуклеусе (рис. 6, 26); отбойник на крупной конкреции местного валунного кремня и четыре ретушированных отщепа с видимым заложением рабочего края.

В целом коллекция кремневого инвентаря по технико-типологическим показателям представляется однородной, не содержащей сторонних примесей.

Дивногорье 2. В том же году, в 200 м к востоку от Дивногорья 1 на этой же надпойменной террасе обнаружен немногочисленный подъемный мате-

риал (33 экз.), в числе которого имеются скребок с сужающимся лезвием, остаточный нуклеус и пластина с вентральной ретушью. Возможно, это местонахождение и стоянка Дивногорье 1 являются частью единого поселения.

Выводы

1. Геологические условия залегания, одинаковая сырьевая база, специализированная охота на лошадь и схожесть кремневой индустрии позволяют предположить относительную синхронность функционирования стоянок в Дивногорье.

2. Особое значение имеет “костище” Дивногорье 9 как достаточно редкий в Восточной Европе тип памятников – место гибели (забоя?) диких животных.

3. Несмотря на малочисленность коллекции облик индустрии достаточно выразителен. Отсутствие специфических типов орудий при преобладании ретушных резцов, скребков простых форм, наличии косоусеченных острий и орудий с притупленным краем отмечается многими исследователями при общей характеристике каменного инвентаря стоянок позднеландейского времени (Абрамова, Григорьева, 1997. С. 106–109; Аникович, 1997. С. 56, 57; Лисицын, 1999. С. 116–120 и др.). Из-за ограниченного состояния источниковой базы дивногорских стоянок (незначительная изученная площадь, отсутствие бытовых объектов и следов символической деятельности, слабая обеспеченность естественно-научными данными) на данный момент невозможно определить сходство коллекции с материалом какого-либо отдельного памятника. Однако не характерное для днепро-донского круга памятников полное отсутствие мамонтовой фауны в совокупности с компактной серией радиоуглеродных дат около 13 тыс. лет назад позволяет считать дивногорские стоянки одними из самых поздних в рамках поздней поры верхнего палеолита.

4. Обнаруженные палеолитические памятники в непосредственной близости от Костенок и в сходной геолого-морфологической ситуации делают перспективными поиски новых стоянок в “костенковской” округе. В этой связи кажется особенно актуальным продолжение исследований памятников рубежа поздней/финальной поры палеолита, достаточно невыразительно представленных в Костенках.

Авторы выражают глубокую благодарность Э.А. Вангенгейм, П.А. Никольскому и Н.Д. Буровой за определение фаунистических остатков; М.В. Ивашову и А.А. Свиридову за содействие в публикации материала; С.А. Васильеву,

А.А. Синицыну, А.А. Величко, С.Н. Седову и С.А. Сычевой за работу на разрезе и ценные замечания при подготовке данной публикации.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 09-01-56703 е/Ц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова З.А., Григорьева Г.В.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб., 1997.
- Аникович М.В.* Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от “восточного граветта” к “восточному эпиграветту” // Восточный граветт. М., 1998.
- Атлас Воронежской области. Воронеж, 1994.
- Бережной А.В., Мильков Ф.Н., Михно В.В.* Дивногорье: природа и ландшафты. Воронеж, 1994.
- Березуцкая Т.Ю.* Отчет к Открытому листу № 85 о проведении археологических исследований в Новохарьковском микрорайоне (Ольховатский район Воронежской области) в 1995 г. // Архив ИА РАН. 1997. Р-1. № 20442.
- Бессуднов А.А.* Палеолитические стоянки и местонахождения на территории Липецкой области // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3. Липецк; СПб., 2007.
- Бессуднов А.Н.* К проблеме выделения финальнопалеолитических древностей в лесостепном Подонье // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003.
- Бессуднов А.Н.* Новые верхнепалеолитические местонахождения бассейна Верхнего и Среднего Дона // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.
- Ивашов М.В., Бессуднов А.Н.* Отчет о проведении разведочных археологических работ в округе хутора Дивногорье Лискинского района Воронежской области в 2004 г. // Архив ИА РАН. 2005.
- Лисицын С.Н.* Эпиграветт или постграветт? (особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством) // Stratum plus. № 1. СПб.; Кишинев, 1999.
- Лисицын С.Н.* Хроностратиграфия стоянки Борщево 5 по данным раскопок 2002–2003 гг. // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.
- Свиридов А.А.* Отчет о проведении охранных археологических работ на местонахождении неоплейстоценовой фауны у хутора Дивногорье Лискинского района Воронежской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. 2008.
- Тарасов Л.М.* Масловка – палеолитическая стоянка на р. Воронеж // КСИА. 1983. Вып. 173.
- Федюнин И.В.* Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж, 2006.
- Федюнин И.В.* Памятник позднего палеолита в нижнем течении р. Черная Калитва на Среднем Дону // РА. 2008. № 4.
- Шабалин М.И., Праслов Н.Д., Холмовой Г.В.* Открытие палеолита в окрестностях г. Воронежа // Вестн. Воронежского ун-та. Геология. № 2. Воронеж, 2004.

New Upper Paleolithic sites near Divnogorie on the Middle Don

A.A. Bessudnov, A.N. Bessudnov

Summary

The reasons for the high concentration of Paleolithic settlements in the Kostenki-Borschevo area as compared to the individual isolated sites outside its boundaries were always a challenge for scholars. In 2004–2008, a number of Paleolithic sites were investigated near Divnogorie (50 km downstream the Don from Kostenki). Divnogorie 1 was a short-term horse-hunting camp. Among the stone tools, endscrapers of the usual shapes, burins on truncations and truncated points predominate. Backed implements are also encountered. At Divnogorie 9, almost intact skeletons of *Equus ferus* (numbering at least 15 animals) have been discovered in the humic loam under Allered soil. The flint assemblage that accompanied the bones is identical with that of Divnogorie 1. The morphological features of the lithic implements, the 7 radiocarbon dates of about 12000–13000 BP, and the geological position of the sites allow to define the industry as one of the latest within the late Upper Paleolithic.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АЛЬБА 8 В ВЕРХОВЬЯХ КЛЯЗЬМЫ

© 2010 г. Н.А. Цветкова

Ивановский государственный университет

Ранний неолит на территории Волго-Окского междуречья изучается уже более 35 лет с момента выделения верхневолжской культуры (Крайнов и др., 1973; Крайнов, Хотинский, 1977; Крайнов, 1996). Несмотря на длительное время, в течение которого проводились полевые исследования и последующая кабинетная работа, очень многие вопросы, связанные с изучением этой эпохи, остались либо спорными, либо вовсе нераскрытыми (Цветкова, 2007). Исследованные памятники верх-

неволжской культуры составляют очень небольшой процент от их известного количества (более 200). Кроме того, часть коллекций депаспортизирована, некоторые вовсе утрачены. А методика проведенных раскопок на ряде стоянок в прошедшие годы не позволяет полноценно работать с их коллекциями, поэтому каждый новый памятник, раскопанный с применением современных методов полевых изысканий, дополняет уже накопленные данные о раннем неолите на территории Волго-Окско-

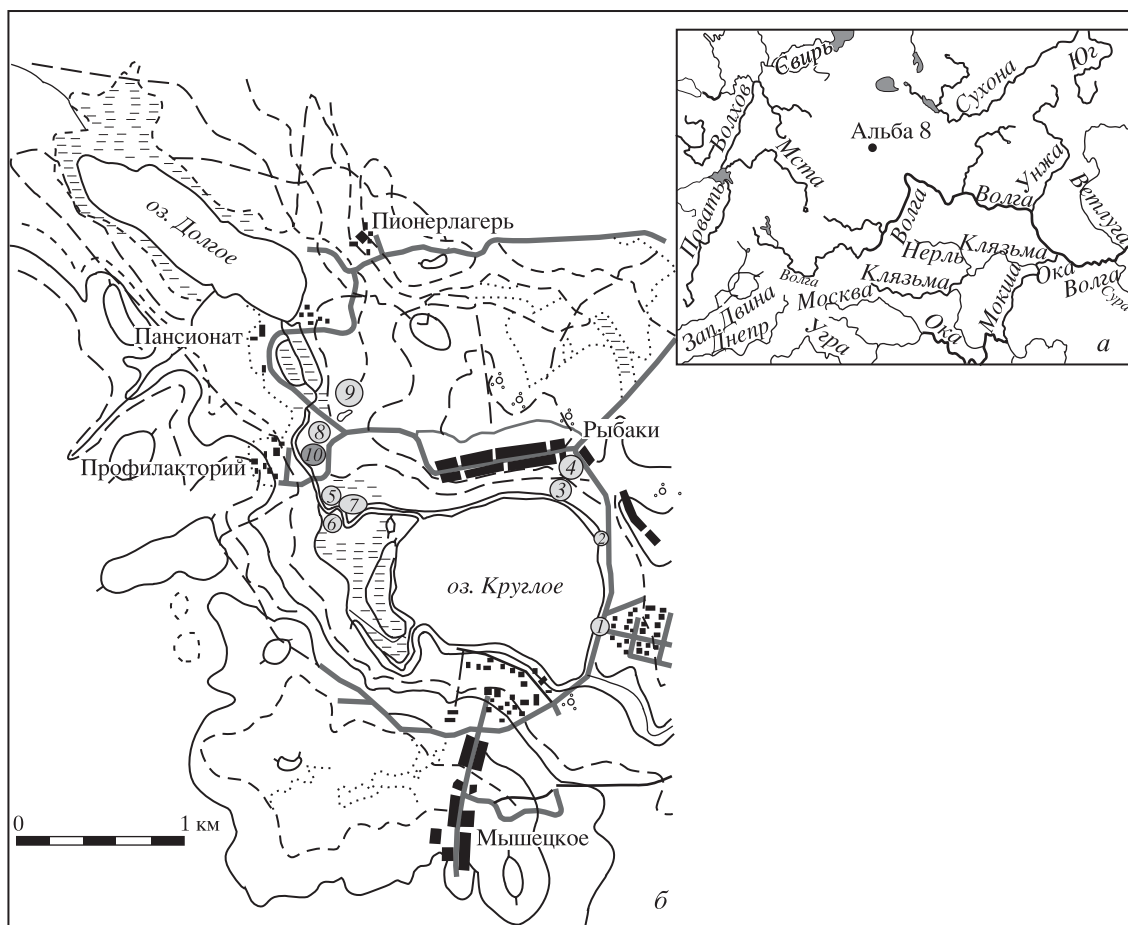


Рис. 1. Стоянка Альба 8: *а* – в контексте Волго-Окского междуречья; *б* – в контексте археологических памятников оз. Долгое – Круглое. Условные обозначения: 1 – Агафониха. Стоянка 1; 2 – Агафониха. Стоянка 2; 3 – Рыбаки. Стоянка 1; 4 – Рыбаки. Стоянка 2; 5 – Альба 5; 6 – Альба 3; 7 – Альба 1; 8 – Альба 7; 9 – Альба 6; 10 – Альба 8.

го междуречья и способствует его дальнейшему изучению.

Такова стоянка Альба 8, работы на которой проводились в 2006 г. отрядом Подмосковной археологической экспедиции (начальник А.В. Энговатова) ИА РАН. Автор настоящей работы принимал непосредственное участие в раскопках памятника.

Стоянка Альба 8 находится в Дмитровском районе Московской обл. в 1.25 км к западу от д. Рыбаки, примыкает к грунтовой дороге, ведущей к Оздоровительному центру “Долгое”. Памятник располагается на мысу левого берега протоки Альба (р. Мещериха), соединяющей озера Круглое и Долгое (рис. 1).

Озера Долгое и Круглое имеют постледниковое происхождение. Заселение их берегов началось в эпоху мезолита. В настоящее время здесь известно 10 памятников археологии, из которых 5 содержат культурные отложения эпохи раннего неолита (Альба 1, Альба 3, Рыбаки 1, Рыбаки 2 и Альба 8). Стоянки Альба 1, Альба 3 и Альба 8 приурочены к протоке между озерами, стоянки Рыбаки 1 и 2 располагаются на северном берегу оз. Круглое.

Альба 8 была открыта В.В. Сидоровым в 2005 г. во время проведения разведочных работ отрядом Подмосковной археологической экспедиции ИА РАН. Тогда на памятнике был заложен шурф размером 1×1 м, в котором были найдены несколько отщепов, нуклеидный кусок, сломанные резец и скребок. Границы стоянки определены по рельефу местности и характеру растительности. Первоначальная площадь памятника ориентировочно была определена в 600 м². Стоянка приурочена к мысу левого берега протоки Альба, который возвышается на 1.5 м над поверхностью воды. Площадка памятника на момент начала раскопок была задернована и поросла кустарником, тогда как окружающая его местность заросла осокой и отличалась повышенной увлажненностью.

В 2006 г. на памятнике был заложен раскоп площадью 164 м². Южная часть стоянки оказалась разрушена дорогой, ведущей в оздоровительный центр “Долгое”. В.В. Сидоровым было выполнено зондирование за дорогой, показавшее полное отсутствие признаков культурного слоя. Общая площадь сохранившейся части памятника составила около 200 м². К сожалению, работы в той части стоянки, которая поросла деревьями и кустарником, не представлялись возможными. Можно констатировать, что проведенными работами площадь стоянки Альба 8 исчерпана. В настоящее время на месте памятника ведется строительство коттеджного поселка.

Стратиграфия памятника (рис. 2, 1): 1) дерн (слой 1) – 3–5 см; 2) суглинок темно-коричневый гумусированный со следами распашки (слой 2) – 4–32 см (соответствует гумусово-пахотному горизонту почвы, которая может быть предположительно отнесена к типу болотно-подзолистых или дерново-подзолистых почв); 3) суглинок светло-серый, местами серо-коричневый, в восточной части раскопа ожелезненный и сильно обводненный (слой 3), вероятно, соответствующий элювиальному или элювиально-иллювиальному горизонту почвы, – 2–30 см; 4) суглинок светло-коричневый, в юго-восточной части раскопа ожелезненный, постепенно выклинивающийся в направлении с севера на юг (слой 4), вероятно, соответствующий иллювиальному горизонту почвы – 4–25 см, в северо-западной части раскопа замещен сильно ожелезненным влажным песком; 5) глина светло-коричневая (более светлая, чем суглинок вышележащего слоя 4) с рыже-бурыми пятнами ожелезнения (слой 5) – материк, распространяется ниже дна раскопа.

Также зафиксированы следующие прослойки: 1) светло-коричневый суглинок с высокой концентрации гальки (кв. 3, 4, 5/К; 3/Е, Ж); 2) темный серо-коричневый суглинок, залегающий линзами (кв. 10, 11 по линии Д, кв. 12 – 14/3).

Границы между литологическими слоями нечеткие. Находки распространены по всей пачке отложений. Под дерном встречены строительный мусор и незначительное количество средневековой керамики. В серо-коричневом и нижележащем светло-коричневом суглинке прослежены следы пахотных борозд. Все это свидетельствует о нарушениях культурного слоя на памятнике. По-видимому, нужно говорить о незначительной в данном случае антропогенной турбации, поскольку удалось зафиксировать неповрежденные археологические объекты и скопления находок.

Плотность находок в раскопе была довольно высокой, особенно в западной его части. Были выявлены два скопления кремня и остатки кострища (рис. 3; 2, 2). Скопление расщепленных кремней 1 округлой в плане формы и размерами 70×80 см состояло из большого количества отщепов (преимущественно) и чешуек (137 ед.) и 20 фрагментов пластинок. В этой же части раскопа на одной глубине со скоплением найден отбойник. С некоторой долей вероятности его можно интерпретировать как рабочее место мастера по вторичной обработке кремня. Во втором скоплении на квадратах найдены отщепы, обломки ножевидных пластин, нуклеус и фрагмент раннеолитического сосуда (определение керамики выполнено Е.Л. Костылевой).

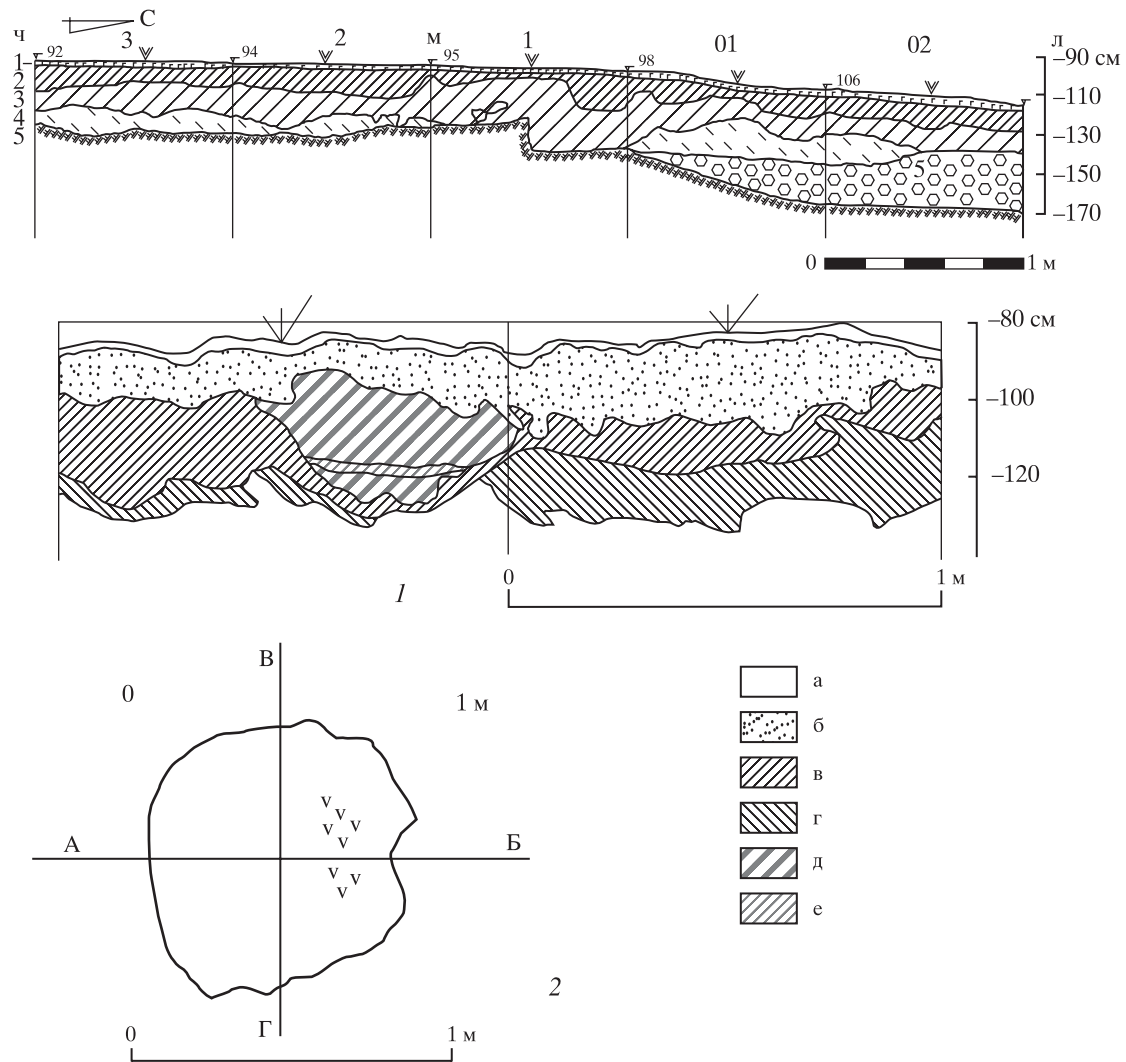


Рис. 2. Стратиграфия памятника (1) и остатки открытого земляного очага (2). Условные обозначения: а – дерн; б – темно-коричневый гумусированный суглинок; в – серо-коричневый суглинок; г – серо-коричневый суглинок (заполнение ямы); д – серо-коричневый суглинок (заполнение ямы); е – прослойка с большим количеством ортштейнов.

Третий достоверный археологический объект представлял собой следы древней ямы глубиной 40 см и линзовидной в разрезе. В плане наиболее отчетливо она наблюдалась при вскрытии средней части слоя 3 в виде округлого темного пятна размерами 70×50 см. Заполнение ямы – серо-коричневый суглинок, более темный, чем суглинок слоя 3 с находками. В восточной части объекта обнаружены немногочисленные мелкие древесные угольки, а также керамическая крошка, принадлежащая, судя по структуре керамической массы, плохо сохранившимся фрагментам посуды верхневолжской ранне-неолитической культуры. В нижней части ямы зафиксирована тонкая ожезненная прослойка. В заполнении помимо углей и керамической крошки найдены 10 фрагментов неорнаментированных керамических сосудов (возможно, одного сосуда) с

накольчато-гребенчатым орнаментом (рис. 4, 5, 6, 9, 13), которые могут быть отнесены к второму – третьему этапам развития верхневолжской культуры (Костылева, 1994); четырехгранная пластина, обломанная с проксимального конца (ширина – 14 см, толщина – 2 мм), шесть отщепов (из них две чешуйки). Они залегали в средней и нижней частях линзы объекта (заполнения реконструируемой ямы). Некоторые находки из ямы обожжены.

Точно определить хозяйственное назначение этой ямы затруднительно. Исходя из ее конфигурации в профиле, наличия в ней золы от древесных угольков, спекшейся керамической крошки и нескольких обожженных кремней, можно предположить, что это остатки открытого земляного очага.

К западу и юго-западу в непосредственной близости от ямы отмечена повышенная концентрация

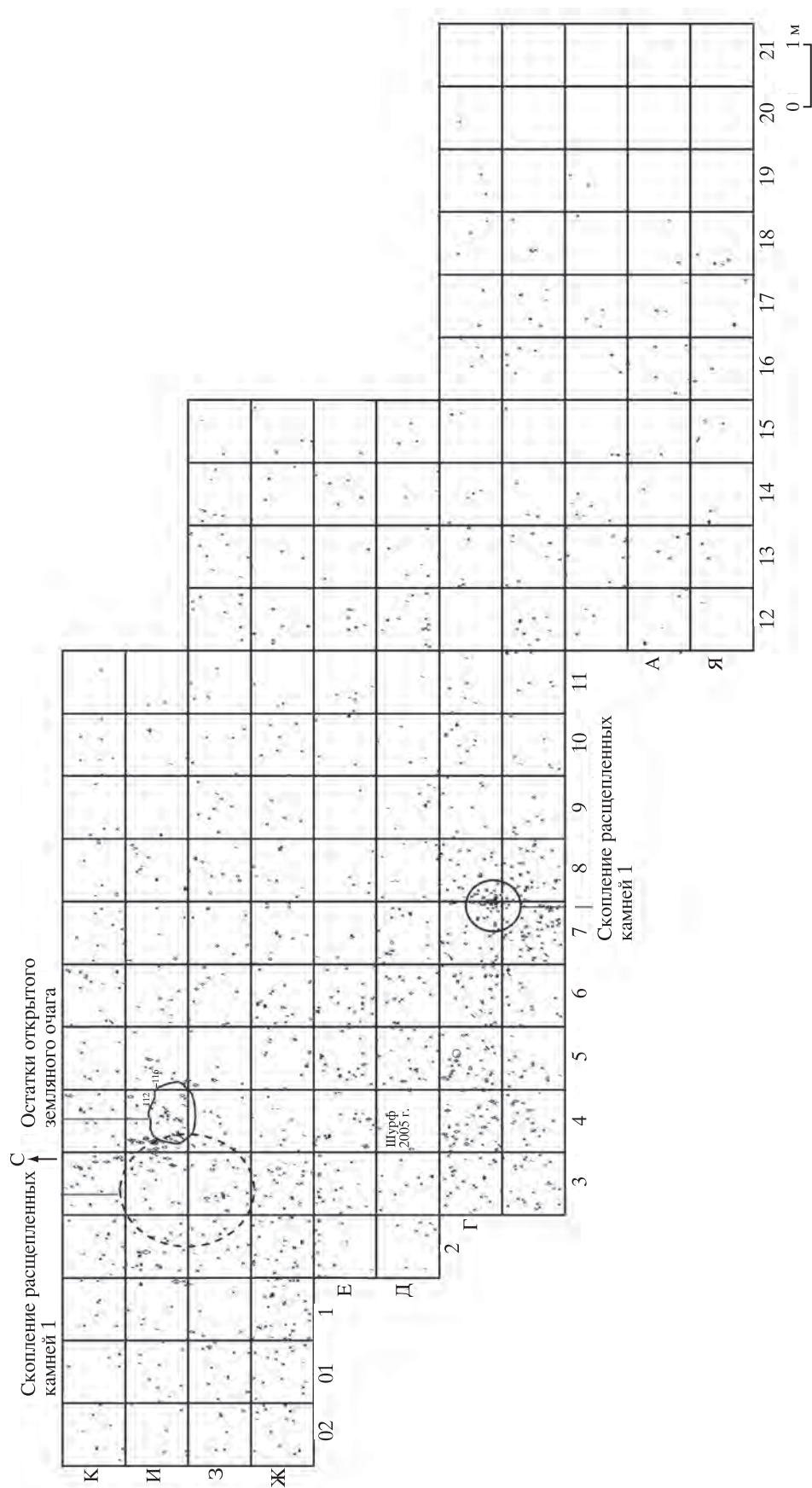


Рис. 3. План расположения находок в раскопе на стоянке Альба 8.

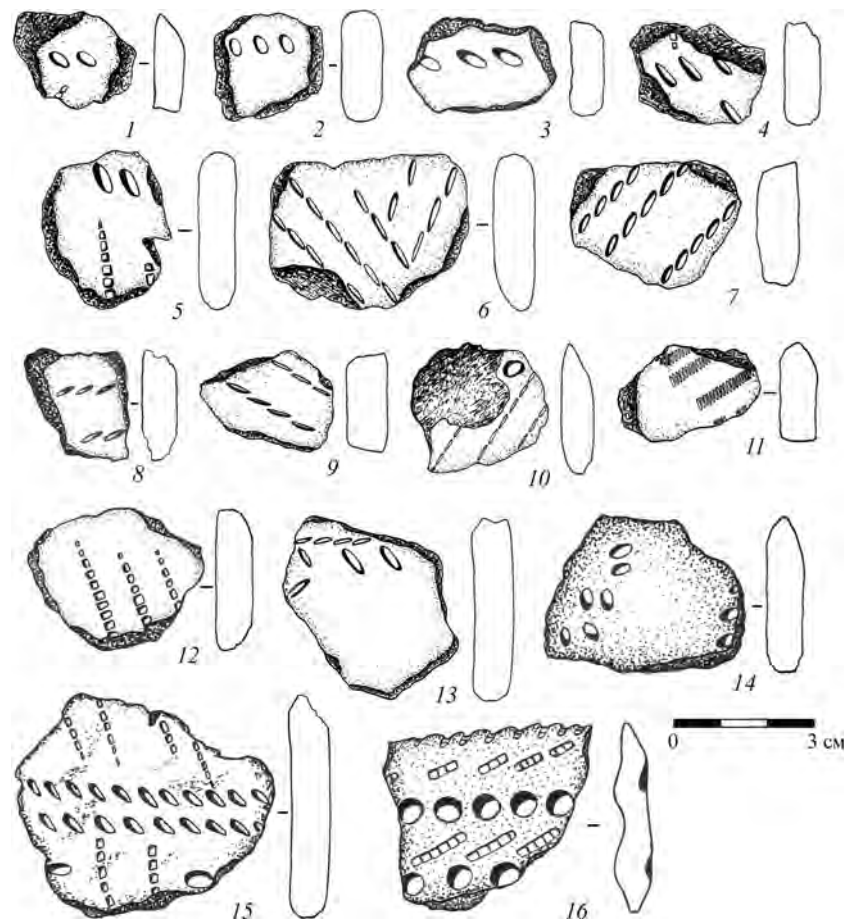


Рис. 4. Керамика со стоянки Альба 8. 5, 6, 9, 13 – из ямы (здесь и далее рис. автора).

находок (расщепленных кремней и фрагментов керамики, аналогичной найденной в яме). Это позволяет с осторожностью реконструировать рабочую площадку для первичного расщепления кремня.

Суммарная коллекция неолитических находок со стоянки Альба 8 составляет 1338 предметов. Основная их масса залегала в слоях 2 и 3.

Лепная керамика представлена 95 мелкими фрагментами сосудов верхневолжской ранненеолитической культуры первого и второго этапов развития, по типологии Е.Л. Костылевой (1987; 1994). Керамика мелкофрагментированная с примесью дресвы и шамота в тесте, последний доминирует. Это характерно для всего комплекса керамики со стоянки Альба 8. Выделяются следующие группы: неорнаментированные фрагменты; с тычковым орнаментом; с ложношнуровым орнаментом; с длиннозубчатым орнаментом. В коллекции присутствует единственный фрагмент тулова сосуда с широкозубчатым орнаментом или орнаментом типа “веревочка на палочке”, относящийся к третьему этапу развития верхневолжской культуры (рис. 4, 11).

Любопытна находка фрагмента венчика сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 4, 16). Его орнаментальная композиция проста: ритмичное чередование по вертикали одиночных горизонтальных поясов из белемнитных ямок и короткой косой гребенки. Подобная посуда характерна для ранней стадии льяловской культуры в Волго-Окском бассейне, и не исключено, что она синхронна финалу верхневолжской культуры (Жилин и др., 2000).

Сырье, использовавшееся для изготовления орудий, – местный моренный кремень различного цвета и качества, известен единственный кварцевый отщеп. Интересно отметить присутствие в коллекции нуклеуса и ножа, изготовленных из черного высококачественного кремня.

Отщепов насчитывается 946 единиц. По метрическим параметрам они распадаются на крупные (15), средние (350), мелкие (475) и чешуйки (106). Первичных отщепов – 97 экз. Со следами термического воздействия – 83. Четыре отщепы со шлифовкой; они были, по-видимому, сколоты с одного орудия, о чем свидетельствуют однородность их цвета

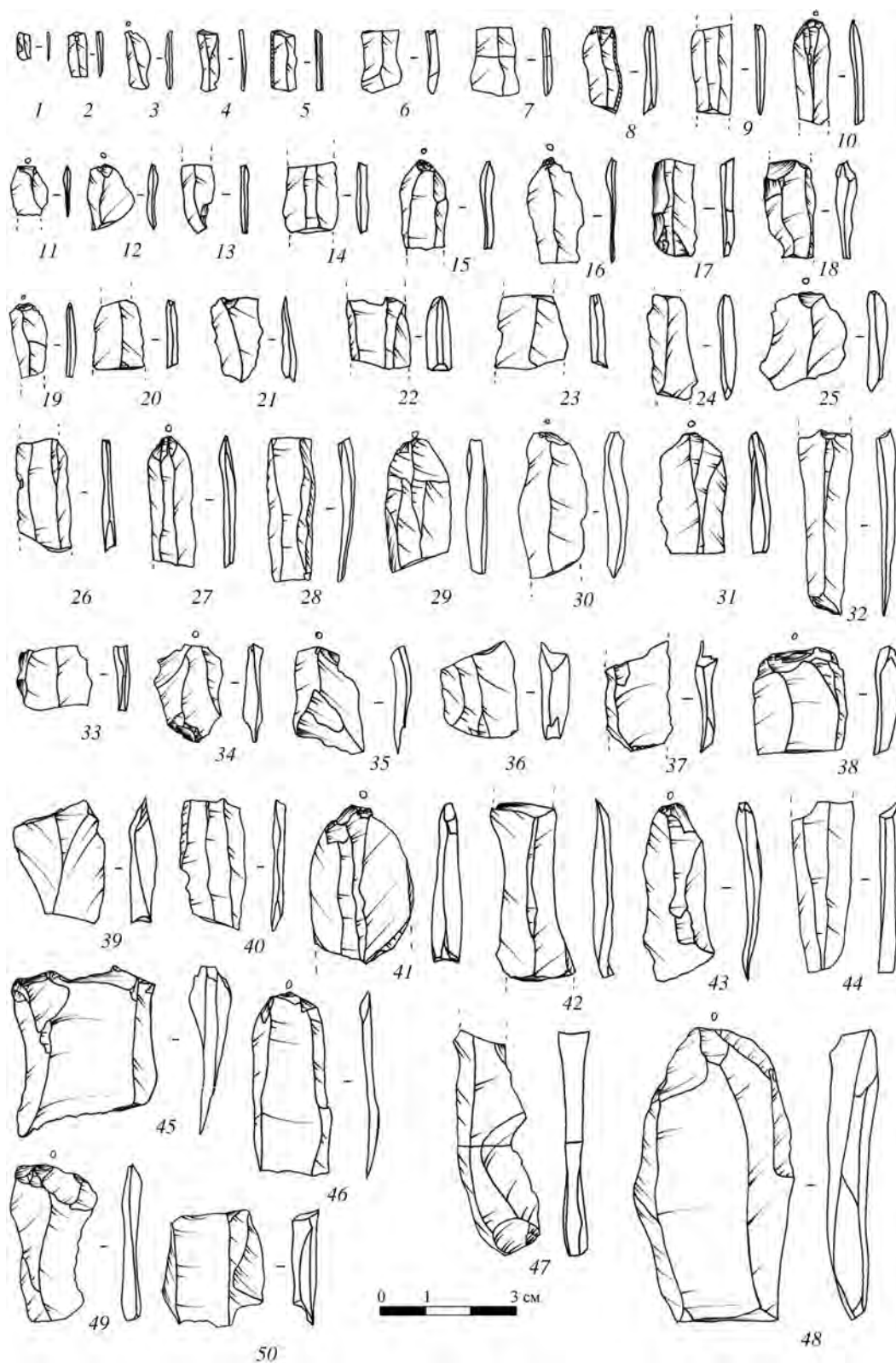


Рис. 5. Кремневые пластины.

и идентичность качества материала. На 19 отщепках просматривается нерегулярная ретушь.

Пластин всего – 221 единица (рис. 5): с регулярной огранкой дорсальной поверхности – 20, с нерегулярной – 201. Среди них – семь с желвачной коркой. Целых пластин – 14 экз., их толщина колеблется от 2 до 5 мм, одна имеет толщину 11 мм. Соотношение длины к ширине в среднем – 2:1. Длина составляет от 16 до 45 мм; ширина – от 6 до 23 мм. Фрагменты пластин – 207 единиц: представлены как дистальные, так медиальные и проксимальные части. Первых меньше всего, последних больше. Метрические параметры следующие: ширина колеблется в интервале от 4 до 36 мм, большинство изделий шириной 5–18 мм. В коллекции присутствуют фрагменты пластин толщиной от 1 до 5 мм. Пластины толщиной 6–12 мм представлены по одному экземпляру. Ребристых пластин насчитывается девять единиц, из которых семь с односторонним скалыванием и две с двухсторонним.

Нуклеусов – пять (рис. 6, 20, 21): один – монофронтальный одноплощадочный подпризматический нуклеус для пластин с фасетированной площадкой; второй – торцевой одноплощадочный нуклеус для пластин; третий – подконический однофронтальный нуклеус для отщепов с фасетированной площадкой. В коллекции также присутствуют два пренуклеуса с оформленным ребром. Нуклеидных кусков – 11.

Общее количество морфологически выраженных орудий – 49 единиц. Соотношение орудий, изготовленных из отщепов (32), и орудий, изготовленных из пластин (16), – 2:1.

Скребок найдено 18 (рис. 6, 1–11), из них концевых разных вариантов – 4 экз.: с дугообразным лезвием (2), со скошенным лезвием (2); аморфных (под этим типом скребков автором понимаются изделия, обработанные скребковой ретушью, но не имеющие устойчивой формы) – 7; концевых-боковых – 4. Единичны подокруглый; стрельчатый; боковой скребки; найден один обломок скребка (рис. 6, 9).

В качестве заготовок использовались отщепы. Обработка рабочего лезвия производилась крутой или полукрутой дорсальной ретушью. Единично орудие, оформленное вентральной ретушью (аморфный скребок).

Резцы – 10 (рис. 6, 12–19) – представлены типом изделий в основном с неподработанной площадкой (площадки двух резцов фасетированы), выполненных на углу слома заготовки, в качестве которой использовались как отщеп, так и пластина. В коллекции присутствуют изделия с шириной кромки

1 мм (4 экз.), 2 (2 экз.), 3 (1 экз.) и 4 мм (2 экз.). Найден один двойной резец с шириной кромок 4 и 5 мм.

Острия: в коллекции четыре наконечника стрел (рис. 7, 1, 3, 5, 6). Первый – асимметричный удлинённых пропорций, со скошенным острием и выделенным черешком, изготовленный из трехгранной пластины правильной огранки. Черешок оформлен полукрутой вентральной ретушью, острие пера – пологой вентральной. Фиксируются выкрошенности на одной из боковых сторон у острия (следы утилизации?). Второй – симметричный наконечник стрелы листовидной формы, изготовленный из отщепка, обработанный по периметру полукрутой вентральной ретушью и полукрутой дорсальной у острия и насада. Еще два наконечника стрел – симметричные изделия ромбовидной формы с отмеченными небольшими уступами переходом от пера к насаду, обработанные двусторонней пологой и полукрутой ретушью, изготовленные, по-видимому, из отщепов.

В коллекции присутствуют два сломанных орудия (рис. 7, 2, 4), интерпретированные как обломки наконечников стрел. У обоих утрачено острие пера. Первое – с выделенным черешком, оформленным крутой вентральной ретушью. Второе обработано крутой вентральной ретушью с боковых сторон, насад подправлен крутой дорсальной ретушью, на углу слома – резцовый скол.

Проколки (3 экз.) (рис. 7, 7, 8): одна из них – симметричная с невыделенным жалцем, изготовленная из первичного отщепка и оформленная крутой дорсальной ретушью по периметру и пологой вентральной по одной из боковых сторон. Второе орудие – симметричная проколка с выделенным плечиком, обработанная крутой дорсальной ретушью, выполненная из четырехгранной первичной пластины неправильной огранки, по бокам – выкрошенности (следы утилизации?). Третья проколка – из четырехгранной пластины неправильной огранки, с невыделенным жалцем, оформленная полукрутой дорсальной ретушью.

Орудия с выемками (2 экз.) (рис. 7, 9, 10): первое – с двумя широкими неглубокими сходящимися выемками, оформленными отвесной дорсальной ретушью, изготовленное из отщепка; второе – с глубокой узкой выемкой, оформленной крутой вентральной мелкофасеточной ретушью, изготовленное из пластины неправильной огранки.

Пластины с регулярной ретушью (6 экз.) (рис. 7, 11, 12, 14–17): первая – трехгранная отжимная (?) регулярная пластина, обломанная с дистального конца с полукрутой дорсальной ретушью на одной из боковых сторон; вторая – трехгранная

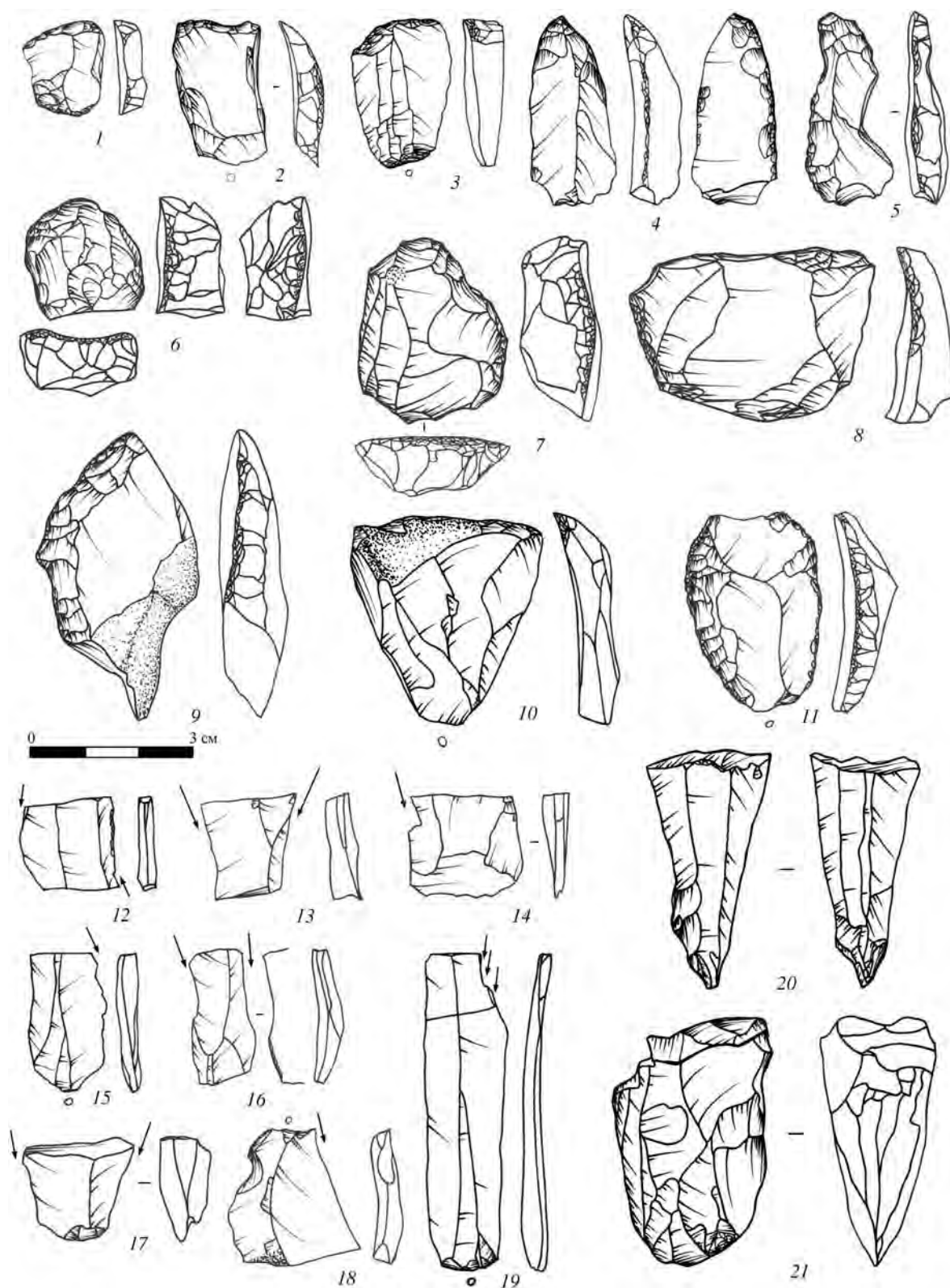


Рис. 6. Кремневые орудия.

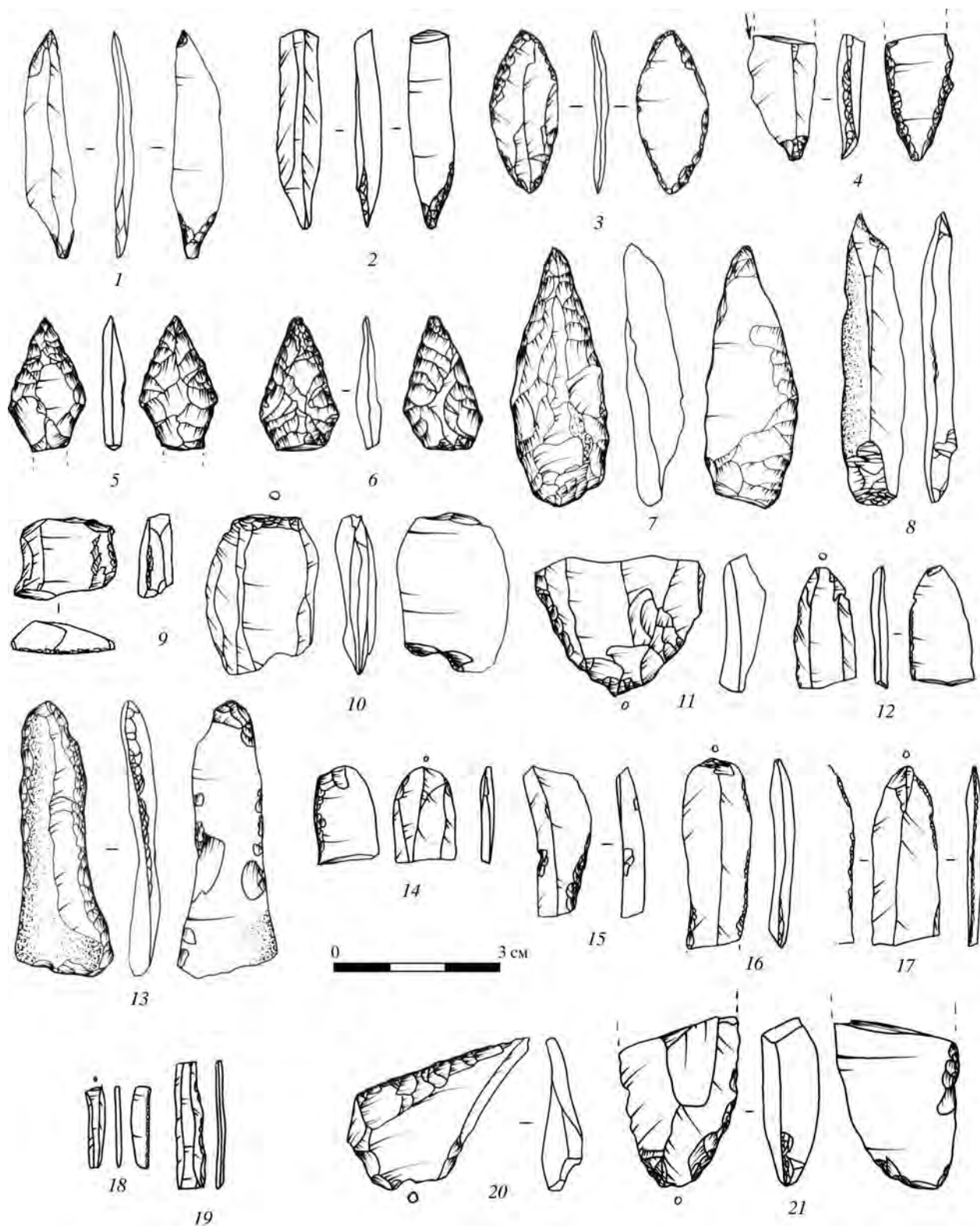


Рис. 7. Каменный инвентарь со стоянки Альба 8. 1, 3, 5, 6 – наконечники стрел; 2, 4 – обломки наконечников стрел; 7, 8 – проколки; 9, 10 – орудия с выемками; 11, 12, 14–17 – пластины с ретушью; 13, 20 – ножи; 18, 19 – вкладыши; 21 – отщеп с ретушью.

нерегулярная пластина, также обломанная с дистального конца с противолежащей мелкофасеточной полукрутой ретушью; третья – медиальная часть трехгранной нерегулярной пластины с полукрутой дорсальной ретушью на боковой стороне; четвертая – трехгранная регулярная пластина с дорсальной мелкофасеточной ретушью на одной из боковых сторон и выкрошенностями на другой (следы утилизации?). У пятой – пятигранной нерегулярной пластины – утрачен дистальный конец, одна из боковых сторон выровнена полукрутой вентральной мелкофасеточной ретушью. Шестое изделие – медиальная часть четырехгранной нерегулярной пластины с дорсальной крутой ретушью, прерванной сломом.

Ножи (4 ед.) (рис. 7, 13, 20): для всех заготовки служили отщепы. Все однолезвийные, с той лишь разницей, что лезвия у трех прямые, у одного – вогнутое. Рабочие кромки сформированы полукрутой и крутой ретушью со спинки, у одного – со спинки и брюшка. На одном ноже фиксируется вторичная поправка проксимального (зауженного) конца (переоформление орудия в сверло-развертку).

Вкладыши немногочисленны (3 ед.) (рис. 7, 18, 19), у всех обработана только одна сторона. Первый изготовлен из медиальной части четырехгранной нерегулярной пластинки и обработан нерегулярной дорсальной мелкофасеточной ретушью; второй выполнен на медиальной части трехгранной микропластинки правильной огранки, обработан полукрутой вентральной мелкофасеточной ретушью; третий изготовлен из проксимальной части четырехгранной нерегулярной пластинки с отвесной вентральной мелкофасеточной ретушью.

Отбойники представлены гальками: плоской кварцевой с характерными следами по периметру; неправильной формы с двумя противолежащими рабочими площадками.

Рубящие орудия (4 ед.) выполнены в технике двухсторонней обивки (рис. 8). Три изделия имеют следы желвачной корки. Из них – два тесла: подтрапещевидной формы толстообушное, изготовленное из крупного первичного отщепа; прямоугольное толстообушное. Представлены два топора трапещевидной формы, тонкообушные. В коллекции также присутствуют две заготовки деревообрабатывающих орудий. Крупные первичные отщепы обработаны в одном случае двухсторонней обивкой, во втором – односторонней. Форма первого предполагаемого орудия подтрапещевидная, обушок широкий, сечение линзовидное (рис. 8, 2). Второй предмет – по-видимому, заготовка толстообушного тесла трапещевидной формы.

Залегание каменного инвентаря в сочетании с верхневолжской керамикой позволяет относить его к верхневолжской ранненеолитической культуре. Первичное расщепление кремня направлено на получение как пластин, так и отщепов. Отщеп преобладает над пластиной в качестве заготовки для орудий. Пластинчатая техника достаточно развита, но доминируют пластины с нерегулярной огранкой дорсальной поверхности. Серия скребков очень разнообразна, однако больше всего аморфных изделий. Последнее является характерной чертой как для финального мезолита, так и для раннего неолита.

Все резцы в коллекции выполнены на углу слома заготовки, в качестве которой использовались как отщеп, так и пластина. Предполагаемые деревообрабатывающие орудия достаточно стандартны. Шлифованные артефакты не найдены, но в коллекции присутствуют отщепы со следами шлифовки. Малочисленность вкладышей свидетельствует об изживании вкладышевой индустрии. Ножи невыразительны.

Наконечники стрел разнообразны по формам: слабовыделенным черешком, листовидные и ромбические. Первый тип – удлиненных пропорций со слабовыделенным черешком – известен в культурных слоях поселений, датирующихся как финалом мезолита, так и ранним неолитом (Энговатова и др., 1998). В частности, он представлен в коллекциях стоянок Давыдовская (Сидоров, 1973), Алексеевское I (Цветкова, 2007), Озерки 5 (Жилин, 2006). Листовидные наконечники стрел с обработкой по периметру (второй тип) также известны с первого этапа развития верхневолжской культуры: стоянки Плещеево I (Жилин, 1982), Воймежное I (Древние охотники..., 1990), Сахтыш II, VIII (Костылева, 1985; 1986). Наконечники стрел ромбической формы с двусторонней обработкой (третий тип) появляются на втором этапе развития верхневолжской культуры. Они имеются в материалах со стоянки Воймежное I (Древние охотники..., 1997). Однако наиболее распространенными они становятся в развитом неолите (льяловская, рязанская культуры) (Гурина, 1996а, б; Крайнов, 1996а; б).

Таким образом, на стоянке Альба 8 представлены наконечники стрел, бытовавшие на протяжении всей истории существования верхневолжской культуры. Это хорошо согласуется с наличием на памятнике как ранней накольчатой, так и поздней, гребенчатой верхневолжской керамики.

Следует отметить, что из фактически “чистого” комплекса “выпадают” обломок венчика сосуда с ямочно-гребенчатой орнаментацией, нож с вогнутым лезвием (рис. 7, 13) и пара наконеч-

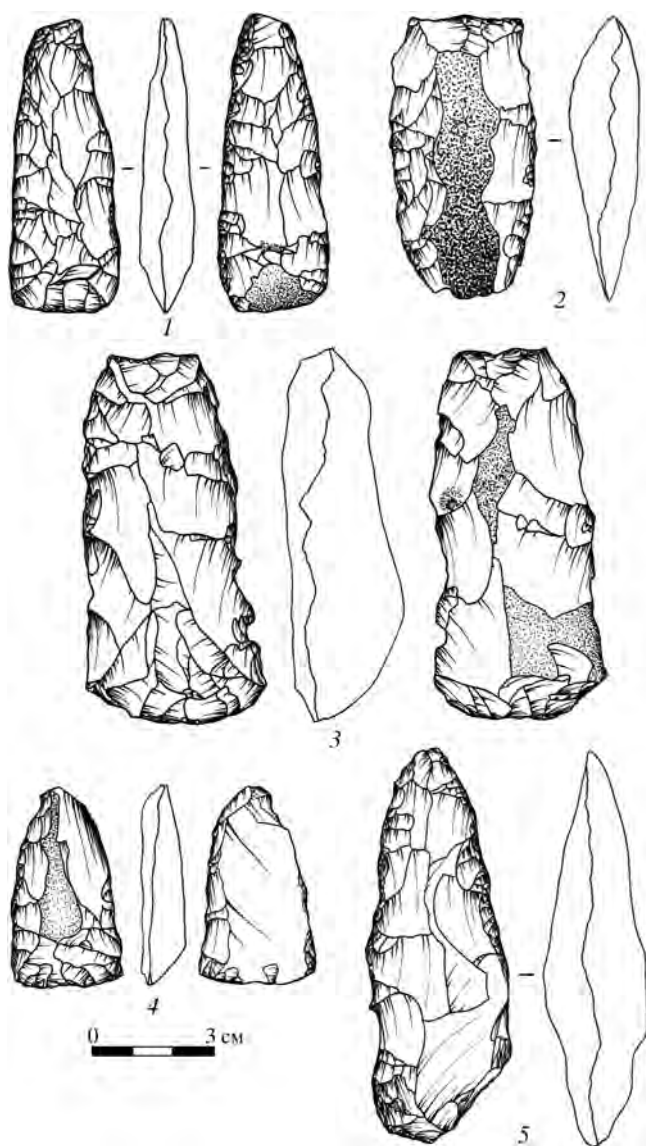


Рис. 8. Деревообрабатывающие орудия. 1, 2, 5 – топоры; 3, 4 – тесла. Кремль.

ников стрел ромбической формы и укороченных пропорций из отщепов (рис. 7, 5, 6). Подобные наконечники и ножи более характерны уже для развитого лесного неолита (льяловская, рязанская культуры) и менее известны в верхневолжских горизонтах.

Вместе с тем необходимо констатировать, что по материалам ряда памятников отмечается высокая степень сходства финально-мезолитической и ранне-неолитической каменной индустрии. Последнее может быть связано, с одной стороны, с преемственностью развития раннего неолита от позднего мезолита, с другой – со стратиграфической нерасчлененностью культурных слоев двух эпох, следствием чего является механическое смешение ма-

териала, и, наконец, с существованием в мезолите и неолите одинаковых форм орудий в результате сходного типа хозяйства. Сложность интерпретации материала стоянки Альба 8 обусловлена и тем, что на сегодняшний день отсутствует разработанная типология каменного инвентаря раннего неолита.

Поскольку среди находок стоянки Альба 8 нет ни одного типа изделий, известных только в мезолите и неизвестных в ранне-неолитическую эпоху, уверенно говорить о наличии мезолитической примеси в каменном инвентаре стоянки не представляется возможным.

В целом каменный инвентарь стоянки Альба 8 находит широкие аналогии в материалах из ранне-неолитических культурных горизонтов таких памятников, как Алексеевское I, Берендеево Па, Давыдково, Замостье II, Окаемово XVIII, Озерки 5, Ивановское VII, Сахтыш Па (Жилин, Крайнов, 1982; Лозовский, 2001; 2003; Жилин, 1997; Жилин и др., 2000; Костылева, 2003; Цветкова, 2008). Кроме того, отмечается сходство с каменным инвентарем раннего этапа валдайской неолитической культуры / западного локального варианта верхневолжской ранне-неолитической культуры (Крайнов, 1996а; Гурина, 1996а) – стоянки Кочище I, II, Нижние Котицы.

По нашему мнению, стоянка Альба 8 представляла собой сезонное неспециализированное поселение охотников, рыболовов и собирателей. Об этом свидетельствует наличие на памятнике большинства категорий производственного инвентаря. Проведенными в 2006 г. работами была вскрыта периферийная часть памятника. Судя по рельефу местности, а именно – более высокому положению южной части памятника, нарушенной асфальтовой дорогой, а также по тяготению находок к юго-западной границе раскопа, можно предполагать, что там находилась центральная часть стоянки.

Автор выражает благодарность А.В. Энговатовой за предоставленную возможность публиковать материалы, а также Е.Л. Костылевой, А.Е. Кравцову, П.Е. Русакову, В.В. Сидорову, Н.В. Шуваловой и А.В. Уткину за помощь и консультации при написании работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гурина Н.Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996а.
- Гурина Н.Н. Рязанская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996б.
- Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997.

- Жилин М.Г.* О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево I // СА. 1982. № 3.
- Жилин М.Г.* Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.
- Жилин М.Г.* Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М., 2006.
- Жилин М.Г., Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М., 2000.
- Жилин М.Г., Крайнов Д.А.* Стоянка Берендеево II // КСИА. 1982. Вып. 169.
- Костылёва Е.Л.* Остатки верхневолжской раннеолитической культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. 1985. Вып. 185.
- Костылёва Е.Л.* Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 1986. № 4.
- Костылёва Е.Л.* Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской раннеолитической культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Костылёва Е.Л.* Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. 1994. Вып. 1.
- Костылёва Е.Л.* Основные вопросы неолитизации центра Русской равнины (особенности неолитизации лесной зоны) // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003.
- Крайнов Д.А.* Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996а.
- Крайнов Д.А.* Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996б.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А.* Верхневолжская ранне-неолитическая культура // СА. 1977. № 3.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., Урбан Ю.Н., Молодцова Е.М.* Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестн. АН СССР. 1973. № 5.
- Лозовский В.М.* Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад, 2001.
- Лозовский В.М.* Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2). СПб., 2003.
- Сидоров В.В.* Давыдовская стоянка на р. Яхроме // СА. 1973. № 2.
- Цветкова Н.А.* История изучения верхневолжской раннеолитической культуры // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2007.
- Цветкова Н.А.* Стоянка каменного века Алексеевское I (по материалам раскопок 1969 и 1970 гг.) // Археология: история и перспективы. Третья межрегион. конф. Ярославль, 2008.
- Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А.* Хронология верхневолжской раннеолитической культуры // РА. 1998. № 2.

The Early Neolithic site Al'ba 8 in the upper course of the Klyazma

N.A. Tsvetkova

Summary

Al'ba 8 in Dmitovskiy district of Moscow Oblast' was discovered by V.V. Sidorov in 2005. The site is located on the cape of the left bank of Al'ba being a channel conjoining lakes Krugloye and Dolgoye. The site was thought to be a seasonal unspecialized camp of the Upper Volga Early Neolithic culture hunters, fishers and gatherers. Under excavations an open ground hearth and two manufacturing areas were revealed associated with primary and secondary flint knapping activities. Ceramics is presented by small fragments corresponding to the 1st and 2nd stages of the Uper Volga culture. The stone assemblage of Al'ba 8 site is multiform and has analogies among the materials of the Early Neolithic sites cultural horizons such as Alekseevskoye I, Berendeyevoye II, Davydkovo, Zamostye II, Okayomovo XVIII, Ozerki V, Ivanovskoye III, VII, Sakhtysh, II, Pleshcheyevoye I, and others. Furthermore, similarities are noticed in the stone inventories of the early stage of the Valdai Early Neolithic culture/the western local variant of the Uper Volga culture (the sites Kochishche I, II, Nizhniye Kotitsy).

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКОЕ РИТУАЛЬНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ НА СТАВРОПОЛЬЕ

© 2010 г. С.Н. Савенко

Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Курганный могильник “Бударка 3”, находящийся в Кочубеевском районе Ставропольского края, состоял из 10 небольших насыпей, 9 из которых были исследованы в 2008 г. экспедицией под руководством автора. Держателем Открытого листа и ответственным исполнителем работ был археолог из г. Ростов-на-Дону С.В. Мячин, которому я выношу искреннюю благодарность за право публикации данных материалов. Курганы располагались цепочкой на уплощенной водораздельной гряде

между речками Барсучки 2 и 3 в 2.5 км восточнее горы Бударка на южных отрогах Ставропольской возвышенности в окрестностях г. Невинномысск (рис. 1).

Среди раскопанных памятников выделяется курган 8. Он имел диаметр 18–21 м, высоту – 70–85 см. Насыпь уплощенно-сегментовидной, овально-вытянутой по линии С–Ю формы. В центре она имела овальное заплывшее углубление размерами примерно 6 × 9 м и глубиной 55–60 см.

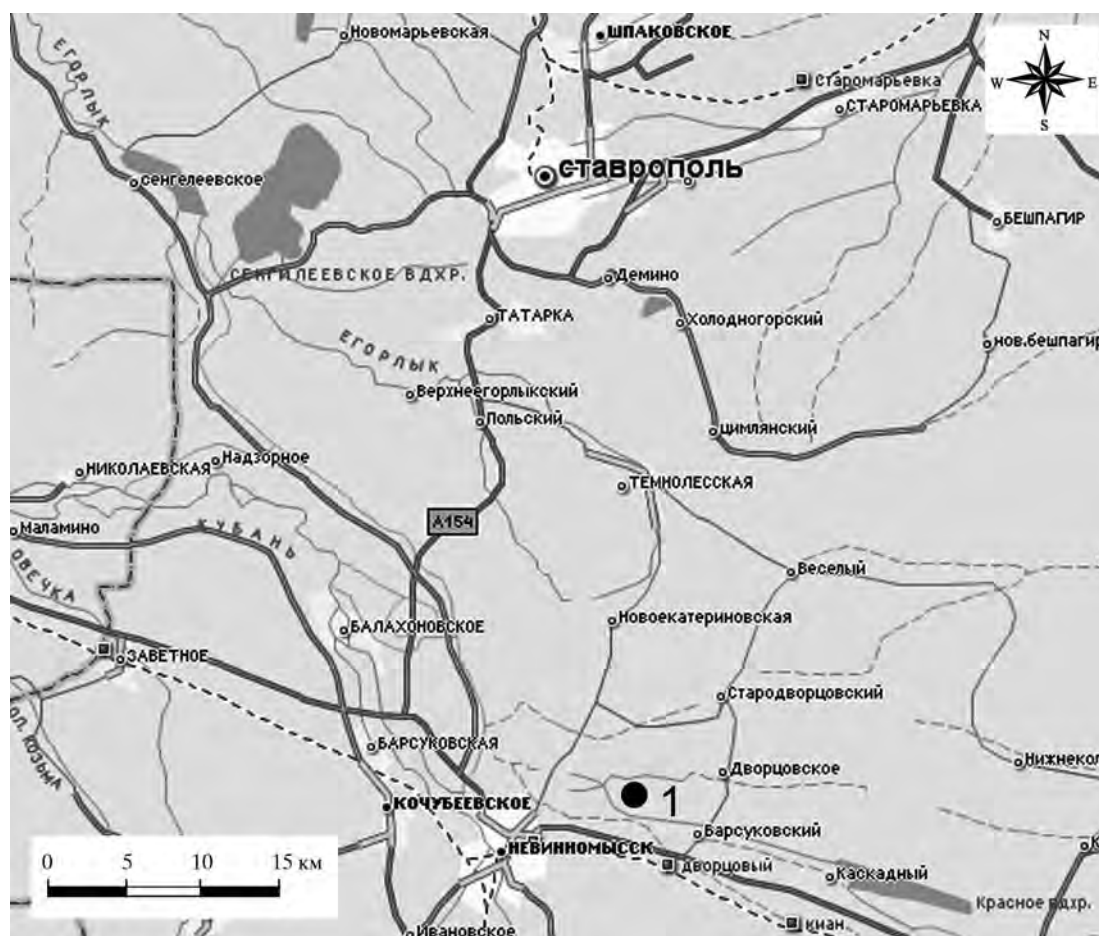


Рис. 1. Схема расположения могильника Бударка 3. 1 – курганный могильник Бударка 3.

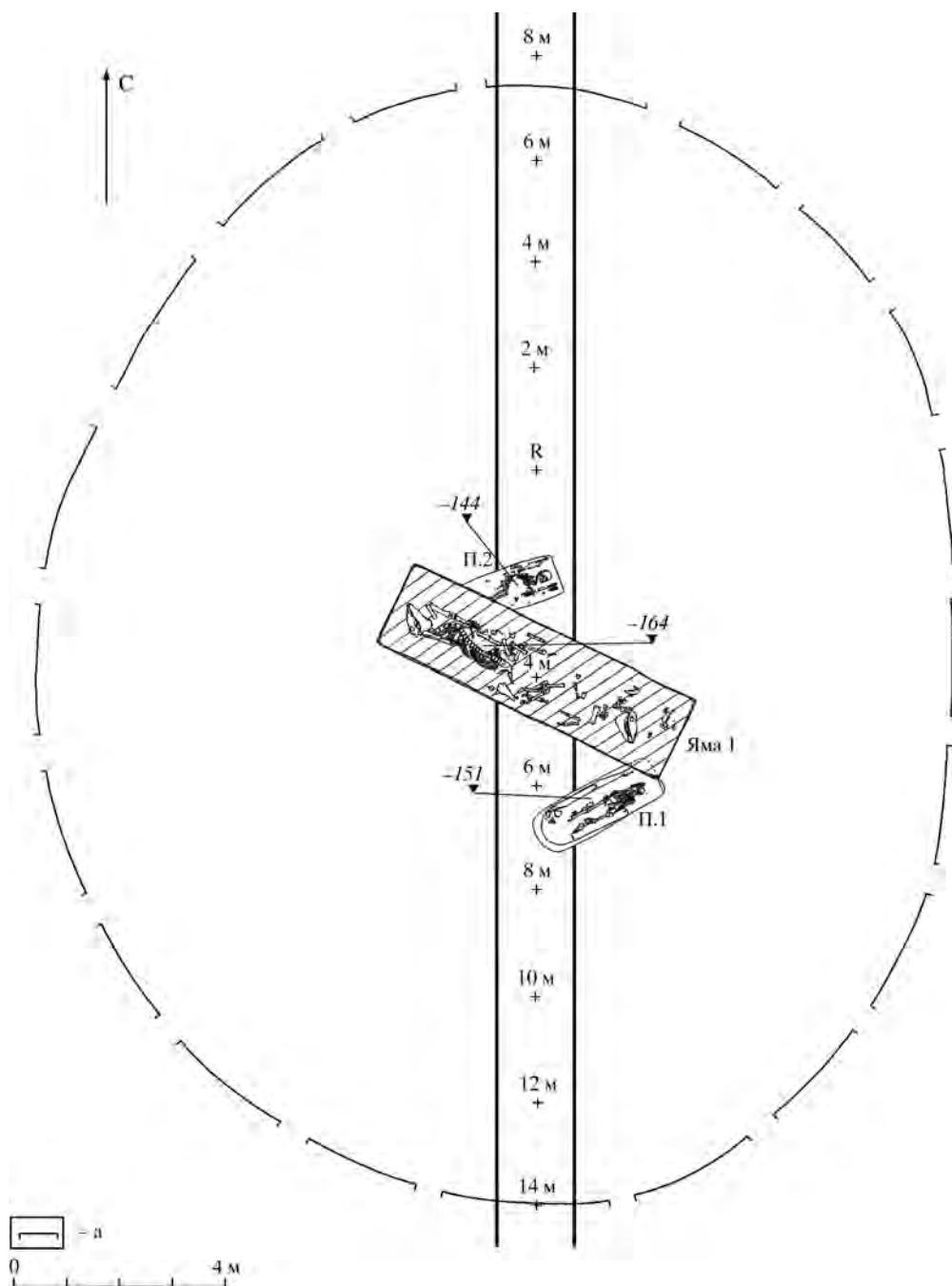


Рис. 2. Курганный могильник Бударка 3. Курган 8, общий план. Условные обозначения: а – реконструируемая граница древней насыпи.

Курган находился в восточно-юго-восточной части цепочки в группе из четырех близко расположенных насыпей. Расстояние между полами курганов 8 и 7 (диаметр – 17 м, высота – 60–70 см) – 5 м, а курганы 8 и 9 (диаметр – 17 м, высота – 35–40 см) находились почти вплотную. На расстоянии 6–7 м от кургана 9 размещался самый крупный в группе (диаметр 25–31 м, высота 120–135 см) под номером 10. Примечательно, что в курганах 7 и 9 были одиночные погребения в подбоях с северной

ориентировкой и материалами II–IV вв. н.э. Курган 10 содержал 13 разновременных захоронений, 4 ритуальных комплекса с костями животных, одно скопление керамики (развал амфоры и одного-двух сосудов с желто-коричневой и розовой поверхностью), две отдельные находки (фрагменты железных удил и керамического сосуда), относившихся к широкому хронологическому диапазону с эпохи средней бронзы (III тыс. до н.э.) до рубежа I тыс. н.э. – I тыс. н.э.

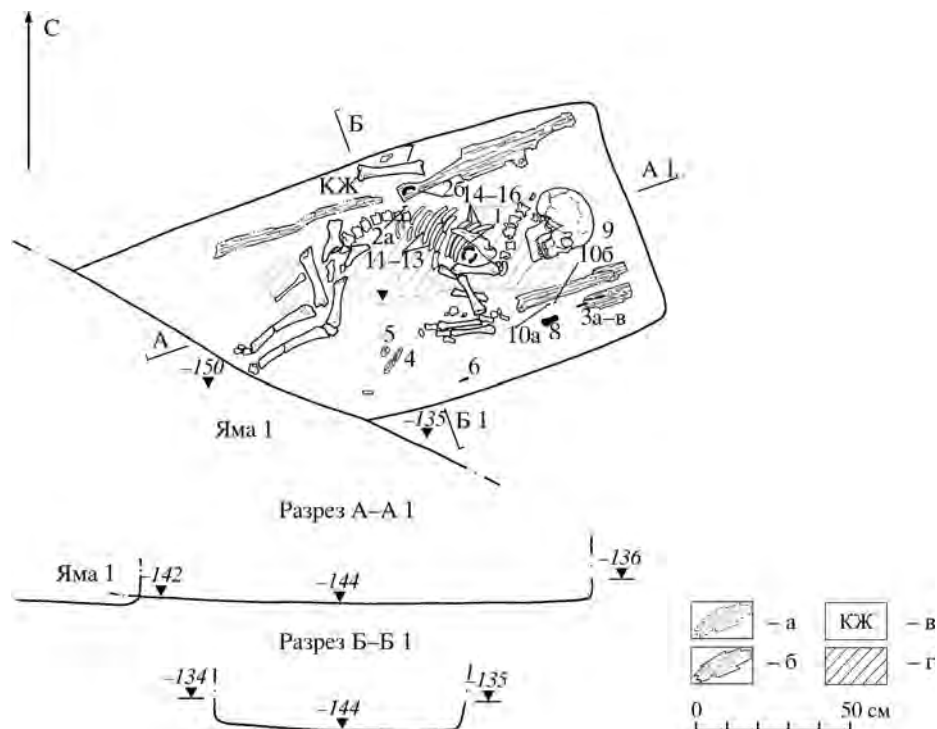


Рис. 3. Курганный могильник Бударка 3. План и разрезы погребения 2 в кургане 8. Цифрами на плане обозначены предметы инвентаря: 1 – фрагменты железного кольца; 2а, б – фрагменты железного кольца; 3а–в – железные наконечники стрел; 4 – железное кресало; 5 – кремь; 6 – наконечник стрелы; 7 – кости животного; 8 – железный предмет (втулка); 9 – золотая подвеска (под черепом); 10а, б – фрагменты железного предмета; 11а, б – железные заклепки; 12 – железная заклепка; 13 – фрагмент железного предмета; 14 – гешировая бусина; 15 – фрагмент железного предмета; 16 – фрагмент железного предмета. Условные обозначения: а – береста; б – дерево; в – кости животного; г – органический тлен коричневого цвета.

В центральной части внутреннего пространства кургана 8 было раскопано два погребения и одна обширная (5.84×1.63 м) поздняя яма № 1 с захоронением крупного жеребца на спине, черепами и костями различных животных: лошади, коровы, овцы и другие (рис. 2).

Особый интерес представляло погребение 2. Часть пятна его заполнения выявлялась еще при вертикальной зачистке бровки на небольшом участке внизу. Верхняя граница была смазана. Скорее всего, грунтовая яма шла от древней погребенной поверхности, хотя однозначно этот факт установить не удалось. Полный контур пятна могильной ямы был зафиксирован только в материковом слое на глубине $-134...-136$ от центрального репера, т.е. на 0.5 м ниже уровня погребенной почвы.

На уровне фиксации могильная яма имела подпрямоугольную, вытянутую по линии ЗЮЗ–ВСВ форму с немного заovalенными углами. Юго-западная часть была срезана под углом поздней ямой № 1, но само погребение почти не пострадало. Наибольшая длина сохранившейся части – 1.77, ширина в средней части – 0.81–0.82 м. Длинные продольные стенки были немного выпуклыми, длина короткой

стенки – 0.73–0.74 м (рис. 3). Установлено, что данное погребение располагалось примерно на 1 м севернее от предполагаемого геометрического центра насыпи.

В яме лежал человеческий череп на левом боку, теменной частью к северо-востоку (рис. 4). Полевые (к.б.н. А.К. Швырева) и камеральными (аспирант кафедры антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Я. Березина) исследованиями было установлено, что погребенный был молодым мужчиной примерно 25 лет. На основании детального осмотра состояния черепа Н.Я. Березина сделала ряд заключений. Зубы погребенного, при хорошей сохранности, содержали зубной камень, указывающий на наличие в рационе питания углеводистой вязкой пищи. Замечена также эмалевая гипоплазия (неравномерное распределение толщины эмалевого покрова коронки), свидетельствующая о задержке развития в период формирования постоянных зубов. Нахождение возле черепа трех первых шейных позвонков в анатомическом порядке (рис. 5) свидетельствует, что имело место положение в яму головы с мягкими тканями, а не перезахоронение черепа. Не подлежат сомнению попытки отделить голову от тела. На втором шейном позвонке справа на дуге позади

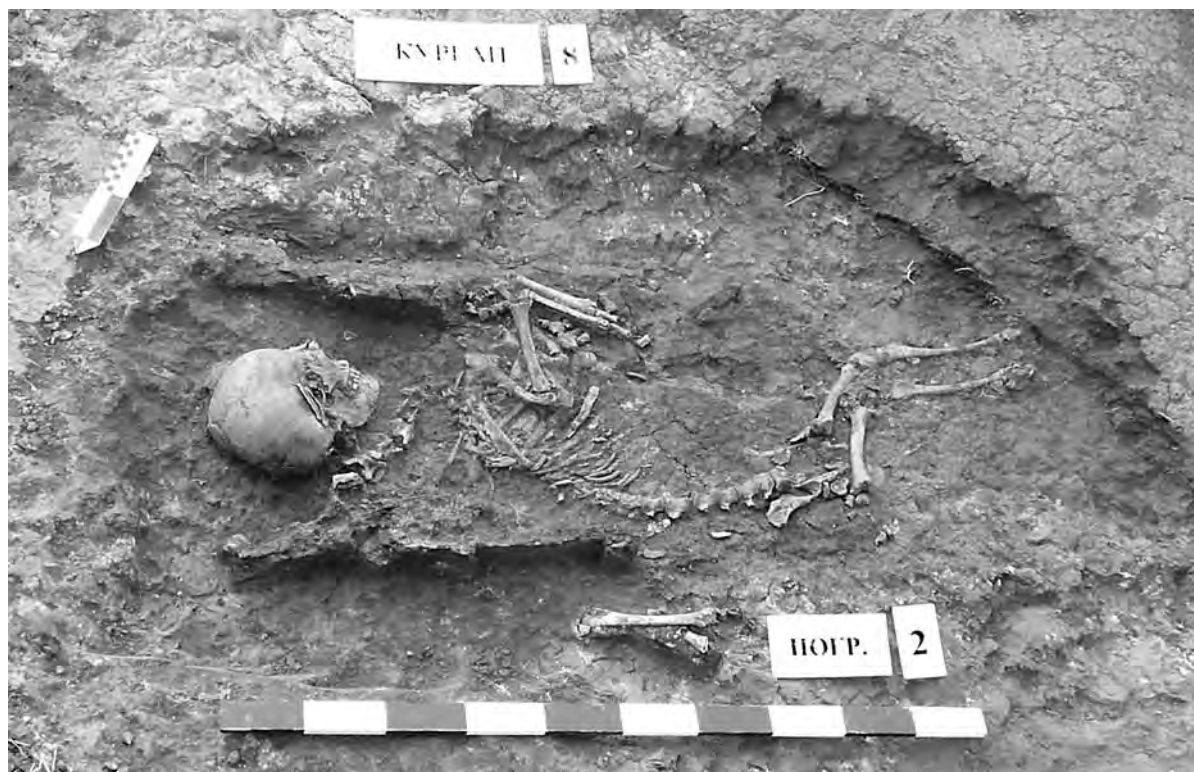


Рис. 4. Вид с северо-запада на погребение 2 кургана 8 могильника Бударка 3.

верхней суставной поверхности четко фиксируются три горизонтально ориентированные линейные насечки, оставленные предметом (оружием ?) с острым краем. Верхний конец остистого отростка эпистрофея также срезан. Удар наносился сзади и шел снизу вверх.

Ниже черепа находилась тушка животного, по определению А.К. Швыревой, барана, без головы. Она лежала на левом боку, со слабо подогнутыми конечностями. Сначала предполагалось, что тушка лежала сверху человеческого костяка. Но детальная расчистка не привела к выявлению других костей человеческого скелета.

Животное было довольно крупным: высота в холке около 60 см, длина туловища (без шеи и хвоста) составляла 58 см. Предполагается отношение особи к особой "расе бесхвостых". У таких животных было не более трех хвостовых позвонков. В рассматриваемом случае определяется наличие только слабо развитого первого хвостового позвонка и отсутствие хвоста как такового. По пропорциям пястей это животное сближается с древнехорезмскими овцами.

В юго-восточном углу погребения и вдоль длинной северо-северо-западной стенки были расчищены участки древесного тлена от плах и фрагменты бересты. Длина плах различная, более крупные

части достигали 1 м. Наибольшая ширина – 12 см, толщина – около 1–2 см.

В погребении было много железных предметов плохой сохранности. Часть из них находилась непосредственно на бараньей тушке. Между лопаткой и передней правой плечевой костью животного расчищено круглое кольцо во фрагментах (рис. 6, 1). Среди фрагментированных костей грудной клетки и под ними были: железные заклепки (рис. 6, 11, 12), эллипсоидно-ромбическая черная гешировая (гагатовая) бусина (рис. 6, 14), фрагмент штифта с запорной пластинкой на кусочке истлевшего дерева (рис. 6, 13) и мелкие аморфные осколки железных предметов.

Возле изгиба спины, частично на древесном тлене, находились части округлой пряжки (рис. 6, 2) и еще одного предмета типа кольца из уплощенно-овального в сечении прута (рис. 6, 3). В этом же районе, между стенкой и древесным тленом, найдена большая берцовая кость ноги барана с фалангой пальца и мелкими косточками суставов (рис. 4). У согнутых ног тушки барана перед средней частью юго-юго-восточной продольной стенки лежали: фрагментированное кресало простой овальной или прямоугольной рамчатой формы из уплощенно-прямоугольной железной полосы (рис. 6, 5), отщеп кремня серо-коричневого цвета (рис. 6, 6), фрагмен-

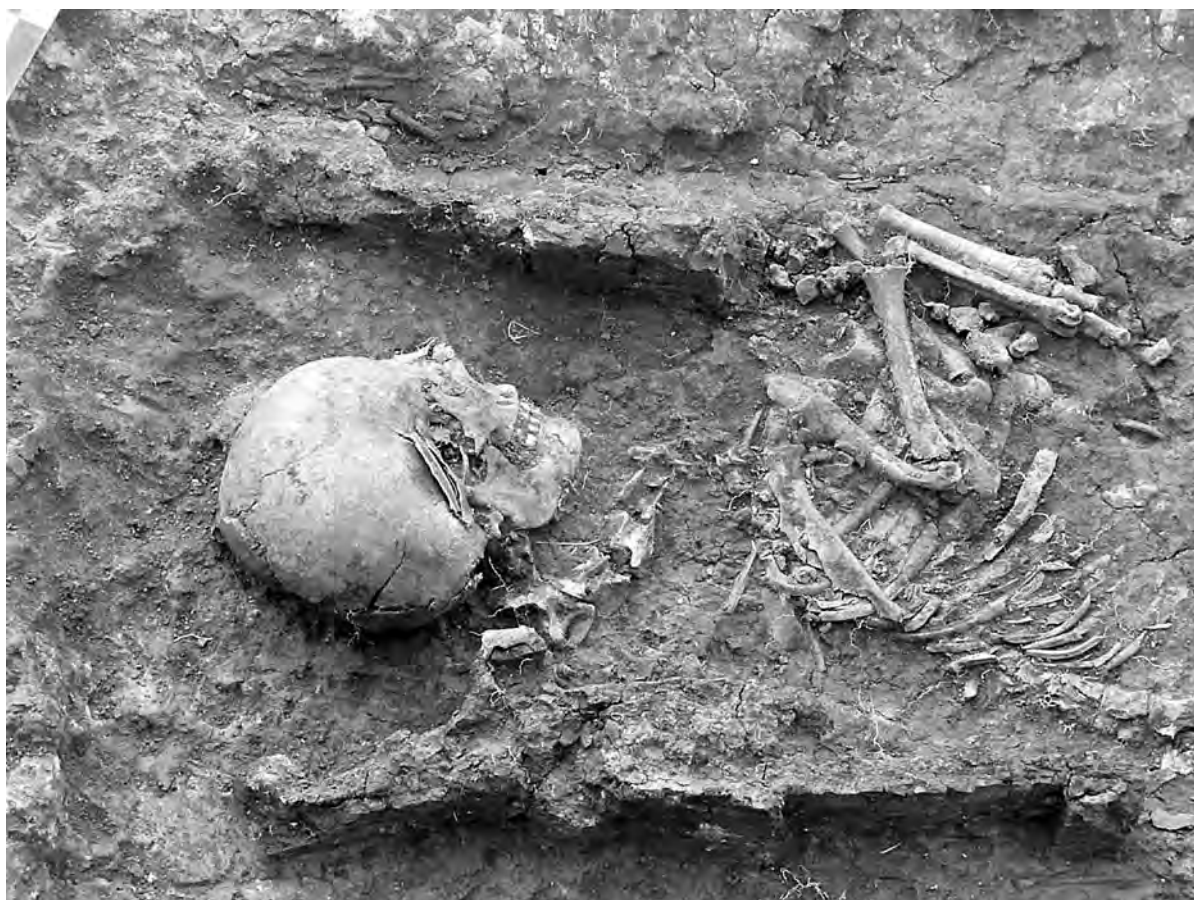


Рис. 5. Вид с северо-запада на погребение 2 кургана 8 могильника Бударка 3. Деталь.

ты одного или двух железных наконечников стрел с небольшим уплощенным листовидным бойком (рис. 6, 7).

У истлевших плах в юго-восточном углу захоронения найдены также: железный предмет в виде усеченноконической, несколько сжатой с боков, втулки (рис. 6, 8), два фрагментированных наконечника стрел с узкими листовидным и лавролиственным, линзовидными в сечении, боевыми частями (рис. 6, 4а, б) и мелкие фрагменты других железных предметов (рис. 6, 10а, б). В связи с тем что человеческий череп был вырезан и взят монолитом с частью грунта, уже в лабораторных условиях при очистке костей под его нижней частью была выявлена золотая подвеска в виде знака вопроса с прямым заостренным штырьком (рис. 6, 9). Под нижней частью черепа и тушкой барана прослеживался органический тлен коричневого цвета (подстилка, часть носилок?).

Данное погребение по погребальному инвентарю и элементам обряда было отнесено к числу позднекочевнических. Узко датирующих предметов в комплексе немного. Это прежде всего названная подвеска в виде знака вопроса, относящаяся к типу

VIд по Г.А. Федорову-Давыдову (1966. С. 38, 39. Рис. 6, 1, VIд). Сам исследователь не привел данных о конкретных находках данной разновидности серег-подвесок, но известные сейчас находки датируются в пределах середины XIII – начала XV в. н.э. (Иванов, Кригер, 1988. Рис. 4д; 15, 10; Кравец, 2005. Рис. 27, 15 и др.).

Наконечники стрел не могут внести принципиальные уточнения, так как образцы с листовидным пером и линзовидным сечением были распространены широко как в территориальном, так и в хронологическом отношении (Древняя Русь..., 1985. Табл. 135, 10. С. 348 – ком. к табл.). Наконечники сходных разновидностей относились А.Ф. Медведевым к XIII–XIV вв. (1966. Табл. 23, 28, 29; 26, 16). На Северном Кавказе они также встречались и в предмонгольский период, и в золотоордынское время как в предгорьях, так и в горах (Мамаев и др., 1983. С. 61. Рис. 9, 1; С. 64; Нагоев, 1987. Рис. 12; С. 233. Рис. 19, 6; Кузнецов, 1995. Рис. 2, 3, 5; 3, 5 и др.). Достаточно близкие аналогии имеются в средневековых захоронениях кочевнического и местного происхождения с конскими скелетами и без них в Цемдолинском могильнике у г. Новороссийск,

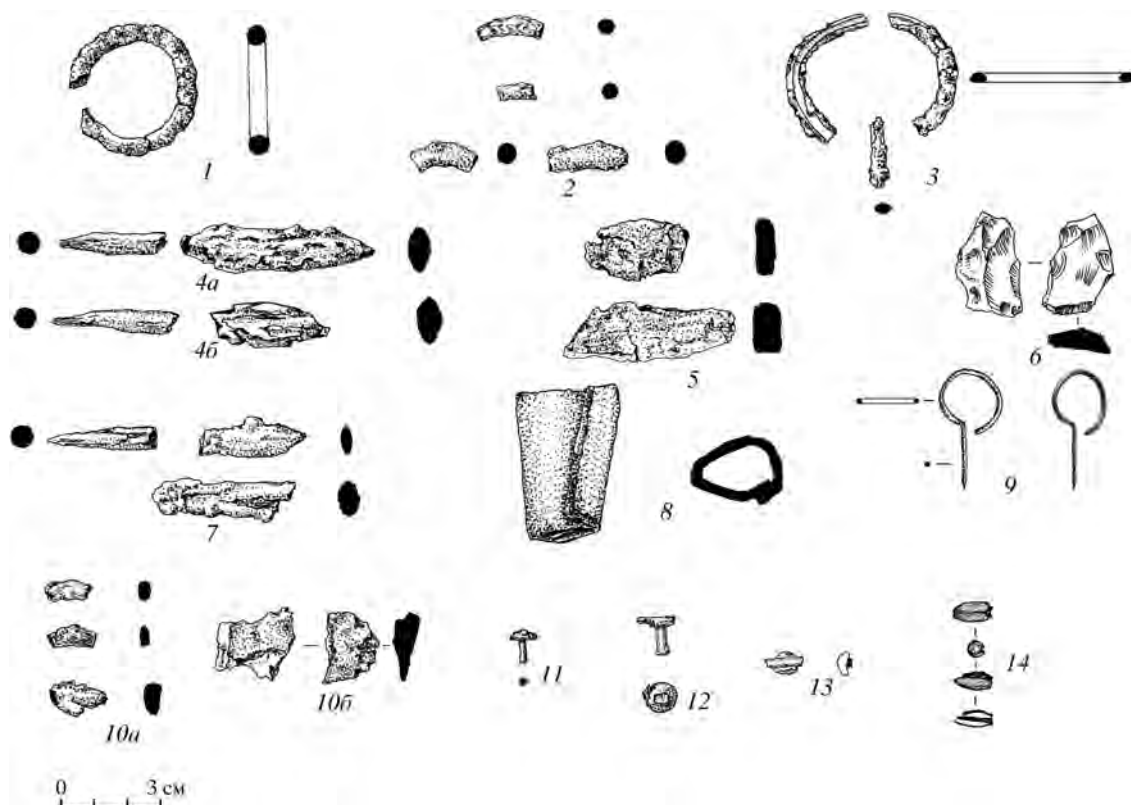


Рис. 6. Инвентарь из погребения 2 кургана 8 могильника Бударка 3. 1–3 – фрагменты колес; 4а–в – наконечники стрел; 5 – кресало; 6 – кремь; 7 – фрагменты наконечников стрел; 8 – втульчатый предмет; 9 – подвеска; 10, 13 – фрагменты предметов; 11, 12 – заклепки; 14 – бусина. 1–5, 7, 8, 10–13 – железо; 9 – золото; 14 – гешир.

большая часть которых относится авторами к XII – первой половине XIII в. (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 4, 15; 7, 13; 9, 4; 10, 9, 22). Примечательно, что в погребении 36 этого могильника лавролистный наконечник сочетался с кресалом простой овально-рамчатой формы (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 15, 4, 10). В бударском погребении также было фрагментированное кресало, форма которого точно не устанавливается, но можно предполагать, что оно было овальным или прямоугольным, по терминологии А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной. Исследователи обосновали в своей специальной статье мнение о том, что данные типы кресал появляются и используются в XIII–XIV вв. (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 204).

Среди найденных предметов имеется согнутый из железного листа усеченный конус (рис. 6, 8). Назначение его неясно. Предположительно он мог быть насадкой на какой-нибудь шест, втыком от копья, подставкой для светильника и др. Подобные по форме железные и бронзовые трубки закреплялись на дуговидно изогнутых пластинах уздечных наносных султанов или начельников аскизского типа (Кызласов, 1980. Рис. 1, 1; 4). Но другие детали структурной основы начельника в погребении не

найжены. Некоторое сходство данный предмет имеет и со стакановидными железными образцами так называемых посудовидных изделий золотоордынского времени ритуального назначения, недавно детально рассмотренных Т.М. Потемкиной (2007. Рис. 3, 13, 14). Однако и в этом случае прямой аналогии нет.

Дополнительные сведения для некоторого уточнения датировки и культурной оценки комплекса могут дать элементы обряда и планиграфические наблюдения. Для этого следует кратко охарактеризовать и погребение 1 в кургане 8. По составу инвентаря и особенностям обряда погребение 1 также было позднеочечвическим, а по зафиксированному тонкому выкиду на уровне древнего горизонта в бровке возле границ ямы оно определено как основное для данного кургана.

Погребение было совершено в прямоугольной с заоваленными углами яме, вытянутой по линии ЮЗ–СВ, примерно в 2,5 м юго-восточнее предполагаемого геометрического центра насыпи (рис. 2). В юго-западной части заполнения выявлено основание деревянного столба, возможно, погребальной стелы или изваяния. Вытянутый на спине погребенный, вероятно женщина, был ориентирован

головой на СВ, лежал на истлевшей органической подстилке коричневого цвета. У продольных стенок прослеживались также истлевшие деревянные плахи (обкладки стенок или детали носилок?). Возле черепа справа были железные пружинные ножницы, а далее у стенки – кости ноги барана.

Довольно обильный инвентарь состоял из железных предметов (фрагментированные – стремя с широкой подножкой, нож с перекрестьем-уступом, наконечник стрелы с листовидным по абрису и эллипсовидным в сечении бойком), изделий из стекла (две овальные стеклянные матовые пластинки на черепе и возле него, квадратная пластинка синего цвета и бусы овальной, кольцевидной и сигаровидной форм белого, серо-синего и голубого со светлыми поперечными прожилками цвета), горного хрусталя (уплощенно-пирамидальная с квадратным основанием вставка), дерева (бусина с резным линейным орнаментом), бронзы (литое колечко с семью утолщениями, целые и фрагментированные полые шаровидные бубенчики, пятиугольная, ленточные и другие пластинчатые нашивки с растительным и геометрическим тисненным орнаментом), бронзы с позолотой (пяти-, шестилепестковые тисненные пластинчатые нашивки), серебра (фрагменты заколки и височного колечка), бронзы и жемчуга (подвеска с бусиной). Большая часть мелких украшений располагалась у колена правой ноги под древесным тленом от шкатулки (?). Необычное положение у колена левой ноги занимали заколка и височное колечко.

В связи с тем что оба погребения (1 и 2) располагались в центре кургана на расстоянии 3.4–3.5 м друг от друга, имели сходное стратиграфическое положение и глубину, аналогичные ориентировку, тип могил, элементы обряда, ряд предметов инвентаря, можно считать их близкими по времени или даже одновременными.

В комплексе 1 также не было четких хронологических реперов, но содержались ножницы для стрижки овец архаичного типа, литое колечко с наплывами, шаровидные бубенчики, бусы и лепестковые накладки-нашивки, имеющие некоторые структурно-смысловые прототипы в мелких украшениях домонгольского времени, в частности в позднеаланских памятниках Северного Кавказа (Кузнецов, 1961. Табл. IX; Савенко, 1986. Рис. 5, 6, 8, 11, 12 и др.). Золотые лепестковые накладные вместе с подвеской с заостренным штырем были в комплексе погребения 3/2 могильника Высокая Гора на Среднем Дону, датированном концом XIII – началом XIV в. н.э. (Кравец, 2005. С. 112). Все это, возможно, указывает на то, что время данного археологического объекта несущественно выходило за пределы второй половины XIII в., хотя

следует учитывать, что лепестковые нашивки, как и железные пружинные ножницы, листовидные наконечники стрел, кресала и т.п., встречаются и в более поздних так называемых старокабардинских курганах Предкавказья (Нагоев, 2000. Рис. 15, 4; 20, 6, 16).

И все же все приведенные данные в совокупности позволяют предположить датировку комплекса погребения 2 в пределах второй половины XIII – начала XIV в. н.э., т.е. раннезолотоордынского. Это подтверждается и ориентировкой погребений в восточный сектор. Исследователями замечена общая тенденция перехода и половцев, и потомков ранних монголов в восточноевропейских степях в развитую золотоордынскую эпоху к западной ориентировке (Нарожный, 2005. С. 176–178). Это обстоятельство может служить дополнительным свидетельством, позволяющим считать бударские захоронения более ранними по отношению ко времени, когда масштабная перестройка обряда уже произошла. Кстати, на территории могильника Бударка 3 был раскопан еще один поздний курган 4 с погребением воина в сопровождении остатков деревянного седла, железных стремян с расширенными подножками, другими деталями сбруи и типичными для ордынского времени наконечниками-срезнями. Погребенный в нем имел западную ориентировку.

Теперь подробнее рассмотрим обряд неординарного захоронения 2. Прямых аналогий ему на всем протяжении евразийских степей и контактных территорий нам найти не удалось. Встречено только одно средневековое погребение, впущенное в античный слой греко-скифского городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму (Бужилова и др., 1999).

Погребенный там лежал в грунтовой яме вытянуто на спине головой на ССВ. Кости предплечья и кисти полностью отсутствовали. На их место были приставлены аккуратно отрезанные по коленным суставам соответственно правая и левая передние ноги козы. На черепе скелета отмечена заметная асимметрия лица и особый аномальный атавистический отросток у основания, характерный для млекопитающих животных. По различным характеристикам скелета было установлено, что погребенный являлся воином-всадником с обилием старых ран, умерщвленным во время сражения сабельными рубящими и колющими ударами по шее и спине. Ампутация предплечий проводилась, по-видимому, уже с трупа с целью совершения особого ритуального захоронения с приставлением к рукам человека ног молодого козленка.

В качестве инвентаря в погребении были только бронзовая полая шаровидная пуговица, железный нож с двухсторонним уступом на переходе от че-

ренка к лезвию и козья лопатка под правым плечом. Понятно, что датировать погребение точно трудно, но авторы склонились к его предмонгольской хронологической атрибуции с наиболее вероятной датой – XII в. н.э. Сделано предположение, что в этническом отношении погребение могло принадлежать поздним печенегам, торкам или ранним половцам.

Обращает на себя внимание сходство ножа с фрагментированным экземпляром из бударского захоронения 1. Конечно, для однозначных выводов этого недостаточно, но есть и другие показатели сходства: тип погребального сооружения, положение костяка, ориентировка. Близки и животные, использованные для “ритуально составных” захоронений. Поэтому допустимо принять гипотезу о культурно-хронологической близости данных комплексов.

Ритуальные захоронения животных или их частей имели широкое культурно-хронологическое распространение, но погребения полных тушек в степной зоне Евразии в эпоху средневековья встречались нечасто. О таких подкурганных кочевнических комплексах говорил Г.А. Федоров-Давыдов (1966. С. 123), но им приводились данные о захоронениях кабана и собаки. Интересная и тематически близкая к нашей теме работа по анализу ритуальных захоронений баранов в Забайкалье опубликована С.В. Даниловым (1982). В относительно небольшой средневековой выборке (X–XII вв.) автор выделяет захоронения типа I – полный скелет в анатомическом порядке. Указывается, что они известны только в Забайкалье. Приводя аналогии в Туве и на Алтае, С.В. Данилов увязывает обряд с уйгурами или алтайцами и приводит исторические и этнографические данные о ритуальных захоронениях баранов в связи с почитанием грома и грозы.

Столь отдаленная культурная параллель представляется вполне возможной, если учесть, что в период монголо-татарских нашествий имели место масштабные перемещения населения в евразийском степном пространстве. Здесь мы внедряемся в проблемы изучения этнокультурных процессов раннедзючидского (раннезолотоордынского) и золотоордынского времени в кочевой среде поздних кочевников Юго-Восточной Европы, разрабатываемые сейчас специалистами. Одна из них, в частности, связана с анализом ориентировок и их кардинальных изменений в переломную эпоху.

Как указывалось, комплекс 2 и соседнее погребение 1 были ориентированы на ВСВ и СВ, т.е. относятся, вероятно, к восточному сектору. Исследователи считают восточную ориентировку характерной для половцев (Атавин, 2008. С. 90 и

др.). В то же время положение погребенных в северный сектор интерпретируется как монгольская или центральноазиатская черта (Нарожный, 2005. С. 175, 176). Если допустить естественные отклонения северной ориентировки к востоку, особенно в условиях малоизвестной местности, то можно полагать, что монголы, оказавшись в Предкавказье, могли также использовать северо-восточную ориентировку. Кавказовед-медиевист Е.И. Нарожный и его сторонники в последние годы убедительно доказывают, что монголы, как и другие восточные народы, например амурские чжурчжени, активно участвовали в этнокультурных процессах и оставили заметный след в эволюции этнической ситуации на Северном Кавказе начиная с середины XIII в. н.э. (Нарожный, 2005; Нарожный, Охонько, 2007). В пользу этой позиции свидетельствует еще одна деталь бударских погребений – наличие отчлененных бараньих ножек. Набор из берцовой кости, коленной чашечки, астрагала и некоторых других мелких костей левой ноги овцы определяется как стегно, характерное для монгольских памятников Забайкалья (Именохоев, Коновалов, 1985. С. 71).

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что кочевнический курган 8 был встроен в цепочку между насыпями 7 и 9, возведенными в позднесарматский период. Средневековый курган 4 также находился среди насыпей 2, 3, 5 первых веков н.э. И эта черта имеет аналогии на Алтае и в других районах Западной Сибири. Так устраивались, например, кимакские могильники (Молодин и др., 2003. С. 84).

Таким образом, представленный комплекс ценен не только в связи с его обрядово-культовой уникальностью, но и потому, что он добавляет аргументы в пользу тех исследователей, которые отступают от упрощенных стереотипов рассмотрения сложных этнокультурных процессов в степях Юго-Восточной Европы периода образования и раннего развития Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1997.
- Атавин А.Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной зоны Юга России в конце IX – первой половины XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности Юга России. М., 2008.
- Бужилова А.П., Внуков С.Ю., Антипина Е.Е. Средневековое впускное погребение из Кара-Тобе (биоархеологическая реконструкция особенностей погребального обряда) // Погребальный обряд. Реконструкция и ин-

- терпретация древних идеологических представлений. М., 1999.
- Данилов С.В. Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье // СА. 1982. № 1.
- Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985 (Археология СССР).
- Евлевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Сборник статей. Т. 1. Донецк, 2000.
- Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кипчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.
- Именохоев И.В., Коновалов П.Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985.
- Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж, 2005.
- Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
- Кузнецов В.А. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995 (ALANICA; III).
- Кызласов И.Л. Кипчаки и восстание енисейских племен в XIII в. // СА. 1980. № 2.
- Мамаев Х.М., Чакхиев Д.Ю., Даутова Р.А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М., 1996 (САИ; Вып. Е1-36).
- Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-8 (некоторые технологические и этнокультурные реконструкции) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14).
- Нагоев А.Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3. Нальчик, 1987.
- Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000.
- Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир, 2005.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей. Армавир; Ставрополь, 2007.
- Потемкина Т.М. О металлических посудовидных изделиях из кочевнических погребений золотоордынского времени // МИА Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир, 2007.
- Савенко С.Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы. Орджоникидзе, 1986.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.

Late nomadic ritual burial in Stavropol region

S.N. Savenko

Summary

The article publishes the unique medieval kurgan burial which was discovered in the Northern Caucasus near the city of Nevinnomyssk (Stavropol Krai). Under the small mound there were two burials from the second half of the 13th – the beginning of the 14th cc. One of the burials contained the skull, with the cervical vertebra, of a young man, and a ram's carcass without the head. The ritual assemblage was in a pit with wooden blocks and birchbark. The grave goods included a gold earring, a jet bead, a small piece of flint, iron rings, a buckle, a steel, a socket, arrowheads, etc), and the cannon-bone of another ram. The single known analogy for this "composite" medieval burial of human and animal remains comes from the classical antiquity stratum at Kara-Tobe in the Northwestern Crimea. Even though medieval burials in the steppe zone of Eurasia often contained animal remains, rams are not a frequent find, and are encountered mainly in the Transbaikalia, the Tuva and the Altai. The assemblage is important for the study of the complex spiritual notions and of the ethnic and cultural situation in the steppes of Southeastern Europe during the period of emergence and early development of the Golden Horde.

НАДГРОБИЯ ИГУМЕНЬИ ЕЛЕНЫ ДЕВОЧКИНОЙ И СХИМНИЦЫ ФЕОФАНИИ В НОВОДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ

© 2010 г. Л.А. Беляев*, Н.С. Романов**, Л.И. Шлионская***

* Институт археологии РАН, Москва

** ЦНРПМ, Москва

*** Государственный Исторический музей, Москва

При работах по вертикальной планировке (1989 г., главные архитекторы проекта Н.С. Романов и В.Н. Мудров) в зоне Смоленского собора Новодевичьего монастыря, вблизи от северо-восточного угла, примерно против окна апсиды подклета и укрепленной на стене апсиды белокаменной таблички с “летописью” об основании монастыря и погребении его первой игуменьи Елены (Девочкиной), был изучен примечательный памятник. Это характерный для середины XVIII – начала XIX в. “каменный гроб” с имитацией на крышке покрыва с голгофским крестом, а на головном торце – гербового картуша без надписи внутри, фланкированного ангелами. Необычна ширина надгробия (от 107 до 84 см), явно двойная (высота до 35, длина 217 см). Надписи на плите нет, но надгробие традиционно считалось связанным с погребением игуменьи Елены и в этом качестве демонстрировалось посетителям сотрудниками музея.

Уровень сооружения отвечал уровню почвы XVIII–XIX вв., поэтому оно оказалось поднятым выше уровня первоначальной отмостки. При срезке слоя было установлено, что надгробие опирается на основание из белокаменных плит, доложенных кирпичом. Срезку грунта требовалось соотнести с уровнем XVI в., поэтому “повисшую” конструкцию пришлось перебрать как мешавшую реставрации и правильной эксплуатации здания, переместив памятник XVIII в. в хранилище ГИМ. В процессе переборки выяснилось, что использованные для устройства фундамента под памятник известняковые плиты – это позднесредневековые надписные надгробия. Они лежали под резким углом к оси собора, и хотя эта ориентировка может считаться условно правильной (сам храм ориентирован с довольно заметным отклонением к северу), сильно отклонена от осей надгробий XVIII–XIX вв., вполне параллельных оси собора. Надгробия лежали тесно друг к другу: южнее помещалась целая плита, к северу от нее – обломок (верхняя половина). Оба камня были расколоты (посередине плиты про-

ходила сквозная трещина, обломок имел два крупных разлома), но это не препятствовало ни чтению надписей, ни характеристике декора плит.

Целая плита представляет особый интерес для истории Новодевичьего монастыря, монастырской археологии Москвы и Руси, а также церковной и, отчасти, всей русской истории XVI–XVII вв. Это параллелепипед, верхняя (лицевая) грань которого украшена бордюром из витого жгута, образующего стандартную композицию: полурозетка в изголовье и розетка–“узел” на расстоянии двух третей длины от нее, ближе к изножию. Обе розетки крупные, в их центре – “сегнерово колесо”.

Буквы на плите обронной работы, т.е. поле в верхней половине плиты углублено, так что надпись выступает невысоким рельефом. Она в шесть строк, вязью, строго размечена и декоративна, но невычурна, с титлами, лигатурами и выносными буквами. Вязь отлично читается:

ЛЕТ[а] 7056 го

НОВАБРА В 18 [день] НА ПАМЯТЬ

С[вя]ТЫХ М[уче]НИК ПЛАТ[о]НА
И РОМАНА

ПРЕСТАВИС[я] РАБА [Б]ОЖИЯ ИНОКА

СКИМНИЦА ЕЛЕНА СЕМЕ

НОВА ДОЧ[ь] ДЕ[в]ОЧКИНА

Дата раскрывается как 18 ноября 7056 года от сотворения мира (7056–5509 = 1547 от РХ), что подтверждает сообщения достоверных источников о годе смерти игуменьи и окончательно отводит ошибочные (включая список 1684 г. с духовной Елены Девочкиной) датировки, указывающие на 1548 г. (Акты..., 1998. С. 302. Прим. 1 и 3).

Елена Девочкина – хорошо известное историческое лицо. Сначала монахиня Суздальского По-

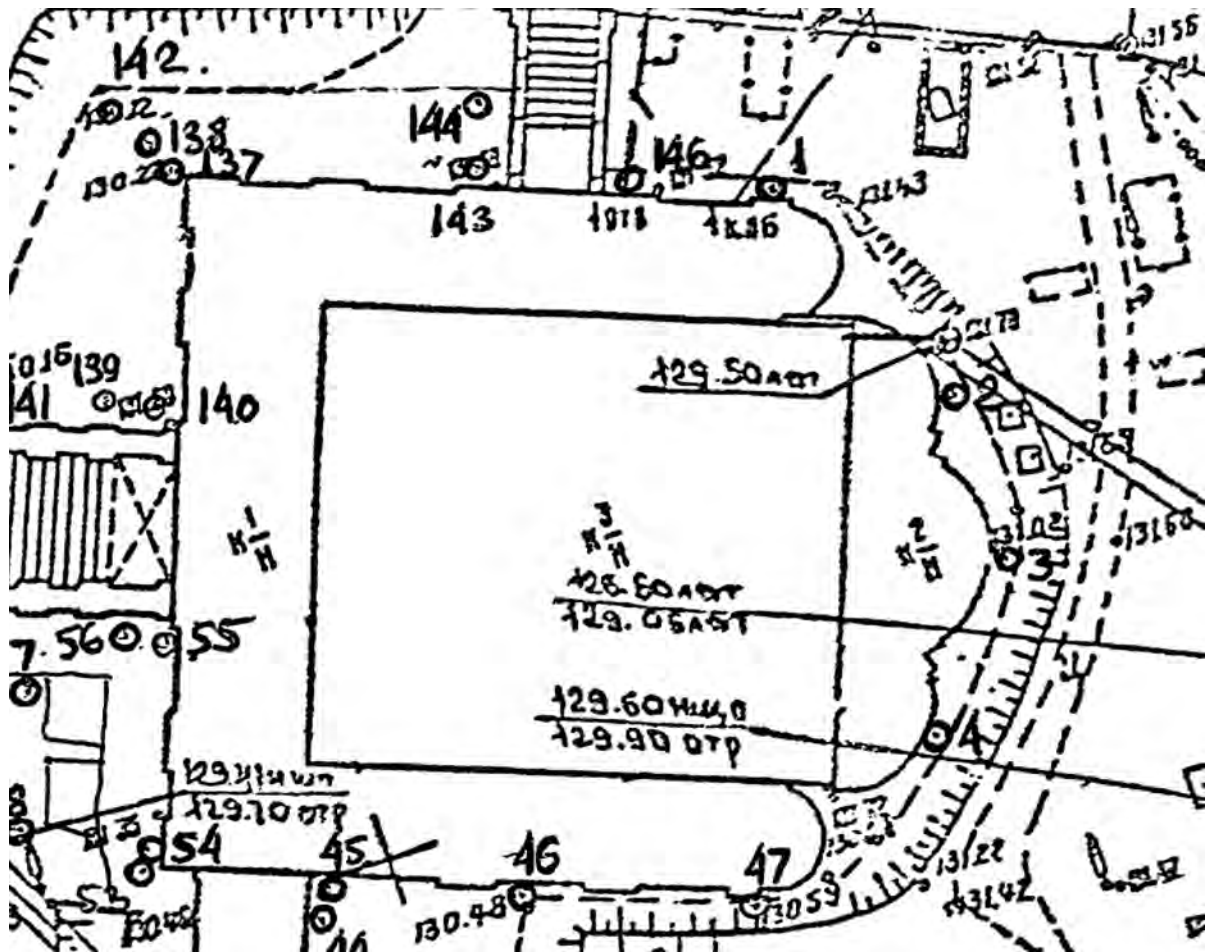


Рис. 1. Новодевичий монастырь. План участка собора Смоленской Божьей матери.

кровского монастыря, затем первая игуменья вновь составленного монастыря на Девичьем поле в Москве. Имя Елены встречается в летописных статьях; кроме того, ею оставлен важный документ – духовная грамота, причем в отличие от многих других духовных это не столько распоряжение имуществом, сколько сочинение дидактического жанра, наставление инокиням общины в праведной монастырской жизни. Известную роль Елена Девочкина играла, как полагают, в событиях середины 1520 – начала 1530-х годов, связанных с разводом Василия III с Соломонией Сабуровой из-за необходимости нового брака, поскольку предполагается, что монастырь был основан как несостоявшееся место спасения бывшей царицы (самая основательная аналитическая сводка материалов по ранней истории монастыря дана Д.В. Назаровым, см.: Акты..., 1998. С. 267–278; из старых работ: Антушев, 1885). Игуменья Елена уже в XVII в. числилась в рукописных святцах как местно чтимая святая, хотя и не была канонизирована (Сергий, 1876. С. 62: “Елена, игуменья Новодевичьего Московского монастыря,

+ 7056 (1548) ноября 18”; отметим, что дата на плите приведена с ошибкой, которую повторит позже И.И. Кузнецов и многие исследователи – см. ниже).

Найденная надгробная плита, видимо, изготовлена гораздо позже даты смерти игуменьи Елены, так как ее художественные особенности характерны только для первой половины XVII в. Плоско лежащие надгробия с обронной резьбой распространены в 1620–1650-е годы; они довольно редки, но по одному-два экземпляра встречаются на многих исследованных некрополях Москвы и Подмоскovie: две отмечены на кладбище Георгиевского монастыря (1633 г., княгиня Мезецкая; 1640 г., неизвестная; см.: Гиршберг, 1954. С. 113, 124); две – в Богоявленском “за Торгом” монастыре (1638/39 г. И.И. и В.И. Зубовы; 1641, неизвестный; см.: Беляев, 1996. С. 306, 307. Фото 33, 34); одна у ц. Сергия в Старых Серебряниках (семья С.Г. Челищева, 1640-е годы; Беляев, 1996. Фото 113–115); фрагменты такой плиты найдены в Троицком Белопесочном монастыре (1630–1640-е годы, в публикации дата неточна:



Рис. 2. Новодевичий монастырь. Работы 1989 г. Фундамент надгробия; вид с востока после снятия плиты.

Шамин, 2006. С. 192). В подклете собора Новодевичьего монастыря имеется плита боярыни Федосьи Андреевны, жены И.А. Голицына, с плетеной рамкой и обронной надписью, занимающей всю поверхность грани, с датой 7160 (1652) год. Камень преткновения – надгробие И.М. Воротынского из Троице-Сергиева монастыря, имеющее именно такой декор и шрифт, но надписанное 1535-м годом (Николаева, 1957. С. 251–255), уже В.Б. Гиришберг передатировал на первую четверть XVII в. (1960. С. 5, 6; Беляев, 1996. С. 33).

В последние годы получены еще примеры таких надгробий, надежно датированные рубежом 1630–1640-х годов из Зачатьевского (1638/39 г.; попадья Наталья/схимница Неонила; см.: Беляев, Кренке, 2006. Ил. 8) и Троице-Сергиева монастырей (1640 г., князь С.И. Велико-Гагин, см.: Вишневецкий, 2006. С. 141. Ил. 32). Интересный и наиболее ранний (1624 г.) пример – оформленная в ориентальном стиле плита Г.А. Пальчикова на некрополе Спасо-Преображенского монастыря в Казанском кремле (Ситдилов, Шакиров, 2009. С. 385–394). К традиционному плетеному орнаменту добавлены растительные восточные мотивы также на плитах Зубовых (Богоявленский монастырь) и попадья Натальи (Зачатьевский монастырь). Шрифт всех этих плит нарезан в сходной декоративной манере, часто вычурной и слегка ориентализованной; отдельные

буквы абсолютно соответствуют образцам второй трети XVII в. (йоты и мыслете с мачтами в виде песочных часов с круглым перехватом посередине).

На вертикально помещавшихся досках и крестах конца XVII–XVIII в. обронная резьба господствует, но встречается, конечно, и много ранее XVII в., причем по всей Руси. В области лапидарной эпиграфики характерные примеры – надпись в нижней части Борисоглебского креста (1467 г.); тверское надгробие А.И. Острожева (1499 г.); храмозданная надпись (1532 г.) из с. Серединское Калужской обл.; надпись “мастера Повилики” из с. Возмище (1541 г.), “таблицы” нагробниц Иоанна IV Грозного и его сыновей (1582, 1584, 1598 гг.). Однако такой признак, как ориентализованный орнамент, характерен для плит не ранее начала XVII в., а плетеный орнамент пока не найден на плитах ранее 1560–1580-х годов (см. разбор вопроса: Беляев, 1996).

Палеографически надпись плиты Елены Девочкиной также принадлежит XVII в., хотя, на первый взгляд, кажется архаичной, поскольку не имеет щегольских росчерков и букв с особыми декоративными дополнениями. Но подчеркнуто широкие и сравнительно невысокие вертикальные элементы характерны именно для лапидарной эпиграфики второй трети XVII в., в том числе для обронных



Рис. 3. Новодевичий монастырь. Работы 1989 г. Фундамент надгробия; вид с юга после снятия плиты.

надписей (например, надпись на плите княгини Мезецкой из Георгиевского монастыря, 1633 г.).

Таким образом, оформление плиты схимницы Елены Девошкиной не может рассматриваться как принадлежащее концу 1540-х годов. Подобно плите И.М. Воротынского, плита прославленной игуменьи Новодевичьего монастыря – вторичное изделие. Вероятно, в XVII в. ею заменили более раннюю “доску”, которую, несомненно, положили на могилу первой игуменьи уже в год ее смерти. За 75–100 лет оригинальная плита могла обветшать, утратить надпись или полностью растрескаться (до середины XVI в. это случалось часто, так как тонкие, по 10–20 см, белокаменные плоские надгробия легко ломались под собственным весом).

Манера оформления второй из найденных плит, напротив, вполне отвечает своей дате. Она декорирована жгутовой резьбой, но имеет и нарезку на боковых гранях – обычные в последней четверти XVI – первой половине XVII в. короткие “каннелюры”-арочки (сохранились частично на головном торце, боковые протесаны). Надпись также в шесть строк (нижняя явно была последней) исполнена обычным для того же периода врезным шрифтом с широкими и довольно вытянутыми мачтами, выносами, титлами и огласовками. Поверхность плиты несколько стерта, поэтому не весь текст хорошо читается; последнюю строку не удалось разобрать полностью. Тем не менее прочтенного достаточно

для датировки и общей идентификации погребения:

ЛЕТА (клеймо) [7000] 120го ГО[да]
ДЕКАБРЯ В[о] 18 Д[е]Н[ь] НА ПАМЯТЬ С[вя]
ТАГО
М(у)ЧЕНИКА СЕУВАСТИЯНА П(рес)ТА
ВИСЯ РАБА Б(о)ЖИЯ ИНОКА
ФЕОФАНІЯ ЕЛИЗАРЕВСКАЯ
ЖЕНА ЛЕВО[нтъев?]СКА[Я]

Таким образом, плита инокини Феофании, жены некоего Елизария (Леонтьева ? Леонтьевича ?), упокоилась с миром 18 декабря 1611 г. Лица с такими именами в литературе, связанной с монастырем, пока не найдены.

Обе плиты явно передвинуты со своих мест, но трудно представить, чтобы их переносили на значительное расстояние. Видимо, надгробия лежали неподалеку. Этот участок действительно был связан с памятью игуменьи Елены по меньшей мере в XVIII–XIX вв. (см. ниже), о чем дополнительно свидетельствует укрепленная рядом, на стене апсиды, памятная белокаменная таблица в простой рамке с равноконечным крестом со слабо расширенными концами и буквами в полях между ветвями: ИИС.



Рис. 4. Новодевичий монастырь. Работы 1989 г. Надгробие XVIII в. и две надписные плиты XVII в. в основании его фундамента. Вид с востока после уборки накладки из кирпича.

ХС. НИ. КА. Ее текст, написанный не церковно-славянским, а гражданским шрифтом, не раз воспроизводился (Древняя Российская..., 1791. С. 494; Прибавления..., 1844; Токмаков, 1885. С. 8). Это род краткой “исторической летописи”, достаточно распространенный в XVIII в. Он повествует об основании монастыря и погребении его первой игуменьи:

“Лета 6032. 1524 года // Великий Князь Василий // Иванович всея России Во // здвиге сию пречестную оби // тель. Въ ней же храм Пре- // чистыя Богородицы, и ту со // бра Инокинь Девическаго // чина множество имъ же // бысть начальница Благого- // вейная И благочинная сия схи // монахиня Елена Девочки- // на в сей обители преставися”.

Обнаруженный надгробный комплекс заставляет вспомнить подзабытую историю, свидетельствующую о почитании памяти игуменьи Елены инокинями Новодевичьего монастыря и о мемориальных сооружениях над ее могилой в XVII–XVIII вв. Эти сведения дошли до нас благодаря одному из дел, проведенных по Высочайшему указу 1737 г. об искоренении кликушества “и прочих разных суеверий” (Описание..., 1911. Т. 17. Стб. 632–636; Т. 23. Стб. 349, 350; Информация..., 1904. С. 18–21; Кузнецов, 1904. С. I, 1–8).

Дело было заведено в связи с историей купеческой жены, получавшей исцеление благодаря ноч-

легу в палатке за алтарем собора Новодевичьего монастыря, где “лежат две преподобные, одна де Елена”, которых почитают как святых. Из этого дела (Архив Московской Синодальной Конторы, 1737. № 359) и развившегося из него нового дела о самовольном причислении схимонахини Елены к лику святых можно понять, что в 1737 г. возле апсиды собора стояла каменная “четвероугольная” палатка, крытая тесом, под железным восьмиконечным крестом, “с дверью” и двумя оконцами и с “лещадным помостом”. На помосте лежали два камня длиной по 2.5 аршина, покрытые покрывами темного сукна с соответствующим шитьем; на одном читалась памятная надпись схимницы Елены Девочкиной, на втором надпись казалась нечитаемой, но игуменья Олимпиада (составительница ответа в Консисторию) полагала, что камень принадлежит схимнице Феофании. На стене палатки имелись еще две плиты с текстами (исполнены при игуменье Олимпиаде). Наконец, пятая надпись – на железной табличке – находилась внутри палатки (в изголовье камней). Эти три текста излагали обстоятельства составления монастыря великим князем Василием Ивановичем; повествовали о добродетельном начальствовании схимонахини Елены, ее преставлении и погребении, упоминая наряду с нею о погребениях инокини Феофании и послушницы Домникии. Эти три текста содержали



Рис. 5. Новодевичий монастырь. Работы 1989 г. Надписные плиты XVII в. в основании фундамента надгробия XVIII в. Вид с северо-запада.

множество описок, которые разобраны в публикации И.И. Кузнецова, и здесь мы ими заниматься не будем, так как дополнительной информации они не содержат.

Каменную палатку поставили всего за 25 лет до открытия дела, в 1722 г., из “остаточных материалов” от строительства игуменских келий, но надгробный комплекс на могиле игуменьи Елены существовал и раньше, по крайней мере с XVII в. В ходе расследования многие старшие насельницы монастыря (некоторые жили в нем с середины XVII в.) рассказывали, что на месте каменной палатки раньше стоял деревянный “чулан” с деревянным же крестом, в котором помещались те же две белокаменные плиты.

Каменная палатка простояла около 20 лет: в 1742 г. дикастерия постановила ее “разобрать, а камни с надписями, сняв с них покровы и изгладя надписи, вставить в церковную стену”. Было указано также “изгладить” с иконы изображение, напи-

сав на доске образ какого-либо святого. Последнее, вероятно, выполнили, но надписи с плит “изглажены” не были и сами они не пошли в кладку – вместо этого их скрыли (специально ?) под новым безымянным памятным камнем. Необходимые сведения о погребении сообщали теперь две таблички над ним в стене апсиды (их неоднократно повторяли, но к нашим дням осталась одна). Видимо, несколько позже (но в пределах второй половины XVIII – первой половины XIX в.) над новым общим камнем поставили новую сень: “шатер, покрытый железом и увенчанный главой и крестом” (воспроизведен в статье И.И. Кузнецова). В этой третьей палатке также была железная таблица с текстом и новая роспись, включающая послушниц Домникию и Феофанию.

Игуменья Олимпиада с сестрами показали, что “лет за сто и более” под плитами похоронены первая игуменья Елена и, возможно, одна из ее сподвижниц Феофания: вторая из плит казалась нечитаемой, но

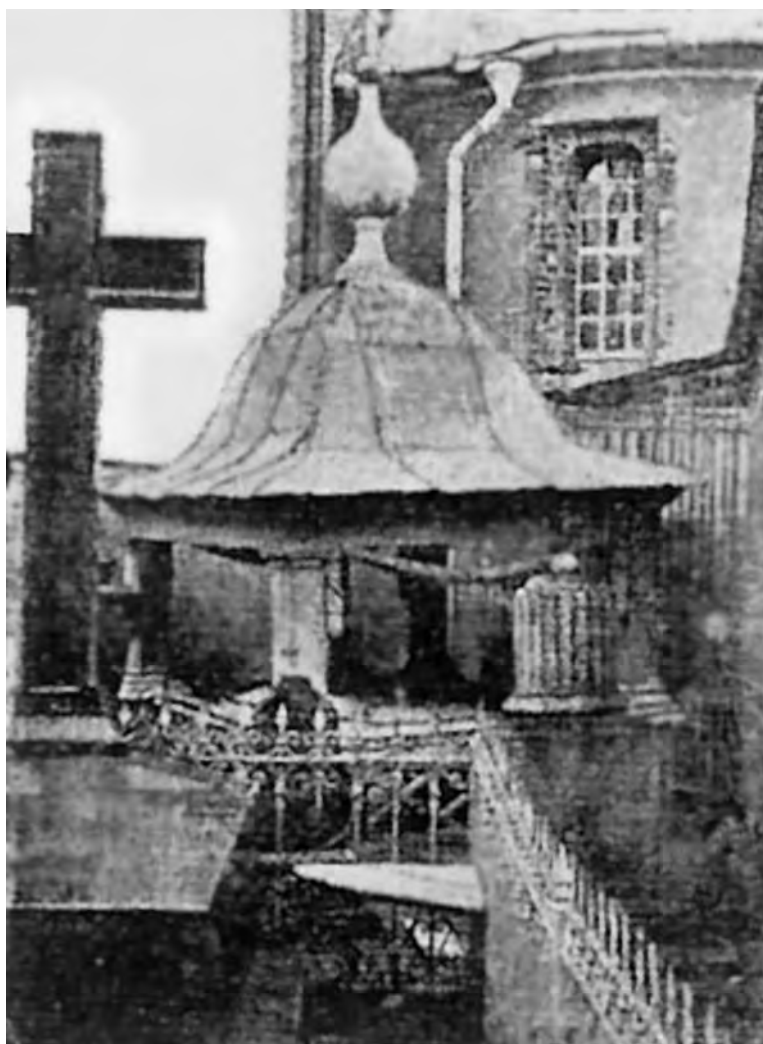


Рис. 6. Новодевичий монастырь. Надгробная палатка у северной апсиды собора Новодевичьего монастыря. Фотография начала XX в. (по: Кузнецов, 1904).

имя Феофании, так же как имя Домникии, были известны из монастырского синодика и по сохранившейся духовной игуменнии Елены Девочкиной (Акты..., 1998. С. 298–302).

Игуменью Елену, несомненно, почитали в монастыре в XVII–XVIII вв. как местно чтимую святую: об этом говорит не только постройка “чулана” и смена его каменной палаткой, но и наличие трех специально выполненных лапидарных “летописей” в дополнение к двум надгробным плитам, а также “древняя” икона Смоленской Богородицы с коленопреклоненными предстоящими, одна из которых – св. Гликерия (на ее день памяти пришелся праздник образа), а вторая – сама игуменья, преподобная Елена, что подтверждала надпись на иконе (в каменную палатку икону перенесли из деревянного “чулана”).

Местное почитание игуменьи-основательницы, переформление места ее погребения и построй-

ка над ним палатки – вполне ожидаемые деяния. С середины XVI в. и особенно после Смуты наблюдается стремление возобновить пострадавшие исторические связи с прошлым, выразившееся в том числе в постройке и оформлении палаток над местами погребений местно чтимых святых: в Зачатьевском монастыре над могилами сестер св. Алексея Митрополита, в Даниловом монастыре над могилой св. князя Даниила Московского и т.д. Их внутреннее устройство, видимо, сходно: возникшая в 1580–1590-х годах и переформленная в XVII–XVIII вв. палатка над основательницами Алексеевского монастыря, св. Иулианией и Евпраксией в Зачатьевском монастыре также была небольшим сооружением с двумя надгробными камнями (до наших дней они не дошли).

Можно утверждать, что обнаруженные в 1989 г. надгробия – те самые, что лежали в 1737 г. внут-



Рис. 7. Новодевичий монастырь. Кладбище у апсид собора Новодевичьего монастыря. Вид с севера. Фотография начала XX в.

ри погребальной палатки на местах захоронения первой игуменьи Елены (Девочкиной) и инокини Феофании (ум. в 1611 г.), у которой в истории монастыря XVI–XVII вв. были по крайней мере две знаменитые соименницы: старица (казначей ?) Феофания, сподвижница игуменьи Елены, и игуменья Феофания (Охлябинина). Ни ту, ни другую нельзя соотносить с погребенной под плитой 1611 г. по соображениям хронологии: Охлябинина была игуменией в 1623–1629 гг., а старица Феофания пришла из Суздальского Покровского монастыря вместе с

Еленой (Девочкиной) еще в середине 1520-х годов и не могла дожить до конца Смуты. Впрочем, Феофания – распространенное монашеское имя, а частое принятие одного и того же почитаемого имени внутри одной обители – характерная особенность монастырской жизни.

Поскольку обе плиты несут явные признаки изготовления в XVII в., вполне разумным кажется предположение об оформлении самих камней и деревянной палатки в период после Смуты, не ранее 1611 г., наиболее вероятно в 1620–1640-х годах.



Рис. 8. Новодевичий монастырь. Памятная плита на северной апсиде собора. XIX (?) в. Современное состояние.

Со времени смерти игуменьи к тому моменту прошло менее 100 лет, и память о месте ее захоронения, вполне вероятно, сохранялась, несмотря на неурядицы Смутного времени.

Дата постройки каменного Смоленского собора – существенное обстоятельство для определения точного места погребения первой игуменьи монастыря и соответственно времени изготовления надгробия. Все писавшие о погребении Елены Девочкиной в XVIII – начале XX в. исходили из того, что погребение совершено против апсиды уже стоящего собора, чья традиционная дата – 1525 г. – существенно

предшествует моменту смерти настоятельницы. Однако в последнюю четверть века среди историков русской архитектуры (А.Л. Баталов, В.В. Кавельмахер, С.С. Подъяпольский и др.) сложилась твердая уверенность, что реальная дата возведения собора приходится не ранее чем на 1550-е годы. В этом случае погребение Елены Девочкиной совершалось на кладбище при первоначальной деревянной (или каменной, но небольшой) монастырской церкви (возможно, ориентированной иначе, чем нынешний собор), и в момент перестройки было оставлено на месте или перенесено таким образом,

чтобы остаться в прежнем положении по отношению к апсидам собора (о перенесении следовало бы ожидать упоминания в тексте нового надгробия или в специальной табличке, чего мы не наблюдаем). Зона за северной апсидой – довольно типичное место погребения ктиторов монастырей или игуменов (ср. случай с почитаемым местом погребения св. Даниила, князя Московского в XVI–XVII вв. у северной апсиды Покровско-Даниловской церкви Данилова монастыря).

Важно отметить, что по крайней мере с XVII по начало XX в. участок у северной апсиды собора не перекапывался; он был надежно защищен как место почитаемых погребений тремя последовательно сменявшимися одна другую палатками. Это дает надежду на открытие и определение погребения игуменьи Елены (Девочкиной) методами археологии (по меньшей мере, на выяснение истории связанного с ее памятью участка кладбища). Состояние участка позволяет провести на нем системные археологические изыскания, не задевая соседних погребений, хотя для этого придется принять решение о временном демонтаже нынешнего постаментов под плитами (1990-е годы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М., 1998.
- Антушев Н. Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., 1885.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.
- Беляев Л.А., Кренке Н.А. Монастырский некрополь XVI–XVII вв. Плиты из Зачатьевского монастыря // РСН. 2006. Вып. 1.
- Вишневский В.И. Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий XX в. // РСН. 2006. Вып. 1.
- Гуриберг В.Г. Надписи из Георгиевского монастыря // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954 (Тр. Музея Истории и реконструкции г. Москвы; Вып. 5).
- Гуриберг В.Г. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // НЭ. 1960. Т. 1.
- Древняя Российская Вивлиофика. Т. 19. М., 1791. 2-е изд.
- Информация о докладе члена-корреспондента общества И.И. Кузнецова “могила первой игуменнии Московского Новодевичьего монастыря” // Древности. Тр. МАО. 1904. Т. 20. Вып. 1.
- Кузнецов И.И. Могила первой игуменнии московского Новодевичьего монастыря схимонахини Елены (Девочкиной) // Московская церковная старина. Тр. комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Т. 1. М., 1904.
- Николаева Т.В. Новые находки на территории Загорского музея-заповедника // СА. 1957. № 1.
- Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1911.
- Прибавления к Московским губернским ведомостям. № 51, суббота. 16 декабря 1844 г.
- Сергий (Спасский), архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1876.
- Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г. Надписное надгробие XVII в. из раскопок Казанского кремля // *Archeologia abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Под ред. Л.А. Беляева. М., 2009.
- Токмаков И.Ф. Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., 1885.
- Шамин С.М. Надгробия Троицкого Белопесочного монастыря // РСН. 2006. Вып. 1.

Gravestones of hegumeness Elena Devochkina and nun Theophania in the Novodevichiy Convent

L.A. Beliaev, N.S. Romanov, L.I. Shlionskaya

Summary

The article analyses the materials pertaining to the memorial inscriptions and the grave of Elena Devochkina, the first hegumeness of the Novodevichiy Convent in Moscow (Vassily III, father of Ivan the Terrible, founded the Convent in 1525 to confine there Solomon Saburova whom he had divorced). The hegumeness passed away in 1547, but her gravestone, found in 1989, dates to the 17th c. The gravestone was discovered together with that of nun Theophania (died 1611). Both the stones were objects of veneration as early as the 17th – 18th cc., since hegumeness Elena was revered as a local saint. Analysis has shown that her grave could indeed be located in the vicinity of the stones. The article quotes the data collected in the beginning of the 18th c. by the commissions authorized to counteract the worship of the local saints unless they were officially canonized.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТЕПЛОУХОВ

© 2010 г. Л. Ю. Китова

Кемеровский государственный университет



В 2008 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося российского ученого Сергея Александровича Теплоухова. Вклад его в становление отечественной археологии огромен, а судьба трагична. В сибирскую археологию он вошел как создатель первой классификации культур эпохи металла. Долгие годы имя репрессированного исследователя замалчивалось, о его жизни и деятельности известно было немного, а о гибели ходили только слухи.

Впервые можно было вспомнить забытые имена в период “оттепели”, и М.П. Грязнов к 75-летию со дня рождения учителя прочитал доклад “С.А. Теплоухов и его роль в истории сибирской археологии” на секторе Средней Азии и Кавказа

Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (Грязнов, 1963. Л. 1–9). В 1960-е – начале 1970-х годов исследователи начинают отмечать в публикациях по истории науки значение работ С.А. Теплоухова в изучении Южной Сибири (Мартынов, 1964. С. 26, 27; Дэвлет, 1969. С. 33, 34; Матющенко, Плетнева, 1969. С. 32; Вадецкая, 1973. С. 137, 138). Позже Ю.Г. Белокобыльский произвел полный анализ предложенной ученым классификации культур (1986. С. 132–147). Однако далее обозначения вклада С.А. Теплоухова в разработку классификации культур Сибири археологи не шли. С одной стороны, слишком много еще было неизвестного в судьбе ученого, а с другой – в период единодушного признания марксистской методологии единственно верной трудно, да и опасно было говорить о другом методологическом направлении, которого он придерживался в своих исследованиях. Наконец, к столетию С.А. Теплоухова В.И. Матющенко опубликовал в Омске доклад М.П. Грязнова, прочитанный в 1963 г. (Грязнов, 1988. С. 69–75). Он хотя бы немного приоткрыл завесу над вопросом о происхождении незаурядного ученого, о его становлении как археолога. Сборник сразу же стал библиографической редкостью.

За последние 20 лет ситуация изменилась, наследие С.А. Теплоухова активно изучается, открыты многие неизвестные страницы его биографии (Вадецкая, 1992. С. 16–18; Матющенко, 1992. С. 110–115; 2001. С. 81–85; Бобров, 1994. С. 69–79; Китова, 1994. С. 57–68; 2004. С. 7–10; 2005. С. 68–75; 2006. С. 162–167; Решетов, 2003. С. 17–21; Жук, 2004. С. 4–6; Китова, Кузьминых, 2006. С. 152–161 и др.). Такая личность, как С.А. Теплоухов, безусловно, достойна долгой памяти и обширного очерка о жизни и деятельности.

Сергей Александрович Теплоухов родился 3 марта 1888 г. в семье окружного лесничего А.А. Теплоухова в селе Ильинском Пермского уезда Пермской губернии. На его формирование большое влияние оказала семья, особенно дядя Ф.А. Теплоухов. С детских лет Сергей был знаком с семейной археологической коллекцией и хотел заниматься наукой, продолжать дело, начатое его дедом.

Представители рода Теплоуховых внесли большой вклад в развитие отечественной науки. Первым ученым в семье был дед Сергея – Александр Ефимович. Он стал одним из первых краеведов Пермского края, положив начало формированию семейной археологической коллекции, которая хранится сейчас в Пермском краеведческом музее. Шесть его работ посвящены археологии, две из них опубликованы в Германии и Австрии. А.Е. Теплоухов впервые в русской археологии произвел классификацию орнаментов глиняной посуды. Он открыл для науки и начал изучение древних культовых памятников Прикамья, получивших названия “костища”. Его дело продолжили сыновья – Александр и особенно старший сын Федор, посвятивший изучению природы и истории Пермского края всю свою жизнь (Родовой фонд Теплоуховых, 1815–1971; Китова, 2007. С. 170–177). В области археологии Ф.А. Теплоухов продолжил исследования своеобразных святилищ железного века – Гаревского, Ильинского, Усть-Туйского, Панкрашихинского и других “костищ”. Отец и сын А.Е. и Ф.А. Теплоуховы проделали колоссальный труд по обработке и систематизации обнаруженного материала. Публикация результатов этих изысканий выявила особенности данного типа археологических памятников и активизировала дальнейшее их изучение. «Известный российский археолог А.А. Спицын предлагал даже выделить в первобытной истории Прикамья особый хронологический период, названный им “костищенским” (III–VI вв. н.э.)» (Лепихин, Мельничук, 1997. С. 3). Ф.А. Теплоухов оставил после себя восемь работ по археологии Пермского края. До сих пор не потерял своего источниковедческого значения атлас рисунков “Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых”, изданный им в 1902 г. в Петербурге. Предисловие к атласу написал А.А. Спицын, высоко оценивший труды Ф.А. Теплоухова: “...по богатству материала и по стройности выводов и изложения представляют лучшие работы по пермским древностям и ставят имя их автора среди исследователей этих древностей на первое место” (Древности..., 1902. С. 15).

Сергей Александрович относится к третьему поколению ученых в семье Теплоуховых. В 1900 г. он поступил в Пермское реальное училище, которое в 1907 г. успешно окончил. В 1908 г. после благополучно сданных вступительных экзаменов С.А. Теплоухов был зачислен в Казанский университет на естественное отделение физико-математического факультета (Биография..., б.г. Л. 4). Его первые исследования связаны с орнитологией, которой он занимался несколько лет до университета под руководством дяди Ф.А. Теплоухова. Однако, как его

дед и дядя, Сергей Александрович начинает также увлекаться археологией. После получения зоологической специальности в 1912 г. он приобретает вторую специальность по антропологии и работает при кафедре географии и этнографии в Казанском университете под руководством профессора Б.Ф. Адлера (Биография..., б.г. Л. 1), сторонника палеоэтнологических исследований.

Б.Ф. Адлер являлся учеником крупнейшего русского ученого Д.Н. Анучина, который разработал принципы комплексного подхода в изучении таких дисциплин, как археология, этнография, антропология, география. Бруно Фридрихович не только успешно усвоил, но и передал эти принципы своим ученикам, в том числе С.А. Теплоухову. Б.Ф. Адлер познакомил С.А. Теплоухова и с идеями Ф. Ратцеля, основоположника антропогеографии, под руководством которого в Лейпциге писал докторскую диссертацию.

Для антропологической работы С.А. Теплоухов выбирает проблему происхождения финнов. Саяно-алтайская гипотеза происхождения урало-алтайской группы языков, разработанная М. Кастреном, была популярна во второй половине XIX в. Развивая идеи Кастрена, Й.Р. Аспелин считал, что бронзовый век к западу от Урала был генетически связан с бронзовым веком Сибири, с миграцией в древности финно-угорских народов из Азии в Восточную и Северную Европу. В начале XX в. этим вопросом занялся А.М. Тальгрэн и сразу же отказался от гипотезы Аспелина о существовании единой урало-алтайской культуры. Он доказал, что культуры эпохи бронзы севера Восточной Европы и Саяно-Алтая самостоятельны и резко отличаются друг от друга не только характером и видом могильных сооружений, но и типами утвари. Профессор Н.Ф. Катанов отверг предположение Кастрена-Аспелина на основании анализа лингвистического материала. То есть к 1913 г. идея о саяно-алтайской прародине финнов на археологическом и лингвистическом материале не нашла подтверждения. С.А. Теплоухов хотел проверить эту гипотезу на антропологическом материале, тем более что семейная коллекция древностей, собранная на севере Европейской России и интерпретировавшаяся как финская, была ему хорошо знакома. В 1913 г. он был направлен Казанским обществом естествоиспытателей в северо-западную Монголию, Урянхайский край (Тува) для антропологического анализа и сбора краниологического и этнографического материала среди сойотов (тувинцев. – Л.К.). В результате обработки полученных данных молодой исследователь пришел к заключению, что сойоты стоят гораздо ближе к минусинским тюркам, мон-

голам, чем к какой-либо из групп финских народностей (Автобиография Теплоухова, 1921. Л. 4). Из тувинской экспедиции С.А. Теплоухов привез ценные коллекции по этнографии и антропологии, которые составили гордость Казанского университета. Кроме удовлетворения научного интереса эта поездка на лошадях через Минусинскую котловину в Туву поразила С.А. Теплоухова обилием и многообразием археологических памятников и бесспорно определила судьбу и дальнейший характер его научных работ.

Следующее лето 1914 г. Сергей Александрович провел на Среднем Урале, где исследовал памятники “торфяниковой” культуры. Его работоспособность и тщательный отбор материалов уже тогда обращали на себя внимание старших коллег (Отзыв Адлера, б.г. Л. 1). Появились у него и небольшие заметки по результатам первых самостоятельных археологических работ (Теплоухов, 1913/1914. С. 17; 1915/1916. С. 21).

Успехи С.А. Теплоухова в научной деятельности были отмечены руководством Казанского университета. Он закончил обучение в 1914 г. с дипломом I степени по двум специальностям – зоологии и географии/этнографии, и был оставлен для подготовки к профессорской деятельности на кафедре географии и этнографии Казанского университета. Такая подготовка требовала стажировки в столице, и Теплоухов был отправлен на три года в Петербургский университет, в котором занимался географией под руководством профессора П.И. Броунова, а антропологией – у профессора Ф.К. Волкова, создателя палеоэтнологической школы в Петербурге (Биография..., б.г. Л. 1).

Обучение у Ф.К. Волкова намного расширило представления С.А. Теплоухова об антропологии. Через несколько лет Сергей Александрович писал: “Если антропологическая систематика рас базируется только на сравнительной анатомии рас, то классификация народностей... основывается не только на физических особенностях отдельных народов, но также на данных языка, этнографии, как духовной, так и материальной”. Круг интересов Теплоухова расширился, его увлекали физическая, систематическая и доисторическая антропологии, он очень серьезно заинтересовался антропогеографией (Автобиография..., 1921. Л. 2). По окончании стажировки в 1917 г. Теплоухов занял место ассистента при кафедре географии и этнографии Казанского университета, а также приобрел опыт преподавательской работы в Институте археологии и этнографии в Казани. Там он был избран на должность доцента и читал курс антропологии (Биография..., б.г. Л. 1).

Октябрьский переворот 1917 г., а затем начавшаяся в России гражданская война разрушили привычный уклад жизни. Приехав летом 1918 г. на родину в Пермскую губернию, Сергей Александрович был отрезан линией фронта от места работы. Поэтому в течение года он преподавал на кафедре географии Пермского университета. Затем по решению белогвардейского правительства А.В. Колчака вместе с другими преподавателями и студентами С.А. Теплоухов был отправлен в Томский университет. Кроме него в Томск из археологов и этнографов приехали С.И. Руденко, В.Ф. Смолин, Ф.А. Фиельструп, А.К. Иванов. Под руководством С.И. Руденко, приглашенного на должность профессора кафедры географии и антропологии, а затем избранного деканом физико-математического факультета, в Томске начал формироваться центр археологических исследований (Китова, 2007. С. 31–51). По рекомендации С.И. Руденко 1 ноября 1919 г. С.А. Теплоухов единогласно был избран на должность старшего ассистента кафедры географии и антропологии геолого-географического отделения физико-математического факультета (Журнал заседаний..., 1919–1923. Л. 50).

Томский период деятельности С.А. Теплоухова – короткий, но очень насыщенный. С первых дней работы в университете он зарекомендовал себя как активный работник и умелый организатор. Осенью 1919 г. С.И. Руденко и С.А. Теплоухов приступили к оборудованию кабинета географии и антропологии. Их связывали не только служебные отношения, но и дружеские. Теплоухов часто выручал Руденко, вел в периоды его отъездов практические занятия, выполнял обязанности заведующего кабинетом сначала временно, а с 15 ноября 1921 г. и до апреля 1922 г. – постоянно (Журнал заседаний..., 1919–1923. Л. 157, 161; Циркуляры декана..., 1921. Л. 88, 133, 136).

После успешной сдачи магистерских экзаменов в 1921 г. С.А. Теплоухов прочел 2 и 24 января 1922 г. две пробные лекции на заседании физико-математического факультета. Первая называлась “Кожа, волосы, глаза и их пигментация как классификационные признаки”, вторая – “Следы доисторического человека в Сибири”. Лекции были одобрены, и он получил право самостоятельного преподавания антропологии. В весеннем семестре 1922 г. им был прочитан авторский курс “Доисторическая антропология Сибири” (Журнал заседаний..., 1919–1923. Л. 148–153).

В Томске С.А. Теплоухов участвовал в работе открытого в 1919 г. Института исследования Сибири (ИИС). В январе 1920 г. он был избран в члены Совета естественноисторического отдела

ИИС представителем от орнитологического общества. Через месяц его выбрали секретарем этого отдела; иногда ему приходилось выполнять и обязанности заведующего (Протоколы заседаний Совета..., 1919–1920. Л. 22, 46об; Протоколы заседаний естественноисторического отдела, 1919–1920. Л. 22). Он стал инициатором организации в ИИС курсов для подготовки исследователей природы, желающих работать в естественнонаучных экспедициях или собирать коллекции для школьных музеев. Для слушателей курсов ИИС С.А. Теплоухов читал специальные лекции по антропологии и антропометрии, палеоэтнологии и эргологии (Протоколы заседаний естественноисторического отдела, 1919–1920. Л. 127; Отчет о работе Института, 1919–1920. Л. 2, 22). Такая просветительская работа должна была помочь в организации экспедиций и охране памятников истории и природы.

От ИИС и Томского университета С.А. Теплоухов организовал в 1920 г. совместно с С.И. Руденко, а в 1921 г. – независимо от него археологическую экспедицию в Минусинский край. В Томске у него зародилась идея классификации культур Минусинской котловины (Отчеты о геологических исследованиях..., 1921–1922. Л. 61–65, 108об.).

В сибирской археологии в отличие от археологии европейской части России еще не была решена проблема систематизации и классификации археологических культур. Для выполнения поставленной задачи С.А. Теплоухов изучил в 1920 г. археологические коллекции в Красноярском и Минусинском музеях, самостоятельно обследовал ряд стоянок и выбрал для систематических раскопок район села Батени, участок площадью 6×12 км, расположенный в центре Минусинской котловины, на левом берегу Енисея. Разнообразие подъемного материала (керамика, каменные и металлические предметы, относящиеся к различным эпохам) и благоприятные природно-климатические условия района, пригодного для выпаса скота на “выдувах” даже зимой, определили выбор ученого. Кроме того, С.А. Теплоухов полагал, что небольшой район исследования, усеянный разнообразными памятниками, обеспечит чистоту эксперимента. По его мнению, “трудно установить относительную классификацию по раскопкам могил различных эпох, произведенным в различных районах”. Он опасался, что “особенности местных вариаций затемняют наблюдаемую преемственность в устройстве могил и в некоторых бытовых предметах сменяющихся эпох” (Теплоухов, 1927. С. 58). Современных исследователей до сих пор удивляет правильность выбора и разнообразие методических приемов,

использовавшихся С.А. Теплоуховым, особенно метода изучения локального региона.

Уже первые два сезона исследований дали С.А. Теплоухову возможность разработать основу классификации культур эпохи металла (Отчеты о геологических исследованиях..., 1921–1922. Л. 61–65). В научном мире она стала известна после публикаций 1922 г. (Теплоухов, 1922а. С. 27–29; 1922б. С. 46, 47). Изыскания С.А. Теплоухова положили начало выделению и монографическому изучению культур Южной Сибири. Материалы экспедиций поступили в археологический музей Томского университета и значительно пополнили коллекции, собранные прежде в Минусинской котловине.

У С.А. Теплоухова появились в Томске ученики: М.П. Грязнов, Е.Р. Шнейдер, А.Н. Глухов, Ю.М. Голубкина, Е.А. Гуковский, которых он старался всячески поддерживать. Так, например, М.П. Грязнов, будучи студентом 3-го курса естественного отделения физико-математического факультета, был назначен в октябре 1921 г. препаратором кабинета географии и антропологии (Циркуляр декана..., 1921. Л. 7, 74). Студента историко-филологического факультета Е.Р. Шнейдера С.А. Теплоухов ценил как знающего археологию, в совершенстве владеющего изобразительными искусствами и поэтому незаменимого сотрудника при археологических работах (Заявления преподавателей..., 1920–1921. Л. 36).

Однако после разгрома армии Колчака общественно-политическая ситуация в Томске изменилась. В университете была проведена коренная реорганизация системы образования и начались гонения на преподавателей, работавших в период действия белогвардейского правительства. Все это привело С.И. Руденко и С.А. Теплоухова к мысли о переезде в столицу. Там было больше возможностей для научной деятельности и менее опасно, чем в провинции. В апреле 1922 г. С.А. Теплоухов вслед за С.И. Руденко уехал в Петроград. Туда же позже прибыли для продолжения образования М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер.

По рекомендации С.И. Руденко 1 марта 1922 г. С.А. Теплоухов был избран преподавателем кафедры антропологии физико-математического факультета Петроградского университета. С осени 1922 г. он вел семинары и практические занятия со студентами по антропологии и этнографии. 5 марта 1923 г. после прочтения двух пробных лекций на физико-математическом факультете он получил право самостоятельного преподавания. С открытием в 1925 г. на географическом факультете антропологического отделения во главе с С.И. Руденко С.А. Теплоухов перешел работать туда. В течение

нескольких лет он исполнял обязанности секретаря этого отделения. С осени 1923 г. по 1929 г. Сергей Александрович читал лекции по общей и специальной доисторической антропологии и палеоэтнологии сначала на физико-математическом, а с 1925 г. на географическом факультете ЛГУ (Справки, удостоверения..., 1914–1930. Л. 15; Биография..., б.г. Л. 1). Он был избран доцентом кафедры этнической антропологии и палеоантропологии и проработал там до 1 сентября 1929 г., до исключения предмета палеоантропология из учебного плана географического факультета и отчисления его из состава преподавателей (Справки, удостоверения..., 1914–1930. Л. 24, 25).

Следует отметить и деятельность С.А. Теплоухова в Этнографическом отделе Русского музея, который возглавлял также С.И. Руденко. 7 декабря 1922 г. Теплоухов был избран заведующим секцией палеоэтнографии Этнографического отдела, а 1 октября 1925 г. – хранителем Этнографического отдела Русского музея (Справки, удостоверения..., 1914–1930. Л. 16). Здесь он стал опытным музееведом. Например, Б.Ф. Адлер отмечал, что в отделе Южной Сибири С.А. Теплоухов очень удачно, научно и интересно ввел в этнографическую коллекцию в качестве сравнительного материала комплекс археологических предметов из Минусинской котловины (Отзыв Адлера..., б.г. Л. 1). Ученый проработал в Этнографическом отделе Русского музея до своего ареста 26 ноября 1933 г. С 1 декабря 1922 г. по 1923 г. С.А. Теплоухов был ассистентом при кафедре антропологии в Институте физической культуры им. П.Ф. Лесгафта. С 1923 г. по 1925 г. он заведовал антропологической лабораторией курсов физического образования командующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии.

Сергей Александрович являлся научным сотрудником Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), состоял членом и принимал участие в работах Антропологического и Русского Географического обществ (РГО) в Ленинграде, сотрудничал в обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Монгольской комиссии, комиссии по изучению четвертичных отложений, комиссии по изучению племенного состава России при АН СССР (Биография..., б.г. Л. 1).

После переезда в Петроград С.А. Теплоухов продолжал систематические исследования в Минусинском районе. Экспедиции финансировались Русским музеем, ГАИМК и ЛГУ. За 8 лет (1920–1921 гг., 1923–1928 гг.) научных изысканий он раскопал там более 150 погребений эпохи бронзы и раннего железного века, а также несколько стоянок

эпохи палеолита и стоянку андроновской культуры. Памятники эпохи камня в Минусинской котловине им были раскопаны впервые, так же как и памятники ранней бронзы.

В 1924 г. С. А. Теплоухов был направлен Академией наук СССР и Совнаркомом в Монголию в составе экспедиции П.К. Козлова. Перед Сергеем Александровичем были поставлены археологические задачи, с которыми он великолепно справился. К его заслугам относятся раскопки одного из знаменитых курганов в Ноин-Уле. Детально исследовав памятник, он восстановил погребальный обряд и конструкцию могильных сооружений в Ноин-Улинских курганах и дал первое правильное их хронологическое определение. В 1926–1927 гг. и в 1929 г. С.А. Теплоухов руководил экспедицией АН СССР в Танну-Туvinской республике (Биография..., б.г. Л. 2–4). Он предпринял здесь обширные работы выявил и изучил древности разных эпох. Всего в течение трех лет им было исследовано около 180 памятников более чем в 20 пунктах. Тува расположена к югу от Саянских гор, по которым проходит физико-географическая граница между Северной и Центральной Азией. Изучение ее памятников С.А. Теплоухов считал крайне важным для понимания культурных влияний Центральной Азии на Северную, а также выяснения этнических процессов, происходивших на этой территории в эпоху палеометалла. По мнению исследователя, в продолжение весьма длительного времени культуры, развивавшиеся в Туве, имели некоторое отличие от культур Минусинской котловины и экономически были теснее связаны с общностями открытых степей Монголии (Отчет экспедиции..., 1929. Л. 1, 2). Одной из целей исследований в Туве была систематизация и классификация археологических памятников и культур. С.А. Теплоухову удалось выделить шесть типов памятников, которые принадлежали шести культурам эпохи металла (О раскопках С.А. Теплоухова в Туве, 1926. Д. 231; 1927. Д. 288; 1929. Д. 262; Археологическая Туvinская экспедиция, 1930. С. 14–16).

Проводил С.А. Теплоухов и изыскания, о которых до сих пор не упоминалось в научной литературе. Так, например, в 1928–1929 гг. он выезжал на раскопки на юг Ленинградской области, в пограничный район с Новгородской областью. Там Теплоухов изучал могилы IX–XII вв. по р. Ордеж близ погостов Бушковского, Ям-Тесовского и Флоровского (Раскопки Теплоухова..., 1928; 1929). В 1932 г. Сергей Александрович провел рекогносцировочные исследования древних памятников в Киргизии по северным отрогам Александровского хребта от г. Фрунзе к оз. Иссык-Куль и по берегам

Иссык-Куля. Он фиксировал, описывал и проводил разведочные раскопки памятников, которые датировал не позднее IX–X вв. (О выдаче открытого листа..., 1932).

Главным делом жизни С.А. Теплоухова, конечно, было создание классификации культур Южной Сибири. Культурно-хронологическая схема археологических памятников на Енисее, впервые опубликованная им в 1922 г., получила окончательное оформление в статье “Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края” (1929). Работа над периодизацией продолжалась в течение десяти лет. Значение ее трудно переоценить. Правильно выбранное место раскопок, верно разработанная методика классификации, интуиция и глубокий анализ материала позволили С.А. Теплоухову создать систему, основные положения которой верны до сих пор. Большинство обнаруженных и исследованных Сергеем Александровичем памятников принадлежало бронзовому и раннему железному векам, поэтому и классификация культур этих эпох получилась более обоснованная и жизнестойкая. Периодизация памятников средневековья была дана более схематично и подверглась большим изменениям.

На наш взгляд, в отечественной историографии утвердилась не совсем правильная трактовка выделенных С.А. Теплоуховым хронологических групп. Вслед за М.П. Грязновым принято считать, что исследователь “разделил памятники Минусинских степей на 12 хронологических групп, которые соответствовали 12 последовательно сменявшим одна другую культурам или ступеням” (Грязнов, 1988. С. 73). В действительности же памятники Минусинских степей были разделены С.А. Теплоуховым на 13 хронологических групп, при этом не каждая “тянула” на археологическую культуру: 1) афанасьевская культура; 2) андроновская культура; 3) карасукская культура; 4–7) минусинская курганная культура с четырьмя этапами (в современной науке за ней утвердилось название, данное С.В. Киселевым в 1928 г., – тагарская); 8–9) таштыкская культура, включающая этап, датированный первыми веками н.э., и второй этап – III–IV вв., представленный могилами с бюстовыми масками; 10) каменные курганы V–VII вв.; 11) одиночные каменные курганы VII в.; 12) каменные курганы VIII–XX вв.; 13) плоские могилы XI–XII вв. (Теплоухов, 1929). Более поздних погребений в Минусинских степях Теплоухов не обнаружил, но предположил, “что если и устраивались погребения покойников в земле, то над могилами не делали насыпей, могущих сохраниться до нашего времени”. Подтверждением этому послужили раскопанные ученым

в 1927 г. под Красноярском три богатые могилы, датированные им XII–XIV вв. В Туве он исследовал захоронения XVII–XVIII вв. Таким образом, получалось, что “принимая во внимание все произведенные на Енисее палеоэтнологические исследования, намечается полная схема смены культур, начиная с эпохи древнего камня до современных” (Теплоухов, 1929. С. 58).

В своих работах С.А. Теплоухов высказал множество интересных идей; некоторые из них стали понятны исследователям только в настоящее время. Имея основательную подготовку в области естественных наук, и являясь сторонником палеоэтнологических концепций, ученый считал необходимым комплексно изучать человека и среду, в которой развивалась социальная культура. Только с помощью комплексных палеоэтнологических исследований в Азии, полагал С.А. Теплоухов, можно решить “...такие основные вопросы, как происхождение человека, переселение народов, возникновение и распространение тех или иных культур и культурных влияний, их смену” (1929. С. 41).

Как ученого-натуралиста и географа внимание С.А. Теплоухова привлекало разнообразие ландшафтных зон Минусинского края. Он отмечал здесь очень благоприятные сырьевые ресурсы: “обильные зверем и птицей угодья, прекрасные пастбища, плодородные почвы, ...богатые металлические рудники” (Теплоухов, 1927. С. 57), рассматривал этот район как контактный и считал его изучение “ключом к пониманию древних культур всей Северной Азии” (Теплоухов, 1929. С. 41, 42). Раннее развитие бронзолитейного производства в Минусинском крае С.А. Теплоухов объяснял наличием больших запасов руды. Увлекаясь со студенческих лет антропогеографией, исследователь неоднократно подчеркивал определяющее влияние географической среды на развитие исторического процесса в целом и древнего общества в частности. Во-первых, он полагал, что необычайное разнообразие природных ресурсов в Минусинской котловине помогало населению преодолевать последствия колебаний климата. Во-вторых, С.А. Теплоухов считал, что “горы и леса, хорошо знакомые местному населению, не являлись непреодолимым препятствием для частичной иммиграции в Минусинскую котловину отдельных элементов культуры и для сношения минусинцев с окружающим миром”. Тем не менее исследователь предполагал, что в ранние эпохи естественные границы были труднопреодолимы для “массовых переселений народов и проникновения чуждых культур целиком” (Теплоухов, 1927. С. 57). В-третьих, он рассматривал древнего человека как составную часть природы и отмечал влияние при-

родных факторов на формирование стратификации общества. В-четвертых, в контексте идей антропогеографии С.А. Теплоухов выдвинул гипотезу о причинах миграций: “Есть некоторые основания предполагать, что причинами миграции народов были периодические изменения в климатических условиях Азии” (Отчет экспедиции..., 1929. Л. 2). Это только небольшая часть идей, высказанных С.А. Теплоуховым. Архивные материалы подтверждают, что он перед арестом серьезно и кропотливо работал над фундаментальной монографией, но не успел ее завершить.

К сожалению, в конце 1920-х годов политическая ситуация в стране не способствовала развитию науки. Началась кампания против С.И. Руденко, старшего товарища Теплоухова. Коллеги не сразу отrekliлись от него. Первоначально защищал его и Сергей Александрович, однако к концу кампании он старался держать нейтралитет (Протоколы и материалы..., 1931–1932; Материалы о С.И. Руденко..., 1931–1932; Резолюция..., 1932). Тем не менее это не уберегло его самого от репрессий.

26 ноября 1933 г. С.А. Теплоухов был арестован. Ему инкриминировалось участие в контрреволюционной фашистской организации “Русская национальная партия”. Такое сфабрикованное обвинение было предъявлено большой группе сотрудников Русского музея. С.А. Теплоухов скончался в тюрьме при неясных обстоятельствах. Его сестре Н.А. Теплоуховой удалось установить, что “в период следствия он заболел и в состоянии психического расстройства покончил жизнь самоубийством”. Официальная версия гласила, что причиной его смерти стало кровоизлияние в мозг (Переписка..., 1958. Л. 1).

Так трагически закончилась жизнь большого ученого. К началу 1930-х годов С.А. Теплоухов был лучшим знатоком археологии Сибири. Его классификация стала основой для создания культурно-хронологических периодизаций в соседних регионах. К сожалению, Сергей Александрович не написал крупных трудов, тем не менее к его небольшим по сегодняшним меркам работам до сих пор обращаются отечественные исследователи. У С.А. Теплоухова была редкая способность в одной короткой фразе, небольшом тезисе заложить глубокий смысл, дающий пищу для размышлений и современным археологам. С.А. Теплоухов был ученым высокого интеллекта и глубоких знаний. Он блестяще использовал междисциплинарные исследования, столь популярные сегодня. Результаты его изысканий еще долго будут важны для науки. Безмерно жаль, что его жизнь оборвалась на взлете научной деятельности, он смог бы сделать еще очень много.

19 апреля 1958 г. Н.А. Теплоухова, родная сестра Сергея Александровича, обратилась с заявлением к военному прокурору Ленинградского военного округа о реабилитации брата. Он не имел ни жены, ни детей, и она считала себя обязанной восстановить его доброе имя в научной среде. С.А. Теплоухов был реабилитирован посмертно 27 мая 1958 г. “за отсутствием, состава преступления” (Переписка..., 1958. Л. 1, 3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автобиография С.А. Теплоухова. 1921 г. // Архив РЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34.
- Археологическая Тувинская экспедиция (1929 г., рук. С.А. Теплоухов) // Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. Отд. 2. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1930.
- Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. Новосибирск, 1986.
- Биография и списки научных трудов С.А. Теплоухова, б.г. // ГАПО. Ф. 613. Оп. 3. Д. 156.
- Бобров В.В. Теплоухов и некоторые проблемы современной археологии // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово, 1994.
- Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Изв. лаборатории археолог. исслед. Вып. 6. Кемерово, 1973.
- Вадецкая Э.Б. Возвращение к С.А. Теплоухову // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Ч. I. Омск, 1992.
- Грязнов М.П. С.А. Теплоухов и его роль в истории сибирской археологии. Докл. на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ИА АН СССР 15 марта 1963 г. // ГАПО. Ф. 613. Оп. 3. Д. 171.
- Грязнов М.П. С.А. Теплоухов и его роль в истории сибирской археологии // Источники и историография: археология и история. Омск, 1988.
- Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием члена ИАК А.А. Спицына. СПб., 1902.
- Дэвлет М.А. Археологическое изучение Южной Сибири в годы Советской власти // КСИА. 1969. Вып. 118.
- Жук А.В. Организация археологических исследований в Томске в 1919–1921 гг. // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2004.
- Журнал заседаний физико-математического факультета ТГУ за 1919–1923 гг. // ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 31.
- Заявления преподавателей, научных работников и студентов о предоставлении научных командировок и переводе в другие университеты. 1920–1921 // ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 84.
- Китова Л.Ю. Эволюционно-этнологические концепции С.А. Теплоухова // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово, 1994.

- Китова Л.Ю. Известные архивные материалы о биографии и деятельности С.А. Теплоухова // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2004.
- Китова Л.Ю. Томск как центр археологического изучения Сибири в 1920–30-е годы // Археология Южной Сибири. Вып. 23. Кемерово, 2005.
- Китова Л.Ю. Теплоуховы и истоки формирования Сергея Александровича Теплоухова как исследователя // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово, 2006.
- Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск, 2007.
- Китова Л.Ю., Кузьминых С.В. Штрихи к научной биографии С.А. Теплоухова: два письма А.М. Тальгрену // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово, 2006.
- Лепихин А.Е., Мельничук А.Ф. Гляденовское костыше (Из собрания Пермского областного краеведческого музея). Пермь, 1997.
- Мартынов А.И. История изучения древнейшего прошлого Сибири // Матер. по истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.
- Материалы (протоколы, докладные записки) о С.И. Руденко и его влиянии на экспедиционную деятельность музея (1931–1932) гг. // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 362.
- Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск, 1992.
- Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Т. 1. Омск, 2001.
- Матющенко В.И., Плетнёва Л.М. Сибирская археология за 50 лет советской власти // ТТГУ. 1969. Вып. 4.
- О выдаче открытого листа на раскопки С.А. Теплоухову в Киргизской республике // Архив ИИМК. 1932. Ф. 2. Оп. 1. Д. 117.
- О раскопках С.А. Теплоухова в Туве (Отчет) // Архив ИИМК. 1926. Ф. 2. Оп. 1. Д. 231.
- О раскопках С.А. Теплоухова в Туве // Архив ИИМК. 1927. Ф. 2. Оп. 1. Д. 228.
- О раскопках С.А. Теплоухова в Туве // Архив ИИМК. 1929. Ф. 2. Оп. 1. Д. 262.
- Отзыв Адлера Б.Ф. о научной деятельности и научных трудах С.А. Теплоухова, б.г. // ГАПО. Ф. 613. Оп. 3. Д. 168.
- Отчет о работе Института за 1919–1920 гг. // ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 40.
- Отчеты о геологических исследованиях в Киргизской степи, о работах экспедиций в горно-степном районе, в бассейне р. Оби, на Алтае. 1921, 1922 // ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89.
- Отчет экспедиции в Тувинскую республику археологического отряда Монгольской комиссии АН СССР в 1929 г. // ГАПО. Ф. 613. Оп. 3. Д. 167.
- Переписка Н.А. Теплоуховой с военным прокурором Ленинградского военного округа о реабилитации С.А. Теплоухова. 1958 г. // ГАПО. Ф. 613. Оп. 3. Д. 170.
- Протоколы заседаний Совета Института. 01.08.1919–16.01.1920 // ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 20.
- Протоколы заседаний естественноисторического отдела. 22.06.1919–10.09.1920 // ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 32.
- Протоколы и материалы по дискуссии о роли С.И. Руденко в этнографии (22 мая 1931 г. – 29 января 1932 г.) // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 361.
- Раскопки Теплоухова С.А. в северо-западной области в Новгородской и Ленинградской губернии по р. Оредеж // Архив ИИМК. 1928. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122.
- Раскопки Теплоухова С.А. в Оредежском районе Лужского округа // Архив ИИМК. 1929. Ф. 2. Оп. 1. Д. 242.
- Резолюция по дискуссии о влиянии этнографа С.И. Руденко на работу музея (19 ноября 1932 г.) // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 363.
- Родовой фонд Теплоуховых, 1815–1971 гг. // ГАПО. Ф. 613.
- Справки, удостоверения, выписки из протоколов о служебной деятельности С.А. Теплоухова. 1914–1930 // ГАПО. Ф. 613. Оп. 3. Д. 145.
- Теплоухов С.А. Поездка в Урянхайский край (Монголия) // ПЗОЕ. 1913/1914. Засед. 473.
- Теплоухов С.А. Отчет о поездке с археологической целью на Шигирское и Аятское озера (восточный склон Урала) // ПЗОЕ. 1915/1916. Засед. 494.
- Теплоухов С.А. Следы доисторической жизни в Минусинском крае // Географ. вестн. 1922а. Т. 1. Вып. 2, 3.
- Теплоухов С.А. Этнологические исследования в Сибири (1919–1922) // Наука и ее работники. 1922а. № 3, 4.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Матер. по этнографии. Т. 3. Вып. 2. Л., 1927.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Матер. по этнографии. Т. 4. Вып. 2. Л., 1929.
- Циркуляры декана физико-математического факультета о выборе должностных лиц при университете и выписки из журналов заседаний названного факультета за 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 114.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

John F. Hoffecker, Scott A. Elias. HUMAN ECOLOGY OF BERINGIA. New York: Columbia University Press, 2007. 290 pp., 79 figs. (ISBN-13: 978-0-231-13060-8).

Книга посвящена археологии и палеогеографии Берингии – обширной плейстоценовой суши, включавшей крайний северо-восток Азии и прилегающую часть Северной Америки, от Верхоянского хребта на западе до р. Макензи на востоке. Рассматриваются природные условия и археологические памятники преимущественно от максимума последнего похолодания (20 000–18 000 радиоуглеродных лет назад, далее – л.н.) до 10 000 л.н. (так называемое позднеледниковье). Широкий географический охват и доисторические связи Азии и Америки явно вызовут интерес к монографии у российских исследователей. Данная рецензия нацелена на обсуждение наиболее важных и проблемных аспектов археологии и палеосреды берингийского региона, затронутых в работе Дж.Ф. Хоффекера и С.А. Элайаса.

В главе 1 “Введение в Берингию” (с. 1–21; здесь и далее – ссылки на номера страниц рецензируемой книги) дан обзор природной среды и археологии региона в позднем плейстоцене. Суша на месте Берингова пролива и прилегающих арктических шельфов практически отсутствовала во время сравнительно теплого межстадия 60 000–28 000 л.н. (с. 6–9); она достигла наибольших размеров во время максимума последнего похолодания и исчезла в результате повышения уровня Мирового океана около 12 900 календарных лет назад (далее – кал. л.н.), что соответствует около 11 000 л.н. (в книге даются в основном калиброванные даты; для их “обратной” конвертации в ^{14}C даты см.: Reimer, 2004. Р. 1029–1058, 1225–1238). “Безледный коридор” между ледниковыми щитами Северной Америки открылся около 15 000 кал. л.н. (12 700 л.н.) (с. 11).

Авторы согласны с мнением Т. Гобела о вероятном отсутствии стоянок в Сибири севернее 55° с.ш. в период максимально холодного климата 23 000–19 000 кал. л.н. (19 500–15 800 л.н.) (с. 9, 17). Данная точка зрения не соответствует имеющимся фактам; нами было показано, что даже в максимум похолодания в Сибири сохранялись древние поселения (Кузьмин и др., 2004; Kuzmin, 2008; Kuzmin, Keates, 2005). Вывод о малом количестве древесной растительности в Берингии во время максимума последнего похолодания (с. 14, 15), проходящий через всю книгу (с. 69, 96, 103, 210), весьма спорен. Древесные породы сохранялись в долинах рек Северо-Восточной Сибири и Аляски в течение всей второй половины позднего плейстоцена, 50 000–10 000 л.н. (Brigham-Grette et al., 2004; Kuzmin, 2008. Р. 172; Petit et al., 2008).

Заклчения о “реколонизации” Северо-Восточной Азии после 20 000 кал. л.н. (17 000 л.н.) и бассейна р. Лена лишь около 15 000 кал. л.н. (12 700 л.н.) (с. 18) не подтверждаются фактическими данными. Так, в среднем течении Лены, в пещере Хайыргас (60° с.ш.) для культурных слоев 7 и 5 получены ^{14}C даты 21 500 и 16 000 л.н. соответственно (Степанов и др., 2003); есть также ^{14}C даты для стоянки Авдеиха (58° с.ш.) – 15 200–12 900 л.н.

Необходимо подчеркнуть, что в монографии практически не использована информация о памятниках среднего и позднего палеолита Сибири, накопленная к концу 1990-х – началу 2000-х годов и опубликованная в ряде российских и международных журналов, а также в виде отдельного издания на русском и английском языках (Переход от среднего к позднему палеолиту...,

2005). Слабое знание материала приводит к ошибкам; так, мустьерские культурные слои стоянки Двуглазка датируются временем последнего межледниковья, около 128 000–116 000 л.н. (с. 6, 230), хотя культурный слой 7 Двуглазки, содержащий орудия среднего палеолита, датирован по ^{14}C около 27 200 л.н. (Vasil'ev et al., 2002).

Глава 2 “Берингийские ландшафты” (с. 22–76) посвящена характеристике природной среды региона. Важнейшим является вопрос о том, что представляла собой природная обстановка во время максимума последнего похолодания. Реконструкции природной среды (с. 62) свидетельствуют, что на западе Берингии летние температуры были примерно равны современным. Упомянутая точка зрения о наличии древесных пород в Берингии во время максимума похолодания (с. 66, 69, 70), авторы остаются на противоположной позиции; они ссылаются на то, что ива, ольха и береза имеют не только древесную, но и кустарниковую формы, которые невозможно распознать только по пыльцевым данным при отсутствии макроостатков древесины, плодов и семян. Однако находка остатков хвои в желудке мамонта свидетельствует, что лиственница, имеющая только древесную форму, произрастала около 20 600 л.н. на Таймыре (в 200 км к северу от современной границы леса) (Kuzmin, 2008. Р. 172). Данный факт однозначно указывает на сохранение элементов древесной растительности на северо-востоке Сибири 20 000–18 000 л.н.

В главе 3 “Заселение Северной Азии” (с. 77–100) дан обзор истории освоения человеком Сибири. Авторы рецензируемой книги отмечают, что состав фауны млекопитающих стоянки Двуглазка отражает теплые природные условия (с. 84). Обратившись к первичным данным (Vasil'ev, 2003. Р. 530), можно увидеть, что в слоях 5–6 Двуглазки преобладают лошадь (32.8–37%), шерстистый носорог (16.1–23.2%), монгольская газель (10.1–14.1%) и пещерный лев (12.2–17.4%), а кости оленя единичны; таким образом, “теплый” облик фауны не находит подтверждения. Не упоминается важнейший памятник среднего палеолита на Енисее – Усть-Ижуй, датирующийся около 125 000 л.н. (Chlachula et al., 2003). Тезис об отсутствии в Сибири вплоть до 35 000 кал. л.н. (30 000 л.н.) таких признаков современного человека (*Homo sapiens sapiens*), как украшения, костяные орудия и предметы искусства (с. 89, 90), неверен. Украшения, изделия из кости и предметы искусства появляются на Алтае и в Забайкалье не позднее 43 000 л.н. (47 000 кал. л.н.) (Переход от среднего к позднему палеолиту..., 2005. С. 183–255).

Важнейшей для понимания заселения Берингии современным человеком является Янская стоянка (71° с.ш.) (с. 92–94). Согласно новым данным (Питулько и др., 2007), ^{14}C даты из ее культурного слоя – 28 600–27 100 л.н.; климат в это время был близок к современному, а растительность представляла собой тундростепь с кустарниковой березой. Предположение о том, что памятники докитайской культуры на р. Алдан могли быть зимними лагерями обитателей Янской стоянки (см. примечание № 23 к главе 3, с. 237), проблематично. На Алдане нет каменных индустрий с бифасами и без клиновидных нуклеусов, а возраст самых ранних объектов позднего палеолита Алдана (35 000–25 000 л.н.) до сих пор остается дискуссионным, как справедливо отмечают авторы (с. 237).

Неверие в адаптивные способности человека на севере Евразии ранее 23 000 кал. л.н. (19 000 л.н.) заводит авторов в тупик: они не находят разумного объяснения феномену “обезледнения” Сибири и Восточной Европы в максимум последнего похолодания (с. 95, 96), так как пищевые ресурсы в это время были обильны и легко доступны (с. 96). При рассмотрении “реколонизации” Сибири в позднеледниковье утверждается, что после 20 000 кал. л.н. (17 000 л.н.) на юге Сибири не известны полуподземные жилища (с. 97–100). Это весьма спорный момент, так как только в Забайкалье изучено значительное количество памятников с наземными жилыми постройками этого времени, а полуподземные жилища известны в позднеледниковье на Енисее (Афонтова Гора 2, Кокорево 2) (Константинов, 2001).

В главе 4 “Начало позднеледниковья” (с. 101–131) характеризуются памятники Берингии в интервале около 15 000–13 500 кал. л.н. (12 700–11 700 л.н.); рассматриваются девять объектов, из которых несомненные следы древнего человека имеют лишь пять–шесть. Для памятника Берелёх на северо-востоке Сибири приводятся новые ^{14}C даты – около 14 200–13 300 кал. л.н. (12 400–11 500 л.н.) (с. 112), однако в главе отсутствуют сведения о стоянках Ушки и Сибердик с ^{14}C датами 14 300–13 200 л.н. Важной является находка в древнейшем слое памятника Сван Пойнт (Swan Point) на Аляске типичного клиновидного нуклеуса (с. 121) в дополнение к найденным до этого микропластинам; ранее данный компонент связывался с комплексом ненана, в котором микропластинчатая техника отсутствует (см. обзор: Васильев, 2004. С. 99–109). Новая находка плитчатого клиновидного нуклеуса в коллекции компонента I с артефактами типа ненана на стоянке Драй Крик (Dry Creek) (Odess, Shirar, 2007) может означать, что технология изготовления микропластин существовала в комплексе ненана. Не исключено, что весь компонент I Драй Крика относится к микропластинчатому комплексу денали (Odess, Shirar, 2007. Р. 130).

Изучение геохимического состава обсидиановых артефактов из древнейших слоев стоянок Брокен Маммут (Broken Mammoth) и Сван Пойнт (12 300–11 000 л.н.) (с. 122) показало, что источники обсидиана находятся на значительном удалении от памятников – до нескольких сотен километров. Новейшие результаты для Сван Пойнта (Speakman et al., 2007) демонстрируют, что обсидиан происходит из трех источников, два из которых находятся на расстоянии не менее 400–500 км от памятника. Эти прямые данные о размахе контактов и миграций древнейших обитателей Аляски очень важны для изучения экологии человека.

Раздел, посвященный микропластинчатой технике в Берингии (с. 122–125), подготовлен К.М. Ли (С.М. Lee). Вслед за Т. Гобелом он постулирует, что зарождение этой технологии в Сибири (Забайкалье) относится к 20 000 кал. л.н. (17 000 л.н.), что не соответствует новым данным, опубликованным в 2001–2004 гг. (Переход от среднего к позднему палеолиту..., 2005. С. 183–231, 283–311). В Сибири микропластины и (прото)клиновидные нуклеусы появляются ранее 35 000 л.н.

В главе 5 “Конец позднеледникового межстадиала” (с. 132–161) рассматриваются 12 памятников с ^{14}C датами 11 700–10 700 л.н. Важно отметить, что суша на месте Берингова пролива в то время еще существовала, а “безледный коридор” во внутренние районы Северной Америки был открыт; таким образом, древний человек мог мигрировать на юг. Именно к этому периоду, по мнению авторов книги, относится древнейший слой (№ 7) Ушковских стоянок. Вслед за Т. Гобелом и М. Ватерсом они принимают его возраст как 13 200–12 700 кал. л.н. (11 300–10 700 л.н.) (с. 135–137); точка зрения Н.Н. Дикова (1979) об обитании человека на Камчатке 14 300–13 600 л.н. отвергается. Такая интерпретация ранних ^{14}C дат по Ушкам (слой 7), на мой взгляд, не является окончательной. Важно иметь в виду, что образцы угля, по которым Н.Н. Диковым были получены ^{14}C даты для слоя 7, собраны в отдалении от мест отбора проб

М.А. Диковой, Т. Гобелом и др. в 2000 г. Возможность того, что слой 7 Ушковских стоянок существовал и до 11 300 л.н., все еще не исключена; для окончательного решения вопроса необходимы дополнительные масштабные работы, которые ведутся в последние годы И.Ю. Понкратовой и М.А. Диковой.

В главе 6 “Поздний дриас и конец Берингии” (с. 162–204) дается характеристика 25 поселений, существовавших около 12 800–11 300 кал. л.н. (11 000–10 000 л.н.), т.е. после исчезновения берингийского сухопутного моста. При описании памятника Сибердик на северо-востоке Сибири отвергнута ^{14}C дата 13 225 ± 230 л.н. (МАГ-916) для слоя 3, и его возраст определен как 11000–8000 кал. л.н. (9600–7200 л.н.) (с. 174). Осреднив серию из шести ^{14}C дат (9700–7080 л.н.), авторы определили возраст слоя 3 как 8212 л.н., исключив как ошибочные даты 4570 и 13 225 л.н. (примечание 6 к главе 6, с. 242). Практика “осреднения” серий ^{14}C дат и отбрасывания “ошибочных” значений возраста является неверной (Кузьмин, 2007. С. 170). В пользу достоверности ^{14}C даты 13 200 л.н. можно привести два факта: 1) находку зубов лошади в слое № 3 Сибердика (Диков, 1979. С. 96); известно, что лошадь обитала в Сибири до 11 600 л.н. и лишь на Крайнем Севере – до 9000 л.н. (Orlova et al., 2004. Р. 313); 2) эпигенетические (т.е. одновременные формированию) мерзлотные нарушения слоя № 3 (Диков, 1977. С. 216–219), которые могли образоваться в конце плейстоцена.

Глава 7 “Берингия и Новый Свет” (с. 205–228) представляет синтез данных по археологии и палеогеографии региона. Авторы считают, что после 27 000 кал. л.н. (22 000 л.н.) в Берингии севернее 60° с.ш. отсутствуют древние поселения. При этом не принимается во внимание ряд стоянок докитайской культуры на Алдане – Эжанцы, Верхнее-Троицкая, Ихинэ 2 – с возрастом около 20 100–17 200 л.н. (Vasil'ev et al., 2002. Р. 529, 530). Явным анахронизмом выглядит тезис о связи появления микропластинчатой техники в Сибири с потеплением после 20 000 кал. л.н. (17 000 л.н.) (с. 210).

В качестве возможных сценариев заселения Нового Света рассмотрены: 1) миграция из Западной Европы через Атлантический океан; 2) продвижение с Аляски в южном направлении по западному побережью Северной Америки; 3) проникновение с Аляски на юг через “безледный коридор” (с. 216–224). Как наиболее вероятная принимается модель миграции по “безледному коридору”, который открылся примерно за 1000 лет до появления культуры кловис. Авторы отмечают, что “береговой” сценарий пока не имеет достаточного количества прямых свидетельств, поскольку на побережье южной Аляски не найдены стоянки старше 12 000 кал. л.н. (10 700 л.н.). Следует заметить, что новые данные по островам Королевы Шарлотты, лежащим к югу от Аляски, говорят о присутствии человека около 10 000 л.н. (11 500 кал. л.н.), а острова Ченнел (Channel Islands) у побережья Калифорнии посещались 10 500 л.н. (12 700 кал. л.н.) (Fedje et al., 2004). Если возраст древнейших памятников культуры кловис можно определить около 11 600–11 300 л.н. (Васильев, 2004), то интервал между ними и древнейшими стоянками западного побережья Северной Америки составляет менее 1000 лет; возможно, в дальнейшем будут обнаружены следы миграции с Аляски на юг вдоль береговой линии.

В целом монография Дж.Ф. Хоффекера и С.А. Элайаса может быть оценена как полезная сводка новых данных, в которой собрана важная информация как о материальной культуре, так и о природной среде большого региона, часть которого находится на территории России. Однако авторы иногда не учитывают либо игнорируют те данные, которые не вписываются в их концепцию экологии человека в Берингии, что ослабляет работу. Можно также отметить недостаточное знание первоисточников по археологии Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев С.А. Древнейшие культуры Северной Америки. СПб., 2004.
- Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
- Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск, 2001.
- Кузьмин Я.В. Рецензия на: В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева, П.М. Долуханов, А.М. Шукуров "Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии" // РА. 2007. № 3.
- Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Орлова Л.А., Зенин В.Н. Палеогеография Западно-Сибирской равнины во время максимума сарганского оледенения (в связи с находками мамонтов и палеолитических памятников) // Докл. РАН. 2004. Т. 398. № 4.
- Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Сб. статей по материалам дискус. журнала "Археология, этнография и антропология Евразии" / Ред. А.П. Деревянко. Новосибирск, 2005.
- Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Кузьмина С.А. и др. Природно-климатические изменения на Яно-Индигоирской низменности в конце каргинского времени и условия обитания людей верхнего палеолита на севере Восточной Сибири // Докл. РАН. 2007. Т. 417. № 1.
- Степанов А.Д., Кириллин А.С., Воробьев С.А. и др. Пещера Хайыргас на Средней Лене (результаты исследований 1998–1999 гг.) // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск, 2003.
- Brigham-Grette J., Lozhkin A.V., Andersen P.M., Glushkova O.Y. Paleoenvironmental conditions in western Beringia before and during the Last Glacial Maximum // Entering America: Northeast Asia and Beringia before the Last Glacial Maximum. Salt Lake City, 2004.
- Chlachchula J., Drozdov N.I., Ovodov N.D. Last Interglacial peopling of Siberia: the Middle Palaeolithic site Ust'-Izhul', the upper Yenisei area // Boreas. 2003. V. 32. № 3.
- Fedje D.W., Mackie Q., Dixon E.J., Heaton T.H. Late Wisconsin environments and archaeological visibility on the northern Northwest Coast // Entering America: Northeast Asia and Beringia before the Last Glacial Maximum. Salt Lake City, 2004.
- Kuzmin Y.V. Siberia at the Last Glacial Maximum: environment and archaeology // J. Archaeol. Research. 2008. V. 16. № 2.
- Kuzmin Y.V., Keates S.G. Dates are not just data: Paleolithic settlement patterns in Siberia derived from radiocarbon records // American Antiquity. 2005. V. 70. № 4.
- Odess D., Shirar S. New evidence of microblade technology in the Nenana complex type site at Dry Creek, central Alaska // Current Research in the Pleistocene. 2007. V. 24.
- Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Dementiev V.N. A review of the evidence for extinction chronologies from five species of Upper Pleistocene megafauna in Siberia // Radiocarbon. 2004. V. 46. № 1.
- Petit R.J., Hu F.S., Dick C.W. Forests of the past: a window to future changes // Science. 2008. V. 320. № 5882.
- Reimer P.J. (ed.) IntCal04: Calibration Issue // Radiocarbon. 2004. V. 46. № 3.
- Speakman R.J., Holmes C.E., Glascock M.D. Source determination of obsidian artifacts from Swan Point (XBD-156), Alaska // Current Research in the Pleistocene. 2007. V. 24.
- Vasil'ev S.A. Faunal exploitation, subsistence practices and Pleistocene extinctions in Paleolithic Siberia // Advances in Mammoth Research. Rotterdam, 2003.
- Vasil'ev S.A., Kuzmin Y.V., Orlova L.A., Dementiev V.N. Radiocarbon-based chronology of the Upper Paleolithic of Siberia and its relevance to the peopling of the New World // Radiocarbon. 2002. V. 44. № 2.

Институт геологии и минералогии
СО РАН, Новосибирск

Я.В. Кузьмин

Цетлин Ю.Б. НЕОЛИТ ЦЕНТРА РУССКОЙ РАВНИНЫ. ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ И МЕТОДИКА ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУР.

Тула: Гриф и К, 2008. 352 с., илл.

Исследование неолита в лесной зоне Восточной Европы осложняется рядом проблем, которые трудно решить обычными методами, принятыми в археологии. К таким проблемам относят неопределенность или разноточность в определении собственно эпохи неолита. Это связано с тем, что в лесной зоне Евразии с ее экстремальными природными условиями освоение древним населением производящих форм хозяйства заметно запаздывало по сравнению с Ближним Востоком и другими регионами с мягким климатом, почвами, пригодными для земледелия, эндемиками в мире растений и животными, которые могли быть domesticiрованы. В лесной зоне Евразии

формальным признаком начала эпохи неолита принято считать появление в культурных слоях памятников керамической посуды, роль которой приобретала в хозяйственной деятельности человека особое значение. В первую очередь исследователи обращают внимание на орнаментацию керамики, на основании которой принято выделять культуры, устанавливать последовательность их формирования, хронологию и даже определять генетический состав населения, что представляется не всегда достаточно обоснованным. Дело осложняют обычная смешанность археологических материалов в гумусированных литологических отложениях и

отсутствие стерильных прослоек между культурными слоями разного времени. Стоянки с “чистым” культурным слоем, характерным набором каменных орудий и, как правило, фрагментированной керамикой, относящиеся к одной археологической культуре, исключительно редки, поэтому существуют разные определения неолитических культур, а изучение их периодизации, хронологии и трансформации культурных явлений изобилует дискуссионными проблемами, состояние которых и является предметом исследования в рецензируемой работе.

Главной задачей своего исследования Ю.Б. Цетлин считает построение целостной системы периодизации культур эпохи неолита на Русской равнине, основываясь исключительно на изучении орнаментации керамики. Учитывая изложенные выше особенности неолитических памятников региона, автор прежде всего обращается к выработке и объяснению методов своего исследования. На стоянках с перемешанными разновременными слоями проведена реконструкция культурной стратиграфии для выявления литологических пластов, где сосредоточены крупные обломки керамических сосудов той или иной культуры. Мелкие обломки керамики, проникающие в другие почвенные отложения, не учитываются. Как полагает автор, они создают при исследовании “информационный шум”. В общих чертах подобная методика известна, иногда применяется при изучении памятников со смешанными культурными слоями, в данном случае вполне применима и оправдана. Кажется, однако, что термин “культурная стратиграфия” не слишком удачен, он противоречит как геологическому, так и археологическому определению.

Обращаясь к истории изучения орнаментов на керамической посуде, Ю.Б. Цетлин предлагает читателям полную сводку работ по данной проблематике. Этот раздел книги представляет особый интерес и показывает значение орнаментики в исследовании неолита. Автор не только цитирует труды или отдельные высказывания известных исследователей, но и анализирует принятые методы изучения и описания фрагментированной керамики, а также систем ее залегания в культурных слоях. Приведены перспективные для своего времени работы в этом направлении В.А. Городцова, Б.С. Жукова, М.Е. Фосс и большинства современных исследователей.

Разработанная Ю.Б. Цетлиным методика исследования памятников со смешанным культурным слоем заслуживает внимания. Вкратце она сводится к следующему. В культурном слое выделяются несколько пластов, в которых сосредоточены наиболее крупные фрагменты керамики, по орнаментации и технологии изготовления характерные для той или иной конкретной культуры. Если керамика одной культуры залегает в нескольких пластах, строится ось времени, соответствующая периоду существования данной культуры, иными словами, она занимает определенный хронологический диапазон. Автор полагает, что подобное построение отражает период существования родственного населения культуры, неоднократно посещавшего площадку обитания, где отложились соответствующие слои. Далее строится таким же образом общий диапазон существования каждой неолитической культуры и определяется общая ось времени, на которой размещаются все известные неолитические культуры Русской равнины, включая волосовскую, которая на позднем этапе относится уже к энеолиту. Предположение о том, что на определенных отрезках времени население сменявших друг друга культур могло существовать одновременно и вступать в какие-то контакты, представляется вполне убедительным, хотя решается этот вопрос слишком буквально, на примерах использования сходных элементов и мотивов орнамента. В данной части книги представлены собственные разработки автора, которые можно считать по-

зитивными. Возможна их проверка на достоверность, как и применение в аналогичных исследованиях.

Отдельный вопрос – описание орнаментов на керамике и их систематика. Ю.Б. Цетлиным разработана методика описания орнаментальных элементов (штампов), узоров, мотивов, образов и композиций. Представляется, что привычная для археологов схема: штамп, узор, композиция – в этом случае перегружена. Формальный подход к описанию угла наклона палочки-штампа или гребенчатого штампа, вероятно, оправдан, но при этом абсолютно оторван от вероятных реалий быта и деятельности древнего населения, даже если допустить существование в неолите специальных гончаров, что маловероятно. Восстановление орнаментальных композиций на сосудах по отдельным фрагментам тоже вызывает сомнение. Например, известны огромные сосуды с разным орнаментом, не только зональным, но также расположенным участками, которые могут оказаться на черепках. Кроме того, в отношении керамики с ямочно-гребенчатым декором давно была высказана версия о технологическом назначении сплошного орнамента этой посуды, служившей у неолитического населения своеобразными “холодильниками” для хранения пищевых запасов. По расчетам финского археолога Т. Эдгрена, такие сосуды могли использовать только для хранения сухих запасов, но не для приготовления пищи, поскольку их стенки не выдерживали большого объема воды. Примером подобного использования служит находка на стоянке Векса 2 в Вологодской области, где большой сосуд с остатками растительных запасов был глубоко зарыт у самого берега реки (раскопки Н.Г. Недомолкиной). Несмотря на некоторые сомнения очевидно, что изучение керамических коллекций путем простого визуального осмотра и обобщенного описания недостаточно информативно и нуждается в новых подходах и методах. В рецензируемой работе предлагаются такие методы исследования, которые представляются весьма перспективными.

В книге Ю.Б. Цетлина рассматриваются четыре основные культуры эпохи неолита Русской равнины и некоторые менее изученные группы древнего населения. Среди последних самой древней является выделенная автором волго-окская культура, датированная концом VI – серединой V тыс. до н.э. Она представлена небольшой серией керамики на десяти многослойных памятниках со смешанным культурным слоем, где типологически выделена только посуда, отличная от сосудов следующей по возрасту верхневолжской культуры. Не исключено, что в Волго-Окском междуречье существовало более древнее неолитическое население, чем ранее было принято считать: датировка оставленных им на стоянках культурных отложений соответствует современным представлениям о начале эпохи неолита в лесной зоне Евразии. Однако пока доказательства этого недостаточны, еще не найдены стратиграфически выраженные слои или отдельные памятники, принадлежащие только волго-окской культуре. Деление же ее на четыре хронологических периода, предлагаемое автором, тем более преждевременно.

Верхневолжская культура, выделенная в свое время Д.А. Крайновым и подробно описанная Е.Л. Костылевой, в рассматриваемой работе получила убедительную характеристику, основанную на изучении орнаментации керамики. Использованы материалы 32 памятников, из них только 14 автор считает основными (или базовыми). Выделены шесть локальных вариантов орнаментальных традиций или локальных групп населения со своеобразными особенностями орнаментации посуды. Существование этой культуры определяется от рубежа VI–V тыс. до н.э. до конца V тыс. до н.э. Выделено три ее основных хронологических периода. Ю.Б. Цетлин полагает, что на значительном отрезке времени верхневолжская культура существовала одновременно с волго-окской.

В среднем периоде неолита Русская равнина была занята населением с ямочно-гребенчатой керамикой. Традиционно в массиве этого древнего населения по керамике и ее орнаментации, а также по набору характерных каменных орудий и предметам искусства исследователи выделяли несколько своеобразных культур. В рецензируемой работе автор рассматривает керамику и ее ямочно-гребенчатые орнаменты как нечто единое, принадлежащее льяловской культуре. В то же время выделены локальные варианты древностей, которые так или иначе соответствуют культурам среднего неолита Русской равнины, описанным ранее А.С. Уваровым, А.Я. Брюсовым, М.Е. Фосс и другими. Хронология, установленная Ю.Б. Цетлиным по орнаментальным композициям, соответствует принятой: конец V – середина III тыс. до н.э. Выделено девять хронологических периодов развития культуры ямочно-гребенчатой керамики, что представляется слишком детализированным.

В свое время Д.А. Крайнов выдвинул гипотезу о формировании данной культуры на небольшой территории, у юго-восточных берегов Онежского озера, и дальнейшем ее распространении по всему Волго-Окскому междуречью и южнее. Ю.Б. Цетлин вскользь касается этой гипотезы, давно опровергаемой всеми исследователями неолита, и допускает ее некоторую перспективность. Однако известно, что генеральное движение населения в европейской лесной зоне всегда имело общее направление на северо-запад, север, реже на восток и никогда на юг. Об этом говорят данные археологии, антропологии и генетики. Такое движение началось на ранних этапах голоцена, когда коллективы охотников и собирателей осваивали освободившиеся от ледника территории. Позднее, в неолите, отчетливо прослеживается движение населения с ямочно-гребенчатой керамикой в северном направлении. Люди шли вдоль узкой полосы по левым притокам Волги до побережья Белого моря. Именно на этой территории Ю.Б. Цетлин очерчивает северный локальный вариант культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Отдельные очаги этой культуры с ямочно-гребенчатой керамикой возникли на крайнем северо-востоке Европы (исследования В.Н. Карманова), чаще в озерных котловинах, что связано с образом жизни и деятельности ее носителей. В позднем неолите и энеолите проникновение охотников-собираателей на север стало нерегулярным. Тем не менее известны стоянки с пористой керамикой, характерными кремневыми орудиями, хотя кремневого сырья в этой зоне нет. Распространение кремня и редких янтарных украшений показывает, что в энеолите и позднее, в бронзовом веке, население двигалось с юга в общем направлении на северо-запад и север.

Волосовская культура, датированная автором концом IV – началом II тыс. до н.э., развивалась на протяжении трех хро-

нологических этапов. Ее носители вначале существовали на общей территории с обитателями стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой или в некоторых случаях сменяли их на тех же жилых площадках, что получило отражение в заимствовании некоторых штампов и мотивов орнаментации керамической посуды. Вопрос о происхождении волосовской культуры долго оставался спорным. Одни исследователи видят территорию формирования этой яркой общности позднего неолита в Приуралье (О.Н. Бадер и А.Х. Халиков), другие полагают, что она сложилась на Валдае или на востоке Прибалтики. Ю.Б. Цетлин прямо этот вопрос не решает, но выделяет на основании орнаментальных традиций ее варианты, соответствующие восточному и западному этнокультурным образованиям, что на современном уровне знаний представляется наиболее правильным.

В позднем неолите автор рецензируемой работы выделяет две группы керамики с редкоямочным орнаментом, одну из которых называют также протоволосовской. Ранние поселения с посудой этого типа известны на Нижней Оке и в Восточном районе Центра Русской равнины. Обе культурные группы сложились немного ранее волосовской культуры, во второй четверти IV тыс. до н.э., существовали одновременно с ней и позднее продвинулись в западном направлении. Хронология и периодизация данных общностей установлена на основании изучения орнаментальных традиций и, возможно, нуждается в дальнейшем уточнении.

В заключительной части книги Ю.Б. Цетлин исследует общую периодизацию неолитических культур Русской равнины на основании реконструкции культурной стратиграфии и анализа орнаментальных традиций населения на новом качественном и количественном уровне. Представлены итоги абсолютного датирования каждой культуры с учетом диапазона колебаний радиоуглеродных дат. В общей хронологии неолита даты располагаются от 7240 л.н. до 3670 л.н. или от конца VI тыс. до н.э. до середины II тыс. до н.э. Установлено, что каждая из культур в течение определенного отрезка времени существовала одновременно с предыдущей и последующей, а контакты населения проявились в его орнаментальных традициях. Выводы автора вполне убедительны. Вызывает сомнение только излишняя точность хронологических периодов, установленная методами математических операций. Во всех случаях остается пока открытым вопрос о происхождении культур.

В методическом плане работа Ю.Б. Цетлина представляет собой новое направление, перспективное при изучении памятников с нарушенным культурным слоем и массовым керамическим материалом.

О РАННИХ ПАМЯТНИКАХ БУДДИЙСКОГО ИСКУССТВА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

M.M. Rhie. Early Buddhist Art of China & Central Asia. Vol. I. Later Han, Three Kingdoms and Western Chin in China and Bactria to Shan-shan in Central Asia. Leiden; Boston, 2007.

Данная короткая заметка ни в коей мере не является рецензией на эту книгу. Автор заметки, не будучи специалистом по искусству Китая, не имеет морального права высказывать свое мнение относительно той части книги, которая посвящена этому сюжету. Однако в книге весьма значительное место уделяется (что естественно) произведениям буддийского искусства Центральной Азии, и в этой проблематике автор заметки считает себя несколько более компетентным и соответственно имеющим некоторое право высказаться по данным сюжетам.

М.М. Рай указывает, что археологические исследования в Китае в течение двух последних десятилетий дали весьма значительный новый материал по проблеме раннего буддийского искусства, но этот материал нуждается в углубленном изучении, как чисто формальном (например, даты отдельных произведений и комплексов), так и содержательном (отражение в произведении определенных религиозных и эстетических концепций).

Автор монографии полагает (как и практически все специалисты), что буддийское вероучение пришло в Китай через Центральную Азию, и поэтому считает необходимым рассматривать раннее буддийское искусство Китая в тесной связи с таковым Центральной Азии, видя в последнем основной источник вдохновения для мастеров, создававших ранние произведения скульптуры и живописи собственно в Китае. При этом Центральноазиатский регион М.М. Рай подразделяет на две области: западную, в которую включает среднеазиатские республики бывшего Советского Союза, и восточную, которая обычно называется Восточным Туркестаном (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). Хотя в книге строго не оговариваются хронологические рамки для материалов из этих двух областей, из текста достаточно ясно следует, что конечной границей является примерно V в. н.э.

Следует отметить в связи с этим, что уже сама организация материала в книге вызывает некоторое недоумение: вначале рассматриваются памятники с территории Китая, затем следует “бросок” в западную Центральную Азию, а потом автор переходит к рассмотрению материалов Восточного Туркестана. Логичнее было бы идти вслед за процессом распространения буддизма: от собственно среднеазиатских областей к Восточному Туркестану, а затем – в Китай.

На этом, однако, странности не кончаются. Начнем анализ с раздела, посвященного Центральной Азии (часть II). Он называется “Искусство шелкового пути в Центральной Азии. I–IV вв. н.э.”. Соответственно в составе этого раздела первое место занимает глава 3 – “Западная Центральная Азия: Трансоксиана и Бамиан”.

Совершенно непонятна логика именно такой организации материала. Достаточно взглянуть на карту Центральной Азии, чтобы понять эту странность. Трансоксиана – территория к северу от Окса (Амударьи), охватывающая главным образом две историко-культурные области: северную Бактрию и Согдиану. Южнее находится Афганистан. В самом грубом приближении территория этой страны делится на три части: центр занимают горы Гиндукуша, протянувшиеся с запада на восток; к северу от них располагается обширная равнина, представлявшая в древности историко-культурную область, известную как южная

Бактрия; а к югу от Гиндукуша находились области, более тяготеющие к индийскому субконтиненту, нежели к Средней Азии.

Объединение в одной главе Трансоксианы и Бамиана представляется более чем странным, поскольку Бамиан относится скорее к южной части Афганистана, а между Трансоксианой и Бамианом располагаются две обширные зоны: собственно Гиндукуш и равнины южной Бактрии. И эти зоны автором исключаются из рассмотрения, хотя одна из них – южная Бактрия – достаточно плотно насыщена буддийскими памятниками интересующего М.М. Рай периода¹.

Не стремясь дать полный список, отметим только некоторые. В числе первых должна быть названа платформа с рельефными изображениями возле прославленного династийного храма кушан Сурх-Котала (Fussman, 1983. S. 54, 55; Schlumberger et al., 1983. P. 75–82). Буддийская скульптура (происходящая из Гандхары) найдена и в окрестностях Кундуза (Fischer, 1958. P. 231–249). Буддийское святилище кушанского времени было вскрыто в ходе раскопок Дильберджина (Кругликова, Пугаченкова, 1977. С. 61–90). В окрестностях Балха также зафиксировано несколько буддийских памятников как в результате работ Советско-Афганской археологической экспедиции (Пугаченкова, 1976. С. 149–151), так и в более раннее время (Foucher, 1942. P. 85; Le Bert, Schlumberger, 1969. P. 101, 102).

Что касается Бамиана, то эта область занимает одну из долин в горной системе Гиндукуша, при этом она, как мы отмечали выше, тяготеет к югу – в связи с направлением течения реки. Независимо от того, как мы будем определять принадлежность памятников Бамиана, они – не изолированное явление, но находятся в тесной связи с близкими по характеру памятниками, которые, однако, М.М. Рай никак не привлекают. Особенно досадно отсутствие анализа буддийских памятников района Кабула, целый ряд которых относится к кушанскому времени (Fussman, 2008)².

Еще печальнее ситуация с теми буддийскими памятниками, которые автор книги относит к Трансоксиане. В этот список входят памятники Термезского района (Халчаян, Айртам, Кара-тепе, Фаяз-тепе, Дальверзин-тепе) и Хорезма (Кой-Крылган-кала и Топрак-кала). Отметим прежде всего, что главным источником сведений для М.М. Рай по этим памятникам является книга Г. Фрумкина (Frumkin, 1970), дополняемая некоторыми более поздними работами, чаще всего, видимо, случайно попавшими в поле зрения автора и, как правило, уже несколько устаревшими. Нет оснований сказать ничего плохого о книге Фрумкина, она в свое время сыграла положительную роль, ознакомив западных читателей с результатами исследований советских ученых (Bernard, 1981. P. 317–319), но с момента ее появления прошло более трети века. К сожалению, М.М. Рай не знает современной литературы, посвященной

¹ Среди памятников, открытых М. Ле Берром в долинах центрального Гиндукуша (Le Bert, 1987), бесспорно, имеются и буддийские, но их выделение из общей массы не проводилось.

² Мы ссылаемся на эту книгу, хотя она опубликована позже, нежели монография М.М. Рай, только потому, что в ней дана исчерпывающая библиография по данной группе памятников.

истории буддизма в Средней Азии. Не упоминая более ранние работы, можно указать, что относительно недавно были опубликованы три общих очерка по этой проблеме, в которых с исчерпывающей полнотой представлены буддийские памятники всей Средней Азии (Litvinskij, Zeimal', 2004. P. 143–190; Мкртычев, 2002; Ставиский, 1998).

Сам выбор памятников, упоминаемых или в той или иной степени анализируемых в рецензируемой книге, вызывает удивление. С одной стороны, в него не попали бесспорно буддийские памятники, например, две ступы из Мерва (Pugačenkova, Usmanova, 1995. P. 51–81; Litvinskij, Zeimal', 2004. P. 184–190; Мкртычев, 2002. С. 192–194)³ и некоторые другие. С другой стороны, в нем присутствуют такие памятники, которые никакого отношения к буддизму не имеют (Кой-Крылган-кала и Топрак-кала в Хорезме и Халчаян в северной Бактрии).

Рассмотрим, как обрисованы собственно буддийские памятники региона. Айртам описан достаточно точно благодаря использованию относительно новой публикации Г.А. Пугаченковой (Pugatchenkova, 1991/1992. P. 23–41), а также статьи К. Като (на японском языке). Однако здесь отсутствуют работы с альтернативными предположениями о характере архитектуры (Invernizzi, 1991) и интерпретации сюжетов (Lo Muzo, 1995. P. 239–257).

Серьезнее ситуация с памятниками Кара-тепе. Основным источником сведений для автора служит статья Б.Я. Ставиского, в которой обобщены результаты раскопок 1978–1982 гг. (Stavisky, 1988. P. 1391–1405), и уже упомянутая ранее статья К. Като. Естественно, что Б.Я. Ставиский в этой статье результатов предшествующих исследований Кара-тепе касался весьма суммарно. Еще более естественно то, что в ней он не мог предугадать результаты последующих работ. В результате такого подхода М.М. Рай знает (но не использует) только один из сборников, публиковавшихся Б.Я. Стависким, в то время как их было издано шесть⁴. Что особенно печально, автору осталась неизвестной публикация В.В. Вертоградовой (1995), в которой представлен огромный индийский эпиграфический материал, разъясняющий многие неясные проблемы. Кроме того, полностью вне внимания М.М. Рай остались те исследования, в которых высказывались точки зрения, несколько расходящиеся с концепциями Б.Я. Ставиского (Zeymal, 1999).

Дальнейшее изложение материала построено по тому же принципу. Фаяз-тепе описывается на основании пяти страниц уже упомянутой статьи К. Като, который основывается, как утверждает М.М. Рай, на отчетах Л.И. Альбаума⁵. По тому же принципу представлен и материал по двум буддийским комплексам Дальверзин-тепе – одна статья Б.А. Тургунова (Turgunov, 1992) и две страницы из уже неоднократно упоминавшейся статьи К. Като. Вся остальная достаточно обширная литература по этим памятникам (в том числе и на западных языках) осталась автору не известной и не использованной⁶. Отметим, что ряд памятников в данной работе вообще не

упомянут. К числу их относится Уштур-Мулло, Зурмала, не говоря уже об отдельных находках⁷.

Как уже отмечалось выше, в монографии М.М. Рай присутствуют и некоторые среднеазиатские памятники, не имеющие отношения к буддизму. Они появляются, как указывает автор, для сравнения с собственно буддийскими памятниками в Восточном Туркестане и Китае с точки зрения стилистики, что весьма спорно. Но в таком случае остается непонятным, почему не привлечены другие, где также имеются скульптура и живопись. Мы имеем в виду Старую Нису (Пилипко, 2001. С. 255–281; Bongard-Levine, Koshelenko, 2004. P. 945–984) и Тахти Сангин (Литвинский, 2004. С. 202–223). В них эллинистические традиции, о которых столь часто говорит М.М. Рай, представлены в еще более яркой форме.

Рассмотрим под этим углом зрения Халчаян. М.М. Рай описывает этот памятник на основании английского резюме к книге Г.А. Пугаченковой (1971), одной страницы из труда А.М. Беленицкого (Belenitsky, 1968), а также некоторых фотографий и краткого описания воспроизведенных на них объектов из двух каталогов выставок. Автор не знает более раннюю работу Г.А. Пугаченковой (1966), в которой дан собственно археологический контекст для скульптуры, а также несколько более позднюю книгу того же автора, в которой скульптура Халчаяна рассмотрена на широком историческом фоне (Пугаченкова, 1979). Остались неизвестными М.М. Рай и работы, в которых предлагались иные, нежели у Г.А. Пугаченковой, интерпретации скульптурного декора дворца в Халчаяне (Грине, 2000). Каких-либо точек соприкосновения с буддийской по характеру скульптурой найти невозможно.

Еще более удивительно появление в книге материалов из Хорезма, поскольку, по общепринятому мнению, буддийские влияния в искусстве этого региона Средней Азии практически найти невозможно (Массон, 1966. С. 83; Litvinskij, Zeimal', 2004. P. 159). С этим тезисом согласна и автор книги, однако она объясняет свое обращение к этому памятнику тем, что “скульптурные материалы с этих памятников столь важны для понимания развития буддийской скульптуры в других частях Центральной Азии и Китая, что особое внимание должно быть уделено искусству этого региона”. Не будем сейчас говорить о спорности этого тезиса, посмотрим, каким образом автор реализует свое намерение. Начнем с Топрак-калы. М.М. Рай использует для написания этого параграфа следующие издания: статью С.П. Толстова о письменных документах, найденных на этом памятнике (Tolstov, 1968. P. 306–318), не дающую, впрочем, информации о живописи и скульптуре, две страницы из книги Фрумкина, о которой говорилось выше (Frumkin, 1970. P. 96, 97), еще две страницы из энциклопедического издания 1963 г. (Hambis, 1963. P. 1006, 1007) и одну страницу из книги А.М. Беленицкого (Belenitsky, 1968. P. 241). Совершенно ясно, что такая фактическая база не может позволить автору сделать сколько-нибудь надежные выводы, необходимые в ее концепции. Поразительно, но М.М. Рай не подозревает о существовании итогового отчета о раскопках дворца Топрак-калы (Топрак-кала. Дворец, 1984).

Совершенно аналогична ситуация с другим хорезмийским памятником – Кой-Крылган-кала. Здесь также фактическая база чрезвычайно скудна и также не представлена финальная публикация (Кой-Крылган-кала, 1967).

Главу, посвященную Восточному Туркестану, мы не будем разбирать. Отметим только один, но очень существенный недостаток: в ней совершенно не учтена очень важная серия коллективных монографий по истории, археологии и этнографии

³ Одна из них, бесспорно, относится к периоду, рассматриваемому в монографии М.М. Рай (см.: Кошеленко, 2001. С. 200, 201; Litvinskij, Zeimal', 2004. P. 159).

⁴ Мы не приводим их список, поскольку они все очень хорошо известны специалистам. Для наших целей наиболее важен последний (Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Терлизе. М., 1996).

⁵ Полную библиографию по Фаяз-тепе см.: Litvinskij, Zeimal', 2004. P. 155.

⁶ Полную библиографию по Дальверзину см.: Litvinskij, Zeimal', 2004. P. 156, 157.

⁷ Подробнее об этом см.: Litvinskij, Zeimal', 2004. P. 157–159.

этого региона, опубликованных сравнительно недавно под редакцией Б.А. Литвинского.

Подводя итоги разбора части монографии М.М. Рай, можно с определенной долей уверенности утверждать следующее. Данная книга вышла в знаменитой серии “Handbuch der Orientalistik” (ныне именуемой также “Handbook of Oriental Studies”), что подразумевает самый высокий уровень качества исследования. К сожалению, рассматриваемая работа не может считаться полноценным вкладом в ориенталистику, достойным того, чтобы появиться в этой серии. По крайней мере треть книги написана, как мы старались показать, без подлинного знания предмета.

Поскольку данная монография, видимо, только первая в серии, и следующий том будет освещать период, начиная с V в. н.э., мы осмеливаемся дать автору совет: внимательно проштудировать неоднократно упоминавшуюся уже книгу Б.А. Литвинского и Т.И. Зеймаль. Она представляет собой прежде всего детальный отчет об исследовании классического для данного периода памятника среднеазиатского буддизма. Вторая же часть книги – нечто вроде миниэнциклопедии по памятникам буддизма Средней Азии и Восточного Туркестана. В ней помимо основных фактов представлены также важнейшие концепции (с их оценкой), гипотезы и т.д. Книга издана на английском языке, что важно для исследователей, не владеющих русским языком. У нее есть еще одно преимущество, облегчающее работу этой категории читателей, – после названия книги или статьи на языке оригинала, но с использованием латинской графики, следует (в скобках) перевод этого названия на английский язык. Это очень помогает ориентироваться в обширной русскоязычной литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1995.
- Грене Ф. Новая гипотеза о датировке рельефов Халчаяна // ВДИ. 2000. № 2.
- Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. / Отв. ред. С.П. Толстов, Б.И. Вайнберг. М., 1967.
- Кошеленко Г.А. О новейшей работе относительно судеб буддизма в Средней Азии // ВДИ. 2001. № 4.
- Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.). Ч. 2. М., 1977.
- Литвинский Б.А. Эллинистические скульптуры из храма Окса. Портреты // ВДИ. 2004. № 1.
- Массон В.М. Хорезм и кушаны // Эпиграфика Востока. XVII. М.; Л., 1966.
- Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии I–X вв. М., 2002.
- Пилипко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.
- Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
- Пугаченкова Г.А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. Матер. Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1976.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979.
- Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии). М., 1998.
- Топрак-кала. Дворец / Отв. ред. Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразник. М., 1984.
- Belenitsky A.M. Central Asia. Geneva, 1968.
- Bernard P. Necrologie de Gregoire Frumkin, auteur de Archeology in Soviet Central Asia // Studia Iranica. 1981. 10.
- Bongard-Levine G., Koshelenko G. L’art parthe après M.I. Rostovtzeff: le problème de ses origins // CRAI. 2004.
- Fischer K. Gandharan sculptures from Kunduz and environs // Artibus Asiae. V. 21. Ascona, 1958.
- Foucher A. La vieille route de l’Inde de Bactres à Taxila. T. I. Paris, 1942.
- Frumkin G. Archeology in Soviet Central Asia. Leiden, 1970.
- Fussman G. Surkh Kotal. Tempel der Kushan-Zeit in Baktrien. München, 1983.
- Fussman G. (avec collaboration de Baba Murad et Ollivier É.) Monuments bouddhiques de la région de Caboul (Kabul Buddhist Monuments). II, 1–2. Paris, 2008.
- Hambis L. Khwarism // Encyclopedia of World Art. 1963. T. VIII.
- Invernizzi F. De Hatra à Airtam: frizes aux musiciens // Histoire et cultes de l’Asie Centrale preislamique. Paris, 1991.
- Le Berr M. Monuments pré-islamiques de l’Hindukush central // MDAFA. 1987. T. XXIV.
- Le Berr M., Schlumberger D. Observation sur les ramparts de Bactres // MDAFA. 1969. T. XIX.
- Litvinskij B.A., Zeimal’ T. The Buddhist monastery of Ajina Tepa, Tajikistan. History and art of Buddhism in Central Asia. Rome, 2004.
- Lo Muzo C. On the musicians of the Airtam capitals // In the Land of Gryphons. Papers on the Central Asian Archaeology in Antiquity. Firenze, 1995.
- Pugatchenkova G.A. The Buddhist monuments of Airtam // Silk Road Art and Archaeology. 1991/1992. II.
- Pugačenkova G.A., Usmanova Z.I. Buddhist Monuments in Merv // In the Land of Gryphons. Papers on the Central Asian Archaeology in Antiquity. Firenze, 1995.
- Schlumberger D., Le Berr M., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane. V. I. // MDAFA. 1983. T. XXV.
- Stavisky B.J. Kara-Tepe in Old Termez (Southern Uzbekistan): Summary of the work done in 1978–1982 // Orientalia Iosephi Tucci Memoriae dicta / Eds E. Curaverunt et al. V. 3. Roma, 1988.
- Tolstov S.P. Dated Documents from the Toprak-Kala Palace and the “Saka Era” and the “Kanishka Era” // Papers on the Date of Kanishka / Ed. A.L. Basham. Leiden, 1968.
- Turgunov B.A. Excavations of a Buddhist Temple at Dal’versin-tepe // East and West. 1992. V. 42.
- Zeymal T. On the Chronology of the Buddhist site of Kara-tepe // Coins, Arts and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. Wien, 1999.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ “ARCHÄOLOGIE ZWISCHEN RÖMERN UND BARBAREN. ZUR DATIERUNG UND VERBREITUNG RÖMISCHER METALLARBEITEN DES 2. UND 3. JHS. N. CHR. IM REICH UND IM BARBARICUM – AUSGEWÄHLTE BEISPIELE (GEFÄßE, FIBELN, BESTANDTEILE MILITÄRISCHER AUSRÜSTUNG, KLEINGERÄT, MÜNZEN)”. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ, 19–22 МАРТА 2009 г.

19–22 марта 2009 г. во Франкфурте-на-Майне (Германия) прошел Международный коллоквиум “Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jhs. n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)”¹. Он был организован Римско-германской комиссией Германского археологического института и Отделением археологии и истории римских провинций Института археологических исследований Гете-Университета в рамках проекта “Корпус римских находок в европейском Барбарикуме.” Коллоквиум, который представляет собой первое мероприятие такого рода за 30-летнюю историю проекта, собрал более 110 специалистов из 15 стран: Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Италии, Молдовы, Нидерландов, Польши, России, Румынии, Словакии, Украины, Чехии, Швейцарии. Были представлены 21 устный и 45 стендовых докладов. Заседания проходили в одном из залов Гете-Университета.

Торжественное открытие коллоквиума состоялось 20 марта 2009 г. С приветственным словом к его участникам обратился вице-президент Гете-Университета М. Лутц-Бахманн (Франкфурт-на-Майне, Германия). Последовавшее затем выступление директора Отделения археологии и истории римских провинций Института археологических исследований Гете-Университета Г.-М. фон Кенела (Франкфурт-на-Майне, Германия) было посвящено истории университета и его здания, в стенах которого проходили заседания. Директор Римско-германской комиссии Германского археологического института Ф. Лют (Франкфурт-на-Майне, Германия) ознакомил собравшихся с принципами организации коллоквиума и поблагодарил всех, кто участвовал в его подготовке. З. фон Шнурбайн (Франкфурт-на-Майне, Германия), один из создателей и руководителей проекта “Корпус римских находок в европейском Барбарикуме”, рассказал об истории данного проекта, подвел его основные итоги и охарактеризовал задачи, стоящие перед учеными на современном этапе. Он, как и Ф. Лют, особо подчеркнул важность того факта, что к систематическому изучению римских импортов теперь присоединилась Россия. Это существенно расширяет рамки проекта и открывает новые перспективы в исследовании процессов, происходивших на обширных пространствах Старого Света в эпоху римского влияния.

Участники коллоквиума приветствовали присутствовавших в зале Я. Тейрала и Т. Кольника, стоявших у истоков идеи создания свода римских изделий вне пределов Империи.

Работу коллоквиума открыл доклад “Металлические сосуды с поселений Средней Германии в сравнении с находками из кремаций и ингумаций (Metallgefäße aus Siedlungsfunden Mitteldeutschlands im Vergleich mit den Fundspektren der Brand- und Körpergräber – Methodische Anmerkungen zur Fundüberlieferung, Chronologie und Befundstrukturen)”. Его автор М. Беккер (М. Becker) (Галле, Германия) уделил особое внимание методическим аспектам такого рода исследований. В отличие от Г. Эггера, сопоставлявшего материалы из германских и кельтских памятников, М. Беккер проанализировал римскую металлическую посуду, происходящую только из германских комплексов. Он пришел к заключению, что на поселениях и в погребениях рассматриваемые сосуды выполняли различные функции. Интересен также вывод о том, что естественно-научные методы позволяют атрибутировать в качестве римских импортов не только готовые изделия, но и некоторые виды сырья, флоры и фауны.

Доклад М. Эрдриха (М. Erdrich) (Люблин, Польша) “*Terra sigillata* в среднеевропейском Барбарикуме между Рейном и Вислой: происхождение, набор форм, распространение, хронология (*Terra sigillata* im mitteleuropäischen Barbaricum zwischen Rhein und Weichsel – Quellenlage, Formenspektrum, Chronologie und Chronologie)” был посвящен различным аспектам изучения *terra sigillata* и других типов римской керамики на территории Барбарикума. Картографирование находок выявило две основные зоны их концентрации: в низовьях Мааса, Везера и на побережье Северного моря; на Среднем Дунае, в верховьях Одера и Нижнем Повислень, т.е. вдоль Янтарного пути. На остальной территории Свободной Германии *terra sigillata* известна лишь эпизодически. По мнению М. Эрдриха, особенности распространения материала отражают индивидуальный характер взаимоотношений Римской империи с различными германскими племенами Европы.

Следующие пять выступлений были объединены в тематический блок “Монеты”. Х. Комник (Х. Komnick) (Франкфурт-на-Майне, Германия) в докладе “Монеты и золото на Рейне и Дунае (Münze und Geld an Rhein und Donau)” на огромном фактическом материале рассмотрел динамику денежного обращения на рейнско-дунайском лимесе во II–III вв. н.э. и продемонстрировал его связь с событиями политической и военной истории Римской империи. Он привел результаты анализа статистических данных и указал пики выпадения римских монет, наиболее значительный из которых приходится на финальный этап Готских войн. Исследователь также отметил, что на Рейне и Верхнем Дунае найдены преимущественно монеты импер-

¹ “Археология между Римом и варварами. К датировке и распространению римских металлических изделий во II–III вв. н.э. в Империи и Барбарикуме – избранные примеры (сосуды, фибулы, элементы воинского снаряжения, изделия малых форм, монеты)”.

ской чеканки, тогда как к востоку от Карнунтума – провинциальные.

Автор сообщения “Монетная система без границ? Модели регионального обращения и происхождение монетных находок в Барбарикуме (Coinage without borders? Regional circulation patterns and the provenance of coin finds in the Barbaricum)” *Ф. Кеммерс (F. Kemmers)* (Неймеген, Нидерланды) представила разработанную ею методику анализа региональных систем денежного обращения и происхождения монетной массы на материалах различных территорий и хронологических горизонтов. В частности, она отметила, что в северо-восточных провинциях бронзовые монеты известны в основном в ритуальном, в меньшей степени – в гражданском и весьма редко – в военном контекстах. Границы хождения монет внутри Римской империи, по мнению докладчицы, были более четкими, чем между империей и Барбарикумом.

Х. Хорпнес (H. Horsnæs) (Копенгаген, Дания), выступившая с докладом “Монеты для воинов? Римские монеты из воинских жертвенных комплексов и других памятников железного века в Дании (Coins for the warriors? Roman coins from war booty sacrifices and other types of Danish Iron Age contexts)”, сообщила, что подавляющее большинство денариев на рассматриваемой территории происходит с островов Зеландия, Фюн и с побережья Ютланда; в средней части полуострова они практически отсутствуют. Монеты, чеканенные в I–II вв. н.э., находились в употреблении до конца III – начала VI в., но могли выполнять функции украшений: в ряде случаев они зафиксированы в составе ожерелья. Исследовательница подчеркнула, что активное использование металлодетекторов в 1980–2000-х годах привело не только к значительному увеличению количества известного материала, но и к существенному изменению представлений о его составе.

Доклад *Р. Чёлек (R. Ciolek)* (Варшава, Польша) “Находки римских монет в Силезии (Die römischen Fundmünzen in Śląsk/Schlesien)” был посвящен материалам пшеворской и вельбарской культур. Автор привела различные статистические выборки (по комплексам, типам монет, номиналам, чеканам и т.д.), отметив, что около 14% всех находок в вельбарском ареале и около 7% в пшеворском происходят из погребений. Она выделила три этапа поступления римских монет различного достоинства в Силезию. Причинами их притока в конце II и второй половине III в. Р. Чёлек считает политические контакты, а в середине IV в. – экономические.

Значительный интерес вызвало выступление *Н. Элкинса (N. Elkins)* (Франкфурт-на-Майне, Германия) “Находки, сделанные при помощи металлодетекторов на Балканах, – обеспечение торговли монетами в США (Balkan metal detector finds: feeding the coin trade in the USA)”. На примере античных монет, нелегально поступающих в Западную Европу и США из Болгарии, Румынии и Сербии, исследователь подробно охарактеризовал систему незаконной торговли древностями, объем которой измеряется десятками миллионов долларов и сотнями тысяч лотов в год. Одним из основных ее центров в Европе является Мюнхен. В США же существует дилерское лобби (ассоциация Ancient Coin Collectors Guild), которое поддерживает и пропагандирует коллекционирование среди законодателей и общественности, создавая для подобной преступной деятельности широкую базу. Используя данные из Интернета, СМИ и других источников, Н. Элкинс показал, как ориентированные на получение прибыли организации (включая криминальные структуры) и частные лица систематически уничтожают культурное наследие Балканского региона. Выход из ситуации исследователь видит в консолидации усилий археологов и правоохранительных органов, а также в планомерной работе с коллекционерами, которые могут и должны способствовать изменению сложившегося порядка.

Тематический блок “Металлические сосуды” включал четыре доклада. Его открыл *И. Горецки (J. Gorecki)* (Франкфурт-на-Майне, Германия) с сообщением “Набор металлических сосудов из некоторых римских комплексов по обе стороны Рейна и Дуная – попытка сравнительного анализа (Metallgefäßspektren aus ausgewählten römischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein und Donau – Versuch einer Synopse)”. Рассмотрев функции ряда форм в различных контекстах, автор пришел к выводу, что изделия, связанные у римлян с культурой употребления вина, у германцев аналогичного предназначения не имели. То же относится и к туалетным сосудам, и к посуде, использовавшейся для приготовления пищи.

М. Люик (M. Luik) (Мюнхен, Германия) в докладе “Сосуды из цветного металла в среднеимперский период между Пиренеями и Рейном (Buntmetallgefäße der mittleren Kaiserzeit zwischen Pyrenäen und Rhein)” затронул проблемы выявления центров производства и хронологического членения изучаемого материала.

В исследовании *У. Лунд Хансен (U. Lund Hansen)* (Копенгаген, Дания) “Гарнитуры с ковшами, ситами и черпаками – сравнение римского и германского контекстов находок (Kasserollen und Kelle-/Siebgarnituren – römischer und germanischer Fundkontext im Vergleich)” были привлечены к анализу не только металлические сосуды различных типов, но и другие категории изделий из Южной Скандинавии – *terra sigillata*, стеклянные кубки, шпоры, шейные гривны, мечи и проч. Докладчица осветила широкий спектр вопросов, связанных с происхождением, распространением и использованием предметов римского импорта в Барбарикуме.

В докладе «Погружение в Рейн: сравнительный анализ состава “кладов военных трофеев” (Versunken im Rhein – Typenspektren der “Beutehorte” im Vergleich)» *Х. Бернхарда и Р. Петровски (H. Bernhard, R. Petrowszky)* (Шпейер, Германия) был предложен обзор материала, полученного в последние десятилетия в результате земляных работ на Рейне. Это около 600 находок, отражающих практически весь спектр потребительских товаров, которые обращались в галльско-германских провинциях в середине III в. Более подробно авторы доклада охарактеризовали бронзовую и латунную утварь: предметы культов, кухонную и столовую посуду, принадлежности для умывания, водяные часы и др.

Возможности применения современных методов анализа к старым материалам были продемонстрированы в докладе *Я. Шустера (J. Schuster)* (Лодзь, Польша) “Любшов/Любичево: легендарный памятник в свете новых исследований (Lübsow/Lubieszewo – eine legendäre Fundstelle im Licht neuer Untersuchungen)”. В 2006 г. немецко-польская экспедиция провела работы на территории, где Г. Эггерсом в 40-х годах XX в. были раскопаны три знаменитых княжеских погребения. Удалось выявить следы деревянных конструкций внутри могил и каменные вымостки (диаметром 8–23 м) над ними, а также реконструировать структуру курганных насыпей. Рядом с одним из захоронений была найдена фибула. Внимательное изучение полученных Г. Эггерсом вещей с применением новейших технологий позволило увидеть их неизвестные ранее орнаментальные и функциональные особенности. В частности, реставрирован золотой декор на фибуле, определено устройство шпор. Я. Шустер привел изделиям из Любшова многочисленные аналогии, основная часть которых связана с балтийским побережьем.

Работу коллоквиума продолжила серия докладов, объединенных в тематический блок “Фибулы и поясные украшения”. *М. Мончиньска (M. Maczyńska)* (Лодзь, Польша) в сообщении “Римские фибулы в среднеевропейском Барбарикуме на при-

мере дисковидных эмалевых фибул и коленчатых фибул с полукруглым щитком (*Römische Fibeln im mitteleuropäischen Barbaricum: Das Beispiel der Emailscheibenfibeln und Kniefibeln mit halbrunder Kopfplatte*)” показала, что дисковидные застёжки с эмалью, датируемые второй половиной II – первой половиной III в., распространены достаточно широко, хотя большая их часть концентрируется в двух основных зонах: Альтмарке и Тюрингии; сарматском Потисье. Эти украшения были предметами роскоши, доступными средним слоям варварских обществ. Выделив несколько типов эмалевых фибул по форме и орнаменту, исследовательница отметила, что экземпляры с изображениями хищных птиц, зайца и косули образуют норико-паннонскую группу, а с изображением всадника, возможно, производились на территории Бельгии. Коленчатые застёжки с полукруглым щитком и верхней тетивой она датировала II–III вв. Принадлежавшие изначально римским солдатам, в варварской среде такие изделия, согласно М. Мончиньской, стали элементом женского костюма, характерного для населения Паннонии, Норикума и Дакии.

Тот же материал был рассмотрен в докладе “Дисковидные эмалевые фибулы и коленчатые фибулы с полукруглым щитком в северо-западных провинциях Римской империи (*Emailscheibenfibeln und Kniefibeln mit halbrunder Kopfplatte in den nordwestlichen Reichsprovinzen*)”. Его автор А. Бёме-Шёнбергер (А. Böhme-Schönberger) (Майнц, Германия) выделила на территории Свободной Германии дисковидные застёжки, имеющие провинциально-римское происхождение, и отметила, что по сравнению с многообразием форм внутри империи их ассортимент невелик. Она подчеркнула роль британских центров в создании варварских украшений с эмалью. В отличие от дисковидных коленчатых фибул, по мнению исследовательницы, были сугубо воинскими. Экземпляры с нижней тетивой А. Бёме-Шёнбергер связывает с верхнегерманско-рекой частью лимеса, а с верхней тетивой считает характерными для норико-паннонских областей, как и М. Монгиньска.

Э. Дёшлер-Эрб (E. Deschler-Erb) (Цюрих, Швейцария) выступил с сообщением “Находки поясных и ремённых оковок в воинском и гражданском контекстах: развитие набора форм от Клавдиев до Антонинов (*Gürtel- und Riemenbeschläge in militärischem und zivilem Fundkontext – Übersicht zur Entwicklung des Formenspektrums von claudischer bis antonischer Zeit*)”. На основе анализа письменных, изобразительных и археологических источников он предложил периодизацию ремённой гарнитуры раннеримского времени: 1) от Тиберия Клавдия до начала эпохи Флавиёв; 2) от Флавиёв до Адриана; 3) от Антонина Пия до Коммода. В постадриановское время, как показал докладчик, появились изделия, выполненные в технике миллефиори, прорезная гарнитура типа Феликс и другие новые типы поясных украшений. Распространение эмалей он связал с “кельтским ренессансом” в эпоху Антонинов.

Р. Мадыда-Легутко (R. Madyda-Legutko) (Краков, Польша) в докладе “Римская ремённая гарнитура в среднеевропейском Барбарикуме: от *cingulum militae* до позднеримских воинских поясов (*Römische Gürtelteile im mitteleuropäischen Barbaricum vom cingulum militiae zum spätrömischen Militärgürtel*)” представила обзор материала и охарактеризовала динамику поступления рассматриваемых категорий римского импорта в варварскую среду. Продемонстрировав находки пряжек с прорезными щитками и эмалевых украшений из Паннонии, исследовательница отметила, что на Дунае и рейнском лимесе происходил сплав кельтских, германских и римских традиций.

В выступлении “Римские поясные украшения в скандинавских вотивных местонахождениях с воинским снаряжением (*Römische Gurt- und Gürtelteile in skandinavischen Votivplätzen mit Militärausrüstungen*)” А. Рау (A. Rau) (Шлезвиг, Германия)

поднял вопрос о хронологии жертвенных комплексов в северной Германии и южной Скандинавии. Согласно его изысканиям, основные местонахождения датируются 170–300 гг., тяготея к фазе C1b; жертвоприношения в Нидаме осуществлялись в 250–410 гг. При этом автор доклада подчеркнул, что римские ремённые гарнитуры разделяются на собственно поясные наборы, и портупейные украшения, хронологические позиции которых сильно различаются. Портупейные бляхи преобладают в комплексах в первой половине и середине III в. На поздней ступени C2 и ступени C3 количество поясных украшений римского производства сокращается, хотя в Нидаме в конце IV – начале V в. снова появляются накладки позднеантичного облика. Римской А. Рау считает прорезную гарнитуру, а орнаментированную концентрическими кругами – римско-германской.

Завершил работу конференции блок выступлений, названный “Детали снаряжения и мелкий инвентарь”. Х.-У. Фосс (H.-U. Foss) (Франкфурт-на-Майне, Германия), один из руководителей проекта по созданию корпуса римских импортов в Европе, представил доклад “Детали воинской амуниции в среднеевропейском Барбарикуме между Рейном и Одером – спектр форм и контекст находок (*Beschlagteile vorwiegend militärischer Verwendung im mitteleuropäischen Barbaricum zwischen Rhein und Oder – Formenspektrum und Fundkontext*)”. Анализу подверглись элементы поясных гарнитур, другие принадлежности снаряжения, оружие, конская узда и др. Были рассмотрены находки в погребениях и на поселениях, определены формы римского импорта на германских территориях, выявлены прототипы и подражания им. Статистические данные свидетельствуют о значительном снижении количества предметов римской воинской амуниции к востоку от Эльбы.

Доклад К. Паули Йенсен (K. Pauli Jensen) (Копенгаген, Дания) “Римское воинское снаряжение из оружейного жертвенника в Вимозе, о. Фюн (*Roman military equipment from the weapon deposit of Vimose, Funen*)” носил преимущественно историографический характер. Исследовательница сообщила, что святилище функционировало фактически от рубежа эр до начала VII в., охарактеризовала три фазы накопления материала и отметила, что в Вимозе сочетаются римские и германские древности. Были продемонстрированы карты распространения некоторых типов изделий, указаны их аналогии. В частности, интересные параллели голове грифона из Вимозе представляют украшения кавалерийских шлемов из Марокко. Причины, по которым вещи оказались в озере, пока до конца не ясны. На о. Фюн они могли попасть (вероятно, вместе со своими носителями) в результате торговых связей, военных побед, политических и дипломатических контактов, обусловивших появление в северных землях, например, римских бенефициариев.

Автор сообщения «Конская узда из жертвоприношений военной добычи в Скандинавии: римский и “варварский” компоненты (*Pferdegeschirre aus skandinavischen Heeresbeuteopfern – römische und “barbarische” Komponenten*)» Н. Лай (N. Lau) (Шлезвиг, Германия) разработала типологическую и хронологическую схемы конских уздечных наборов из комплекса в Торсберге. Она выделила единичные детали узды, имеющие римское происхождение, и их германские дериваты и привела рассматриваемым вещам многочисленные аналогии. В докладе была также продемонстрирована серия реконструкций конских оголовий.

Б. Шмайдл (B. Steidl) (Мюнхен, Германия) в докладе «Находки “малых форм” и монеты на поселениях Восточной Франконии и расположенных за лимесом областей: сравнительный аспект (*Kleinfunde und Münzen aus Siedlungsfunden Mainfrankens und dem gegenüberliegenden Limesgebiet im Vergleich*)» обратил внимание на то, что пути поступления

римского “импорта” в варварскую среду были различными (военные грабежи, “нормальный” обмен и т.д.). Он также отметил, что анализ ограниченного набора римских вещей, получивших распространение с варварской стороны лимеса, открывает интересные перспективы изучения образа жизни и хозяйства германцев.

Представленные на коллоквиуме стендовые доклады также были объединены в несколько групп. Находкам из погребальных комплексов были посвящены постеры *A. Абега-Вигг (A. Abegg-Wigg)* (Шлезвиг, Германия) «Декор сосудов из “княжеского погребения” Нойдорф-Борнштайн (Die Gefäßausstattung der “Fürstengräber” von Neudorf-Bornstein)»; *Я. Анджеёвского (J. Andrzejowski)* (Варшава, Польша) “Романо-британские эмалированные сосуды из женского погребения в Яртыпоре, Восточная Польша (Romano-British enamelled Vessels from a female Grave from Jartypory, Eastern Poland)”; *К. Эльшека (K. Elschek)* (Нитра, Словакия) “Зогор – германский центр власти: поселение и могильник (Zohor – Germanischer Herrschaftssitz, Zentralsiedlung und Gräberfeld)”; *К. Франка (K. Frank)* (Бонн, Германия) “Некерамические римские находки из могильника Леверкусен-Райндорф (Das nicht-keramische Spektrum römischer Funde vom Gräberfeld Leverkusen-Rheindorf)”; *Т. Кольника (T. Kolnik)* (Нитра, Словакия) “Канфары и скифосы: североитальянская глазурованная рельефная керамика в погребениях королевства Ванныя (Kantharoi und Skyphoi – norditalische glasierte Reliefkeramik in Gräbern des Regnum Vannianum)”; *Д. Кваста (D. Quast)* (Майнц, Германия) “Богатое погребение из Вроцлава-Закшува (Сакрау) в свете новых исследований (Die Prunkgräber von Wrocław-Zakrzów (Sakrau) im Licht neuer Untersuchungen)”; *Я. Тейрала (J. Tejral)* (Брно, Чехия) “Декор металлических сосудов из королевского погребения Мушов в Моравии: сравнение с ранне- и позднеримскими погребениями элиты (Die Metallgefäßausstattung des Königsgrabes von Mušov in Mähren im Vergleich mit früh- und spätkaiserzeitlichen Elitengräbern)”; *В. Вальтера (W. Walther)* (Мюльхаузен, Германия) “Госпожа из Альтенготтерна. Богатое германское погребение конца II в. в северо-западной Тюрингии (Die “Herrin” von Altengottern. Eine reiche elbgermanische Brandbestattung des späten 2. Jh. aus Nordwestthüringen)»; *Ю. Зайцева и В. Масякина* (Симферополь, Украина) “Металлические сосуды в погребениях I–III вв. из Крыма (Metallgefäße in Gräbern des 1.–3. Jhs. auf der Krim)”.

Вторую группу, посвященную находкам на поселениях, образовали следующие доклады: *Л. Алласон-Джонс, Г. Гудрич (L. Allason-Jones, G. Goodrich)* (Ньюкастл, Великобритания) “Римские артефакты в Барбарикуме к северу от вала Адриана (Roman artefacts in Barbaricum north of Hadrian’s Wall)”; *Д. Бенеа (D. Benea)* (Тимишоара, Румыния) “Обзор мастерских по обработке цветного и драгоценного металла в провинции Дакия (Werkstätten der Bunt- und Edelmetallverarbeitung in der Provinz Dakien – eine Übersicht)”; *Т. Брокмайер (Th. Brockmeier)* (Бонн, Германия) “Поселения и могильники имперского времени с римским импортом в нижнем течении Моравы (Kaiserzeitlichen Siedlungen und Gräberfelder mit römischem Import am Unterlauf der March)”; *С. Кочиш (S. Cociș)* (Клуж-Напока, Румыния) “Мастерские по производству фибул в римской провинции Дакия (Die Fibelwerkstätten aus der Römischen Provinz Dakien)”; *Я. Клемет (J. Klemet)* (Бонн, Германия) “Обломки бронзового сосуда с поселения Нойнхайлинген, район Унструт-Хайних (Bronzegefäß-“Schrott” von der Siedlung Neunheilingen, Unstrut-Hainich-Kreis)”; *Б. Коморочи (B. Komoróczy)* (Брно, Чехия) «Римское военное присутствие в укреплении у Мушова: спектр находок и их “проникновение” в германскую среду. Горизонт Маркоманских войн в свете находок оружия и воинского снаряжения (Die römische militärische Anwesenheit am

Burgstall bei Mušov, das Fundspektrum und sein “Durchdringen” in das germanische Milieu. Horizont der Markomannenkriege im Lichte der Waffen- und Ausrüstungsgegenstandsfunde)»; *К. Кузмова (K. Kuzmová)* (Трнава, Словакия) “Римско-германские отношения на территории северопаннонского лимеса в свете находок *terra sigillata* (Römisch-germanische Beziehungen im Vorland des nordpannonischen Limes im Lichte der Sigillaten)”; *Ю. Родзиньска-Новак (J. Rodzińska-Nowak)* (Краков, Польша) “Коллекция римских вещей на поселении Якушовице, Свентокжское воеводство (Das Fundspektrum römischer Sachgüter der Siedlung Jakuszowice, Gde. Kazimierza Wielka, Woiv. Świętokrzyskie)”; *К. Мюккенбергер (K. Mückenberger)* (Вильгельмсхафен, Германия) “Места высадок и прибрежная торговля во времена Римской империи на северо-западном побережье Германии (Landeplätze und Ufermärkte der Römischen Kaiserzeit im nordwestdeutschen Küstengebiet)”; *К.Г. Шмидт (Chr.G. Schmidt)* (Гамбург, Германия) “Фринстедт, округ Эрфурт (Frienstedt, Kr. Erfurt)”.

В третьей группе рассматривались материалы из кладов и вотивных комплексов. Им были посвящены стенды *Р. Бланкенфельдт (R. Blankenfeldt)* (Шлезвиг, Германия) “Фигурно украшенные металлические изделия из Торсберга (Figürlich verzierte Metallarbeiten aus dem Thorsberger Moor)”; *Й. Илькьера (J. Ilkjaer)* (Мёсгард, Дания) «Иллеруп Одал, Ютландия. Римские находки “малых форм” (Illerup Ädal, Jütland. Römische Kleinfunde)»; *С. Матешич (S. Matešić)* (Шлезвиг, Германия) «“Римская” и “германская” воинская амуниция из болотного жертвенного комплекса в Торсберге (“Römisch” und “Germanisch” Militaria im Mooropferfund von Thorsberg)».

В докладах четвертой группы были представлены результаты изучения отдельных групп и типов вещей. Это постеры *А. Бурше (A. Bursche)* (Варшава, Польша) “Римские золотые медальоны в Барбарикуме (Roman gold medallions from Barbaricum)”; *А. Цеслинского и Р. Чёлек (A. Cieśliński, R. Ciolek)* (Варшава, Польша) “Корпус римских находок в Барбарикуме, Польша – состояние исследований (CRFB PL Ermland – Stand der Bearbeitung)”; *Э. Дроберьяра (E. Droberjar)* (Прага, Чехия) “Обзор римских фибул из погребений и с поселений Богемии (Römische Fibeln aus Gräbern und Siedlungen Böhmens – eine Übersicht)”; *Д. Габлера (D. Gabler)* (Будапешт, Венгрия) «Транспортное сообщение между Паннонией и “Барбарикумом” в отражении римских находок (Verkehrsverbindungen zwischen Pannonien und dem “Barbaricum” im Spiegel römischer Funde)»; *Э. Гринчарика (E. Hrnčarik)* (Трнава, Словакия) “Шкатулки, ларцы и другие элементы мебели. Фрагменты оковок мелкой утвари в Словакии (Kästchen, Truhen und andere Möbelfragmente. Das Typenspektrum der Beschlagteile Kleingeräte in der Slowakei)”; *Ф. Хантера (F. Hunter)* (Эдинбург, Великобритания/Шотландия) “Римские и местные традиции в Шотландии (Roman and native in Scotland)”; *Э. Иштванович (E. Istvánovits)* (Ньиредьхаз, Венгрия) “Римские бронзовые и стеклянные сосуды в сарматских материалах Великой Венгерской равнины (Roman bronze and glass vessels in the Sarmatian material of the Great Hungarian Plain)”; *Я. Йилека (J. Jilek)* (Брно, Чехия) “Римские бронзовые сосуды в Моравии (The Roman bronze vessels in Moravia)”; *Э. Кольниковой (E. Kolníková)* (Нитра, Словакия) “Находки римских монет в Словакии: наблюдения над статистикой (Die römischen Fundmünzen der Slowakei – Anmerkungen zur Fundstatistik)”; *Э. Крековица (E. Krekovič)* (Братислава, Словакия) “Набор римских металлических сосудов в Словакии: II–III вв. (Das Spektrum römischer Metallgefäße in der Slowakei – 2.–3. Jh.)”; *В. Кульчар (V. Kulcsár)* (Асод, Венгрия) “Зеркала в сарматском Барбарикуме Карпатской котловины (Mirrors in the Sarmatian Barbaricum of the Carpathian Basin)”; *В. Кульчар, Ж. Бене (V. Kulcsár, Zs. Bene)*

(Асод, Сегед, Венгрия) “Шкатулки с металлическими оковками в сарматском Барбарикуме Великой Венгерской равнины (Caskets with metal mounts in the Sarmatian Barbaricum of the Great Hungarian Plain)”; *И. Кветановой (I. Kvetánová)* (Трнава, Словакия) “Влияние римской моды на костюм германцев Среднего Подунавья в I–IV вв. н.э. (Der Einfluss der römischen Mode auf die Tracht der mitteldonauländischen Germanen im 1.–4. Jhs.)”; *М. Любичева* (Харьков, Украина) “Новые находки римских импортов в Восточной Украине (Neue Funde römischen Imports in der Ostukraine)”; *Б. Магомедова* (Киев, Украина) “Типы римских металлических изделий в черняховской культуре на территории Украины (Das Fundspektrum römischer Metallsachgüter in der Černjachov-Kultur auf dem Gebiet der Ukraine)”; *В. Новаковского (W. Nowakowski)* (Варшава, Польша) “Эмалированные изделия I–III вв. н.э. в Балтии (Emailverzierte Sachgüter des 1.–3. Jahrhunderts im Baltikum)”; *С. Оптизу (S. Ortisi)* (Кельн, Германия) “Римляне или варвары? Фибулы Среднего Подунавья в Реции (Römer oder Barbaren? Fibeln des mittleren Donauraums in Raetien)”; *А. Пона (A. Popa)* (Франкфурт-на-Майне, Германия) “Спектр находок провинциально-римских металлических сосудов к востоку от провинции Дакия и к северу от провинции Нижняя Мёзия (Das Fundspektrum provincial-römischer Metallgefäße östlich der Provinz Dacia und nördlich der Provinz Moesia Inferior)”; *П. Прохаска (P. Prohászka)* (Эстергом, Венгрия) “Римские золотые монеты I–III вв. н.э. в Карпатском регионе: от Августа до Тетрархии (Die römischen Goldmünzen des 1.–3. Jhs. im Karpatenbeckens – von Augustus bis zu Tetrarchie)”; *В. Родинковой* (Москва, Россия) “Раннесредневековый женский убор Поднепровья: традиции и влияния (Early Medieval woman's attire in the Dnieper region: traditions and influences)”; *Т. Ширла (Th. Schierl)* (Франкфурт-на-Майне, Германия) “Шарнирные Т-образные фибулы в римском и германском контексте: сравнение избранных примеров (Scharnierarmfibeln in ausgewählten römischen und germanischen Fundzusammenhängen – ein Vergleich)”; *Х. Седлмайер (H. Sedlmayer)* (Вена, Австрия) “Наборы римских бронзовых сосудов в Норикуме и на сопредельных территориях Барбарикума в сравнении: типы II–III вв. н.э. (Die Spektren römischer Bronzegefäße in Noricum und dem angrenzenden Barbaricum im Vergleich – Typen des 2./3. Jhs. n. Chr.)”; *И. Станчу (I. Stanciu)* (Клуж-Напока, Румыния) “Поступление римских изделий в Барбарикум из северо-западной Румынии (время существования провинции Дакия) (Das

Aufkommen römischer Funde im Barbaricum vom Nordwesten Rumäniens (die Zeitspanne der Provinz Dakien)”).

Большинство представленных докладов, как устных, так и стендовых, вызвали у участников коллоквиума глубокий интерес и стали объектами оживленных дискуссий. Сквозными темами всех обсуждений были проблемы контактов, связей, коммуникативности между населением Римской империи и окружавших ее варварских территорий, а также внутри Барбарикума. Особо следует отметить дискуссию, развернувшуюся вокруг хронологии керамики *terra sigillata* и фибул с эмальями. Весьма остро, по единодушному мнению выступавших, стоит также вопрос отделения предметов римского происхождения от варварских в различных комплексах и контекстах. Вообще методическим аспектам отбора материалов для свода римских импортов в Европе и подходам к изучению этих материалов во время работы коллоквиума было уделено самое пристальное внимание.

На заключительном заседании 22 марта 2009 г. выступили Г.-М. фон Кенел, З. фон Шнурбайн, Ф. Лют, М. Беккер, Г. Фукс-Гомолка, А. Бёме-Шёнбергер, К. фон Карнап-Борнхайм, В. Новаковский, У. Лунд Хансен и другие. Они говорили о том, что коллоквиум, приуроченный к 30-летию юбилею проекта по созданию корпуса римских находок в Барбарикуме, был призван подвести итоги и очертить дальнейшие перспективы изучения данного массива материала. Его важнейшими задачами являлись консолидация усилий исследователей из разных стран и демонстрация римского влияния на другие европейские народы во всем его многообразии. Обе задачи оказались выполнены. Более того, коллоквиум показал, что имело место не одностороннее воздействие Империи на варваров, но *взаимодействие* римской культуры и традиций с культурами и традициями населения остальной Европы. Наконец, в результате работы коллоквиума в научный оборот были введены новые материалы и предложена их интерпретация.

Прошедшая во Франкфурте встреча заложила основы дальнейшего изучения римских импортов в Барбарикуме. Участники коллоквиума высказали пожелание сделать подобные конференции регулярными и посвятить следующую преимущественно находкам из Восточной Европы. Материалы коллоквиума будут изданы в виде сборника статей.

Институт археологии РАН, Москва

В.Е. Родинкова, О.А. Радюш

ГЕРО ФОН МЕРГАРТ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Международный симпозиум “Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири в 1914–1921 гг.” Марбург, 2009

5–7 июня 2009 г. в г. Марбурге-на-Ланне (Германия) прошел немецко-русский симпозиум “Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири в 1914–1921 гг.”, посвященный памяти известного археолога Г. Мергарта.

Геро Мергарт фон Бернегг (1886–1959) – знаковая фигура как для немецкой, так и для российской археологической науки. Уроженец Австрии, получивший высшее образование и работавший в Германии, в Сибирь он попал во время Первой мировой войны как военнопленный офицер австро-венгерской армии. Получив от властей разрешение вести научные ис-

следования, в 1919–1921 гг. Мергарт работал в Красноярске, в Музее Приенисейского края (ныне Красноярский краевой краеведческий музей) сначала в качестве реставратора, затем – заведующего отделом древней истории. Менее чем за два года в смутное время Гражданской войны и при сложнейших бытовых условиях ему удалось проделать колоссальную работу. Это и систематизация, классификация и реставрация коллекций Красноярского, частично Минусинского и Енисейского музеев, и разработка и воплощение в жизнь перспективной программы археологического изучения Приенисейского края. К числу его заслуг перед российской наукой относятся от-

крытие и раскопки ряда памятников на территории региона, важные наблюдения и выводы относительно древних культур Сибири (палеолита Афонтовой горы, неолитических культур ташанской зоны, культур бронзового и раннего железного веков Минусинской котловины и Красноярской лесостепи и т.д.).

Вернувшись на родину в 1921 г., Мергарт продолжил изучение и обобщение материалов, собранных в музеях Красноярска, Енисейска, Канска, Минусинска, Томска, Казани, Москвы и Петрограда. Сибирской проблематике он посвятил ряд работ, опубликованных в российских, европейских и американских изданиях. Диапазон их был чрезвычайно широк – от палеолита до средневековья. Но наиболее известен его труд “Die Bronzezeit am Jenissei” (1926), принесший автору европейскую известность и ставший заметным вкладом в сибиреведение. Книга эта является настольной уже у нескольких поколений российских археологов. Долгие годы она была единственным изданным на западе справочным пособием о бронзовом и раннем железном веках на Енисее.

В конце 1920-х годов существенные изменения произошли в карьере ученого: 1 мая 1928 г. Мергарт вступил в заведование впервые учрежденной в Германии кафедрой доисторической археологии в университете Филиппа г. Марбурга-на-Ланне и стал основателем известной “марбургской” научной школы, выпускниками которой были крупнейшие археологи Германии Э. Шпрокхоф, В. Кобленц, Г. Коссак, Г. Мюллер-Карпе, Э. Занмайстер и др.

К сожалению, в 1930–1950-е годы работы Мергарта, как и многих других иностранных исследователей, трудившихся на ниве отечественной науки, оказались преданы забвению в советской археологии. О них упоминалось, но чаще в негативном или пропагандистском ключе: “железный занавес” и в археологию внес свою лепту. Современная политическая обстановка в России и тесное международное сотрудничество ознаменовались новой волной интереса к незаслуженно забытым именам и фигурам прошлого.

Идея проведения международной конференции, посвященной Геро фон Мергарту, возникла в ходе встречи немецких (Г. Парцингер, К. Добнат, А. Наглер), австрийских (Г. Своцилек) и российских (Е.В. Детлова, С.В. Кузьминых) ученых, состоявшейся в Берлине 23 октября 2007 г. под эгидой Германского археологического института. Тогда же обсуждались вопросы, связанные с изучением и публикацией научного наследия Мергарта, а также изданием его сибирских мемуаров.

Организаторами симпозиума, о котором идет речь, выступили Евразийский отдел Германского археологического института и университет Филиппа г. Марбурга-на-Ланне. География участников мероприятия в полной мере соответствовала статусу международной конференции. Заявленный изначально как “немецко-русский”, симпозиум привлек к себе также внимание ученых из Австрии и Финляндии. Среди гостей и участников заседаний присутствовали родные и близкие Геро фон Мергарта. Симпозиум открылся 5 июня в актовом зале университета Alte Aula приветствиями профессоров *Фолкер Ниенхаус*, декана Марбургского университета, *Ганса-Йоахима Герке*, президента Германского археологического института, и *Клауса Добната*, руководителя семинара до- и протоистории Марбургского университета. Немецкие коллеги поведали о богатых научных традициях Марбургского университета, хорошо известных и российской науке, так как именно здесь учились в свое время один из ее столпов М.В. Ломоносов и ряд других выдающихся деятелей русской и мировой культуры. Достойным преемником этих традиций стал и Мергарт, об огромном вкладе которого в становление современной археологической науки в Германии неоднократно упоминалось в ходе заседаний.

Научная программа симпозиума открылась публичным докладом проф. *Германа Парцингера* “Погребальный ритуал и демонстрация власти. К вопросу о больших курганах в сибирской степи”. Внимание аудитории было приковано к исследованиям российско-германских и казахстанско-германских экспедиций в конце XX – начале XXI в., связанных с раскопками курганов Байкара, Аржан 2 и Барсучий Лог. В докладе отмечалась выдающаяся роль в изучении древностей Южной Сибири Г. Мергарта и С.А. Теплоухова, а в постановке проблем изучения “царских” курганов – С.И. Руденко, М.П. Грязнова и С.В. Киселева.

Геро фон Мергарт – не только выдающийся ученый, но и прекрасный писатель: такова была основная идея выступлений австрийских коллег, представителя Венского издательства “Бёлау” *Петера Рауха* и д-ра *Гельмута Своцилека*, экс-директора Форарльбергского краеведческого музея родного города Мергарта – Брегенца. В рамках симпозиума прошла презентация нового издания ставших уже широко известными в России и Европе мемуаров Мергарта “*Daljöko. Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*” (“Далёко: картины из сибирских будней”). Воспоминания о пребывании и работе в Сибири, написанные в середине 1920-х годов, вскоре после возвращения Мергарта из России, были опубликованы после его смерти небольшим тиражом, так как изначально не предназначались для широкой публики.

Идея о необходимости переиздания книги активно обсуждалась на упоминавшейся инициативной встрече в Берлине в 2007 г. В течение следующего года шла активная работа немецких, австрийских и российских историков, археологов и издателей над этим проектом, результатом которого стало новое (январь 2009 г.), иллюстрированное и снабженное комментариями издание “Далёко”, вышедшее под редакцией и со вступительной статьей проф. Парцингера. Мемуары Мергарта являются исключительной важности источником о буднях сибирской жизни в “эпоху перемен”. Читателя книги, несомненно, привлечет также оригинальный и захватывающий стиль изложения и неповторимо красочный и серьезно-ироничный язык автора.

Программу следующих двух дней симпозиума составили доклады, которые предваряло приветствие продекана отделения истории и культурологии Марбургского университета проф. *Верены Постель*. Сами заседания проходили в старой, сохранившей свой облик со времен Мергарта учебной аудитории семинара до- и протоистории. Заседания вели Парцингер, Добнат и проф. Андреас Мюллер-Карпе. Итоги симпозиума подвел проф. *Отто-Герман Фрей*, разделивший все выступления на несколько тематических блоков.

Первый и, наверное, самый важный из них представляли воспоминания здравствующих учеников Мергарта *Германа Мюллера-Карпе* и *Эдварда Занмайстера* о научном методе, педагогическом мастерстве, таланте ученого и обаянии личности учителя, а также о годах учебы под его началом в Марбурге. Ученики были гордостью, предметом чаяний и надежд для Мергарта. Их письма и его ответные послания составляют основу эпистолярного фонда рукописного архива ученого в Марбургском университете. Они повествуют о том, какое деятельное участие в жизни и научной судьбе своих учеников принимал Мергарт. В свою очередь неповторимый образ учителя, его обширные знания, эрудиция, юмор, доброта, мудрость и богатый житейский опыт навсегда запечатлелись в умах и сердцах его питомцев, выпускников “марбургской лавочки”, как шутливо называли они свою *alma mater*.

В несколько ином русле были выдержаны выступления профессора истории из Гамбурга *Николауса Катцера* и д-ра

Анатолия Наглера (Германский археологический институт). В первом из них – “Хаос и порядок. Пережитое в Мировой войне, революции и гражданской войне (1914–1921)” – была воссоздана общая картина и дана объективная характеристика сложной политической, идеологической и социальной ситуации в России в один из самых напряженных и трагических периодов ее истории. Катцер ввел слушателей, таким образом, в понимание обстановки и условий жизни и работы Мергарта в Сибири. Во втором докладе было продолжено начатое накануне Парцингером освещение темы, связанной с современным этапом исследований древних культур Южной Сибири и Казахстана. Наглер остановился, с одной стороны, на работах предшественников, в частности Мергарта, а с другой – акцентировал внимание на открытиях и новых достижениях в области изучения так называемых царских курганов.

Самый насыщенный блок программы составили сообщения, посвященные непосредственно деятельности Геро фон Мергарта и его отношениям с русскими и зарубежными коллегами. В докладе академик *Вячеслава Ивановича Молодина* (Институт археологии и этнографии СО РАН) “История археологических исследований в Сибири с 1910-х до конца 1920-х годов” был дан обзор состояния сибирской науки в указанный период, выявлены основные тенденции ее развития, показаны условия становления вузов и научно-исследовательских институтов и многогранная деятельность сибирских ученых.

В двух других выступлениях была отражена работа Мергарта в годы его пребывания в Красноярске. Доклад *Людмилы Юрьевны Китовой* (Кемеровский государственный университет) “Деятельность Геро фон Мергарта в Красноярске” содержал важнейшие сведения об обстоятельствах жизни расконвоированного военнопленного австро-венгерской армии в Сибири, специфике его музейной и научно-исследовательской работы. Были отмечены заслуги Мергарта перед сибирской наукой и значение красноярского периода в его дальнейшей творческой и научной судьбе. В докладе «Археологическое в “Далёко”» *Парцингер* привлек внимание к полевым исследованиям Мергарта в Минусинской котловине и в других районах Приенисейского края, дал исчерпывающие комментарии к каждой главе и к отдельным пассажирам книги, касающимся археологической деятельности ученого.

Богатое документальное и эпистолярное наследие, сохранившееся в архивах Германии, Финляндии и России, позволяет проследить сложную гамму и динамику взаимоотношений

Геро фон Мергарта с его русскими и зарубежными корреспондентами. Эти проблемы были отражены в следующем блоке выступлений. *Сергей Владимирович Кузьминых* (Институт археологии РАН) в докладе “Собеседники Геро фон Мергарта в Казани, Москве и Петрограде: к истории российской археологии 1910-х – конца 1920-х годов” вышел за рамки сибирской проблематики, обрисовав круг общения Мергарта в тех городах Европейской части России, в которых он останавливался по пути на родину. Слушателям были представлены ключевые фигуры русской археологии тех лет, научная среда столиц и провинции, особенности ведущих научных школ России в начале XX в. Тему продолжил доклад *Екатерины Владимировны Детловой* (Красноярский краевой краеведческий музей), основным сюжетом которого также были контакты Мергарта с сотрудниками Музея Приенисейского края, сибирскими археологами (С.А. Теплоухов, Б.Э. Петри, Г.П. Сосновский и др.), а также ведущими российскими учеными В.А. Городцовым и А.А. Спицыным. Этот блок выступлений завершил доклад д-ра *Тимо Салминена* (Финляндия, университет Хельсинки) и *Кузьминых*, посвященный диалогу Мергарта с одним из самых известных европейских специалистов по русской археологии, его другом и респондентом на протяжении более чем двух десятилетий, финским археологом А.М. Тальгреном.

Научную часть симпозиума завершило выступление проф. *Свенда Хансена*, руководителя Евразийского отдела Германского археологического института, который в докладе “Импульсы сибирского пребывания Мергарта для изучения культур эпохи бронзы в Европе” затронул важную тему – актуальность идей Мергарта для современной европейской археологии, важность его метода и основных постулатов исследования, реализованных при работе с материалами бронзового века Енисея, для становления и развития научных школ Германии, возникновения институтов, отделов и направлений соответствующего профиля. Результатом усилий “наследников” Мергарта в науке стало, к примеру, создание Евразийского отдела Германского археологического института.

Заключая, отметим, что благодаря четкой организации мероприятия со стороны Евразийского отдела Германского археологического института и факультета древней истории Марбургского университета симпозиум был проведен на самом высоком научном уровне. Марбургский университет взял на себя издание сборника докладов, который, надеемся, вызовет интерес у специалистов и в Германии, и в России.

Красноярский краевой краеведческий музей
Университет Филиппа, Марбург-на-Ланне
Институт археологии РАН, Москва

Е.В. Детлова
К. Добиат
С.В. Кузьминых

К ЮБИЛЕЮ А.А. МЕДЫНЦЕВОЙ

Эпиграфика – это не тема, это специальность.
Д.С. Лихачев



Научное творчество Альбины Александровны Медынцевой, археолога, эпиграфиста, историка русской культуры, занимает особое место в системе исследований по истории Древней Руси. Сфера интересов ученого широка: проблемы славяно-русской археологии, культуры, прикладного искусства и ремесла Древней Руси, проблемы кирилло-мефодиевского наследия, славянской и русской письменности в ее практическом применении, грамота и грамотность на Руси и ее социальная стратификация. Все эти аспекты находят отражение в теме, которая является для А.А. Медынцевой главной, – древнерусской эпиграфике.

Эпиграфика рассматривается в ее работах в широком контексте историко-культурной проблематики. Уже в первой монографии «Древнерусские надписи новгородского Софийского собора» (1978) проявились творческая индивидуальность ученого и такие профессиональные черты, как строгость и последовательность методики описания материала, внимание к историко-культурному контексту той или иной надписи, понимание ее специфики как исторического источника и как памятника русской письменности и языка.

В книге, посвященной грамотности в Древней Руси, А.А. Медынцева так определяет специфические задачи эпиграфики: «прочтение и датировка надписей, восстановление текста в случае частичной утраты, в некоторых случаях определение подлинности надписи, систематизация всего многообразного эпиграфического материала» (2000. С. 5) Но, поскольку надпись даже в самом кратком виде – это текст, ее правильное прочтение и датировка невозможны без учета особенностей палеографии, графики, орфографии, грамматики древнерусского языка. Поэтому А.А. Медынцева, археолог-историк по основной специальности, активно обращается к смежным дисциплинам – палеографии и лингвистике.

Альбина Александровна в 1961 г. окончила исторический факультет Московского государственного университета и в 1962 г. поступила на работу в Институт археологии РАН, где работает по настоящее время. В 1971 г. по окончании аспирантуры

института А.А. Медынцева успешно защитила кандидатскую диссертацию.

И опыт полевых археологических исследований древнерусских городищ и поселений России, Украины, Белоруссии, и овладение еще в аспирантские годы методикой изучения письменных источников позволили А.А. Медынцевой успешно решать сложные вопросы датировки и атрибуции эпиграфических памятников, знакомые каждому исследователю, обращающемуся к этому материалу. Одна из статей, предшествовавших книге о новгородских граффити, посвящена вопросам их палеографии (Медынцева, 1974). Эта статья имела принципиальное значение, поскольку в ней характеризовались особенности начертаний по штукатурке и их динамика. Помимо опоры на палеографию рукописных памятников отправной точкой для изучения палеографии надписей-граффити послужил автору очерк Л.П. Жуковской о палеографии берестяных грамот (1959). Правомерность такого подхода объясняется типологической близостью этих двух категорий источников: несмотря на жанровые и «технологические» различия и те, и другие выполнены сходными, а зачастую одними и теми же орудиями письма – писалами; подавляющее большинство надписей аутентично и локализовано. Берестяным грамотам посвящены и три статьи А.А. Медынцевой (одна – в соавторстве с А.В. Кузой), в которых уточняются значение термина «сукладник» и стоящий за ним социальный статус, а также выявлен, с опорой на палеографический анализ, блок грамот, принадлежащих тиуну Григорию (Куза, Медынцева, 1974; Медынцева, 1973; Медынцева, 1984а; б).

В книге о новгородских граффити впервые были систематизированы, исследованы и опубликованы не только не известные ранее и выявленные автором надписи на стенах Софии Новгородской, но и архивные материалы из фонда И.А. Шляпкина – прорисовки на кальке, фотографии с эстампажей, зачастую без указания на месторасположение той или иной надписи. А.А. Медынцевой был введен в научный оборот новый массовый источник. Ее монография сразу же стала и до сих пор остается востребованной специалистами в области истории и письменной культуры русского средневековья. Естественно, за десятилетия, прошедшие после публикации книги, появились новые исследования автора в этой области и новые находки надписей в других древнерусских храмах, позволяющие в ряде случаев скорректировать предложенные А.А. Медынцевой прочтения и датировки. Археологические и реставрационные работы недавнего времени в Софийском соборе выявили ряд новых надписей; с появлением компьютерных технологий и цифровой техники по-новому решается проблема их фиксации и воспроизведения. Однако монографией А.А. Медынцевой был заложен фундамент для исследования эпиграфики Новгорода и других древнерусских городов, она содержит уникальный сопоставительный материал для изучения берестяных грамот. В книге впервые был дан краткий обзор истории изучения эпиграфических памятников в России, начиная с находок Тмутараканского камня и Черниговской гривны Владимира Мономаха. Эпиграфика как самостоятельный раздел научного знания получила здесь собственный предмет исследования. Позднее в книге «Грамотность в Древней Руси» (2000) этот обзор был существенно дополнен в связи с находками последних десятилетий XX в.

К работе над надписями-граффити новгородского Софийского собора (тема кандидатской диссертации) А.А. Медынцева обратилась не случайно. Ее интерес к древнерусской эпиграфике развивался в русле научных интересов ее учителя – академика Б.А. Рыбакова. К подготовке Свода надписей (1964) Б.А. Рыбаков привлек А.А. Медынцева как автора-составителя палеографических и хронологических таблиц. Эта работа заложила основу ее дальнейших эпиграфических исследований.

В 1960–1970-е годы почти каждый полевой сезон широко развернувшихся археологических исследований древнерусских городов и селищ приносил новые находки надписей на керамике, предметах материальной культуры, на фрагментах штукатурки памятников древнерусского зодчества. Конечно, мощный импульс к исследованиям памятников эпиграфики был дан открытием в Новгороде в 1951 г. берестяных грамот, корпус которых постоянно пополнялся; началось их лингвистическое, палеографическое, источниковедческое описание (Палеографический и лингвистический анализ, 1955; Борковский, 1958а; б; Жуковская, 1959; Черепнин, 1969). Таким образом, к концу 1960-х годов, когда появляются первые публикации А.А. Медынцева, среди них статья о надписях из церкви Федора Стратилата в Новгороде (1968), во всех областях гуманитарных наук, в том числе и в историческом источниковедении, включая “вспомогательные” дисциплины, начинают восстанавливаться прерванные, казалось бы, навсегда традиции отечественной историко-филологической науки. Это прежде всего традиция всестороннего комплексного изучения письменного источника в его многоуровневых связях с эпохой, историей культуры, историей языка. В подобном контексте закономерно, что древнерусская эпиграфика почти одновременно становится предметом систематического исследования историков и археологов, с одной стороны, и филологов-лингвистов (Рождественская, 1972) – с другой.

В 1979 г. А.А. Медынцева публикует небольшую книгу о Тмутараканском камне, поставившую точку в давнем споре о подлинности на нем надписи середины XI в. В этой работе проводится побуквенный анализ начертаний, привлекается сравнительный материал – изданные С.А. Высоцким граффити из Софии Киевской (1966; 1976) и граффити из Софии Новгородской, исследованные автором, древнеболгарские надписи X–XI вв. и древнейшие славянские рукописи, не оставляющие сомнений в подлинности надписи 1068 г. Тем самым Тмутараканская надпись приобрела в книге А.А. Медынцева эпиграфический контекст. Заметим, что древнеболгарские надписи почти не использовались до этого отечественными палеославистами, за исключением надписи царя Самуила 993 г., и лишь вскользь упоминались в учебных пособиях по старославянскому языку. В 1980-е годы исследовательница обращается к южнославянскому эпиграфическому материалу, в частности к известным к тому времени надписям эпохи Первого Болгарского царства, отразившим следы деятельности учеников Кирилла и Мефодия и в Преславе, и в Охриде. В течение нескольких полевых сезонов А.А. Медынцева принимает участие в раскопках монастыря X в. в с. Равна близ г. Провадия в Восточной Болгарии, где были обнаружены монастырское училище и скрипторий, а на сохранившихся строительных блоках открыты сотни кириллических, глаголических, греческих, рунических надписей и рисунков (Попконстантинов, 2003). В соавторстве с болгарским коллегой, археологом Казимиром Попконстантиновым, А.А. Медынцева издает книгу “Надписи из Круглой церкви в Преславе” (1984–1985) – результаты нового исследования кириллических и глаголических надписей-граффити, сохранившихся в крещальне церкви Иоанна Предтечи (Круглая, или Золотая церковь), построенной царем Симеоном в столице Болгарского царства. В этой книге авторы подвергают пересмотру гипотезу болгарского ученого Ив. Гошева (1961) о докирилловском письме и, основываясь на тщательном изучении надписей *in situ*, доказывают ее несостоятельность. Заслугой исследования является новое прочтение незаконченной глаголической азбуки начала X в. – одного из древнейших славянских алфавитов, что имеет существенное значение для истории славянского письма. А.А. Медынцева обратила внимание и на такую особенность графики некоторых древнеболгарских надписей и рукописей, как однокорость, т.е. использование только одной буквы (либо ъ, либо ѱ) для передачи редуцированного звука вне зависимости от ряда, и нашла аналогии в древнерусских граффити XI–XII вв. Поскольку эта особенность не находит поддержки в фонетической системе древнерусского языка, ее, по мнению ученого, можно расценивать как проявление древнеболгарского

(восточноболгарского) “наследия” в русском эпиграфическом письме. Подтверждением этому является так называемая однокорость графика (с ѱ) найденной в 2000 г. древнейшей русской деревянной книги – Новгородской псалтыри первой трети XI в. (Янин, Зализняк, 2001). Позже, специально обратившись к анализу восточнославянских эпиграфических данных дохристианского времени, А.А. Медынцева подтвердила на эпиграфическом материале, что с принятием Русью христианства “письменность остается кириллической по алфавиту и, судя по некоторым особенностям графики, – болгарской по источнику” (2000. С. 271). Эпиграфические тексты из Круглой церкви, как и разнообразные древнеболгарские надписи времени царя Симеона и более поздних десятилетий, открытые болгарскими археологами и имеющие первостепенное значение для кирилломефодиевистики, стали доступны широкому кругу отечественных палеославистов в немалой степени благодаря публикациям А.А. Медынцева. За свою деятельность она была удостоена звания лауреата премии им. Кирилла и Мефодия Болгарской академии наук.

Стремление определить коммуникативно-прагматические функции надписей в системе древнерусской письменной культуры – от неофициальных граффити на стенах храмов или владельческих надписей на пряслицах до надписей на предметах элитарной культуры – нашло отражение как в ее докторской диссертации “Древнерусская эпиграфика X – первой половины XIII в.”, защищенной в 1990 г., так и в монографии “Подписные шедевры древнерусского ремесла” (1991). Здесь рассматриваются надписи на предметах, составляющих золотой фонд русского искусства, среди них драгоценная утварь, шлем Ярослава Всеволодовича, оклады Корсунских икон, новгородские крители, Суздальские врата Рождественского собора, Черниговская гривна и Суздальский змеевик, Большой Сион из ризницы новгородского Софийского собора, Архангельская ставрогата и другие хрестоматийные произведения древнерусского прикладного искусства. Анализ более 25 надписей позволил автору сделать ряд важных выводов: уточнить обстоятельства изготовления предметов; заново атрибутировать некоторые из них (например “топорик” Андрея Боголюбского); уточнить чтение и получить новые данные о процессе изготовления надписей; определить степень участия в производстве византийских и русских мастеров; уточнить датировку той или иной вещи. Так, на основе эпиграфического анализа Корсунские оклады икон датируются серединой – второй половиной XI в. и доказываются русское происхождение создавших их мастеров. Исследовательница особо подчеркивает значение графики надписей для выявления одновременности или разновременности частей сборных изделий (Большой Сион, Суздальские врата). И, наконец, анализ надписей на предмете позволяет выявить работы одной мастерской или одного мастера. В результате эпиграфического анализа А.А. Медынцева удалось открыть имена мастеров и ремесленников, которые до тех пор оставались вне поля зрения исследователей, и подвергнуть сомнению тезис о полной “анонимности” произведений древнерусского искусства и ремесла. Еще занимаясь новгородскими граффити в Софийском соборе, А.А. Медынцева обнаружила автографы строителей и мастеров-художников, принимавших участие в росписях собора, – Стефана, Сежира, Георгия, Миккулы, Радки, Олисы (1978. С. 32–61). Что же касается надписей на вещах, то, по словам ученого, “специальное исследование надписей дает значительные результаты не только в традиционной сфере их использования: для датировки и атрибуции произведений прикладного искусства, но и в сравнительно новой области – такой, как выявление работ одной мастерской или одного мастера. Вопреки установившемуся мнению о “безличности” и традиционности подобных надписей оказывается, что именно в надписях наиболее ярко отражается индивидуальная манера мастера: надписи исполнены в разной манере, в разной технике, это и обычное “деловое”, и декоративное письмо, что позволяет сравнить особенности начертаний, использовавшихся одновременно одним и тем же мастером» (Медынцева, 1991. С. 217).

Для истории русского письма, палеографии и ее датирующих возможностей весьма важным представляется вывод А.А. Медынцевой о “несовпадении” бытового и книжного письма и языка. Говоря о проявлении архаизирующей тенденции в графике некоторых надписей на произведениях прикладного искусства, исследовательница вместе с тем отмечает, что “наряду с этим многие надписи, особенно декоративные, дают и совершенно противоположную картину: некоторые особенности графики и языка раньше проявляются именно в надписях, а не в традиционном книжном письме. Наиболее показательно это явление обнаруживается в таком ярком, связанном с устным фольклором памятнике, как задравная надпись на чаре Владимира Давыдовича” (Медынцева, 1991. С. 217).

Изучение древнейших эпиграфических памятников Руси и комплекса сведений письменных источников о ранней восточнославянской письменности до Крещения побудило исследовательницу обратиться к истокам письменной традиции. В 1983 г. А.А. Медынцева публикует доклад на IX Международном съезде славистов в Братиславе “Начало письменности на Руси по археологическим данным”, который открывает серию ее работ, связанных с одной из фундаментальных проблем происхождения восточнославянской письменности и крещения Руси (1987; 1997). Итоги исследования этой проблемы подведены в ее книге “Грамотность в Древней Руси” (2000). Изучение собранных А.А. Медынцовой артефактов дохристианского времени, анализ разных гипотез об оригинальной докирилловской письменности и аргументированная их критика не оставляют места для псевдонаучных и, к сожалению, до сих пор широко популяризирующихся мнений о “самобытном” русском письме типа пресловутой Велесовой книги. Несмотря на малочисленность и отрывочность эпиграфических данных X в., на то, что “среди буквенных знаков не встречено ни одного, который бы отличал именно кириллическую письменность от греческой” (Медынцева, 2000. С. 243), Альбина Александровна приходит к мнению, что эпиграфические памятники, “если и не дают определенных данных о типе письма, безусловно являются фактическими доказательствами использования письменности греко-кириллического типа на Руси в дохристианское время” (2000. С. 247). Исследовательница считает, что развитие письменности нельзя связывать только с христианскими общинами: “одно лишь христианство не могло быть единственным условием распространения письменности в деловой сфере, особенно если принять во внимание, что официальным языком религии был в это время греческий язык, а сфера торговли и государственного фиска остро нуждалась в письменности на доступном славянскому населению языке” (2000. С. 253). Говоря о распространении письменности на Руси после принятия христианства (конец X – начало XIII в.), исследовательница особо выделяет эпоху Ярослава Мудрого, которую считает переломной в переходе с греческого языка в богослужении на славянский язык и которой датируются “бесспорно славянские кириллические надписи”. В это время происходит “проникновение грамотности в среду привилегированного ремесленного, княжеской дружины, женщин княжеской фамилии” (Медынцева, 2000. С. 263; 1985). Качественно новый этап, по данным эпиграфики, начинается со второй половины XI в., что, кстати, подтверждают помимо летописных известий и новгородские берестяные грамоты. Постепенно к началу XIII в. количество надписей увеличивается, что может свидетельствовать о непрерывном росте грамотности на протяжении XII и особенно конца XII – начала XIII в. Изучение надписей по категориям вещей, на которых они сделаны, и анализ их археологического контекста приводят А.А. Медынцеву к выводу, что “все находки памятников эпиграфики, как правило, связаны с городами, в основном крупными административными, религиозными, культурными и ремесленными центрами. Поэтому наличие памятников эпиграфики является одним из важных археологических показателей поселения городского типа” (Медынцева, 2000. С. 272). Исследовательница показывает роль эпиграфики как непосредственного письменного свиде-

тельства в изучении письма как “культуры повседневности” русского средневековья, его практического применения. Она особо подчеркивает роль эпиграфики в изучении “безрукописного периода” X в., того периода, для которого эпиграфика является единственным аутентичным источником.

Какими бы сюжетами ни занималась А.А. Медынцева в своей научной и педагогической деятельности – ее работы отличает четкая мысль, широкие обобщения, основанные на глубоком и всестороннем анализе материала, строгость и изящество изложения, любовь к источнику (2005а; б). Все три ее монографии являются одновременно и своеобразными каталогами изучаемых ею надписей, что имеет важное практическое значение. Ни одно современное серьезное исследование проблем письменной культуры Древней Руси не обходится без учета результатов, достигнутых А.А. Медынцовой в этой области. Некоторые вопросы, поставленные или затронутые ею, остаются дискуссионными: чтение и интерпретация ряда надписей, непрерывность письменной традиции дохристианского и христианского времени, степень достоверности того или иного письменного свидетельства. Это вполне естественно – подчас слишком невелик и фрагментарен имеющийся материал. Однако под пером исследовательницы каждый, даже самый, казалось бы, незначительный факт получает всесторонний источниковедческий анализ, освещается в широком историко-культурном и социальном контексте, способствуя тем самым пониманию механизмов культурной стратификации общества в Древней Руси.

Работы А.А. Медынцовой ввели вопросы древнерусской эпиграфики, еще недавно традиционно воспринимавшейся как “вспомогательная” дисциплина, в круг фундаментальных проблем истории, культуры и языка русского средневековья. Ею разработаны теоретические основания эпиграфики как междисциплинарной области гуманитарного знания.

Слова, вынесенные в эпиграф к этой статье, были сказаны Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в начале 1970-х годов. Их справедливость полностью подтверждается талантливым многогранным творчеством А.А. Медынцовой.

Хочется пожелать Альбине Александровне – известному ученому, обаятельному человеку, коллеге и другу – доброго здоровья и исполнения всего задуманного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борковский В.И. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте // Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958а.
- Борковский В.И. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте (из раскопок 1955 г.) // Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958б.
- Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966.
- Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.
- Гошев Ив. Старобългарски глаголически и кирилски надписи. София, 1961.
- Жуковская Л.П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.
- Куза А.В., Медынцева А.А. Заметки о берестяных грамотах // НЭ. Т. IX. М., 1974.
- Медынцева А.А. Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // Славяне и Русь: к 60-летию академика Б.А. Рыбакова. М., 1968.
- Медынцева А.А. О “сукладниках” новгородских берестяных грамот // КСИА. 1973. Вып. 135.
- Медынцева А.А. Палеография граффити Новгородского Софийского собора // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974.
- Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М., 1978.

- Медынцева А.А. Тмутараканский камень. М., 1979.
- Медынцева А.А. Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Междунар. съезд славистов. Братислава, сентябрь 1983. М., 1983.
- Медынцева А.А. Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // СА. 1984а. № 4.
- Медынцева А.А. Письма Григория – тиуна боярского // Культура и искусство средневекового города. М., 1984б.
- Медынцева А.А. Грамотность женщин на Руси XI–XIII вв. по данным эпиграфики // “Слово о полку Игореве” и его время. М., 1985.
- Медынцева А.А. Письменность на Руси рубежа IX–X – первой половины XI в. (по данным эпиграфики) // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987.
- Медынцева А.А. Подписные шедевры древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики. XI–XIII вв. М., 1991.
- Медынцева А.А. Письменность и христианство в процессе становления древнерусской государственности // Истоки русской культуры. М., 1997 (МАР; Вып. 3).
- Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII в. М., 2000.

Санкт-Петербургский государственный университет

- Медынцева А.А. Хрестоматия по археологии. Уч. пособие. 2-е изд. М., 2005а.
- Медынцева А.А. Принятие христианства и развитие этнического самосознания Древней Руси (X–XI вв.) // История русской культуры. Уч. пособие / Под ред. А.И. Шендрика и А.В. Костиной. М., 2005б.
- Медынцева А.А., Попконстантинов К. Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1984–1985.
- Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955.
- Попконстантинов К. Равненский монастырь “Св. Богородица” // Кирило-Методиевская энциклопедия. Т. 3. София, 2003.
- Рождественская Т.В. Значение граффити XI–XIV вв. для изучения истории русского языка старшего периода // Вопросы языкознания. 1972. № 3.
- Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964.
- Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородская псалтырь начала XI века – древнейшая книга Руси // Вестн. РГНФ. 2001. № 1.

Т.В. Рождественская

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА БОГУСЛАВА ХРОПОВСКОГО (1926–2009)



5 мая 2009 г. на 83-м году жизни скончался известный словацкий археолог-славист, в течение многих лет возглавлявший Институт археологии Словацкой академии наук в Нитре, долгое время занимавший ответственный пост Генерального Секретаря Международной Унии славянской археологии, академик Богуслав Хроповский.

Профессор Б. Хроповский родился 9 августа 1926 г. В Институт археологии в Нитре он поступил в 1957 г., а в 1970–1990 гг. возглавлял этот крупный научный центр. Археологам-славистам хорошо известны его блестящие исследования

Нитры, его замечательная монография “Славяне. Историческое, политическое, культурное развитие и значение”, опубликованная в Праге в 1988 г. на русском языке.

Профессору Б. Хроповскому было присвоено ученое звание академика Чехословацкой (впоследствии Словацкой) академии наук. Высочайший научный авторитет профессора Б. Хроповского привел к его избранию на период 1988–1991 гг. председателем Международного союза доисторических и протоисторических наук (UISPP).

Следует особо отметить многолетнюю деятельность академика Б. Хроповского в качестве Генерального Секретаря Международной Унии славянской археологии (МУСА). Для тех, кто недостаточно знаком с деятельностью Унии, необходимо пояснение, что должность Президента МУСА была скорее представительской и, кроме того, президенты регулярно переизбирались после очередного конгресса. Реальной работой и обеспечением преемственности деятельности Унии занимался ее бессменный Генеральный Секретарь.

Профессор Б. Хроповский прекрасно понимал значение Унии и проводимых ею конгрессов и всегда деятельно поддерживал предложения, направленные на сохранение и развитие МУСА. Проведение последнего конгресса Унии (Россия, Новгород, 1996 г.) стало во многом возможно благодаря его поддержке. На международном симпозиуме в Варшаве в 1995 г., посвященном тридцатилетию первого конгресса МУСА, профессор Б. Хроповский выступил с программным докладом “Международная Уния славянской археологии как арена научного сотрудничества”.

Светлая память о профессоре Б. Хроповском, крупном исследователе, выдающемся организаторе науки, большом энтузиасте кооперации ученых разных стран в разработке проблем славянской археологии надолго останется в сердцах тех, кому посчастливилось с ним встречаться, и тех, кто обращался и обращается к его научному наследию. Кончина профессора Б. Хроповского – большая утрата не только для словацких археологов, но и для научной общественности многих стран, среди которых одно из первых мест занимает Россия.